

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 12(4) • 2019

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией geopolитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэлслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорд У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malgin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitlovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volly Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 24,3 усл. п.л. Заказ № 1159.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Ситуационный анализ и советское востоковедение

- 7 Барановский В.Г., Кобринская И.Я., Уткин С.В., Фрумкин Б.Е. – Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования в условиях трансформации миропорядка
- 24 Звягельская И.Д. – Советские учёные о Ближнем Востоке: опередившие время

Арабский мир

- 38 Наумкин В.В., Кузнецов В.А. – Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической жизни
- 54 Самарская Л.М. – Арабский национализм в Палестине в начале XX в.
- 72 Ибрагимов И.Э. – Роль военно-политической элиты Египта в борьбе за национальную независимость в период после Второй мировой войны (1945–1952)
- 89 Сарабьев А.В. – Ливан: обыкновенная «консоглашательная демократия» в региональном контексте

Турция

- 113 Аватков В.А. – Идейно-ценственный фактор во внешней политике Турции
- 130 Свистунова И.А. – Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса
- 145 Давыдов А.А. – Системный кризис американо-турецких отношений при Д. Трампе

Израиль

- 161 Эпштейн А.Д. – Проигранный гамбит: третья война между Израилем и Египтом, её причины и уроки
- 180 Карасова Т.А. – Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009–2019 г)
- 201 Марьясис Д.А. – Израиль и миграция высококвалифицированной рабочей силы: «утечка мозгов» и возможности пополнения рынка качественным человеческим капиталом

Иран

- 216 Mirmohammad Sadeghi S.M., Hajimineh R. – The role of Iran's soft power in confronting iranophobia

РЕЦЕНЗИИ

- 239 Орлов В.В. – Ислам перед вызовами современности: мировая политика, государственный строй, общественная мысль
- 250 Крылов А.В., Федорченко А.В. – Работа об истинной природе прав человека и гражданина
- 259 Стёпкин Е.А. – Этапы институционализации ближневосточного противостояния
- 266 Subochev V.V. – The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World

Table of Contents • 12(4) • 2019

RESEARCH ARTICLES

Situation Analysis and the Middle Eastern Studies in the Soviet Union

- 7 Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V., Frumkin B.E. – The Method of Situation Analysis of International Relations as a Forecasting Tool Under Conditions of Transforming World Order
24 Zvyagelskaya I.D. – Soviet Scholars on the Middle East: ahead of their time

Arab World

- 38 Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. - Deja vu: Medieval Motifs in Modern Arab Political Life
54 Samarskaia L.M. – Arab Nationalism in Palestine in the Beginning of the 20th Century
72 Ibragimov I.E. – The Role of the Military-Political Elite of Egypt in the Struggle for National Independence in the Post-World War II Period (1945-1952)
89 Sarabiev A.V. - Lebanon: An Ordinary "Consociational Democracy" in the Regional Context

Turkey

- 113 Avatkov V.A. – Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy
130 Svistunova I.A. – Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of the Regional Balance
145 Davydov A.A. - Systemic Crisis in the US-Turkish Relations Under the Presidency of D. Trump

Israel

- 161 Epstein A.D. – The Lost Gambit: the Third War between Israel and Egypt: its Causes and Lessons
180 Karasova T.A. – New Trends in Israel regional Policy (2009-2019)
201 Maryasis D.A. – Israel and Migration of High Skilled Workforce: Brain Drain and the Possibility of Replenishing the Market with High-Quality Human Capital

Iran

- 216 Mirmohammad Sadeghi S.M., Hajimineh R. – The Role of Iran's Soft Power in Confronting Iranophobia

BOOK REVIEWS

- 239 Orlov V.V. – Islam in Front of the Challenges of Modernity: World Politics, State System, Public Opinion
250 Krylov A.V., Fedorchenco A.V. – Human Rights in Judaism and the Jewish Legal Tradition
259 Stepkin E.A. – Stages of Institutionalization of the Middle East Confrontation
266 Subochev V. V. – The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World

Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования в условиях трансформации миропорядка

В.Г. Барановский, И.Я. Кобринская, С.В. Уткин, Б.Е. Фрумкин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

В статье рассматриваются специфика и варианты применения метода ситуационного анализа с учётом опыта, накопленного в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Рассмотрены различные трактовки термина «ситуационный анализ», показаны истоки подхода, закрепившегося в советской, а затем российской практике. Академик Е.М. Примаков в годы своей работы в системе Академии наук СССР способствовал распространению ситуационного анализа, укоренению его как одного из классических методов. Ключевым для Е.М. Примакова было понимание комплексного характера любой политической ситуации, в том числе в международной среде, что требовало анализа с привлечением специалистов из различных областей научного знания. Перед организаторами сitanализа Е.М. Примаков ставил задачу максимально чётко ориентировать привлечённых экспертов на решение вопросов, имеющих практическое значение, а затем изложить результаты сitanализа в сжатой, понятной форме, удобной для использования в процессе принятия решений. Показана востребованность этого методологического подхода в современных условиях, когда в процесс принятия решений включаются различные источники аналитической информации. Фундаментальные знания и заключения, формулируемые в академической среде, способны играть в этом отношении ключевую роль, если их удаётся адаптировать по форме, языку и структуре к специфике восприятия, характерной для систем принятия решений. Функцию такого «адаптера» выполняет рассматриваемый метод. Помимо общих принципов ситуационного анализа разобраны два конкретных примера его использования. Первый пример – феномен крайне правых политических движений в Европейском союзе, где сitanализ позволил дать взвешенную оценку происходящим по соседству с Россией процессам. Второй – введение российских торговых ограничительных мер в ответ на санкции стран Запада в отношении России, применённые в контексте украинского кризиса. Сitanализ позволил здесь показать противоречивые эффекты принятых решений с точки зрения интересов развития российской экономики. Эти примеры являются небольшими, но важными фрагментами глобальных изменений в характере как внутренней жизни суверенных государств, так и в отношениях между ними. Постбиполярный мир, очевидно, проходит через трансформацию, которую многие оценивают в

УДК: 327

Поступила в редакцию: 06.07.2019 г.

Принята к публикации: 08.08.2019 г.

близких Е.М. Примакову терминах многополярного или поликентричного мира. Конфигурация будущей поликентричности не определена заранее и будет зависеть от успешности ведущих глобальных игроков в политике и экономике. Ситуационный анализ, по определению имеющий прикладной характер, потенциально может способствовать обеспечению этой успешности, если его результаты учитываются в процессе принятия решений.

Ключевые слова: ситуационный анализ, миропорядок, международные исследования, методология, аналитика, санкции, принятие решений

Введение

В статье раскрывается понимание ситуационного анализа, как метода, закреплённого в отечественной практике академиком Е.М. Примаковым, и возможности его применения в условиях современного мира. Предпринята попытка показать, как специфика метода позволяет справляться с проблемами, возникающими в процессе коллективной аналитической работы.

Термин «ситуационный анализ» имеет достаточно широкое хождение, но в разных профессиональных и дискурсивных средах его понимают и применяют несколько по-разному, приспосабливая под свои нужды. Нередко термин используется как вариант русского перевода *«case studies»* (Сурмин, Сидоренко 2002), хотя последние предполагают оценку прошлого опыта и извлечение из него уроков, а ситуационный анализ ориентирован в будущее, причём, в первую очередь, ближайшее – тот временной горизонт, воздействие на который оказывают принимаемые сегодня решения. Именно такая интерпретация метода рассматривается в настоящей статье. В контексте этой интерпретации ситуационный анализ иногда приравнивают к *SWOT-анализу*¹. Представляется, что такое определение оказывается слишком узким – скорее метод *SWOT* является одним из инструментов, к которым при необходимости можно прибегнуть в ходе ситуационного анализа. Ситуационные анализы (*situation analysis/ situational analysis*, ситанализ, ситан) широко распространены в бизнес-среде, как один из инструментов стратегического менеджмента (Vrontis, Thrassou 2006).

В социологических исследованиях, в первую очередь, в Соединённых Штатах, о ситуационном анализе с подачи Адель Кларк, профессора Калифорнийского университета, говорят как о развитии т.н. «обоснованной теории» (*grounded theory*), позволившей качественным научным методам вписаться в среду, где доминировали количественные. Кларк предлагает учитывать и картировать ситуацию, в которой осуществляется социологическое исследование

¹ *SWOT = Strengths, Weaknesses, Opportunities, Threats* (сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы) – метод анализа, предполагающий концентрацию на этих четырёх проблемных полях в рамках рассматриваемой ситуации.

(Clarke 2005). С методикой, находящейся в центре внимания настоящей статьи, этот подход объединяет понимание многосоставного характера любой ситуации, но в остальном он направлен на решение иных задач.

Вообще к вопросу о понимании термина «ситуация» социологи обращались нередко, что создало пространство для интерпретации, на которое обращает внимание А. Кларк (Clarke 2005: 35). Одной из наиболее заметных классических попыток стал анализ выдающегося американского социолога Толкотта Парсонса, выделившего четыре элемента социального действия – собственно актора; цель; ситуацию; нормативную ориентацию в выборе актором средств (Parsons 1966: 44-45). Применительно к международным отношениям современный вариант теоретического осмысливания действия актора в ситуативном контексте можно найти у ведущего французского международника Тьерри де Монбрияля (де Монбриаль 2005).

Однако ситуационный анализ, о котором мы говорим в российской практике – это прежде всего прикладной подход, неразрывно связанный с задачами принятия решений. В этом отношении его истоки можно найти не столько в академической социологии и иных общетеоретических разработках, сколько в практике американских мозговых центров, в свою очередь отчасти опиравшихся на метод мозговых штурмов, набиравших популярность с конца 1930-х гг. с подачи американского бизнесмена Алекса Осборна, заинтересовавшегося потенциалом группового решения задач (Osborn 2008). Заметный вклад в развитие прикладных подходов, в частности, внесла корпорация РЭНД, один из наиболее известных американских мозговых центров. По меньшей мере с конца 1950-х гг. в РЭНД ставили вопрос о необходимости найти эффективные подходы к экспертизной работе в условиях, когда политические исследования по определению не могут претендовать на строгость доказательств, присущую точным наукам (Helmer, Rescher 1960). Критическое рассмотрение недостатков различных подходов привлекло особенное внимание специалистов РЭНД к методу экспертных опросов «дельфи» (Dalkey, Helmer 1962). Как и в других случаях, где речь идёт об американской научной среде, здесь можно заметить ярко выраженное стремление обеспечить возможность квантификации, строгого подсчёта и учёта результатов экспертной работы. С момента появления в системе Академии наук СССР институтов, фокусировавшихся на международных исследованиях, они проявляли заметное внимание к деятельности аналогичных американских организаций (Кобринская 1986). При этом советские специалисты работали в значительно отличавшихся условиях, где в стремлении к объективности бороться приходилось не столько с разрывом между точными и общественными науками, сколько с неумеренной идеологизацией, которой были в обязательном порядке отмечены все публикуемые по социально-политическим и экономическим темам работы. Отсюда и специфика выработанных отечественными специалистами приёмов.

Описание методики ситуационного анализа, которое можно признать классическим — опубликованная в 2006 г. работа Е.М. Примакова и М.А. Хруста-

лёва (Примаков, Хрусталёв 2006). Ещё более краткое описание метода публиковалось в ИМЭМО в 1985 г. (Метод ситуационного анализа 1985). Его задачи определялись академиком Е.М. Примаковым следующим образом: «Метод ситуационного анализа ...предназначен для исследования и прогнозирования отдельных конкретных международно-политических ситуаций. Потребность в такого типа аналитической работе сегодня очень велика. Необходимо, чтобы ситанализ влиял на выработку внешнеполитических решений. ...Но даже если реальное развитие событий не соответствует выводам ситанализа, его проведение, а затем и ознакомление с его результатами тех, кто принимает решения, способствует лучшему пониманию ситуации. Его не заменят в этом случае ни аналитические записки, ни информационные доклады» (Примаков, Хрусталёв 2006: 6).

Эти слова были написаны уже с учётом опыта Примакова как главы Службы внешней разведки, руководителя Министерства иностранных дел и, наконец, председателя Правительства РФ. Убеждённый в эффективности методики, которую он впервые опробовал в 1961 г. в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, полвека спустя академик Примаков создал в Российской академии наук Центр ситуационного анализа, стал его научным руководителем², фактически возродил жанр ситуационных анализов, за разработку которого он с соратниками по ИМЭМО был удостоен государственной премии СССР в 1980 г. (Черкасов 2004: 429).

Главное в ситуационном анализе в интерпретации Е.М. Примакова — подход к «международно-политическим ситуациям как целостным динамическим подсистемам в системе международных отношений» (Примаков, Хрусталёв 2006: 6). Методика была успешно адаптирована к реалиям XXI в., когда усложняются и становятся более разнообразными условия принятия решений, в том числе и по вопросам, имеющим международно-политическое измерение.

Принципы ситанализа

В современных условиях особую актуальность приобретают некоторые важные принципы ситанализа.

Чтобы получить выводы, действительно полезные для принимающих решения, участники ситанализа должны обладать безусловно высоким экспертным уровнем.

Революция в информационно-коммуникационной сфере приводит к парадоксальным результатам. Расширяются масштаб и спектр оценок и рекомендаций – далеко не всегда адекватных и профессионально обоснованных. Количество тех, кто «имеет мнение», увеличивается, но среди них всё больше

² В 2016 г. Центр ситуационного анализа вошёл в состав Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН в качестве отдельного структурного подразделения.

псевдоспециалистов и полузнаек. А качество анализа при этом снижается. Что находит своё проявление и в средствах массовой информации, и на уровне общественного мнения в целом, и при дискуссиях в кругу тех, кто так или иначе участвует в формировании официального курса.

К этому добавляется и проблема сознательной корректировки формирующегося по той или иной теме дискурса. Целью может быть политическое манипулирование, нацеленное на социум в целом или на отдельные его сегменты. Феномен сам по себе не новый – но обретающий повышенную значимость с учётом как новых технологических возможностей, так и вызывающих всё большую озабоченность эксцессов популизма и восприимчивости к ним общества.

Один из очевидных методов минимизации таких угроз состоит в том, чтобы культивировать профессионализм экспертного сообщества и его востребованность в процессе разработки политических решений. При подготовке и проведении ситуационных анализов, сфокусированных на современных международных проблемах, это имеет ключевое значение.

В академической среде небыстро, но проще, чем где-либо, можно выявить действительную глубину знаний эксперта. Остаётся обеспечить коммуникацию между зарекомендовавшим себя экспертом и политической практикой. Сам эксперт чаще не считает своей задачей деятельно искать такого применения своим знаниям. Но когда использование метода ситанализа открывает эти возможности, большинство экспертов, как показывает практика, охотно вносят свой вклад, рассчитывая повысить полезность своей работы.

Ситанализ мультидисциплинарен. Наиболее полное раскрытие проблемы и выработка рекомендаций требуют учёта всего комплекса влияющих на неё факторов и привлечения к обсуждению экспертов из разных областей.

Необходимость в многостороннем, разноплановом рассмотрении любой сколько-нибудь сложной проблемной ситуации была и раньше. Ситанализ как форма мозгового штурма создаёт для этого самые благоприятные условия. Он позволяет в заранее подготовленном сценарии предусмотреть вовлечение специалистов из, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга сфер – по военному делу и финансам, международному праву и религии, правам человека, этническим вопросам, и т.д.

Востребованность такого подхода на подъёме. Сегодня практически в любом международном конфликте обнаруживаются сплавленными воедино факторы самого разного порядка: правовые и geopolитические, экономические и политические, ресурсные и технико-технологические, исторические и этноконфессиональные. «Перелив» взрывоопасного потенциала из одной сферы в другую происходит легче и быстрее, обусловливая высокую динамику и остроту проблемных ситуаций.

Некоторые темы, касающиеся реальных или потенциальных источников осложнений на международной арене – вплоть до кризисного уровня, – просто не могут быть осмыслены вне рамок мультидисциплинарного анализа. Вне

таких рамок велик риск их упрощённой, даже примитивной интерпретации. В результате вместо аналитического концепта может возникнуть пропагандистское клише – как это произошло с термином «цветная революция».

Здесь уместно вспомнить волну «арабской весны» 2010–11 гг., которая прокатилась по огромному территориальному ареалу и затронула некоторые крайне важные параметры современной международно-политической системы. Оценки этого феномена были разными, но сегодня мало кто из серьёзных исследователей рассматривает его через призму одномерной каузальной логики (тем более в категориях конспирологии).

Обозначим ещё одну, более широкого плана проблему – всплески то в одном, то в другом регионе социально-политической активности, в том числе в рамках поиска идентичности по этническим, культурно-историческим, конфессиональным, государственно-странным и иным маркерам. В этих случаях открытая или даже неосознанная ангажированность наблюдателей может стать серьёзным препятствием для адекватной оценки ситуации, особенно когда таковая требуется быстро и запрашивается как основа для политического решения. Акцент в рамках ситанализа на многостороннее «сканирование» проблемы снижает такого рода риски.

Ситуационный анализ позволяет заострить внимание на ключевых аспектах поставленной проблемы в условиях, когда о ней нет чётких, однозначных представлений и когда взгляды экспертов варьируются в достаточно широких пределах.

Такая возможность актуальна применительно к тому, как рассматривается общее состояние международной системы и оцениваются развивающиеся в ней тренды. Миропорядок претерпевает существенные изменения. Зачастую суждения на этот счёт имеют драматические коннотации («угроза хаоса», «наступательный национализм», «игра без правил» и т.п.). Такой алармизм, рассуждения о снижающейся управляемости международных отношений стали уже тривиальными, тогда как здесь важно соблюдать сбалансированность и взвешенность в оценках. Бывает, впрочем, перекос в другую сторону – призывы полностью пересмотреть существующий миропорядок и выстроить на его месте такой, который будет в гораздо большей степени учитывать интересы того или иного актора.

Ситанализ не устраняет риск таких крайностей, но всё-таки нацеливает на то, чтобы избегать их в итоговых рекомендациях. Даже квалифицированным экспертам свойственна тенденциозность, но в группе участников ситанализа они уравновешивают друг друга. В российской практике экспертное равновесие обычно обнаруживается в поле следующих наиболее общих заключений:

- есть насущная необходимость в стабилизации некогда созданных элементов международной системы, аккуратной терпеливой работе над преодолением их несовершенств;
- Россия объективно заинтересована в этом не меньше других;

- было бы самонадеянным и безответственным полагать, что коль скоро существующий миропорядок организован не в полном согласии с нашими интересами и устремлениями, то мы выиграем, ликвидировав его «до основания».

Важно и другое: ситанализ позволяет взвешенно и осторожно – можно сказать, «наощупь» — прокладывать и интеллектуально тестировать альтернативные схемы организации международной системы применительно к тем конкретным ситуациям, которые являются предметом обсуждения. Будь то «концерт наций», или «новая bipolarность» (в разных вариантах), или совокупность новых размежеваний в каких-то иных конфигурациях.

Мало кто из аналитиков будет оспаривать тезис о том, что общий вектор международного развития формируется в направлении многополярности.

Это означает неизбежное постепенное расширение круга участников международной жизни, способных оказать на неё влияние – в том числе и за счёт тех, кто ещё недавно находился далеко на её периферии. Некоторые из них обретают вкус к самостоятельному позиционированию на международной арене. Долгое время их патронировали ведущие мировые державы. Сегодня же у них возникает возможность продвигать свою повестку дня. А иногда и претендовать – в региональных масштабах – на лидерство или даже гегемонию.

Результат такого развития событий оказывается двойственным. С одной стороны, возникают своего рода «точки роста» в международной системе, с потенциалом превращения в источник новой региональной динамики. С другой – система приобретает более фрагментированный характер, может оказаться под напряжением конкурирующих между собой трендов. Примером может служить новая запутанная конstellация в центральном ареале ближневосточного региона – с калейдоскопическими зигзагами в расстановке сил внутри него (Иран, Саудовская Аравия, Турция), а также многоплановыми и нередко конфликтующими между собой задачами, которые ставят перед собой и пытаются решать внешние акторы (Россия, США и возглавляемая ими коалиция, в перспективе – Китай).

Здесь также очевидна востребованность ситуационного анализа с его возможностями многофакторного подхода — имея в виду необходимость учитывать позицию, интересы, варианты поведения старых и новых акторов, действующих в значимых для нас сегментах международной системы.

Для получения значимых аналитических результатов необходимо даже при сфокусированности на конкретной международно-политической ситуации выходить на более широкий круг обобщений. Мозговой штурм должен осветить такие ракурсы проблемы, которые затрагивают важные зависимости, выходящие за её непосредственные рамки, или могут привести к такому результату в обозримом будущем. В сценарии ситанализа этим аспектам должно уделяться серьёзное внимание.

Так, при анализе евразийских проблем важное значение имеет отношение к ним тех стран региона, которые они непосредственно затрагивают. Но есть и

другие факторы, значимость которых для внутрирегиональной динамики существенна — идёт ли речь о Центральной Азии, Беларуси, Арктике, Иране и т.д. Здесь по любому остроактуальному вопросу необходимо принимать во внимание позицию США, всё чаще — Китая, нередко — ЕС. Недоучёт позиции стейкхолдеров, даже второго плана, может привести к искажению реальной картины, неадекватным результатам анализа, однобоким выводам и, как следствие, некорректным рекомендациям.

Дело не ограничивается эффектом «горизонтального» влияния проблемной ситуации, а также её восприятия крупными международными акторами и их реакции. Необходимо также учитывать возможные результирующие «по вертикали», от локального до глобального уровней, вплоть до возможной реакции международных организаций, включая ООН.

Ускорение происходящих в международно-политической системе процессов идёт параллельно с относительно новым феноменом — значительно более быстрой, чем раньше, реакцией на кризисные и проблемные ситуации. Это не только благо, но и вызов, поскольку формирует среду, благоприятную для изменений статус-кво.

Гипотетически таковые могут происходить в направлении конструктивного обновления — но могут вести и к расшатыванию тех или иных сегментов сложившегося миропорядка, нередко без внятного целеполагания или предвидения последствий даже на коротком горизонте одного-трёх лет. Часто в задачи ситанализа входит представление рекомендаций по купированию турбулентности либо минимизации издержек.

Ситанализу, как антиподу пропагандистских упражнений, противопоказаны конформизм и ангажированность. Внутренняя открытость, даже острая дискуссии обеспечивается — и это ещё один «принцип Примакова» — её закрытым (от внешней среды) характером, анонимностью и неаффилированностью высказываний и мнений в итоговом документе ситанализа.

Интересно сравнить указанный принцип с *Chatham House rule* — хорошо известным в международной экспертной среде правилом проведения дискуссий. Общее — в их неперсонализированном характере, что в принципе ориентирует участников на более свободное изложение своих взглядов. Но ситуационные анализы (по крайней мере в их изначальном предназначении) были нацелены исключительно на подготовку государственных решений и не предусматривали возможности открытого цитирования.

В ситуационном анализе для академика Примакова важнейшее значение имело сочетание двух понятий: аналитики и внешнеполитических (государственных) интересов. Аналитика должна быть нацелена на реализацию государственного интереса. Государственный интерес должен основываться на аналитике.

Отвечая на вопрос о том, как они могут сочетаться между собой и каким должен быть выбор в случае возникновения между ними тех или иных колли-

зий, следует учитывать специфику внешнеполитического интереса: «Поскольку внешняя политика является прерогативой государства, то и внешнеполитический интерес – это интерес государственный. Вместе с тем на его формулирование оказывают зачастую немалое, а то и решающее влияние другие политические и экономические силы, которые ведут постоянную борьбу за придание их интересам статуса государственных. В случае успеха происходит своего рода подмена государственного интереса частным (партийным, корпоративным и т.п.). Как следствие – появляется внешнеполитическая псевдопроблема» (Примаков, Хрусталёв 2006: 19).

К этому суждению стоит добавить два замечания.

Во-первых, всё большее число проблем и обстоятельств приобретают характер внешне-внутриполитических (*intermestic*, т.е. *international+domestic*) (Manning 1977). Инициированные академиком Примаковым ситанализы были посвящены как международным вопросам, так и остроактуальными внутрироссийским проблемам, имеющим весомое внешнее измерение – например, миграционной политике России.

Во-вторых, ситанализы были задуманы как инструмент эффективного анализа проблемных ситуаций под углом зрения национальных внешнеполитических интересов. Сегодня такой подход востребован и даже может показаться единственным возможным – коль скоро речь идёт об анализе, адресованном государственным инстанциям, и рекомендациях для проводимой ими политики.

Однако здесь важно, чтобы международное сообщество в целом смогло избежать крена в сторону представлений и политических императивов, исходящих из абсолютного превалирования национальных (страновых) интересов, когда на задний план отодвигаются любые мотивы, которые выходят за рамки национально-государственного прагматизма и соотносятся с проблемами социума в широком смысле слова (экология, климат) или носят солидаристский характер (помощь отсталым странам, миграция, беженцы). Здесь проявляются противоречия между идеалистическим подходом к международным отношениям и *Realpolitik*. Но методика ситанализа не предопределяет выбор в пользу лишь одной из этих двух опций. Наоборот – поиск экспертного равновесия предполагает стремление к оптимальному сочетанию элементов разных подходов.

Отталкиваясь от экспертного знания настоящего, ситанализ ориентирован в будущее.

Ключевой и наиболее деликатной частью, завершающей обработку результатов ситанализа, является подготовка рекомендаций. Как непосредственно в ходе обмена мнениями в дискуссии, так и с использованием иных методов – прежде всего, анкетирования и СВОТ-анализа, эксперты дают свои оценки на перспективу, с учётом различных временных горизонтов, характер которых зависит от рассматриваемой темы. Как и в других отношениях, ситанализ позволяет здесь отсечь крайности, но для выработки адекватных прогнозных предположений и определения возможных решений, позволяющих справить-

ся с рассматриваемыми вызовами, этого может быть недостаточно. Многое зависит от квалификации организаторов ситанализа, которая должна позволить им учесть уровень экспертной уверенности и сомнений в отдельных тезисах, общий политический и экономический контекст, не упускать из вида изначально поставленные вопросы, ответы на которые имеют значение для принятия решений.

Применение указанных выше принципов можно рассмотреть на примере конкретных разнородных проблем, становившихся предметом рассмотрения с применением метода ситанализа в ИМЭМО в 2017 – 2018 гг.

Европейский кейс

Поводом для использования метода ситанализа стала поляризация публичной дискуссии в России и за рубежом относительно значения и перспектив крайне правых политических сил в странах Европейского союза. Различные политические соображения и интерес к привлечению максимально широкой аудитории стимулировали резкость оценок. Требовался взвешенный подход, позволяющий оценить реальные пропорции наблюдаемых явлений. Для выполнения задач ситанализа был привлечён круг ведущих экспертов-европеистов, как с общей, так и со страновой специализацией.

С учётом общественного внимания к теме по результатам ситанализа помимо традиционного для этого метода краткого итогового документа, не предполагающего публичности, был подготовлен и опубликован расширенный сборник материалов, позволяющий составить представление о полученных от экспертов оценках (Реструктуризация политического ландшафта европейских... 2017).

Ситанализ позволил сделать вывод о долгосрочном характере тренда на усиление популярности праворадикалов. Этому способствуют изменения в обществе входящих в ЕС развитых стран, неспособность части населения адаптироваться к быстрым изменениям, связанным с глобализацией и технологическим развитием. Также была выявлена взаимосвязь с общим характером организации международной системы – ввиду недостаточной эффективности многосторонних институтов, даже наиболее успешных, часть избирателей обращаются к национальному уровню принятия решений, рассчитывая через его усиление решить существующие проблемы, сколь бы утопичным этот рецепт не представлялся бы специалистам.

Усиление крайне правых партий следует рассматривать в контексте развития ЕС в целом, в том числе на уровне коммунитарных институтов. Следует отметить, что оценка роли Евросоюза является одним из постоянных элементов ситанализов по самым различным темам, что объясняется как экономическим весом, так и глобальными амбициями этого интеграционного объединения. При этом всегда обращается внимание на многоуровневый характер ЕС,

который не сводится исключительно к коммунитарным органам или межправительственному принятию решений или же к совокупности стран членов, но требует учёта всех этих и целого ряда других уровней анализа (Европейская интеграция 2010).

Для ЕС праворадикальные движения могли бы теоретически стать вызовом, который мобилизует Евросоюз на большее сплочение стран-членов и стимулирует повышение динамики и ответственности партий традиционного политического центра. Однако рассмотрение в ходе ситанализа страновых различий показало, насколько непросто будет добиться подобного позитивного для ЕС эффекта, который, соответственно, скорее представляется маловероятным. Напротив, можно ожидать некоторого торможения интеграционного процесса в результате разногласий, при том что уверенное большинство населения и политических элит почти всех стран Евросоюза не склонно отказываться от ЕС ни сегодня, ни в обозримом будущем. Иными словами, ситанализ позволил отсеять крайние суждения – неверно видеть в праворадикальных силах лишь незначительную неприятность, не оказывающую серьёзного воздействия, но и представлять их причиной или же симптомом смертельного заболевания Евросоюза также не следует.

При том, что тенденции внутриполитической жизни в отдельных странах-членах ЕС вполне могут быть разнонаправленными, сочетание анализа стран и ЕС в целом позволили показать и общность некоторых проблем для разных частей Евросоюза. Так, к числу существенных была отнесена проблема политической апатии умеренного избирателя. К такому же выводу, по-видимому, пришли стратеги центристских партий стран ЕС, направивших в ходе выборов в Европарламент 2019 г. значительные усилия на увеличение явки избирателей, которая впервые за многие годы существенно возросла. Это не означает преодоления сложной проблемы, но подтверждает правильность выявленного в ходе ситанализа проблемного поля.

Нередко при анализе ЕС прибегают к делению на довольно крупные субрегионы и «слабым звеном» Евросоюза представляют страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). В ходе ситанализа было показано, что страны ЦВЕ, во-первых, далеко не во всем сходятся в тенденциях внутриполитической жизни и в своих отношениях с органами ЕС, и во-вторых, не являются исключением из приведенной выше оценки, констатирующей отсутствие у граждан и политических элит ЕС реальных или формирующихся намерений поставить крест на европейском интеграционном проекте.

Санкционный кейс

С использованием метода ситанализа оценивались последствия российских продовольственных ответных мер («контрсанкций») на секторальные санкции Запада, прежде всего, ЕС и США. К участию привлекались эксперты по внешней

торговле, аграрным вопросам, структурному отраслевому и территориальному развитию России и интеграции в рамках ЕАЭС. Также применялись социологические данные.

По итогам ситанализа было показано, что российское продовольственное эмбарго фактически было призвано решить две задачи. Тактическую – «ответить» на введение антироссийских санкций. Стратегическую – использовать контрсанкции как стимул для выполнения целей Доктрины продовольственной безопасности России (2010 г.)³. Эмбарго не имеет аналогов в современной истории России по охвату стран и товаров. С августа 2014 г. оно затронуло 32 страны (ЕС28, США, Канаду, Австралию, Норвегию), с августа 2015 г. – уже 36 стран (включены присоединившиеся к антироссийским санкциям Исландия, Албания, Черногория и Лихтенштейн), с января 2016 г. – 37 стран (по той же причине включена Украина). Под эмбарго попали практически все основные агропродовольственные товары, формировавшие к началу 2014 г. более 43% стоимости российского агропродовольственного импорта (Фрумкин 2016: 163). За истекшие пять лет список «подсанкционных» товаров изменился незначительно. Правительство РФ отклонило ряд предложений ведомств и отраслевых организаций АПК по его расширению. Однако нет и признаков прекращения эмбарго, т.к. оно автоматически продлевается в ответ на сохранение антироссийских санкций.

Применение ситанализа позволило оценить как прогнозировавшиеся, так и недостаточно учтенные эффекты эмбарго. Выполнение тактической задачи в целом дало ожидаемый эффект, особенно в отношении ЕС – основного экспортёра продовольствия в РФ. В политическом плане последствия были неоднозначны. С одной стороны, влиятельное аграрное лобби в ЕС постоянно выступает за отмену антироссийских санкций. С другой – ослабло доверие к России как надежному торговому партнёру. Одновременно, страны-члены ЕАЭС, получив часть освободившегося рынка России, экономически выиграли (особенно, Беларусь, превратившаяся в главного поставщика молокопродукции, важного – говядины и сахара), но политически не поддержали Россию. Более того, некоторые их компании фактически способствовали обходу контрсанкций РФ.

Сложнее оказалось выполнение стратегической задачи. С одной стороны, эмбарго создало дополнительный целевой стимул для прежнего «полустихийного» развития импортозамещения в российской агропродовольственной сфере. Это позволило существенно ослабить зависимость России от агропродовольственного импорта, повысить сбалансированность импортно-экспортных связей, усилить их продуктовую и географическую диверсификацию, реально повысить уровень национальной продовольственной безопасности. Среднегодовой агропродовольственный экспорт РФ возрос почти в 2,5 раза, а покрытие им импорта –

³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. – *Kremlin.ru* 1.02.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6752> (дата обращения 04.08.2019)

в 2,7 раза, превысив 75%. Доля АПК в «неминеральном» российском экспорте выросла до 15%, улучшив сбалансированность внешней торговли РФ⁴.

С другой стороны, в организационно-структурном аспекте эмбарго способствовало дальнейшей «агрохолдингизации» – концентрации производственно-финансовых ресурсов АПК (в т.ч. земли) у ограниченного числа крупных вертикально-интегрированных компаний и вытеснению из производства среднего и малого бизнеса и хозяйств населения. Это создаёт риски монополизации производства и сбыта, нерационального использования природного, технического и трудового потенциала села, ослабления ориентации производства на локальные и национальный рынки, обострения экологических и социально-демографических проблем в аграрных регионах.

В основном негативен потребительско-социальный эффект эмбарго. Правда, инфляционный аспект эмбарго, как и предполагалось, исчерпал себя уже к концу 2015 г. Однако, по ряду видов продовольствия инфляционные тренды сохраняются. На фоне сокращения реальных располагаемых денежных доходов населения это заметно снизило покупательную способность. Доля трат на продукты питания в расходах домохозяйств в среднем составляет 30%, а у домохозяйств с наименьшими доходами – около 50%.

Решать эти проблемы следует, исходя из оптимизации сочетания национальных, региональных, отраслевых и общесоциальных интересов. Методы ситанализма позволяют оценить риски и возможности путей и результатов такой оптимизации, в том числе во избежание подмены национального интереса конъюнктурными интересами агропродовольственного лобби.

Выводы

Приведённые примеры показывают, как в относительно локальных сюжетах отражается сложность принятия решений, связанных, в конечном счёте, с многосоставным и труднопредсказуемым характером глобальных трансформаций. Общим местом в рассуждениях о миропорядке сегодня стал тезис о переходе к многополярному или поликентричному миру, на который не раз указывал академик Е.М. Примаков. Эксперты фиксируют жёсткую международную конкуренцию, в которой резкость оценок и чёрно-белое видение мира часто оказываются симптомом слабости международного актора, его неготовности к неизбежно меняющейся среде. В этих условиях особенно важно, чтобы точность оценок, по меньшей мере тех, которые не предполагают публичности, не приносилась в жертву идеологическому противоборству, зачастую доминирующему в средствах массовой информации.

Метод ситуационного анализа, удачно сочетающий простоту и гибкость, и позволяющий обеспечить высокое качество итогового продукта, остаётся од-

⁴ Рассчитано по данным ФТС РФ.

ним из наиболее популярных инструментов аналитического сопровождения принятия решений в различных областях. Не только российская школа международников, но и специалисты в других сферах, могут применять и творчески развивать рекомендации по проведению ситанализов, разработанные под руководством академика Е.М. Примакова. Ситанализы стали своего рода брэндом национального исследовательского института ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Использование метода предполагает, что на органы принятия решений ориентирована форма закрытых итоговых документов – их объём, язык, структура должны облегчать ознакомление с материалом в условиях дефицита времени. Но при этом предлагаемые в итоговых документах оценки и выводы не должны «подстраиваться» под предпочтения потребителя информации, сколь высоким ни было бы его положение в государственной системе. Ценность ситанализа в обеспечении возможности коммуникации с глубоко разбирающимися в своих темах экспертами. Принятие решений должно производиться с опорой на максимально полное представление о происходящих в мире процессах. Замена экспертизы её видимостью не просто неверна, но опасна для интересов страны. Распространение и совершенствование практики ситанализов призвано такой подмены не допустить.

Об авторах:

Владимир Георгиевич Барановский – академик РАН, д.и.н., руководитель научного направления ситуационного анализа, член дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: baranovsky@imemo.ru.

Ирина Яковлевна Кобринская – к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: psifoundation@imemo.ru.

Борис Ефимович Фрумкин – к.э.н., руководитель группы анализа текущих экономических проблем ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: boris.frumkin@mail.ru.

Сергей Валентинович Уткин (контактный автор) – к.полит.н., руководитель группы стратегических оценок ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: s.utkin@imemo.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: 06.07.2019.

Accepted: 08.08.2019.

The Method of Situation Analysis of International Relations as A Forecasting Tool Under Conditions of Transforming World Order

V.G. Baranovsky, I.Ya. Kobrinskaya, S.V. Utkin, B.E. Frumkin

DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-7-23

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Abstract: The article discusses the method of situation analysis of international relations, developed in the 1960s in the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations by Academician Evgeniy Primakov. It has incorporated many elements of existing problem-solving methods such as "brain storm", "Delphi", and others. Its key innovation is understanding the international political situations under analysis as integral dynamic subsystems of international system. It proceeds in three stages: first, building a scenario of a situation development; second, getting a large number of expert assessments representing various fields of social sciences; third, producing a final document with critical summary of the assessments. Primakov encouraged organizers of situation analysis to have experts focused on the issues of practical importance, and then prepare the results of the situation analysis in a concise, understandable form to make them useful in the decision-making process. He viewed the method as an effective means of communicating expert knowledge to decision makers. The article reviews the method as it has been practiced in the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. It gives the intellectual roots of its development, which include "grounded theory" by Barney Glaser and Anselm Strauss; systems theory by Talcott Parsons and a variant of its application to international relations by Thierry de Montbrial. The more direct roots of the method are various problem-solving techniques practiced in world's leading international relations think-tanks such as RAND Corporation. The article also overviews the major principles of situation analysis: 1) participants must have high level of expertise; 2) situational analysis is multidisciplinary; 3) situational analysis allows focusing on key aspects of a problem when there is no clear, unambiguous understanding of it and when the views of experts vary widely; 4) to obtain significant analytical results, it is necessary to move above the situation under analysis in search of wider generalizations; 5) situational analysis is opposite to propaganda, it must be averted to conformism and partisanship; 6) situation analysis should be aimed at realizing national interests; 7) situation analysis is directed towards future. In addition to the general principles of situation analysis, the article gives two specific examples of its application. The first example is the phenomenon of the extreme-right political movements in the European Union. In this case the situation analysis gives a balanced assessment of what is happening in Russia's neighbourhood. The second is Russia's adoption of trade restrictive measures in response to the "sanctions" from Western countries because of the Ukrainian crisis. The situation analysis shows contradictory effects of the sanctions for the Russian economic development. These cases are small but important illustrations of global changes in both the internal life of sovereign states and the relations between them. The post-bipolar world obviously goes through a transformation, which many assess in terms of a multipolar

or polycentric world order. The configuration of future polycentricity is not defined in advance and will depend on decisions of leading global players. Situation analysis can contribute to understanding and forecasting them.

Key words: situation analysis, world order, international studies, methodology, analytics, sanctions, decision-making

About the authors:

Vladimir Georgievich Baranovsky – academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. of science (History), Scientific Chair for Situation Analysis, member of the director board, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (RAS). Russia, 117997 Moscow, Profsoyuznaya st., 23.
E-mail: baranovsky@imemo.ru.

Irina Yakovlevna Kobrinskaya – Candidate of science (History), Head of the Centre for Situation Analysis, IMEMO RAS. Russia, 117997 Moscow, Profsoyuznaya st., 23.
E-mail: psifoundation@imemo.ru.

Boris Efimovich Frumkin – Candidate of science (Economics), Head of section for the analysis of current economic issues. IMEMO RAS, Leading researcher, Institute of Economics RAS. Russia, 117997 Moscow, Profsoyuznaya st., 23. E-mail: boris.frumkin@mail.ru.

Sergey Valentinovich Utkin (corresponding author) – Candidate of science (Political Sci.), Head of strategic assessment section. IMEMO RAS. Russia, 117997 Moscow, Profsoyuznaya st., 23. E-mail: s.utkin@imemo.ru.

Conflict of Interests:

Authors declare the absence the conflict of interests.

References

- Clarke A.E. 2005. *Situational Analysis: Grounded Theory after the post-modern turn*. London, Sage Publications. 408 p.
- Dalkey N., Helmer O. 1962. *An Experimental Application of the Delphi Method to the Use of Experts*. Santa Monica: RAND. 27 p.
- Helmer O., Rescher N. 1960. *On the Epistemology of the Inexact Sciences*. Santa Monica: RAND. 50 p.
- Manning B. 1977. The Congress, the Executive and Intermestic Affairs. Three Proposals. *Foreign Affairs*. Vol.55. P. 306-324.
- Osborn A. 2008. *Unlocking Your Creative Power: How to Use Your Imagination to Brighten Life, to Get Ahead*. New York: Hamilton Books. 143 p.
- Parsons T. 1966. *The Structure of Social Action*. New York: The Free Press. 847 p.
- Vrontis D., Thrassou A. 2006. Situation Analysis and Strategic Planning: An Empirical Case Study in the UK Beverage Industry. *Innovative Marketing*. 2(2). P. 134-151.
- Butorina O.V., Kaveshnikov N.Yu. (eds.) 2010. *Evropeyskaya integratsiya* [European Integration]. Moscow: Aspekt Press. 736 p. (In Russ.)
- Cherkasov P.P. 2004. *IMEMO: Portret na fone epokhi* [IMEMO: The Portrait and The Time]. Moscow: Ves' Mir. 570 p. (In Russ.)
- de Montrial T. 2005. *Deystviye i sistema mira* [The Action and The World System]. Moscow: MGIMO. 488 p. (in Russ.)
- Kobrinskaya I.Ya. 1986. “*Mozgoviye tresty*” i vnesmyaya politika SSHA [“Think Tanks” and the U.S. Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya. 64 p. (In Russ.)

- Metod situatsionnogo analisa* [Situation Analysis Method]. 1985. Moscow: IMEMO. 13 p. (In Russ.)
- Primakov E.M., Khrustalyev M.A. 2006. *Situatsionniye analysy. Metodika provedeniya.* [Situation Analysis. Methods of Conduct]. Moscow: NOFMO, MGIMO MID RF. 28 p. (In Russ.)
- Restrukturisatsiya politicheskogo landshafta evropeyskikh gosudarstv* [Restructuring of The Political Landscape in European States]. 2017. Baranovsky V.G., Kobrinsky I.Ya. (eds.). Moscow: IMEMO RAS. 69 p. (In Russ.)
- Surmin Yu.P., Sidorenko A.I. 2002. *Situatsionny analis ili anatomiya keis-metoda* [Situation Analysis or The Anatomy of Case-Study]. Kiev: Tsentr Innovatsiy i Razvitiya. 288 p. (In Russ.)
- Frumkin B.E. 2016. Prodovolstvennoye embargo I prodovolstvennoye importozameshcheniye: Opyt Rossii [Food Embargo and Food Imports-Substitution: Russia's Experience]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 4. (In Russ.)

Список литературы:

- Де Монбрималь Т. 2005. Действие и система мира. Москва: МГИМО. 488 с.
- Европейская интеграция. 2010. Под ред. Буториной О.В., Кавешникова Н.Ю. Москва: Аспект-Пресс. 736 с.
- Кобринская И.Я. 1986. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. Москва: Международные отношения. 64 с.
- Метод ситуационного анализа. 1985. Москва: ИМЭМО. 13 с.
- Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. 2006. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Выпуск 1. Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России. 28 с.
- Реструктуризация политического ландшафта европейских государств. 2017. Под ред. В.Г. Барановского, И.Я. Кобринской. Москва: ИМЭМО РАН. 69 с.
- Сурмин Ю.П., Сидоренко А.И. 2002. Ситуационный анализ или анатомия кейс-метода. Киев: Центр инноваций и развития. 288 с.
- Фрумкин Б.Е. 2016. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4.
- Черкасов П.П. 2004. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. Москва: Весь мир. 570 с.

Советские учёные о Ближнем Востоке: опередившие время

И.Д. Звягельская

Институт востоковедения РАН

В середине 1950–1960 гг. советское востоковедение столкнулось с серьёзными научными вызовами. Крах колониальной системы, рост национально-освободительных движений, выход на политическую арену сил, не вписывавшихся в жёсткие рамки партийных представлений о революционном процессе, меняющаяся на глазах картина мира требовали научных объяснений происходящего. Среди тех, кто изучал новые тенденции и пытался прогнозировать их дальнейшее развитие, были и советские учёные-ближневосточники. В то время круг их был невелик. Среди тех, кто занимался политическими проблемами арабского мира, хотелось бы выделить Е.М. Примакова и Г.И. Мирского. Их научные интересы выходили за рамки Ближнего Востока, но дело не столько в региональной составляющей их наследия, сколько в тех идеях и концепциях, которые они предложили. Не отказываясь от доминировавшего классового подхода и в принципе разделяя его, ведущие советские исследователи всё же давали реалистическую картину событий, хотя порой и излагали «несвоевременные мысли» привычным для партийных функционеров языком. В условиях доминирования официальных догматических установок, не учитывавших многообразия освободившихся государств, особенностей культуры местных обществ, их социального состава и хозяйственного уклада, они смогли дать достаточно полное представление о направлениях политического и государственного строительства в освободившихся арабских государствах.

В статье предпринята попытка рассмотреть отдельные прорывные идеи и оценки исторических событий на Ближнем Востоке, без которых понимание современных трендов было бы существенно затруднено. Вопросы о движущих силах революций в арабском мире, о сформировавшихся после переворотов режимах, о природе и драйверах региональных конфликтов вовсе не утратили своей актуальности. Они предостерегают современное поколение исследователей от упрощённых оценок и лежащих на поверхности выводов, от стремления следовать за политической конъюнктурой, не пытаясь вникнуть в сложнейшие проблемы развития ближневосточного региона. Историографическое исследование базируется на трудах советских специалистов, опубликованных в 1970-е гг.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабские страны, национально-освободительное движение, национализм, революционные демократы, некапиталистический путь развития, конфликты

Пробуждение арабского мира: новые революционеры

Бо второй половине 1950-х гг. весь арабский мир пришёл в движение. Революции в арабских странах, приход на смену монархам в Египте, Йемене, Ираке националистов, выступавших за создание республик, государственные перевороты со всё более радикальными лозунгами в Сирии стали результатом выхода на политическую арену новых революционных сил. Чаще всего это были армейские офицеры, недовольные старыми порядками и стремившиеся (целенаправленно или инстинктивно) к социальным преобразованиям. В то время постколониальные арабские общества характеризовались преобладанием мелкобуржуазного уклада, особой ролью представителей торгового капитала, слабостью развития производительных сил, высоким удельным весом традиционного крестьянства, почти не подвергшегося модернизации, а также значительной ролью промежуточных и средних слоев. В таких обществах ожидание появления на политической арене «правильных» революционеров, вестников пролетарской революции, не имели под собой ни малейших оснований.

Тем не менее революции и перевороты происходили в государствах третьего мира со всё более пугающей частотой, только их совершали и направляли не политические партии, отражавшие интересы рабочих и трудового крестьянства, а армейские офицеры, принадлежавшие к новым средним слоям. Ближний Восток переживал острые периоды всплесков активности масс, «будь то в ходе борьбы с колониальной зависимостью, с прогнившими монархическими и компрадорскими режимами, за идеалы арабского национализма, внутренних конфликтов или же войн с метрополиями, соседями (ирако-иранская война) и Израилем. Как известно, в ряде стран произошли вооружённые революции за национальное освобождение (Алжир в 1956-1962 гг., Южный Йемен в 1963-1967 гг.). Не случайно именно после Второй мировой войны стали впервые говорить об Арабском пробуждении... и, скажем, революция 1958 г. в Ираке была для мира не меньшей неожиданностью, чем нынешние перевороты» (Ближний Восток... 2012: 4).

С точки зрения советской партийной бюрократии, неожиданностью стала не столько сама возможность революционных изменений в арабских государствах, сколько характер этих перемен и их перспективы. Применяемые идеологами КПСС клише отражали искажённый взгляд на действительность, более того, предполагали обоснование несуществующих в реальности процессов. Примитивное четырёхчленное деление общества на буржуазию, пролетариат, крестьянство и помещиков и надежды на коммунистические партии не только не отражали реалий в странах «третьего мира», но практически не оставляли места для политики Советского Союза, который в силу идейных соображений не мог выступать в поддержку националистов.

Известный российский политический деятель академик Е.М. Примаков, связавший свою судьбу с Ближним Востоком, писал по этому поводу: «... исходя из догматических представлений, ЦК ВКП(б), а затем на первых порах и

ЦК КПСС делали ставку на то, что национально-освободительный процесс в мире может развиваться только под руководством или в крайнем случае при непосредственном участии в этом руководстве коммунистов. Другие силы, игнорирующие местные компартии или тем более подвергающие репрессиям коммунистов, однозначно вне зависимости от отношения самих компартий к мелкобуржуазным властям зачислялись в лагерь реакции. Иногда даже с эпитетом «фашистская» реакция» (Примаков 2012а: 69).

Коммунистическая партия СССР, официальная идеология которой базировалась на принципах интернационализма, всегда настороженно относилась к национализму, рассматривая его сторонников как идейных и политических оппонентов. Первый тест на способность к переоценке ряда стереотипов советское руководство прошло в начале 1950-х гг., когда критикуемые им лидеры египетской революции были вынуждены силой обстоятельств обратиться к СССР за военной помощью. Хотя первоначальное восприятие Насера и его сподвижников, являвшихся молодыми арабскими националистами, было в Москве крайне негативным, открывшиеся достаточно неожиданно новые возможности в арабском мире (и не только в Египте) побудили Москву действовать быстро и решительно (Васильев 2018: 39-74). Прорыв СССР на Ближний Восток был обеспечен как необходимостью для Египта укрепить свою безопасность в условиях израильской военной активности, так и недальновидной политикой Запада в отношении помощи стране, особенно в строительстве Асуанской плотины.

Чтобы обосновать прагматический выбор в пользу поддержки новых арабских руководителей, пришедших к власти на волне арабского пробуждения в 1950-1960-е гг., в СССР была разработана концепция трёх революционных потоков, включавшая в себя мировое коммунистическое движение, мировое рабочее движение и национально-освободительное движение. «Каждый из трёх потоков революционного процесса, преобразующего облик современного человечества, имеет такие задачи, которые можно осуществить только в союзе с другими революционными силами. Свергнуть колониальные порядки, очистить свои страны от остатков империализма, окончательно лишить империализм его тылов – это дело сил национального освобождения, опирающихся на поддержку народов мировой социалистической системы и рабочего класса империалистических стран. Свергнуть капитализм в его главных империалистических бастионах – это дело прежде всего рабочего класса, возглавляющего антиимонополистическую коалицию в своих странах и опирающегося на поддержку сил мирового социализма и национального освобождения. Нанести решающее экономическое поражение капитализму в соревновании двух миров, поддержать своей мощью все революционные силы и вместе с ними привести человечество к торжеству коммунизма – это дело народов мирового социалистического содружества (Мельников, Томашевский 1965: 22-23)».

В таком контексте национализм молодых развивающихся государств был канонизирован как часть мирового революционного процесса, что автомати-

чески зачисляло его лидеров в потенциальные советские союзники и во враги Запада.

Потребность в изучении местных обществ и основных движущих сил революционных перемен была продиктована как научными, так и политическими соображениями. Феномен революций без пролетариата и стремление не потерять представленный антиколониальной борьбой на Ближнем Востоке исторический шанс полномасштабного присутствия СССР в регионе в условиях все более ожесточенной холодной войны, сделал советское руководство более терпимым к попыткам учёных проанализировать современные для того времени тенденции общественного развития. Разумеется, это предусматривало бесконечные ссылки на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и на партийные документы, но в целом научное знание в сфере общественных наук пробивало себе дорогу.

В этом плане особого упоминания заслуживают труды Г.И. Мирского, посвящённые изучению закономерностей и причин выхода армии на политическую арену в развивающихся государствах, включая арабские страны. «В отсталом обществе армия, – писал он, – единственный общественный институт, находящийся вне традиционного застойного мира, наполненного религиозными и племенными представлениями и предрассудками, разделённого на касты, общины, группы. Уже поэтому она имеет преимущество перед политическими партиями, которые, за исключением коммунистической, как правило, связаны узкими групповыми интересами. В отличие от них армия предстаёт перед народом как сила общенациональная» (Мирский 1988: 10). Анализ политической и социальной роли армии в развивающихся странах обозначил принципиальный по своей значимости отход от узоклассового понимания движущих сил общественного развития.

В то же время в освободившихся государствах новые созданные на местной почве армии, несмотря на то, что они являлись современным институтом, испытывали воздействие феномена глубоко разделённых обществ. Как известно, период складывания национальных государств в арабском мире остался незавершённым в плане формирования гражданской идентичности и гомогенной культуры. На первый план выходили более важные для индивидуума местные идентичности – племенная, этническая, конфессиональная.

Например, до сих пор в ведущихся спорах относительно реформирования сирийской армии, сирийская оппозиция указывает на необходимость снизить число алавитов среди военной верхушки за счёт увеличения количества суннитов. Иными словами, под вопрос ставится не конфессиональный принцип формирования офицерского корпуса, а лишь «несправедливое» распределение постов между отдельными конфессиями. В этом плане армии на Арабском Востоке, которые формально являются общенациональными, всё же вряд ли можно считать «плавильными котлами».

Так, армия Хафтара в Ливии и противостоящие ей военные группировки несут на себе печать племенных союзов. В Ираке шиитско-суннитские отно-

шения имели непосредственное влияние на формирование военной организации при Саддаме Хусейне, где главную роль играли представители суннитского меньшинства.

В ходе конфликта внутри страны регулярная армия становится первой жертвой гражданского противостояния, войны всех против всех. Формирование вооружённой оппозиции нередко происходит за счёт профессиональных военных, которые добровольно или под давлением дезертируют из вооружённых сил. В целом регулярные вооружённые силы не предназначены для действий внутри страны против вооружённых группировок. В то время как правительство возлагает на армию задачи, с которыми ей крайне сложно справляться и которые означают высокие потери среди личного состава¹, она по мере затягивания конфликта начинает деградировать. Офицерский корпус и рядовой состав неизбежно начинают ощущать разочарование, происходит достаточно быстрая политизация армейских рядов, военные отказываются обслуживать интересы режима, с которым у них могут быть не только политические, но и этнические, племенные и конфессиональные разногласия.

Массовый отток офицеров и рядового состава из сирийской армии уже на начальных этапах конфликта 2011 г. привёл к созданию Свободной сирийской армии (ССА). По данным военных специалистов, примерно 200 тыс. из общего числа 325 тыс. чел. дезертировало из вооружённых сил. В конце июля оппозиционными офицерами было объявлено о создании Свободной сирийской армии (ССА). «Многие из них влились в ряды различных крупных и мелких вооружённых формирований, общее число которых, по мнению ряда арабских, российских и американских экспертов начиная с 2012 г. достигло семи тысяч» (Труевцев 2017: 146).

Свободная сирийская армия могла находить общий язык с различными силами в зависимости от обстоятельств и конъюнктуры, «порой координировала свои усилия с исламистскими группировками и даже с «ан-Нусрой» в тех случаях, когда шла речь о сопротивлении регулярным войскам или вооружённым силам ДАИШ. Многие члены дезертировали и примкнули к исламистским группировкам, которые воспринимались как более влиятельные, мощные, лучше вооружённые и менее коррумпированные» (Hanna, Gardner 1969: 33-34).

Распад или ослабление армии, солдаты и офицеры которой присоединяются к оппозиции или предпочитают не участвовать в военных действиях, являются главным признаком кризиса политического режима. Армия выступает в его защиту в зависимости от степени интегрированности военной корпорации в политическую и экономическую жизнь. В отличие от Ирака и Сирии, созданный ещё при Насере военно-бюрократический режим в Египте, обеспечивший присутствие офицерства во всех сферах государственного управления и бизнеса,

¹ Сирийская армия, ополчение и силы правопорядка потеряли с 2011 г. более 100 тыс. убитыми (данные на начало весны 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/05/26/syriakilled/> (дата обращения: 12.08.2019)

оказался на редкость прочным. Он не только устоял в ходе «арабской весны», но стал значительно более жёстким и авторитарным.

Главное, что объединяет армии на Ближнем Востоке, а точнее их офицерский корпус – это попытки присутствия на политическом поле, оказания влияния на политический курс. О том, что эта тенденция достаточно устойчива, свидетельствуют события в Ливии, неудавшаяся попытка военного переворота в Турции в 2016 г., где, казалось бы, армия давно ушла в казармы и где высшие военные чины открыто не проявляли политических амбиций.

Исключением в регионе является израильская армия, армия развитого государства, законодательно отодвинутая от политики. Но и там высшие офицеры после выхода в запас проявляют живой интерес к политической жизни, создают собственные партии или входят в уже существующие. Из последних примеров – блок «Кахоль-Лаван», созданный в 2019 г. бывшим начальником генерального штаба Израиля Бени Ганцем и набравший на выборах в мае 2019 г. значительное число голосов.

Хотя армия в арабских странах больше не является главной движущей силой революционных перемен, в качестве института она неизбежно сохраняет за собой политическую повестку дня. В эпоху «арабской весны» на первый план вышла молодежь, использующая современные методы мобилизации. За ней потянулись традиционные слои, вдохновлённые лозунгами справедливости, выдвигаемыми исламистскими группировками. Но там, где имелась традиция сильной военной организации, армия не ушла за кулисы. В зависимости от наличия у офицерского корпуса собственных интересов он выбирает поддержку оппозиции или режима.

Некапиталистический путь развития

Отличаясь от советских руководителей по менталитету, моделям поведения, полученному образованию, молодые лидеры освободившихся государств, включая арабские, вне зависимости от степени искренности в стремлении избавиться от старых порядков и преодолеть катастрофическое отставание своих стран в социально-экономическом развитии, были нацелены, прежде всего, на сохранение завоеванной власти. Поддержка Советского Союза была для них важнейшей гарантией политического выживания. Кроме того, советская модель модернизации могла выглядеть для некоторых привлекательно, ибо обеспечила мощный индустриальный рывок и модернизацию в относительно короткие сроки. И наконец, новые арабские руководители быстро усвоили правила игры и научились превозносить роль прогрессивных сил во всём мире во главе с СССР.

Со своей стороны, советским руководителям требовались объективные закономерности, объяснявшие ориентацию молодых освободившихся государств на СССР и исключавшие политическую конъюнктуру. Таким фундаментом стала теория некапиталистического пути развития или социалистической ориен-

тации. В соответствии с ней капитализм не может решить ни одну из проблем развивающихся стран. Их заинтересованность в быстром преодолении отсталости и сохранении независимости не может совмещаться с выбором капиталистической модели развития.

Теория социалистической ориентации базировалась на выдвинутой основателями марксизма и развитой В.И. Лениным идеи о том, что экономически слабо развитые страны могут перейти к социализму, минуя капитализм при определяющей роли внешнего фактора: «С помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определённые ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Ленин 1981: 246).

Предположения о «возможности» некапиталистического развития при мощной поддержке извне были трансформированы в концепцию «неизбежности» разрыва большинства развивающихся стран с капитализмом. Так, Международное Совещание коммунистических и рабочих партий (1969 г.) отмечало, что «некоторые молодые государства вступили на некапиталистический путь – путь, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого, и создания условий для перехода к социалистическому развитию» (Международное Совещание... 1969: 313).

Теория социалистической ориентации получила широкое освещение в трудах советских учёных (Зарубежный Восток... 1981; Новейшая история... 1988; Политические системы... 1985; Примаков 1983; Социалистическая ориентация... 1982). По мнению Е.М. Примакова, который и сам был приверженцем этой теории, принципиальный разрыв между навязываемыми идеологическими постулатами и научными исследованиями заключался в стремлении советских учёных «преодолеть догматизм тех, кто отрицал роль мелкобуржуазных руководителей в постколониальном мире и продолжал считать их противниками социализма» (Примаков 1983: 24).

Социалистическая ориентация в своё время могла выглядеть как реальная перспектива с учётом роста госсектора, политики национализации, антиимпериалистической и антиколониальной риторики и даже реальной веры в губительность капиталистических рецептов развития.

Необходимым инструментом перемен эпохи некапиталистического пути должна была стать массовая партия, претендовавшая на ведущую идеиную и организаторскую роль. В Египте была создана массовая политическая организация Арабский социалистический союз, которая должна была играть роль народного фронта, как один из двух представительных и консультативных органов власти переходного периода к социализму (Hanna, Gardner 1969: 123). Эта политическая организация не могла выполнить возложенных на неё функций, и причины этого отмечали советские учёные, указывая на её слабости, в том числе чрезмерную массовость, и то, что АСС создавалась после начала революции в стране и сразу в качестве правящей. В неё сразу ринулись карьеристы,

пытавшиеся использовать партийные механизмы для обогащения и получения должностей (Беляев, Примаков 1974: 188-189). Позже внутри АСС было создано активное закрытое партийное ядро.

Похожая судьба была и у Партии арабского социалистического возрождения (БААС), которая в разные периоды активно действовала во многих арабских странах, особенно в Ираке и Сирии. Хотя «социалистические» массовые партии при всех недостатках (бюрократизация, рыхлость структуры, коррумпированность) сыграли мобилизующую и модернизирующую роль, они не могли ответить на вызовы новой эпохи.

Учитывая концепции некапиталистического пути, и даже порой романтически увлекаясь ими, советские учёные в ходе научного анализа на деле порой приходили к противоположным выводам. Привычные идеиные штампы развивались при столкновении с реальностью. Так, Г.И. Мирский писал об опасности предоставления простора частной инициативе в освободившихся арабских государствах, «где нет ни диктатуры пролетариата, ни в ряде случаев даже самого пролетариата как сознательного преданного делу социализма класса; где нет опытной, закалённой, боевой партии с непоколебимой научной марксистской идеологией и железным пролетарским ядром, где нет условий для быстрой перестройки экономики и создания социалистической индустрии...» (Мирский 1988: 299). Звучит это все немного по-булгаковски, хотя в 1970-е гг. до публикации книги «Мастер и Маргарита» было далеко. «Ну, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота проговорил профессор, – что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»².

Г.И. Мирский обличает частнособственническую стихию, но при внимательном прочтении на первый план выходит вывод о полном отсутствии всяких предпосылок для перехода к социализму и даже для задержки капиталистического развития в освободившихся странах.

Региональные конфликты: соотношение внутренних и внешних факторов

Отношение к конфликтам на Ближнем Востоке части российского населения, политических групп и экспертного сообщества до сих пор отражает сохранившееся восприятие Ближнего Востока как арены противостояния проискам Запада, нацеленным на сокращение российского влияния на международной арене, на её вытеснение из имеющих для неё приоритетную значимость районов и сфер деятельности. Нельзя отрицать, что такое соперничество имеет место и под влиянием политической конъюнктуры становится порой весьма острым. В ходе событий «арабской весны» некоторые российские эксперты особенно увлеклись внешним фактором в арабских революциях. Действительно, если события в Тунисе и Египте в 2011 г. были очевидным результатом нараставших

² Булгаков М.А. 1984. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bulgakov.ru/pdf/Master-i-Margarita.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).

внутренних проблем, то не менее очевидным было и внешнее вмешательство в дела Ливии и Сирии. Вместе с тем во всех затронутых волнениями государствах имелся протестный потенциал, и не всё происходящее в регионе можно объяснять поисками Запада. Внутренние линии напряжённости, активность региональных сил и противоречия между ними не в меньшей мере провоцируют конфликты, чем политика внешних игроков.

В советскую эпоху соблазн объяснить всё происходящее в регионах и, в частности, на Ближнем Востоке исключительно поисками империализма явно превалировал над всеми иными оценками причин и драйверов региональных конфликтов. Поскольку критика внешнеполитических решений и действий категорически не допускалась, то и попытки пересмотреть привычные оценки не только не приветствовались, но и могли повлечь за собой оргвыводы. «Ещё сравнительно недавно абсолютно всё осуществляемое во внешнеполитической сфере рассматривалось как прямое и органичное продолжение линии, проводившейся В.И. Лениным. Считалось, что в нашей внешней политике не было, нет, да и не могло быть никаких просчётов, а тем более ошибок. Если во внутренней политике кое-когда, как бы нехотя, признавались отдельные перегибы, ошибочные действия, то во внешней – никогда, даже в такой ограниченной форме» (Новая философия… 1989: 7-9).

Этот вывод оказался особенно актуальным в ходе трансформаций в арабских странах, когда на первый план вышли региональные государства – Саудовская Аравия, Турция, Иран, Израиль. Несмотря на имевшиеся у них собственные интересы и повестку дня, местные игроки стремились прямо или косвенно вынудить их действовать определённым образом. Не стоит также абсолютизировать соперничество РФ с западными державами – конфликты на Ближнем Востоке дали отдельные примеры сотрудничества и координации усилий.

В советскую эпоху вовлечённость в конфликтную ситуацию великих держав на стороне своих местных союзников, как правило, не способствовала урегулированию конфликтов, придавала им затяжной характер. Высокий уровень взаимного недоверия препятствовал адекватному восприятию ими выдвигавшихся друг другом планов урегулирования – из-за опасений, что их реализация принесёт противоположной стороне односторонние преимущества. Хотя ведущие державы обладали существенными рычагами воздействия на своих региональных союзников, зависевших от поставок оружия и экономической помощи, тем не менее, непосредственные участники конфликтов вовсе не являлись послушными марионетками. У них всегда были свои интересы, не обязательно совпадавшие с интересами США или СССР. Они нередко пытались втянуть великие державы в собственную игру, побуждая занимать жёсткие позиции в СБ ООН, требуя дополнительной помощи и предоставления самых современных видов вооружений.

При этом двухполюсная структура международных отношений обладала большей устойчивостью. Существовали неписаные правила поведения, при-

званные не допустить эскалации конфликта до уровня прямого советско-американского столкновения.

Что касается структуры конфликтов, то наиболее распространённым типом конфликтов после Второй мировой войны стали межгосударственные конфликты в зоне национально-освободительных движений – Азии, Африке, Латинской Америке. Но и в этих конфликтах нередко имелась внутренняя межэтническая и/или межконфессиональная составляющая, которая придавала им особую остроту. Примером может быть затяжной арабо-израильский конфликт, который наряду с прагматическими интересами сторон всегда обладал ценностными характеристиками.

С учётом исторической зависимости государств Ближнего Востока от деятельности внешних сил и заинтересованности самих внешних сил в присутствии в этом регионе конфликты притягивали внeregиональных акторов, становились инструментами их политики. Однако причины зарождения конфликта, его первоначальная динамика и движущие силы могут быть проанализированы только на основе знания особенностей местных обществ и государств. В книге, изданной в ИМЭМО РАН под руководством академика Е.М. Примакова, отмечается, что «конфликты в регионах и даже войны между различными государствами имеют свои корни и в истории, и в современной ситуации в этих странах и регионах. Неправильно и даже опасно представлять дело так, будто все эти узлы противоречий есть порождение соперничества между Востоком и Западом» (Новая философия… 1989: 124).

Сравнительно недавние события в арабском мире подтвердили актуальность этих выводов. В условиях, когда конфликты всё больше трансформируются из межгосударственных во внутригосударственные, слишком большой и необоснованный упор на действии внешнего фактора практически выводит за рамки анализа развитие ситуации внутри той или иной страны, где нарастающие социально-политические проблемы и ошибки руководства способны вызвать новые потрясения.

Советские востоковеды внесли огромный вклад в изучение отдельных стран и регионов. Возможно, что некоторые их выводы кажутся сейчас наивными, некоторые были продиктованы политической конъюнктурой, от которой нельзя было уйти. И всё же, перечитывая труды специалистов по Ближнему Востоку, занимавшихся исследованиями важнейших политических трендов второй половины XX в., можно прийти к выводу о том, что они не утратили своей значимости. Так, публикации Е.М. Примакова и Г.И. Мирского – не только историческая веха в развитии отечественной науки, но и примеры того, как в столкновении научных и идеиных подходов в конечном счёте остаются порожденные научным знанием новые идеи. Следующие поколения учёных, что-то отвергая, а что-то принимая, разрабатывают на их основе собственное видение и свои концепции. Пройдет время и станет ясно, насколько точно они смогли определить тренды политического развития меняющегося и сложного Ближнего Востока и что останется от их научных трудов.

Об авторе:

Ирина Доновна Звягельская – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. 101031, Россия, Москва, ул. Рождественка д. 12. E-mail: izvyagelskaya@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 8, 2019
Accepted: August 15, 2019

Soviet Researchers on the Middle East: Ahead of Their Time

I.D. Zvyagelskaya
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-24-37

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Abstract: In the mid-1950s-1960s the Soviet Orientalists were facing serious challenges. The collapse of the colonial system, the growth of national liberation movements, the entry of new forces that did not fit into the rigid framework of the Communist ideas about the revolutionary process, demanded realistic explanations of what was happening. The article attempts to consider some breakthrough ideas and assessments of historical events in the Middle East put forward by the Soviet experts. The review is primarily based on the publications of Soviet specialists published in the 1970's. Among those who studied the new trends and tried to explain their further development were Soviet Arabists. At that time their circle was small. Among those who were engaged in political problems of the Arab world, one can name I.P. Belyaev, E.M. Primakov, G.I. Mirsky, A.M. Vasilev. They had different backgrounds, but all had managed to form in their studies a fairly complete picture of political trends and state-building in the Arab world. Despite the domination of the official dogmas the leading Soviet researchers were able to present a realistic picture of the region, although their «untimely meditations» were presented in a form acceptable to the Communist ideology. The primitive division of society into the bourgeoisie, the proletariat, peasantry and landlords and the hopes for eventual development of communist parties worldwide both did not reflect the realities in the Third World countries and did not leave room for the Soviet Union there. Due to ideological reasons the USSR could not support nationalist movements abroad. Nevertheless, the Soviet leadership passed the first test for the ability to reassess their ideological stereotypes in the early 1950s, when the leaders of the Egyptian revolution turned to the USSR for military assistance. In order to justify the pragmatic choice in favor of supporting the new Arab nationalist leaders, the Soviet scholars developed the concept of three consecutive and co-dependent revolutionary flows: first, the national liberation movement overthrowing the colonial system; second, the world labor movement overthrowing the capitalist system politically; and, third, the world communist movement overthrowing the capitalist system in economic terms.

It was also important for the Soviet leaders to explain the orientation of the young decolo-

nized nationalist regimes towards the USSR, without using the argument of just political expediency. Such an explanation was the theory of the non-capitalist path of development or socialist orientation. It posed that capitalism cannot solve any of the problems of developing countries. Their interest in rapid overcoming of backwardness and maintaining national sovereignty cannot be combined with the choice of a capitalist development model. The theory of socialist orientation was based on original ideas of Marxism founders and further developed by Lenin who insisted that economically underdeveloped countries can with the help of the proletariat from advanced countries go directly to socialism bypassing capitalism.

The reality of revolutions without the proletariat and the desire to take advantage of the anti-colonial struggle to establish full-scale presence of the USSR in the Middle East made the Soviet leadership more tolerant of scientists' attempts to realistically analyze regional trends and developments.

For instance, in the Soviet era, politicians were tempted to explain all conflicts in the regions of the Third world, and particularly in the Middle East exclusively by the workings of imperialism. However, Soviet scholars, E.M. Primakov among them, warned in their studies of the dangers of such simplified estimates. Still relevant today also is G. Mirsky's explanation of the major role the army plays in the politics of the Middle East. He argued that in the traditional societies of the region the army was the only modern, nationwide institution.

The works of the Soviet scholars can help better understand contemporary trends. Their studies of driving forces of the revolutions in the Arab world, of the nationalistic regimes, of regional conflicts have not lost their relevance today. They warn the modern generation of researchers against simplistic conclusions, a temptation of politicized assessments and of ignoring the complexity of regional issues.

Key words: Middle East, Arab countries, national liberation movement, nationalism, revolutionary democrats, non-capitalist way of development, conflicts

About the author:

Irina D. Zvyagelskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Rozhdestvenka str. 12, Moscow, Russia, 101031. E-mail: izvyagelskaya@yandex.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Hanna S.A., Gardner G.H. 1969. *Arab Socialism: A Documentary Survey*. Brill Archive. 418 p.
- Hassan H. 2016. Rebel Groups' Involvement in Syria. *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. Ed. by Aniseh Bassiri Tabrizi and Raffaello Pantucci. London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, Occasional Paper. P. 33-38.
- Belyaev I.P., Primakov E.M. 1974. *Egipt: vremya prezidenta Nasera* [Egypt: President Nasser's Time]. Moscow: Mysl'. 368 p. (In Russian)
- Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: What's Next?]. 2012. Sbornik statei. Otv. red-ry: V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznetsov. Moscow: IV RAN. P. 3-20. (In Russian)
- Lenin V.I. 1981. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol 41. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 695 p. (In Russian)
- Mezhdunarodnoe Soveshchanie kommunisticheskikh i rabochikh partii* [International Meeting of Communist and Workers' Parties]. 1969. Dok. i m-ly. Moscow: Politizdat. 514 p. (In Russian)

- Mel'nikov D.E., Tomashevskii D.G. 1965. *Mezhdunarodnye otnosheniya posle Vtoroi mirovoi voiny T. 3 (1956-1964 gg.)* [International Relations after II World War. Vol. 3 (1956-1964)]. Moscow: Politicheskaya literatura. 779 p. (In Russian)
- Mirskii G.I. 1988. «*Tretii mir: obshchestvo, vlast', armiya*» [Third World: Society, Power, Army]. 1976. Moscow: Nauka. 408 p. (In Russian)
- Noveishaya istoriya arabskikh stran Azii 1917-1985* [Recent History of Arab Countries in Asia 1917-1985]. 1988. Ed. by: E. Primakov, E. Lebedev, V. Naumkin, D. Voblikov, B. Seiranyan. Moscow: Nauka. 638 p. (In Russian)
- Novaya filosofiya mira i vneshnopoliticheskaya deyatel'nost' KPSS* [New Philosophy of Peace and Foreign Policy of the CPSU]. 1989. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literature. 254 p. (In Russian)
- Politicheskie sistemy v stranakh sotsialisticheskoi orientatsii* [Political Systems in The Countries of Socialist Orientation]. 1985. Moscow: Nauka. 350 p. (In Russian)
- Primakov E.M. 1983. *Vostok: rubezh 80-kh godov: osvobodivshiesya strany v sovremennom mire* [The East: the Turn of The 80's: Liberated Countries in The Modern World]. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russian)
- Primakov E.M. 2012a. *Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka): konfidentsial'no* [The Middle East on Stage and behind the Scenes (Second Half of XX – Beginning of XXI Century): Confidential]. Moscow: Rossiiskaya gazeta. 382 p. (In Russian)
- Primakov E.M. 2012b. *Blizhnevostochnyi kurs Rossii: istoricheskie etapy* [The Middle East Policy of Russia: Historical Stage]. *Blizhnii Vostok, arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* Moscow: IV RAN. P. 21-32. (In Russian)
- Sotsialisticheskaya orientatsiya osvobodivshikhsya stran: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Socialist Orientation of the Liberated Countries: Some Questions of Theory and Practice]. 1982. Brutents K.N., Gromyko A.A., Kiva A.V. at al. Moscow: Mysl'. 310 p. (In Russian)
- Truevtsev K.M. 2017. *Blizhnii Vostok: morfologiya konflikta i postkonfliktnyi dizain* [Middle East: Conflict Morphology and Post-Conflict Design]. – *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. No. 10(2). P. 143-166. (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-2
- Vasil'ev A.M. 2018. *Ot Lenina do Putina: Rossiya na Blizhnem i Sredнем Vostoke* [From Lenin to Putin: Russia in The Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf. 670 p. (In Russian)
- Zarubezhnyi Vostok i sovremennost'* [Foreign East and the Present]. 1981. Vol. I. Moscow: Nauka. 533 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Беляев И.П., Примаков Е.М. 1974. *Егинем: время президента Насера*. Москва.: Мысль. 368 с.
- Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* 2012. Сборник статей. Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. Москва.: ИВ РАН. С. 3-20.
- Васильев А.М. 2018. *От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. М.: Центрполиграф. 670 с.
- Зарубежный Восток и современность*. 1981. Т. I. Москва: Наука. 533 с.
- Ленин В.И. 1981. Полное собрание сочинений. Том 41. Пятое издание. Москва: Издательство политической литературы. 695 с.
- Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. 1969. Док. и м-лы. Москва.: Политиздат. 514 с.
- Мельников Д.Е., Томашевский Д.Г. 1965. Международные отношения после Второй мировой войны Т. 3 (1956-1964 гг.). М.: Политическая литература. 779 с.
- Мирский Г.И. 1988. «Третий мир»: общество, власть, армия. 1976. Москва.: Наука. 408 с.
- Новейшая история арабских стран Азии 1917-1985. 1988. Редакторы: Е. Примаков, Е. Лебедев, В. Наумкин, Д. Вобликов, Б. Сейранян. Москва.: Наука. 638 с.

Новая философия мира и внешнеполитическая деятельность КПСС. 1989. Москва.: Издательство политической литературы. 254 с.

Политические системы в странах социалистической ориентации. 1985. Москва.: Наука. 350 с.

Примаков Е.М. 1983. Восток: рубеж 80-х годов: освободившиеся страны в современном мире. М.: Наука. 272 с.

Примаков Е.М. 2012а. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века): конфиденциально. Москва.: Российская газета. 382 с.

Примаков Е.М. 2012б. Ближневосточный курс России: исторические этапы. – *Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Москва.: ИВ РАН. С. 21-32.

Социалистическая ориентация освободившихся стран: некоторые вопросы теории и практики. 1982. Брутенц К.Н., Громыко А.А., Кива А.В. и др. Москва.: Мысль. 310 с.

Труевцев К.М. 2017. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* № 10(2). С. 143-166. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-2

Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической жизни

В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Статья посвящена анализу специфических элементов политической жизни арабских обществ, отличающих её от моделей выстраивания политических отношений в государствах-национациях Запада. Признавая наличие множества таких элементов, авторы сосредотачивают внимание на трёх, связанных с проблемой источника и распределения власти. Показывая их глубокую укоренённость в арабо-мусульманской политической традиции, заставлявшую их так или иначе проявляться на протяжении всей исламской истории региона, авторы обнаруживают, что у каждого из них есть собственный средневековый прототип. Так, в статье рассматривается дихотомия верховной власти халифа и султана, сформировавшаяся в IX-XI вв., и проявляющаяся сегодня как в деятельности запрещённых в России джихадистских организаций (ИГИЛ/ИГ, «Аль-Каида»), так и в политических стратегиях умеренных исламистских движений («ан-Нахда»). Вторым рассматриваемым элементом является деятельность городских милиций в странах, переживающих кризис государственности и находящихся в состоянии конфликтов. Милиции сопоставляются авторами с средневековыми сообществами *фитийан* – «молодчиков». Выделяется семь ключевых черт *фитийан*. Они не только проявляются в деятельности милиций, но и указывают на принципиальное отличие этих формирований от городских криминальных группировок. Особое внимание уделяется ливийским милициям, деятельность которых рассматривается на основе полевых исследований одного из авторов. Наконец, третьим анализируемым элементом является специфическая роль армий и других силовых структур в арабских политических системах. Авторы предлагают три возможных интерпретации всех выявленных со-впадений. Согласно первой из них, речь идёт об аберрациях сознания наблюдателя, заставляющих искать аналогии современности в историческом опыте. Согласно второй, лежащей в русле «нового медиевализма», речь идёт о «возрождении» средневековых практик, связанном с завершением эпохи модерна. Наконец, согласно третьей, выявленные феномены должны рассматриваться как цивилизационные особенности арабского мира.

Ключевые слова: арабский мир, *фитийан*, милиции, султан, халиф, армии, медиевализм, цивилизационизм

В исследовании большого комплекса сложных проблем политической жизни современного арабского мира, переживающего, возможно, один из самых трудных этапов в своей истории, участвует множество учёных из различных стран – политологов, историков, специалистов по международным отношениям, региональной безопасности и т.д. Углублённый анализ наиболее актуальных проблем современного арабского мира, в том числе кризиса государственности, представителями различных школ потребовал применения целого ряда нестандартных подходов, которые позволили бы наиболее адекватно объяснить идущие здесь процессы. Среди этих подходов можно отметить попытку обнаружить корни этих процессов в протяжённой истории арабов. Нетрудно заметить, что именно те отдельные элементы современной политической жизни арабских государств, которые предположительно идут из глубины веков, отличают сформировавшиеся здесь политические системы от созданной на Западе и более или менее искусственно имплементированной в регион модели государства-нации.

По нашему заключению, подобных элементов может быть обнаружено немало. В настоящей статье мы сосредоточим внимание только на трёх из них, связанных с проблемой источника и распределения власти. Выделив их, мы попытаемся показать и объяснить их глубокую укоренённость в арабо-мусульманской политической традиции, заставлявшую их так или иначе проявляться на протяжении всей исламской истории региона.

Историография этой проблемы довольно обширна – она включает в себя как работы по классической истории арабо-мусульманского мира (Игнатенко 1989; Amri 1997; Crone 1986; Crone 1980; Lassner 1980; Lewis 1968), так и труды политологов, занимающихся анализом текущих процессов в регионе (Звягельская 2018; Звягельская 2019; Наумкин, Барановский и др. 2018; Arab Human Development 2014; Arab Society 2006), вопросами государственного строительства (Звягельская, Кузнецов 2017; Сапронова 2012) и трансформации политических систем (Звягельская 2017; Наумкин 2014). Помимо этого, необходимо упомянуть и ряд работ философского и историко-философского характера (Triki 1991), авторы которых сосредотачивают внимание на проблемах национального развития арабских стран. Вместе с тем, работ, в которых в историко-политологическом ракурсе и в комплексе рассматриваются средневековые реминисценции в современных арабских политических системах, насколько нам известно, до сих пор написано не было.

Три средневековые реминисценции

Халиф – султан

Первый из выделяемых нами элементов относится к дилемме *халиф – султан*, характерной для ряда средневековых арабо-мусульманских государств.

«Имамат существует как замещение (*ли-хилафат ар-рисала*) пророчества для охранения религии и управления мирской жизнью (*ад-дунайа*)», писал в XI в. создатель суннитской теории государства ал-Маварди (974-1058) (Маварди 1996: 13).

С точки зрения суннитской политической теории имам или халиф не является ни сувереном, ни законодателем, ни исполнителем, ни судьей. Он, скорее, координатор, призванный следить за исполнением признанных сообществом богословов и правоведов интерпретациями священных текстов (Корана и Сунны Пророка), администратор, а также учитель и пример для мусульман, следящих за ним по пути веры и таким образом формирующих умму – единую общину (Нассар 2003).

В политическом отношении ал-Маварди выделяет десять основных обязанностей имама, так или иначе этот перечень соответствует всей суннитской традиции. Большинство из них, хотя и требуют политических действий, имеют религиозное обоснование или назначение: обеспечение религиозной законности, применение установленных Аллахом наказаний для защиты прав верующих, защита Обители ислама (*Дар ал-ислам*), борьба с отказавшимися принять ислам, взимание налогов (по установленным шариатом нормам), назначение на посты верующих и законопослушных людей, собственноручное управление уммой и защита веры. Помимо них есть две чисто административные обязанности – обеспечение приграничных областей и благоразумное определение доходов и расходов казны; и одна – чисто религиозная: поддержание религии (Маварди 1996: 29-31).

В суннитской традиции имам не может быть избран, однако он может получить власть либо по прямому указанию предшественника, либо по согласованному решению сообщества религиозных экспертов, а также захватить её силой.

Вопрос о халифате, несмотря на смену династий сохранявшемся в качестве основной формы политического бытия с 632 г. по 1924 г., в сущности никогда не сходил с повестки дня арабо-мусульманского мира. Со времён упразднения халифата в 1924 г. тоской по нему были преисполнены все исламские политические движения и XX, и XXI в. Впрочем, при всех мечтах о возрождении единства ислама до восстановления халифата на практике дело практически никогда не доходило¹.

Принципиально новым явлением в этом контексте стало провозглашение халифом лидера ИГ/ДАИШ (запрещено в России) Абу Бакра аль-Багдади. Несмотря на то, что этот акт не был воспринят как легитимный никем, кроме сторонников террористической организации, он всё же дал толчок многочисленным дискуссиям внутри джихадистского лагеря относительно правовых

¹ Наличие халифского титула у марокканского короля было в этом плане скорее данью местной традиции, значимость которой не выходила за пределы государства, а провозглашение халифом президента Судана Джрафа Нимейри можно считать скорее курьёзом.

оснований халифата. Напомним, что главным аргументом противников ИГ из «Аль-Каиды» (запрещена в России) при этом было то, что халифат аль-Багдади означал претензию на первенство «ветви» – *фар'* (ИГ) над «основанием» – *асл* («Аль-Каида»), от которого ИГ ранее отпочковался (Вайс, Хасан 2016; Гасымов 2015).

Любопытно и другое. Если попытаться описать в самых общих чертах историю института халифской власти в средние века, то станет виден следующий тренд. Заместители посланника Аллаха (халифы) формально обладали всей полнотой власти во времена «праведных халифов», Омейядов и ранних Аббасидов. При Омейядах они даже почитались едва ли не выше, чем Пророк. Так, историк ат-Табари (839–923) приводит письмо халифа Валида II (743–744) к гарнизонным городам, где говорилось, что власть халифа происходит непосредственно от Аллаха, а не от Мухаммада (Ат-Табари 1995), а у ал-Балазури (806–892) встречается и вовсе удивительное высказывание: «Халиф Аллаха любезнее Ему на земле Его, чем Пророк» (*Инна халифата-лахи фи ардихи акраму 'алейхи мин расулихи 'алейхим*) (Ал-Балазури 1986). Однако с середины IX в., когда в Багдаде установилась династия Буидов, называвших себя «военачальниками военачальников» (*амир ал-умара*²), что указывало на консолидацию ими военной власти, реальные политические полномочия халифов начали ощущаться и последовательно ограничиваться. Эта практика оказалась институционализирована при Сельджуках (XI в.), когда был введён в оборот титул султана. Халиф, сохранивший на века всю полноту символической религиозной власти, дарованной ему Аллахом, делегировал нерелигиозные полномочия султану – фактически светскому главе государства. Теоретически при этом как халифов, так и султанов могло быть несколько, однако на практике титул Аббасидского халифа, символизировавшего единство Обители ислама (*Дар ал-ислам*), в позднее средневековье практически никогда не оспаривался.

Удивительным образом при рассмотрении эволюции запрещённых в России современных джихадистских движений – ИГ и «Аль-Каиды» – мы обнаруживаем ту же тенденцию, реализовавшуюся, правда, гораздо быстрее.

Если на первых порах существования ИГ аль-Багдади, претендую на халифский титул, был как идеальным, так и военно-политическим лидером организации, то после её военного поражения его статус изменился. Сделанное им уже в 2019 г. обращение демонстрирует, что, сохраняя «духовное» лидерство, реальные военно-политические полномочия он фактически делегировал многочисленным «франшиз».

Схожая линия обнаруживается и в истории «Аль-Каиды». По оценкам арабских аналитиков², ставшему её лидером после уничтожения Усамы Бен Ладена бывшему египетскому профессору Айману аз-Завахири явно не хватало харизмы для того, чтобы стать полноценной заменой саудовцу и рекрутировать в по-

² Интервью авторов, апрель 2019 г.

редевшие ряды террористов новых адептов. Выход на политическую молодого харизматичного сына Усамы – Хамзы фактически создал в организации систему, весьма напоминающую систему «халиф – султан». Если судить по имеющимся данным, она позволяет организации, несмотря на понесённые ею огромные потери, всё же вербовать в свои ряды новых сторонников и продолжать угрожать безопасности и стабильности региона.

Впрочем, удивительным образом схожую динамику можно обнаружить не только в эволюции джихадистской организации, но и у вполне респектабельных умеренных исламистов – например, в тунисской партии «ан-Нахда».

Так, один из трёх её основателей Рашид Ганнуши остаётся лидером партии (шейхом) и главным идеологом на протяжении всей её истории. Однако после революции 2011 г., когда «ан-Нахда», после двадцатилетней эмиграции не только вернулась в Тунис, но и пришла к власти в результате выборов, шейх не стал претендовать ни на один государственный пост. Президентом страны оказался хотя и связанный с партийными элитами, но формально светский правозащитник Монсеф Марзуки, обладавший, впрочем, весьма ограниченными полномочиями и не пользовавшийся большим авторитетом в стране. В то же время кресло премьер-министра – основной политической фигуры в действовавшей системе – последовательно занимали входившие в партийное руководство Хаммади Джебали и Али аль-Арайид. Реальная политическая власть (власть султана) оказалась, таким образом, как бы делегирована премьер-министру, обретавшему двойную легитимность: формальную – от Национального учредительного собрания и неформальную – от шейха.

Фитийан – милиции

Второй элемент «возрождённого» средневековья, который мы рассмотрим, связан с деятельностью современных милиций.

Вообще говоря, существование неформальных военно-политических структур, параллельных государственным, всегда оставалось одной из особенностей организации власти в арабо-мусульманском мире (не нормативно предписанной теоретиками фикха, а реальной) в средние века. Речь идёт о так называемых '*аййарун*, или *фитийан*³.

Упоминаемые в источниках по меньшей мере с начала IX в., *фитийан* представляли собой специфический феномен средневековой городской жизни арабо-мусульманского востока (от Египта до Центральной Азии). Клод Каэн определяет это очень сложное, полиформное явление, с трудом поддающееся описанию, как «общий и фундаментальный структурный элемент городского общества Востока» (Cahen 1991: 963).

Не вдаваясь в подробности, можно выделить, как минимум, семь специфических черт сообществ *фитийан* (Tor 2007).

³ О разнице этих, в общем, близких терминов см.: (Taeschner 1986: 794).

Во-первых, это были группы, возникавшие независимо от воли правителя снизу и бравшие на себя функции контроля над насилием. Апологеты *фитийан* описывают их как своеобразных средневековых рыцарей, Робин Гудов мусульманского мира, а их противники – как сообщества бандитов. Однако и те, и другие согласны в том, что *фитийан* были своеобразными профессионалами насилия.

Во-вторых, эти группы, в разное время формировавшиеся на разной социальной основе (от полумаргинальных элементов в раннее средневековье до представителей привилегированных слоёв общества и религиозных лидеров в постклассическое), всегда отличались сплочённостью, наличием общей идентичности – своеобразной городской '*асабийей*'⁴.

В-третьих, следствием наличия особой идентичности выступало наличие и определённого этического кодекса. Не случайно само понятие *фитийан* – производная от *футувва* – набора качеств «настоящего мужчины».

В-четвёртых, *фитийан* обладали внешними отличительными чертами: носили определённую одежду, проходили специфические обряды инициации и т.п.

В-пятых, эти группы, в особенности на поздних этапах своего существования отличались наличием довольно стройной иерархической структуры, имели собственных лидеров, в них были разработаны правила поведения членов группы по отношению к ниже- и вышестоящим.

В-шестых, они выстраивали довольно сложные отношения с официальными властями. В основном, *фитийан*, по всей видимости, представляли собой параллельные властные структуры, действовавшие в социальных пространствах, не затронутых государственной властью. Однако иногда интересы *фитийан* и правителей очевидным образом пересекались. В такие моменты речь могла идти как о конкуренции двух центров силы, так и об их сотрудничестве. Свидетельством конкуренции выступают, конечно, сообщения об усилении *фитийан* в моменты ослабления правителя или, наоборот, о попытках правителей поставить *фитийан* под свой контроль. Сотрудничество же могло быть двояким. В одних случаях, правители обращались к *фитийан* в ситуации междуусобиц. Так, одно из первых описаний деятельности этих групп относится к борьбе между сыновьями аббасидского халифа Харуна ар-Рашида – аль-Амина и аль-Мамуна, в которой багдадские «молодцы» выступили на стороне аль-Амина. Историк X в. ал-Мас'уди (896–956) с восхищением пишет о храбрости этих бойцов, выходивших на поле боя практически безоружными: «Они сражались обнаженными, [прикрытыые только] поясами и набедренными повязками. Предводители их взяли внутреннюю часть пальмовых листьев и назвали их шлемами. [Они сделали также] щиты из камышовых циновок и дубинки, [которые] просмолили и набили песком и щебнем... каждый обладающий степенью ехал верхом [на других]...[Эти] люди [были] наги, и на шее им повязали бубенчики и красную и желтую шерсть. Для них сделали поводья, узды и хвосты из метел и опахал»

⁴ '*Асабийя* изначально – «племенной патриотизм», племенная солидарность.

(Ал-Мас'уди 2002). В других же случаях, по всей видимости довольно частотных, *фитийан* фактически признавались государством как городские милиции, обеспечивавшие охрану правопорядка.

Наконец, в-седьмых, группы *фитийан* сложно соотносились с религиозно-политическими течениями средневековых обществ. По всей видимости, даже на ранних этапах своего существования многие из них оказывались связаны с теми или иными религиозными «партиями» (напр. ханбалитами или исмаилитами). Однако постепенно, по мере институционализации суфийских сообществ, начала укрепляться связь с ними.

В современном арабском мире своеобразной реинкарнацией *фитийан* выступают милиции, активно действующие в Ливии, Ливане, Сирии, Ираке, Йемене и других странах.

На первый взгляд, они вроде бы представляют собой криминальные или полукриминальные группы, возникшие в зонах ослабленной государственности. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что при всех различиях между милициями все они обладают рядом специфических характеристик, не просто сближающих их с *фитийан*, но и мешающих воспринимать эти милиции как обычных бандитов.

Конечно, насилие как основной вид деятельности, город как основная среда обитания, наличие внутренней структуры, внешних знаков отличия или даже этического кодекса («понятия» у российских криминальных сообществ) существуют в криминальных культурах едва ли не всех стран. Однако другие черты арабских милиций в обычном криминалитете либо отсутствуют, либо выражены не столь очевидно.

Прежде всего, наличие в них специфической ‘асабии’. Начавшееся в апреле 2019 г. наступление Ливийской национальной армии (ЛНА) на запад страны и последовавшие затем бои в пригородах Триполи показали, что милиции, контролирующие ливийскую столицу, не просто не собираются вступать в переговоры с маршалом Хафтаром, но и готовы продолжать отстаивать свои города. Это может объясняться тем, что они представляют собой, прежде всего, группы местных городских ополчений, и потому вся вооружённая борьба в Триполи с 2011 г. вообще может интерпретироваться как противостояние мисуратских и зинтанских элит, использовавших в своих интересах политическую повестку (Lacher, Alaa al-Idrissi 2018).

Как показывают полевые исследования в Ливии одного из авторов данной статьи, подобные оценки вполне справедливы.

Летом 2018 г. Триполи контролировало четыре или шесть основных милиций⁵, в основном происходившие из городских пригородов (прежде всего, из

⁵ В. Лачер говорит о «Большой четверке» Триполи, однако, по нашим наблюдениям, речь должна идти о шести группах. Вероятно, разница в оценках объясняется разным определением границ города (Lacher, Alaa al-Idrissi 2018).

Таджуры). Сама принадлежность этих милиций к городской среде создавала основу для доверия со стороны населения, и именно наличие своеобразного городского патриотизма (*‘асабийи*) формировало основу для консолидации и мобилизации этих сил в противостоянии ЛНА.

Подобно ранним группам *фитийан* лидерами триполийских милиций становятся необязательно выходцы из городских низов, но люди для городской среды так или иначе маргинальные, не укоренённые в ней глубоко. Семья одного из них происходила из Машрика и переселилась в Ливию несколькими поколениями ранее, другой был наполовину палестинцем, семья третьего переселилась в столицу с востока страны, четвертого – из Мисураты, пятый ранее занимался наркоторговлей. И только Наджи Гнейди, контролирующий район Джанзур, где расположен офис Миссии ООН, был выходцем из известной семьи, принадлежавший к кругам городской интеллигенции.

Другими чертами, заставляющими отличать милиции от ординарного криминальитета, можно считать стратегии выстраивания отношений с государственной властью и отношения с религией.

Криминальные группировки, конечно, могут заключать союзы с политическими элитами или инфильтроваться в них, однако в общем они обыкновенно существуют параллельно с государственной властью, находясь с ней в противостоянии: достаточно вспомнить кодексы российских «воров», подробно описанные Марком Галеотти (Галеотти 2019).

Отношения милиций с правительством более сложные. С одной стороны, они рассматривают государство как один из источников доходов: с этим связана и борьба за контроль над правительственные кварталами, и похищения политических деятелей, и т.п. С другой стороны, они стремятся взаимодействовать с правительством, становясь частью государственных структур. Практически все ливийские милиции оказались интегрированы в систему МВД или вооружённых сил в качестве самостоятельных подразделений. Это позволило бойцам милиций получать регулярную зарплату, лидерам – войти в состав истеблишмента, а государству создать иллюзию контроля. Кроме того, подобно тому как *фитийан* за пределами Багдада выполняли частенько полицейские функции, в Триполи ту же самую роль выполняют милиции. По меньшей мере в двух из них были созданы специальные подразделения для разбора конфликтов между жителями подконтрольных районов.

Наконец, для милиций очень важна религия. Дело не только в том, что их лидеры стремятся позиционировать себя как богообоязненных людей, чтобы завоевать авторитет в обществе, но и в особой религиозно-идеологической идентичности, которую разделяют некоторые милиции. В Машрике, в частности – в Ираке, активно действуют шиитские милиции, этот феномен кажется более естественным, поскольку этноконфессиональный фактор здесь вообще играет определяющую роль в организации общественной и политической жизни. В то же время и в относительно гомогенной в конфессиональном отношении Ливии сформиро-

вались милиции, обладающие ярко выраженной конфессиональной идентичностью салафитов-мадхалитов. Характерно, что они присутствуют как на востоке страны – в составе ЛНА, так и на западе. Так, сильнейшая в Триполи структура – *кувват ар-рад*⁶ под руководством Абдеррауфа Кара, контролирующая действующий столичный аэропорт и городскую тюрьму и выполняющая функции своеобразной полиции нравов, была и остается салафитско-мадхалитской силой.

Армии и силовые структуры

Третий имеющий средневековые корни элемент, который будет нами рассмотрен – это армии и вообще силовые структуры, обладающие рядом специфических характеристик и играющие совершенно особую роль в арабских политических системах.

Традиционный тезис, развивавшийся в том числе в отечественной науке, о модернизационной роли армий в арабских странах в XX в. (Мирский 1989) сложно поставить под сомнение, однако вопрос о том, может ли армия и сегодня играть прогрессистскую роль, представляется вполне уместным.

Конечно, история государственных вооружённых формирований в арабских странах сложна и запутана. Одна из проблем, с ней связанных, состоит в том, что само применение понятия «армия» к средневековому государству стадиально некорректно. Тем не менее, обобщая известный материал, можно выделить несколько особенностей, которые отличали подобные структуры в *Дар ал-ислам* классического периода.

Первые мусульманские вооружённые силы формировались по племенному принципу и были предназначены, прежде всего, для расширения пределов халифата (*футух ал-ислам*). В большинстве случаев, завоевывая ту или иную территорию, племена не селились в существующих городах, но строили собственные военные поселения (из них потом выросли такие города, как Куфа, Басра, Фустат, Кайруан и др.), где селились в образованных по племенному принципу кварталах. Логика развития раннесредневековой империи предполагала, что эти племена должны были вести постоянную экспедиционную деятельность, обеспечивавшую их необходимыми доходами и не позволявшую вмешиваться в политическую жизнь государства⁶.

Истощение экспедиционного потенциала арабских сил стало в сущности одной из причин роста противоречий между племенами в центральных районах халифата, что в свою очередь, оказалось важным фактором дестабилизации государства Омейядов и его падения в 750 г.

При Аббасидах помимо вечно неспокойных арабских племён военную силу халифата стали составлять и специфические силы, формировавшиеся поначалу из персов-хорасанцев, затем из тюрок и других этнических групп.

⁶ Ч. Робинсон даже предпочитал называть халифат Омейядов не государством, а политией, подчёркивая тем самым отсутствие институтов и его экспансионистский характер (Robinson 2005).

Часть из них (к примеру, армянские отряды) были в сущности наёмниками и использовались для ведения боёв на границах халифата в Малой Азии.

Другие, специально формировавшиеся из иноэтнических групп, состояли из обученных военному делу рабов и выполняли преторианские функции. Не имея корней в столичном обществе и не связанные с арабскими элитами, они оказывались силой, в сущности враждебной и тем, и другим, не столько обеспечивавшей безопасность правителя, сколько терроризировавшей местное население. В конце концов, переезд двора из Багдада в Самарру был вызван именно необходимостью снизить конфликтность между населением и этими гвардейскими отрядами.

Однако давление преторианцев испытывало не только общество, но и сам халиф, превращавшийся, в сущности, в игрушку в руках обладавших реальной властью военных. Единственным выходом было создание параллельных друг другу структур на разной этнической основе и поддержание между ними постоянного духа соперничества.

Все указанные особенности можно обнаружить и в современных арабских странах, в подавляющем большинстве которых армии и другие силовые структуры до сих пор играют ключевую политическую роль.

Мы легко можем обнаружить племенной принцип формирования армий, к примеру, в таких странах, как Ливия (как при Каддафи (Ouannes 2009), так и после него), Ирак, Йемен. Более того, в ливийском случае, по мнению целого ряда экспертов и аналитиков, основой существования ЛНА выступает именно её щедро оплачиваемая экспедиционная активность. Характерно, что практически всегда при прекращении экспансии армия маршала Хафтара погружается в бесконечные междуусобные дрязги⁷.

Роль племенного фактора в формировании вооружённых сил в целом ряде случаев означает не только милитаризацию отдельных племён, превращающихся в опору политического режима, но и трайбализацию вооружённых сил, политические стратегии которых в ситуации кризисов и конфликтов начинают подчиняться племенной логике. Ярким примером этого может служить Йемен и Ирак.

Иноэтнический характер вооружённых сил и феномен наёмничества не менее характерны. Ярким примером первого долго служила Иордания с характерной для неё особой ролью черкесской (и, в меньшей степени, чеченской) общин в силовых структурах страны. Что же до наёмничества, то его мы обнаруживаем и в Сирии с её иностранными боевиками в рядах, прежде всего, вооружённой оппозиции, и Ливия, где в рядах ЛНА сражается немало суданцев.

Наконец, характерной остаётся постоянная зависимость политических властей арабских стран от собственных силовых ведомств, заставляющая их создавать множество конфликтующих друг с другом параллельных силовых структур. В одной только Сирии действует, по меньшей мере, семнадцать спецслужб.

⁷ Интервью с ливийскими экспертами, май 2019 г.

Особую историческую траекторию вооружённые силы прошли в Египте, где в середине XIII в. установился мамлюкский султанат. Рекрутировавшиеся из числа юношей-рабов иноэтнического происхождения (черкесского, тюркского и др.) мамлюки представляли собой закрытую военную корпорацию, из рядов которой выдвигались правители страны на протяжении без малого трёх веков – вплоть до самого османского завоевания 1517 г. После перехода страны под власть Стамбула они никуда не исчезли и в XVII–XVIII вв. смогли отчасти восстановить утраченные позиции. Только решительные действия Мухаммеда Али, физически уничтожившего едва ли ни всех мамлюков в 1811 г., положили конец их корпорации.

Несмотря на то, что тот же Мухаммед Али заложил основу египетской национальной армии, впоследствии ставшей основным агентом и национально-освободительной борьбы, и модернизации, со временем вооружённые силы в значительной степени стали воспроизводить мамлюкский опыт. Уже во второй половине XX в. они не просто оказались корпорацией, выдвинувшей из своих рядов политических лидеров, но и силой, занимавшей совершенно особое положение в политической системе страны. Исключительный правовой и экономический статусы превратили их в своеобразную неомамлюкскую силу, готовую защищать собственные корпоративные интересы (как политические, так и экономические) и отчуждённую от значительной части общества, что проявилось в 2013 г. при приходе к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси.

Разумеется, описанные специфические черты арабских армий можно обнаружить и в других развивающихся государствах мира. Однако сама комбинация этих черт представляется во многом уникальной и тесно связанной с историческими особенностями развития политических культур региона.

Интерпретации

Описанные феномены должны быть каким-то образом интерпретированы. На наш взгляд, здесь может быть предложено три объяснительных стратегии – все они дополняют друг друга, и каждая из них требует дальнейшей разработки.

Первая – гносеологическая, пожалуй, самая очевидная. Согласно ей, речь идёт не о выявлении неких реально существующих феноменов, а лишь о некоторой aberrации сознания наблюдателя, заставляющей его искать внешне схожие элементы в прошлом изучаемых обществ, конструируя исторические факты в соответствии с собственными предпочтениями и наблюданной реальностью. Подобное объяснение, при этом, вовсе не означает эпистемологической ничтожности предложенного подхода – в конце концов, следуя в предложенной логике, можно сказать, что историческое, а вслед за ним и политологическое знание вообще являются продуктами научного воображения наблюдателя, что вовсе не лишает его смысла. Здесь уместно вспомнить известное высказывание Умберто Эко из его эссе «Средние века уже начались». Конструируя условия, не-

обходимые для возрождения средних веков, он отмечал: «Наша же цель в том, чтобы иметь в распоряжении историческую картину, к которой можно было бы примерять тенденции и ситуации нашего времени. Это будет число лабораторная игра, но никто никогда не говорил всерьёз, что игры бесполезны»⁸.

Вторая стратегия, легко корреспондирующая с предыдущей и связанная с уже процитированной работой У. Эко, заставляет обратиться к идеи «нового средневековья», введенной в России в оборот ещё в 1924 г. Н. Бердяевым, и сегодня довольно отчётливо присутствующей в отечественной общественно-политической (и художественной – вспомним прозу В. Сорокина) мысли. В научном дискурсе она выражается в явлении нового медиевализма. Санкт-петербургский историк А.И. Филюшкин определяет его как «направление в культуре и истории идей, в котором для формирования образа современности используются символы и топосы, восходящие к средневековью»⁹.

Наконец, третье возможное объяснение заставляет обратиться к цивилизационному подходу, который, однако не должен пониматься в духе биологии и примордиализма, подобно тому как это делал Л.Н. Гумилев, выдвигая пассионарную теорию этногенеза. Речь может идти о закреплённых в культуре общественно-политических практиках, постоянно воспроизводимых на протяжении длительного времени, о стабильных, хотя и эволюционирующих цивилизационных матрицах, указывающих на существование некоего цивилизационного ядра.

Здесь можно провести параллель с получающим распространение в современном теоретическом дискурсе выделением государств-цивилизаций (Индия, Китай, Россия), которые в определённом смысле противопоставляются государствам-нациям или, принадлежа к ним, формируют особые образования. Отсюда выводятся специфические черты их развития и поведения их элит (включая отношения к другим государствам). Наряду с позитивной оценкой этого явления, есть и иные, правда, они, в первую очередь, касаются так называемого «цивилизационизма», который разные авторы трактуют по-разному или же допускают существование различных его форм и проявлений.

Так, сингапурский профессор Джеймс Дорси считает, что джихадизм является одним из проявлений этого самого цивилизационизма, подобно тому как существуют «нетерпимые, супремасистские проявления евангелизма и буддизма»¹⁰. Он пишет: «Цивилизационизм, вольно или невольно, играет с огнём

⁸ Эко У. Средние века уже начались. Litmir [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=139601&p=1> (дата обращения: 12.08.2019)

⁹ Филюшкин А.И. Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века? Историческая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: https://istorex.ru/page/filyushkin_ai_medicinealizm_pochemu_nam_segodnya_nuzhni_srednie_veka (дата обращения: 12.08.2019)

¹⁰ Dorsey J.M. Want to Curb Violent Attacks? Curb Civilisationalism. The Turbulent World of Middle East Soccer, 01.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mideastsoccer.blogspot.com/2019/05/want-to-curb-violent-attacks-curb.html> (accessed 12.08.2019)

процессов радикализации, которые могут привести (но могут и не привести) к политическому насилию»¹¹.

Попытки обнаружить в арабских, а то и шире – в ближневосточных или даже исламских обществах некое потаённое существенное зерно, влияние которого управляет мыслями и поступками людей, явление не новое. Достаточно упомянуть логико-смысловую теорию известного российского философа А.В. Смирнова, с идеями которого выражают категорическое несогласие многие из его коллег-философов, в частности, Тауфик Ибрагим. Вне зависимости от аргументов сторон, сама попытка подобного объяснения и возникшей дискуссии весьма закономерна. Ясно, что процесс болезненного обновления арабского мира идёт, о чём ярко говорят события последнего десятилетия – первая и вторая волны политических изменений в регионе, если считать таковыми так называемую «арабскую весну» начала 2010-х гг. и события 2019 г. в Алжире и Судане, можно видеть продолжение того, что произошло в регионе тогда, вторую волну «арабской весны».

Но где здесь силы нового и старого? И какова подлинная роль внутренних и внешних игроков, каждый из которых в той или иной степени влияет на те изменения, что очевидно продолжаются в регионе? Стоит ли видеть в неожиданном взлете разрушительного ультрарадикального ислама, «даишизма» результат кризиса симбиотического сосуществования традиции и модерна? Правы ли те, кто объясняет это явление сопротивлением традиционного исламского арабского общества мощному воздействию модернизации, которая разрушает существующие с ним цивилизационные устои?

Все эти вопросы пока ещё ожидают ответа.

Об авторах:

Виталий Вячеславович Наумкин – д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: director@ivran.ru.

Василий Александрович Кузнецов – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹¹ Ibid.

Received: July 2, 2019
Accepted: August 15, 2019

Deja vu: Medieval Motifs in Modern Arab Political Life

V.V. Naumkin, V.A. Kuznetsov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-38-53

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article analyzes specific elements of the Arab societies' political life which distinguish it from political relations in the Western nation-states. Admitting the existence of a large number of such kind of elements, the authors focus only on three of them which are related to the sources of power and its distribution. Emphasizing that these elements are deeply rooted into the Arab-Muslim political tradition, so that they have tended to be present throughout the whole Islamic period of the region, the authors find out that each of them has its own medieval countertype. Thus, the article addresses the dichotomy of the supreme power of caliphs and sultans, formed in the IX – XI centuries and manifested today both in Jihadist organizations (i.e. ISIS, Al-Qaeda) and in the political strategies of moderate Islamist movements, such as Tunisian party Al-Nahda. The second example is the urban militias, which are correlated with the medieval phenomenon of «young hero» or «chivalry» communities – fityan. The fityan communities have seven specific traits, which not only are characteristic of the militias, but also demonstrate fundamental difference between the militias and urban criminal groups. Major attention is paid to Libyan militias, which are studied on the materials of field research conducted by one of the authors. Finally, the third element discussed is the particular role of the army and other security forces in the Arab political systems.

The authors provide three possible interpretations of all the revealed coincidences. According to the first one, they are presented as aberrations of the researcher's scientific consciousness, which make them look for historical equivalents to contemporary issues. Second interpretation belongs to the tradition of «the new medievalism». According to it, the described phenomenon is in fact the revival of some medieval practices, caused by the end of the Modernity era. The last interpretation views the analyzed elements as distinctive civilization traits of the Arab world.

Key words: Arab world, fityan, militias, sultan, caliph, armies, medievalism, civilizationalism

About the authors:

Vitaly V. Naumkin – Doctor of History, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: director@ivran.ru.

Vasily A. Kuznetsov – Candidate of History, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Al-Balazuri. 1986. *Ansabal-ashraf, msSüleymaniye (Reisiüküttap)*. II(598), fol. 28b.
- Amri L. 1997. *Pour une sociologie des ruptures. La tribu au Maghreb medieval*. – Université de Tunis I. Faculté des sciences humaines et sociales, Série Sociologie, No. 2, 310 p.
- Arab Human Development in the Twenty-First Century. The Primacy of Empowerment*. 2014. Ed. by Korany B. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Arab Society. Class, Gender, Power, and Development*. 2006. Ed. by Hopkins N.S., Ibrahim S.E. Third edition. Cairo: American University in Cairo Press. 416 p.
- At-Tabari. 1995. *Ta'rih at-Tabari*. Bejrut. T. 4.
- Cahen Cl. 1991. *Futuwwa. The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II. Leiden: E.J. Brill.
- Crone P. 1980. *Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge. 302 p.
- Crone P. 1986. *God's Caliph: Religious Authority in First Centuries of Islam*. Cambridge. 157 p.
- Lacher W., Alaa al-Idrissi. 2018. Capital of Militias. Tripoli's Armed Groups Capture the Libyan State. *SANA Briefing Paper*, June 2018. 20 p.
- Lassner J. 1980. *The Shaping of Abbasid Rule*. New Jersey: Princeton University Press. 348 p.
- Lewis Cl.B. 1968. *The Regnal Titles of the First Abbasid Caliphs. Dr. Zakir Husain Presentation Volume*. New Delhi.
- Mavardi, Al-Hasan 'Ali bin Muhammad bin Habib al-Basri al-Bagdadi. 1996. Al-Ahkam as-sultaniya. Kair – Damask – Amman: Al-maktab al-islamij. Ouannes M. 2009. *Militaires, élites et modernization dans la Libye contemporaine*. Paris: L'Harmattan.
- Nassar N. 2003. *Mafhum al-umma bajna-d-din va-t-ta'rih*. Bejrut.
- Robinson Ch.F. 2005. *'Abd al-Malik*. Oxford: Oneworld.
- Taeschner Fr. 1986. *Ayyar. – The Encyclopaedia of Islam*. Vol. I, Leiden: E.J. Brill.
- Tor D.G. 2007. *Violent Order. Religious Warfare, Chivalry and the Ayyar Phenomenon in the Medieval Islamic World*. Wurzburg: Ergon Verlag Wurzburg in Kommission.
- Triki F. 1991. *L'esprit historien dans la civilisation arabe et islamique*. Tunis: Maison Tunisienne de l'Édition – Faculté des Sciences Humaines et Sociales de Tunis. 400 p.
- Al-Mas'udi. 2002. *Zolotye kopi i rossyipi samocvetov* [Gold Mines and Placers of Gems]. Moscow: Natalis. 799 p. (In Russian)
- Galeotti M. 2019. *Vory. Istoriya organizovannoj prestupnosti v Rossii* [Robbers. Russia's Super Mafia]. Moscow, Individuum. 448 p. (In Russian)
- Gasymov K. 2015. Razlad v stane dzhihadistov: ideologicheskaya bor'ba Al'-Kaidy s organizacij «Islamskoe gosudarstvo» [Discord in the Jihadists Camp: Al-Qaeda's Ideological Battle with the Islamic State]. *Indeks bezopasnosti*. No. 3. P. 61-82. (In Russian)
- Ignatenko A.A. 1989. *V poiskah schast'ya. Obshchestvenno-politicheskie vozzreniya arabo-islamskikh filosofov srednevekov'yia* [In search of Happiness. Socio-Political Views of the Arab-Islamic Philosophers of the Middle Ages]. Moscow: Mysl'. 254 p. (In Russian)
- Mirskij G.I. 1989. *Rol' armii v politicheskoy zhizni stran «Tret'ego mira»* [The Role of the Army in the Sociopolitical Development of Asian and African Countries]. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russian)
- Naumkin V.V. 2014. Civilizacii i krizis nacij-gosudarstv [Civilizations and the Crisis of Nation-States]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 1. P. 41-59. (In Russian)
- Naumkin V.V., Baranovskij V.G. and oth. 2018. *Blizhnij Vostok v menyayushchemsy global'nom kontekste* [The Middle East in a Changing Global Context]. Moscow: IV RAN Publ. 556 p. (In Russian)
- Sapronova M.A. 2012. Postrevolyucionnye konstitucii i instituty vlasti arabskikh stran (na primere Egipta, Marokko i Tunisa) [Post-Revolutionary Constitutions and Institutions of Power of the Arab Countries (the Examples of Egypt, Morocco and Tunisia)]. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 179-198. (In Russian)
- Vajs M., Hasan H. 2016. *Islamskoe gosudarstvo. Armiya terror* [ISIS: Inside the Army of Terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 346 p. (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2017. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevynosimaya hrupkost' bytiya [Sovereignty and Statehood in the Middle East – Intolerable Fragility of Life]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. No. 2. P. 97-109. (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109

Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhniy Vostok i Central'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Performance]. Moscow: Aspekt Press. 224 p. (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2019. Simvoli i cennosti v mezhdunarodnyh otnosheniyah na Blizhnem Vostoke [Symbols and Values in International Relations in The Middle East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 105-123. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08

Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov V.A. 2017. Gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke. Budushchee nachalos' vchera [Sovereignty and Statehood in The Middle East: The Future which Started Yesterday]. *Mezhdunarodnye processy*. No. 4. P. 6-19. (In Russian)

Литература на русском языке:

Ал-Мас'уди. 2002. *Золотые копи и россыпи самоцветов. История Аббасидской династии: 749-947 гг.* Москва: Наталис. 799 с.

Вайс М., Хасан Х. 2016. *Исламское государство. Армия террора*. Москва: Альпина нон-фикшн. 346 с.

Галеотти М. 2019. *Воры. История организованной преступности в России*. Москва: Individuum. 448 с.

Гасымов К. 2015. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией «Исламское государство». *Индекс безопасности*. № 3. С. 61-82.

Звягельская И.Д. 2017. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2(10). С. 97-109. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109

Звягельская И.Д. 2018. *Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении*. Москва: Аспект Пресс. 224 с.

Звягельская И.Д. 2019. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 105-123. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08

Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. 2017. Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера. *Международные процессы*. № 4. С. 6-19. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.1

Игнатенко А.А. 1989. *В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья*. Москва: Мысль. 254 с.

Мирский Г.И. 1989. Роль армии в политической жизни стран «Третьего мира». Москва: Наука. 198 с.

Наумкин В.В. 2014. Цивилизации и кризис наций-государств. *Россия в глобальной политике*. № 1. С. 41-59.

Наумкин В.В., Бараповский В.Г. и др. 2018. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Москва: ИВ РАН. 556 с.

Сапронова М.А. 2012. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса). *Политическая наука*. № 3. С. 179-198.

Арабский национализм в Палестине в начале XX в.

Л.М. Самарская

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН

В статье рассматривается вопрос возникновения арабского националистического движения в начале XX в. Эта тема актуальна и в настоящее время, поскольку для понимания политических и социальных процессов, происходящих на Ближнем Востоке в XXI в., необходимо изучить их истоки и основания. Главные проблемы, к которым обращается автор – какие факторы в наибольшей степени повлияли на зарождение арабского национализма (как его панарабского, так и регионалистского проявления), когда именно он сформировался в полной мере и каковы были особенности его возникновения в Палестине.

В зарождении и формировании арабского национального движения в начале XX в. автором выделяются три основных периода. Первый – Нахда, арабское культурное возрождение второй половины XIX в., которая стала неким фундаментом для более позднего развития националистических идей. При этом автор старается показать, что культурное возрождение само по себе ещё не было вполне националистическим, хотя и сыграло важную роль в целом. Второй ключевой период – политическое оформление национального арабского движения в первые десятилетия XX в., решающее влияние на которое оказала оттоманистская, а затем пантюркистская политика властей Османской империи, националистическая по своей сути. Сионизм, как указывается в тексте, до Первой мировой войны был не столь важной темой для зародившегося панарабского движения, хотя в Палестине он постепенно начинал вызывать беспокойство местных жителей. Третий ключевой момент, ставший решающим в арабском национальном развитии, – «Великое арабское восстание», которое, хоть и не было достаточно массовым и всеобъемлющим, помогло панарабскому движению выйти на международную арену благодаря тому, что оно привлекло к нему внимание великих держав – в значительной степени благодаря переписке Мак-Магона – Хусейна. В итоге в ходе послевоенного урегулирования панарабизм стал более массовым и международно признанным явлением, хотя в итоге он оказался раздроблен на множество региональных движений, в числе которых был и палестинский национализм, что не в последнюю очередь было связано с англо-французским разделом Ближнего Востока на зоны влияния.

В целом формирование арабского национального движения было многоплановым и постепенным явлением, влияние на которое оказывали разнообразные факторы. При этом своя специфика была и в возникновении региональных групп, которые, будучи поначалу частью панарабизма, хоть и со своими особенностями,

УДК 94, 172.1

Поступила в редакцию: 28.06.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

в период после Первой мировой войны стали в значительной степени самостоятельными.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабский национализм, панарабизм, Нахда, пантюркизм, Палестина, сионизм, Великое арабское восстание, Первая мировая война

XX в. стал эпохой национального пробуждения народов Востока – по аналогии с националистическими движениями в Европе в XIX в. Ближний Восток не стал исключением: зародившиеся в его рамках пантюркизм и панарабизм, а также привнесённый извне, но игравший одну из ключевых ролей сионизм стали главными националистическими движениями, во многом сформировавшими его образ и реалии, существующие в наши дни. Однако, несмотря на то, что вопрос турецкого, арабского и еврейского национализма, а также их взаимодействия и взаимовлияния неоднократно рассматривался исследователями в течение целого столетия, до сих пор нет очевидного ответа на вопрос, какие именно факторы в наибольшей степени повлияли на возникновение и развитие арабского, в частности палестинского, национализма, какое из подобных ему движений воздействовало на него сильнее (пантюркизм или сионизм) и каковы были его особенности с учётом специфики исторического периода.

Одним из главных вопросов, которые стоят перед исследователями, заключается в следующем: был ли арабский национализм реакцией на сионистское движение и его приход на Ближний Восток или же он возник под влиянием других факторов? Когда обособленно возник палестинский национализм и можно ли было его выделить на начальных этапах развития арабского национального движения? Как вообще изменилась социополитическая расстановка сил на Ближнем Востоке в начале XX в. (до, во время и после Первой мировой войны)? В настоящей статье автор постарался выявить основные противоречия, связанные с указанными вопросами, и, по возможности, дать свой ответ на них.

Тема арабского национального движения в той или иной форме рассматривается уже на протяжении столетия. Первой работой, исследовавшей его в полной мере, было «Арабское пробуждение» Джорджа Антониуса, которая и сейчас считается одной из базовых при изучении этой темы. Не все поступаты, выдвинутые автором, являются общепринятыми в наши дни, однако его исследование до сих пор сохраняет фундаментальную значимость. Одним из базовых вопросов, поднятых Дж. Антониусом в его работе и активно рассматриваемых исследователями, является проблема периодизации зарождения арабского национализма. Ответы на него порой даются полярные. Например, сам Дж. Антониус возводит истоки арабского национализма к первой половине – середине XIX в., считая, что и литературные кружки, появившиеся в тот период, можно считать вполне националистическими (Antonius 1938: 53-55). Суще-

ствуют и относительно современные исследователи, которые придерживаются аналогичной позиции – например, Абдэльазиз Айяд (автор книги «Арабский национализм и Палестинцы (1850-1939)»), полагающий, что политическая сознательность арабского населения Османской империи в целом и палестинских арабов в частности проявлялась уже в подобных научно-литературных обществах (Ayyad 1999: 33-34). Другие историки с этим не согласны – автор работы «Противостоя империи, создавая нацию: арабские националисты и народная политика в подмандатной Палестине», американский учёный Уэлдон Мэттьюз считает, что до 1910-х – 1920-х гг. XX в. сложно говорить об арабском национальном движении, поскольку вплоть до выхода на ближневосточную арену европейских держав после Первой мировой войны оно не носило массового характера, будучи ограничено лишь незначительными группами интеллектуалов (Matthews 2006: 3-4).

Ещё один важный вопрос – основные факторы, воздействовавшие на появление как панарабского, так и специфически палестинского движения. В этом плане среди исследователей также нет единства во мнениях. В то время как многие историки сходятся в том, что Нахда, арабское культурное возрождение, сыграла в этом определённую роль, не все готовы признавать значимость религиозного фактора в этом плане. Бернард Льюис, автор «Арабов в истории», делает больший акцент на деятельности христианских миссионеров (Lewis 2002: 190), в то время как тот же Уэлдон Мэттьюз уверен в равной значимости деятельности христианских и мусульманских реформаторов (Matthews 2006: 12-13).

Однако главный вопрос заключается в том, какой из социо-политических факторов оказал наибольшее влияние на появление арабского национального движения: сионизм или же оттоманизм и пантюркизм (или турецкий национализм). Мнения исследователей по этому поводу бывают противоположны. Наиболее распространённой позицией ещё некоторое время назад была идея о том, что арабское движение развилось в ответ на сионизм, как реакция на потенциальное создание еврейского государства в Палестине – так считают в том числе Йехошуа Порат, израильский исследователь, автор работы «Возникновение палестино-арабского национального движения (1918-1939)» и Джеймс Гельвин, американский востоковед, автор книги «Современный Ближний Восток». По их мнению, палестинское движение появилось в качестве самостоятельного течения лишь после Первой мировой войны в ответ на сионистскую программу, до этого будучи частью панарабского национализма (Porath 1974: 20-24; Gelvin 2011: 221-222). Сейчас же распространена другая концепция, представленная в статье палестинского исследователя Мухаммада Муслиха «Арабская политика и подъём палестинского национализма», в соответствии с которой особый палестинский национализм появился ещё до Первой мировой войны (Muslih 1987: 77-78), однако стал самостоятельным течением только после неё, поскольку обстоятельства сложились таким образом, что Палестина оказалась отделена от Сирии, основы арабского движения в тот период. На возникновение же его

в целом в наибольшей степени повлияла пантюркистская политика османских властей, вызвавшая ответную реакцию арабского населения – об этом пишет российский исследователь Григорий Григорьевич Косач в статье «Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса» (Косач 2007: 267–268).

Нахда, арабское культурное возрождение

Основы для арабского национального возрождения были заложены ещё в середине XIX в.: именно тогда была значительно улучшена система образования, стали появляться европейские школы (Antonius 1938: 37–40). Первые националистические идеи появились среди арабов-христиан под влиянием французских и американских миссионеров-просветителей в Сирии и Ливане. При том, что для них был характерен скорее регионализм, некоторые панарабские идеи среди них прослеживались. Принадлежность к арабам в целом определялась на основе не столько этнической, сколько лингвистической и культурной общности. Религия при этом, как ни странно, не играла разделяющей роли: доосманское исламское наследие воспринималось как общеарабское вне зависимости от вероисповедания определённой арабской группы (Joffé 1983: 162).

Значительную роль в создании базы для развития национального движения сыграло арабское культурное и литературное возрождение (так называемая Нахда): был обновлён арабский язык, в нём появились слова для новых идей и явлений, стали активно развиваться арабские печатные издания, на арабский стали переводить европейскую литературу, на нём стали писать исторические романы (Matthews 2006: 11–12). Это создало общий культурный контекст для арабоговорящих жителей Ближнего Востока (как мусульман, так и христиан): они смогли ощущать себя частью единой среды, разделяющей близкие ценности, обладающей сходным историческим наследием и, что самое важное, единым настоящим (как известно, периодические печатные издания в Европе стали одним из факторов конструирования наций (Anderson 2006: 24–25); схожую роль они сыграли и на Ближнем Востоке).

По мнению палестинского исследователя Абдэльазиза Айяда, арабское национальное движение в начальной форме проявлялось уже в сороковые годы XIX в.: это характеризовалось политической сознательностью и идеей о независимости от Османской империи (в частности, среди арабов Палестины). Одним из признаков он также называет появление литературных обществ (например, «Сирийского научного общества», созданного в 1840-е – 1860-е гг.), целью которых было «возрождение арабской литературы, языка и наследия» (Ayyad 1999: 33–34). С его точки зрения, даже литературные кружки, созданные в этот период, были ориентированы преимущественно на политические вопросы (там же). Однако не все исследователи с ним согласны: например, Йехошуа Порат, израильский историк из Еврейского университета, полагает, что недовольство

османской администрацией в то время могло быть вызвано реформами Танзимата, а также общим недовольством населения, которому «не хватало политического самовыражения», а не пробудившимся национально-политическим самосознанием (Porath 1974: 22).

Если периодические издания, светские школы, развитие литературы стали фактором, значительное влияние на который оказывали западные идеи и ценности, применённые на ближневосточной почве, то салафизм стал внутренним движением, которое многое привнесло в развитие арабского национального самосознания. Возникнув на базе ислама, он имел черты своеобразного арабского Просвещения и сочетал их с мусульманскими пророческими концепциями. Его идеологи призывали возвращаться к истокам, связывали настоящий ислам с арабской культурой, и поэтому считали необходимым изучение арабского языка, классической литературы, науки для возрождения истинного ислама (Matthews 2006: 13). Для привлечения на свою сторону молодых арабов, в целом стремившихся к светскости, сторонники салафизма в Сирии поддерживали распространение современного образования и более свободного выражения мнений. А их идея об особом статусе арабов среди всех мусульман была в принципе привлекательна для зарождавшегося этнического самосознания сирийцев (Commins 1986: 409).

Зарождение арабского национализма

По мнению британо-американского историка Бернарда Льюиса, на возникновение арабского национализма оказали влияние несколько факторов: во-первых, растущее недовольство политикой турецких властей; во-вторых, недоверие к нараставшему влиянию Запада; в-третьих, влияние европейских националистических идей; в-четвёртых, возрождение арабского языка и культуры. Последнее он связывает преимущественно с деятельностью арабов-христиан, отмечая, что для арабов-мусульман «две формы самовыражения [национального и религиозного] не были в полной мере разделены», в то время как христиане не могли солидаризироваться с идеями панисламизма, характерными для мусульман, а потому должны были искать другую форму объединяющей идентичности (Lewis 2002: 190). С точки зрения автора настоящей статьи, Б. Льюис умаляет влияние реформированного ислама на возникновение общеарабского движения: в пользу значимости его роли говорит несколько факторов. В первую очередь, само соотношение христианского и мусульманского населения на Ближнем Востоке¹ не позволяет преуменьшить большую влиятельность общин, исповедовавших ислам. Ещё один фактор, который необходимо учитывать – деятельность исламских реформаторов, которые одними из первых выдвинули идею о желательности независимого развития арабского народа, а также разде-

¹ К примеру, в конце XIX в. около 16% населения Палестины составляли арабы-христиане (Mandel 1976: xxi).

лении светской и религиозной власти (например, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, речь о котором пойдёт чуть позднее). По мнению автора, деятельность христианских арабских просветителей и мусульманских арабских реформаторов были равноправными источниками арабского национализма на Ближнем Востоке.

Хотя многие идеи арабского национализма (а скорее его национально-конфессиональной основы) зародились в Египте², именно на территории Сирии и Ливана наиболее явно проявлялись новые тенденции (как панарабские, так и регионалистские), которые вступали в противоречие с идеями оттоманизма. Уже в 1860-е гг. там возникло несколько движений (вскоре исчезнувших), выступавших за независимость или автономию Ливана и Сирии соответственно. Однако они всё ещё не были в полной мере националистическими: одно выступало преимущественно на стороне арабов-христиан, а другое практически исключительно состояло из арабов-мусульман (Dawn 1991: 8), а то время как в полной мере сформировавшееся позднее панарабское движение включало в себя как христиан, так и мусульман.

Наряду с египетским исламским реформатором Мухаммадом Абду, существовал другой деятель, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849-1902), уроженец Сирии, который считается предтечей панарабизма. Убеждённый в том, что именно возврат к истинному исламу мог возродить арабский народ, он в то же время считал необходимым разделение светской и религиозной власти, что делает его, таким образом, основоположником светского направления исламского реформизма. Именно это течение, использовав базовые положения ислама и трансформировав их, стало одним из оснований для возникновения светского панарабизма среди населения Ближнего Востока (Arab Nationalism 1974: 25-27; Dawn 1991: 9).

В то время как еврейский национализм формировался в европейском контексте, арабский возник в рамках оттоманизма и отчасти как ответ на него: поскольку арабы были встроены в османскую административную систему, они невольно знакомились с новыми идеологическими тенденциями (на которые повлияли и западные идеи) в её рамках. Оттоманизм (провозглашённый в рамках реформ Танзимата) можно назвать особой формой национализма: он должен был объединить и уравнять всех подданных османского султана – вне зависимости от их происхождения и религии, а также включить их в административную, судебную и образовательную систему (Matthews 2006: 11; Evered 2012: 3-5). Несмотря на его эгалитаристские цели, он не встретил значительной поддержки среди жителей Османской империи: мусульмане были частично лишены привилегированного положения (Al-Azmeh 1995: 14), меньшинства же восприняли это как препятствие для самоуправления и вторжение во внутреннюю жизнь их общин (Evered 2012: 14). Естественно, эти настроения были тем

² Одним из реформаторов ислама и, соответственно, основателей концепции новой арабо-мусульманской идеологии был Мухаммад Абду (1849-1905), египетский религиозный и общественный деятель, который также был сторонником египетского территориалистского национализма (Matthews 2006: 13; Dawn 1991: 8).

или иным образом восприняты и городским (преимущественно) населением на территории Палестины (Matthews 2006: 11).

Первым проявлением политической позиции зарождавшегося национального движения стала работа сиро-ливанского маронита Неджиба Азури «Пробуждение арабской нации в турецкой Азии» (*«Le Réveil de la Nation Arabe dans l'Asie Turque»*), опубликованная в Париже в 1905 г. В ней он призывал к провозглашению независимости арабского национального движения и к созданию им государства вне рамок Османской империи³ (Косач 2007: 267; Porath 1974: 22). В соответствии с манифестом «арабской национальной партии Турции», приведённым Н. Азури в начале своей книги, «арабская империя» должна была быть создана на территориях «от долины Тигра и Ефрата до Суэцкого канала и от Средиземного моря до Оманского залива». Хиджазский вилайет (вместе с территорией Медины) должен был стать отдельной «империей», управление которой предполагалось передать правителю, который одновременно являлся бы «религиозным халифом всех мусульман». Ливану планировалось предоставить автономию, для святых мест в Палестине и «независимых княжеств Йемена и Персидского залива» – сохранить статус-кво. Освобождение предлагалось и другим народам османской империи: курдам, армянам, албанцам и другим. Автор также просил «просвещённые и гуманные страны Европы и Северной Америки» о помощи, которая должна была заключаться в их нейтралитете и сочувствии идеям освобождения народов от притеснения «сотни турко-черкесских функционеров» (угнетающих «12 миллионов арабов»)⁴.

Характеризуя политику различных держав по отношению к Османской империи (России, Великобритании, Франции и других), а также описывая её собственную внутреннюю политику, Н. Азури особое внимание уделяет Палестине в связи со «скрытой попыткой евреев восстановить древнюю монархию Израиля в очень больших масштабах»⁵. Он описывает её географическое, экономическое, политическое, социальное положение, также характеризует те границы, в которых, по его предположению, евреи планировали восстановить своё государство⁶. Н. Азури, помимо этого, пишет об арабском национальном пробуждении⁷. Несмотря на явную для него «еврейскую угрозу», он считает главным врагом арабского национального движения именно турок, весь административный аппарат Османской империи и даже султана, действия которого он активно критикует⁸.

³ Azoury N. 1905. *Le Réveil de la Nation Arabe dans l'Asie Turque*. Paris: Librairie Plon, Plon-Nourrit et Co. P. I.

⁴ Ibid. P. I-IV.

⁵ Ibid. P. V.

⁶ Ibid. P. 7.

⁷ Ibid. P. V.

⁸ Ibid. P. 181-257.

Накануне Первой мировой войны: реформы младотурок и тайные организации

Значительные изменения, которые неизбежно затронули все категории населения Османской империи, произошли в связи с Младотурецкой революцией 1908-1909 гг. Несмотря на общность религии, а также на кооперацию, которая существовала между младотурецкими и арабскими тайными обществами до революции, после неё правительство стало проводить явную оттоманистскую, а затем пантюркистскую политику (подразумевавшую распространение и насаждение турецкого языка, а также замещение многих должностей в административном аппарате чиновниками турецкого происхождения), которая вызвала неприятие нескольких групп населения, в частности арабов (Haddad 1994: 204; Khalidi 1991: 54). Важным фактором стало проведение новым младотурецким правительством политики тюркизации в школах, судах и в административной сфере. Хотя это не было направлено против арабоговорящего населения как такого, будучи скорее частью общего расширения государственных институтов, а также общей централизации управления, подобные действия были восприняты негативно. При этом политика некоторой либерализации способствовала дальнейшему возрождению арабской культуры, созданию новых периодических печатных изданий, которые в довоенный период были основными проводниками идей зарождавшегося арабского национализма (Matthews 2006: 14).

С политикой турецких властей также было связано появление первых тайных организаций арабских националистов – самыми известными были «Аль-Фатат» и «Аль-Ахд» (Чикаидзе 2018: 133; Matthews 2006: 15-16). Первая была создана в 1909-1911 гг. группой арабских студентов, 1911 г. учредивших её Административный комитет в Париже. Их целью было возрождение арабского народа, которое позволило бы ему приблизиться в развитии к европейским нациям. В их программе не упоминалась арабская независимость, будучи в то же время конечной целью их деятельности, поскольку во время войны они выступали за создание независимого государства на территории Месопотамии (Чикаидзе 2018: 133). Вторая же – организация арабских офицеров, созданная в 1913 году и выступавшая за арабскую независимость, уважение исламских законов и установление халифата на Ближнем Востоке (Ayyad 1999: 48-49).

Ещё одной важной организацией (которая не была тайной) стала Партия за децентрализацию османской администрации, созданная в 1913 г. в Каире группой сирийских деятелей. Её филиалы появились в Сирии, Палестине, Месопотамии (Matthews 2006: 14-15]) У неё было две основных цели: продемонстрировать османскому правительству необходимость децентрализации власти, а также заручиться поддержкой населения в реализации этой идеи (Ayyad 1999: 49). Наряду с «Аль-Фатат» и «Аль-Ахд», она была одной из партий-организаторов Арабского конгресса, который стал первым официальным объединением всех (или большинства) арабских националистических партий накануне Первой мировой войны.

Религиозные различия не имели большого значения в развитии арабского национального движения. При том, что ислам сыграл важную роль в его появлении, даже выступления арабов Палестины против заселения её сионистами не носили явного религиозного характера (Крылов, Морозов 2017: 44). Однако в рамках арабского национализма существовало другое разделение: существовали как сторонники панарабизма, так и те, кто склонялся в сторону регионализма (в значительной степени это было характерно для населения Сирии). Одним из проявлений регионалистских тенденций было существование различных арабских националистических организаций на разных территориях: своя была в Сирии («Аль-Фатат»), в Палестине («Арабский клуб», появившийся в 1918 г.), в Месопотамии («Аль-Ахд») (Muslih 1987: 83; Roshwald 2001: 190).

В 1913 г., после переворота «Единения и прогресса» и перехода правительства к политике активной тюркизации, представители сирийских децентрализационных сил провели в Париже Первый арабский конгресс (иногда его называют «Арабским конгрессом», считая «первым» проведённый в Дамаске в 1919 г. (Quandt, Jabber, Lesch 1974: 14-15). Требования к османскому руководству, выдвинутые ими по его итогам, были достаточно общими и расплывчатыми: они включали использование арабского языка как официального, проведение местных реформ в арабских провинциях, улучшение положения арабского населения в целом (Matthews 2006: 14-16; Ayyad 1999: 50-51). Вопрос еврейской иммиграции на Ближний Восток на нём был затронут минимально, чем были недовольны представители палестинских движений, что выражалось в публикациях распространённых в этом регионе в то время газет: «Аль-Кармель» и «Филистин» (Ayyad 1999: 51-52). И в тот, и в более поздний период они были главными проводниками антисионистских идей (Khalidi 2009: 57). Однако сам факт, что вопросу Палестины во время конгресса не было уделено достаточно внимания, говорит о том, что за пределами этой территории проблема миграции сионистов туда не считалась достаточно острой.

Великое арабское восстание и послевоенное урегулирование

Во время Первой мировой войны наиболее явным проявлением панарабского движения считается восстание под предводительством шеира Мекки Хусейна. Однако не все исследователи с этим согласны. Есть мнение, что идеи лидеров восстания были скорее панисламскими, чем панарабскими, но даже это не привлекло значительных масс населения на их сторону (Dawisha 2003: 34-36). Мотивы шеира Мекки, действительно, были далеки от панарабских идеалов: его планы по организации восстания были связаны, во-первых, с попыткой османских властей организовать против него заговор, чтобы утвердить свою власть в Хиджазе, а во-вторых, появлением у него сильного соперника, также претендовавшего на власть над Аравийским полуостровом, Абдель Азиза ибн Сауда (Самарская 2016: 19-20). При этом и он во время переписки с англичанами

ми, и тайные организации, сотрудничавшие с ним, намеренно преувеличивали степень своей влиятельности среди населения Османской империи: в реальности к началу Первой мировой войны все эти группы вместе взятые насчитывали не более трёх сотен членов (Matthews 2006: 15-16; Dawisha 2003: 29-30).

Однако восстание действительно сыграло важную роль: с помощью договорённостей, заключённых с англичанами (переписки Мак-Магона – Хусейна), оно помогло арабскому движению выйти на международный уровень, что было бы невозможно, если бы представители арабских националистов остались в тени. В этом случае их позиция могла бы не быть услышана вовсе, хотя, конечно, и полученные в ходе послевоенного мирного урегулирования территории не вполне соответствовали их ожиданиям. О некоторых расхождениях в объявленных панарабских идеях восстания и собственных интересах различных региональных групп говорит и итог первой послевоенной арабской конференции, проведённой в Дамаске.

Летом 1919 г. представители трёх оккупированных арабских зон (восточной, южной и западной)⁹ провели Всеобщий сирийский конгресс, по итогам которого была принята так называемая «Дамасская программа»¹⁰ (Чикаидзе 2018: 134; Фомин 2010: 89), в соответствии с которой на территориях современной Сирии, Иордании и Израиля должно было быть создано независимое сирийское государство во главе с королём Фейсалом. В случае, если требование полной независимости было бы отклонено Лигой наций, допускалось получение экономической и технической помощи со стороны державы-мандатария, которой могли бы стать либо США, либо, в случае их отказа, Великобритания, но определённо не Франция, любые права которой на сирийские территории категорически отрицались. При этом отделение от Сирии любых территорий, будь то Палестина (с формулировкой «южная часть Сирии, известная как Палестина») или Ливан назывались неприемлемыми. Особенные возражения выдвигались против создания еврейского государства («commonwealth») в южной части Сирии, сионистской иммиграции «в любую часть ... страны» и сионистской идеи в целом. В то же время в документе подчёркивалось, что, во-первых, евреи были представлены на Конгрессе, а во-вторых, что права евреев, уже проживавших на сирийской территории, никак не должны быть и не будут ущемлены. Отдельно выделялся вопрос Месопотамии, которая также должна была стать независимой, а также необходимости отсутствия экономических барьеров между ней и Сирией. Значительный акцент в «Дамасской программе» делался на идеях Вудро Вильсона как на основе притязаний сирийского народа и как гарант их реализации¹¹.

⁹ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919 [Электронный ресурс]. Erenow. Modern History. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

¹⁰ Аксенёнок А.А. Перспективы послевоенной Сирии: конституция и государственно-политическое устройство / РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-poslevoennoy-sirii-konstitutsiya-i-gosudarstvenno-politicheskoe-ustroystvo/> (дата обращения: 12.08.2019)

¹¹ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919. Erenow. Modern History [Электронный ресурс]. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

Необходимо отметить, что в тексте документа не идёт речи о создании единого арабского государства – в этом смысле он является проявлением скорее регионалистского, чем панарабского направления арабского национализма. В нём также, как мы видим, отсутствует выделение палестинских арабов как особой этноконфессиональной группы, что позволяет говорить о том, что интересы населения Сирии и Палестины тогда ещё не были разделены. При этом, как уже упоминалось выше, в Палестине были как свои печатные издания, так и свои националистические организации. В феврале 1919 г. местные политические группы организовали Всепалестинскую конференцию, или Палестинский арабский конгресс, на котором было поддержано включение Палестины в независимую Сирию и избраны делегаты для Всеобщего сирийского конгресса в Дамаске (Quandt, Jabber, Lesch 1974: 190).

Одним из свидетельств того, что арабское движение стало игроком, роль которого приходилось учитывать на политической арене (в первую очередь благодаря принципам «новой дипломатии», но также вследствие активных контактов его представителей с британскими политическими деятелями во время Первой мировой войны), был ряд британских деклараций, одна из которых была выпущена совместно с Францией в конце 1918 г. В официальном заявлении Союзники объявили своей задачей в отношении народов Османской империи их освобождение, создание национальных правительств и администраций на базе свободного выбора местного населения, их экономическое и социальное развитие¹². Это вполне соответствовало духу «новой дипломатии», хотя имело мало отношения к реальным намерениям Союзников (Fieldhouse 2006: 59): их целью было ослабление подозрений арабов (а также Соединённых Штатов) и, соответственно, получение возможности действовать в своих интересах под благовидным предлогом. Другие британские декларации, выпущенные в 1918 г. (включая «сообщение Хогарта»¹³, «Декларацию к Семи»¹⁴, а также заявление генерала Эдмунда Алленби, обращённое к эмиру Фейсалу), имели аналогичные цели.

Летом 1919 г. на Ближний Восток по инициативе США была отправлена комиссия Кинга – Крейна (официально названная Международной комиссией по мандатам в Турции), целью которой было определение мнения местного населения относительно будущей организации политического управления на этой территории. Предложение об отправке этой комиссии поступило от эмира Фейсала, который на Парижской конференции пытался продвигать идею создания ближневосточного арабского государства на основе принципа национального самоопределения, провозглашённого Вильсоном в его Четырнадцати пунктах, что президент Америки активно поддержал.

¹² Anglo-French Declaration (November 7, 1918). the Balfour Project [Электронный ресурс]. URL: <http://balfourproject.org/anglo-french-declaration/> (accessed 12.08.2019)

¹³ Hogarth Message (January 4, 1918). – A Survey of Arab-Israeli Relations 1947-2001. Ed. by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002. P. 260-261.

¹⁴ The Declaration to the Seven (June 16, 1918). – Antonius George. The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement. Philadelphia: J.B.Lippincott Company, 1938. P. 433-434.

Выводы этой комиссии в целом оказались крайне невыгодны как для Франции, так и для Великобритании: Палестину население и Сирии, и Палестины предпочло бы видеть включённой в состав Сирии, что не соответствовало более ранней договорённости Союзников; создание еврейского государства там не поддерживалось подавляющим большинством опрошенных местных жителей; многие высказались за предоставление независимости Месопотамии (которую Великобритания была намерена включить в сферу своего влияния); независимый Великий Ливан (который планировала создать Франция) выбрала лишь незначительная часть населения; любой форме иностранного контроля подавляющее большинство опрошенных предпочло полную независимость¹⁵.

Рекомендации комиссии, вынесенные в финальный отчёт, несколько расходились как с мнением, выраженным населением, так и с интересами Великобритании и Франции (а потому были опубликованы лишь в 1922 г.): Сирия должна была остаться единой, но управляться при этом страной-мандатарием (одним – во избежание какого-либо её раздела); главой нового Сирийского государства предлагалось сделать эмира Фейсала. Помимо этого, сионистская программа должна была быть пересмотрена: иммиграцию евреев в Палестину рекомендовалось значительно ограничить (во избежание конфликта с местным населением), саму территорию предлагалось включить в объединённую Сирию, а идею создания еврейского государства там исключить в принципе как невыполнимую¹⁶.

Вопрос сионизма для арабского населения Сирии и Палестины стал ключевым лишь в послевоенный период, поскольку до войны активизировавшаяся еврейская иммиграция в Святую землю беспокоила преимущественно жителей Палестины. В целом же палестинский и арабский национализм возникли не как реакция на еврейский. Декларация Бальфура актуализировала эту проблему для арабского населения Османской империи и вызвала их беспокойство. Вопрос был не в религии евреев, не в их происхождении, а в идее, которую они принесли с собой. Для жителей Ближнего Востока сионисты стали чужаками, проводниками европейских колониальных стремлений (Joffé 1983: 157-158). Это восприятие прослеживалось и в реакции шешифа Хусейна (Friedman 2012: xi) и его сына Фейсала (Citron 2007: 82) на публикацию декларации Бальфура: их отношение к евреям в целом, к еврейским ближневосточным общинам и даже к новым переселенцам как таковым не стало отрицательным (Kedourie 2000: 222), однако неприятие вызвала сама идея создания «национального очага для еврейского народа» (а тем более государства), потому что в этом они увидели (и небезосновательно) угрозу для единого арабского государства, на возникновение которого они всё ещё надеялись.

¹⁵ The King – Crane Commission Report (August 28, 1919) [Электронный ресурс]. URL: <http://hri.org/docs/king-crane/Syria.html> (accessed 12.08.2019)

¹⁶ Recommendations of the King – Crane Commission (August 28, 1919). – A Survey of Arab-Israeli Relations 1947-2001. Ed. by David Lea. P. 262-264.

Позиции формальных лидеров арабского национального движения, представителей различных националистических групп и арабского населения в целом не всегда совпадали. С одной стороны, эмир Фейсал был готов идти на очень многие уступки для сохранения британской поддержки: он всячески выражал лояльность британскому правительству даже после того, как его представители не предприняли никаких действий для укрепления его позиций в Сирии; помимо прочего, он был вынужден подписать не очень выгодное для себя соглашение с французской администрацией. С другой, представители «крайних» позиций продолжали придерживаться «Дамасской программы» и претендовали не только на арабское государство на всех территориях, указанных в переписке МакМагона – Хусейна (Фомин 2010: 89–91), но и либо на полную политическую независимость, либо на введение мандатной системы при условии, что страной-мандатарием должны были стать либо США, либо Великобритания, но не Франция¹⁷.

Шериф Мекки Хусейн и его сыновья во время Первой мировой войны стали лидерами, во многом объединившими стремления нескольких местных арабских националистических организаций Ближнего Востока. В послевоенный период именно эмир Фейсал выступал за панарабскую консолидацию, несмотря на различные силы, которые могли этому помешать. При этом он оказался достаточно гибким политиком, заключившим несколько соглашений, не всегда выгодных для него, которые, однако, позволили ему какое-то время оставаться формальным лидером арабского движения в Сирии, представлявшим его интересы на международной арене. Первой была договорённость с лидером британских сионистов Хаимом Вейцманом, которая должна была способствовать кооперации в создании независимого арабского государства на территории Сирии и Месопотамии и «еврейского национального очага» в Палестине, что фактически означало признание Фейсалом отделения Палестины от Сирии¹⁸.

Ещё одно соглашение Фейсал заключил осенью 1919 г. с французским премьер-министром Жоржем Клемансо. В соответствии с ним, Франция признавала право Сирии на независимое существование и управление, однако та должна была находиться под фактическим французским покровительством¹⁹. Оговорённые условия в целом незначительно отличались от существовавших франко-тунисских или франко-алжирских отношений – то есть режима протектората (Fieldhouse 2006: 61). Однако это соглашение в итоге не смогло гарантировать создание относительно самостоятельного сирийского государства и сохранение власти Фейсала над ним: в том же году во Франции сменилось правительство,

¹⁷ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919. Erenow. Modern History [Электронный ресурс]. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

¹⁸ Agreement between Emir Feisal and Dr. Weizmann (January 3, 1919). The Balfour Project [Электронный ресурс]. URL: <http://balfourproject.org/agreement-between-emir-feisal-and-dr-weizmann/> (accessed 12.08.2019)

¹⁹ Accord Provisoire entre le gouvernement de la République française et l'émir Feysal (06/01/1920). TRA19200055. La base Traités et Accords de la France [Электронный ресурс]. URL: https://basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/recherche/mae_internet__traites (accessed 12.08.2019)

к власти пришли политики, в большей степени, чем Клемансо, настроенные на расширение французской сферы влияния. Окружение Фейсала сумело в 1920 г., после провозглашения его королём независимой Сирии, заставить его занять более жёсткую позицию, в соответствии с которой Франция не могла иметь в Сирии никакого влияния, а тем более не должна была включать её в рамки своего мандата. Подобная политика закончилась крахом, изгнанием Фейсала с французской территории и окончательным разделением бывшей провинции Сирия. Планы палестинцев на создание общего с сирийцами государства, таким образом, были разрушены, поэтому вскоре после перехода Сирии под французский контроль единение организаций арабских националистов распалось, поскольку их сил и желания оказалось недостаточно для создания панарабского пространства (Muslih 1987: 83-85).

Заключение

Панарабизм как направление арабского национализма – движение, уходящее корнями в середину XIX в. Начавшись с культурного возрождения и религиозных реформ, к началу Первой мировой войны он сформировался как светское течение, противопоставившее себя политике османских властей и выдвинувшее идею о потенциальной политической самостоятельности арабов Турции. В то же время в тот период оно не было ни массовым, ни обладающим достаточно чёткими целями и программой. Его оформлению способствовало Великое арабское восстание, которое позволило вывести его на международный уровень и продемонстрировать мировым державам, что это явление, с которым необходимо считаться при определении своей политики на Ближнем Востоке. Важным фактором, которое позволило этому произойти, стали изменения международной обстановки, в значительной степени связанные с политикой Соединённых Штатов, провозгласивших необходимость поддержки национального самоопределения освобождённых народов.

Однако, не успев возникнуть как единое движение, панарабизм был раздроблен на региональные группы (тенденция, которая существовала и до войны, но была стимулирована политикой Великобритании и Франции по разделению Ближнего Востока на зоны влияния), которые, в связи с этим, были вынуждены развиваться в рамках отчасти искусственно созданных «государств» и самостоятельно справляться со своими внутренними проблемами. Так, например, палестинский национализм, который зародился как одна из местных националистических групп в рамках панарабского движения, однако имел свои особые черты уже к началу Первой мировой войны, после неё на рубеже 1910-х – 1920-х гг. стал в значительной степени отдельным течением. Одной из проблем, которые отделили его от сирийского арабского движения в целом, стал вопрос сионизма и активной еврейской иммиграции в Палестину. При этом нельзя сказать, что его формирование стало реакцией на сионизм. И до Первой мировой войны он

был частью арабского движения, которое относительно естественным образом развилось под влиянием европейских националистических идей, арабской Нахда, а также в ответ на националистическую политику турецких властей.

Об авторе:

Людмила Максимовна Самарская – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23; аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая д. 11 стр. 1. E-mail: saluma@bk.ru.

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях глобальных и региональных угроз», проект 17-18-01614.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 28, 2019
Accepted: August 15, 2019

Arab Nationalism in Palestine in the Beginning of the 20th Century

L.M. Samarskaia
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-54-71

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is dedicated to the emergence of the Arab national movement at the beginning of the 20th century. This topic is still relevant in our days since revealing the origins of political and social processes in the Middle East of the 21st century is necessary for their understanding. The main issues which are considered by the author are the following: which factors had crucial influence on the emergence of Arab nationalism (panarabism as well as regionalism), when exactly it was formed and what were the specifics of its emergence in Palestine.

The author defines three main periods in the genesis and formation of the Arab national movement at the beginning of the 20th century. The first is the Nahda, the Arab cultural revival of the second half of the 19th century, which became a foundation for the later development of nationalist ideas. However, the author tries to show that the cultural revival itself was not nationalistic. The second key period is the political expression of the Arab national movement in the first decades of the 20th century, with the ottomanist and later pan-Turkist policy of the Ottoman government having the decisive influence. This policy was nationalist in essence. Zionism, as noted in the text, was not such an important issue for the nascent

pan-Arab movement before the First World War, although it caused concern among the locals in Palestine. The third key stage, that was decisive in the Arab national development, is the Great Arab Revolt, which, despite the fact that it was not massive and universal, forced the pan-Arab movement enter the international arena for it attracted the attention of the great powers – mainly with the help of McMahon–Hussein correspondence. In result, during the postwar settlement, pan-Arabism became more popular and internationally recognised phenomenon, although eventually it happened to be divided into a multitude of regional movements, in particular – Palestinian nationalism fostered by the Anglo-French division of influence zones in the Middle East.

In general, the formation of the Arab national movement was a multidimensional and gradual phenomenon influenced by a variety of factors. At the same time, the emergence of the regional groups had its own specifics; originally belonging to the Pan-Arab movement, although with their own features, after the First World War these groups became largely independent.

Key words: Middle East, Arab nationalism, pan-Arabism, the Nahda, pan-Turkism, Palestine, Zionism, the Great Arab Revolt, the First World War

About the author:

Liudmila M. Samarskaia – Junior Researcher, Centre for the Middle East Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997; Postgraduate Student, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya street, bld. 1, Moscow, Russia, 125009). E-mail: saluma@bk.ru.

The study was supported by the RSF grant “Problems and Prospects of International Legal Transformations of the Middle East in the Context of Global and Potential Threats”, Project No. 17-18-01614.

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References

- Al-Azmeh A. 1995. Nationalism and the Arabs. *Arab Studies Quarterly*. No. 17(1/2). P. 1-17.
- Anderson B. 2006. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 240 p.
- Antonius G. 1938. *The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company. 471 p.
- Arab Nationalism: An Anthology*. 1974. Ed. by Sylvia G. Haim. Berkeley: University of California Press. 255 p.
- Ayyad A. 1999. *Arab Nationalism and the Palestinians 1850-1939*. Jerusalem: PASSIA Publication. 188 p.
- Citron S. 2007. Ktav Ashma: Ha-Sikhsukh ha-Aravi-Israeli be-Perspektiva Historit. Yerushalaim: Gefen Beyit Hotsaa le-Or.
- Commins D. 1986. Religious Reformers and Arabists in Damascus, 1885-1914. – *International Journal of Middle East Studies*. No. 18(4). P. 405-425.
- Dawisha A. 2003. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Woodstock: Princeton University Press. 368 p.
- Dawn C.E. 1991. *The Origins of Arab Nationalism*. The Origins of Arab Nationalism. Ed. by Rashid Khalidi, Lisa Anderson, Muhammad Muslih and Reeva S. Simon. New York: Columbia University Press. 325 p.

- Evered E.Ö. 2012. *Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks*. London: Tauris & Co Ltd. 333 p.
- Fieldhouse D.K. 2006. *Western Imperialism in the Middle East 1914–1958*. New York: Oxford University Press. 376 p.
- Friedman I. 2012. Mediniuta ha-Pan-Aravit shel Britania 1915–1922: Haarakha Bikoratit. Yerushalaim: Hotsaat Sfarim Ash. Il. Magnes.
- Gelvin J. 2011. *The Modern Middle East: A History*. New York: Oxford University Press. 432 p.
- Haddad M. 1994. The Rise of Arab Nationalism Reconsidered. *International Journal of Middle East Studies*. No. 26(2). P. 201–222.
- Joffé E.G.H. 1983. Arab Nationalism and Palestine. *Journal of Peace Research*. No. 20(2). P. 157–170.
- Kedourie E. 2000. *In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon – Hussein Correspondence and its Interpretations 1914–1939*. Abingdon: Frank Cass Publishers.
- Khalidi R. 1991. Ottomanism and Arabism in Syria before 1914: A Reassessment. – *The Origins of Arab Nationalism*. Ed. by Rashid Khalidi, Lisa Anderson, Muhammad Muslih and Reeva S. Simon. New York: Columbia University Press.
- Khalidi R. 2009. *Palestinian Identity: the Construction of Modern National Consciousness*. New York: Columbia University Press. 310 p.
- Lewis B. 2002. *The Arabs in History*. New York: Oxford University Press. 256 p.
- Mandel N.J. 1976. *The Arabs and Zionism before World War I*. Berkeley: University of California Press. 282 p.
- Matthews W.C. 2006. *Confronting an Empire, Constructing a Nation*. London: I.B. Tauris & Co Ltd. 300 p.
- Muslih M. 1987. Arab Politics and the Rise of Palestinian Nationalism. – *Journal of Palestine Studies*. No. 16(4). P. 77–94.
- Porath Y. 1974. *The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement 1918–1929*. London: Frank Cass and Company Limited. 406 p.
- Quandt W.B., Jabber F., Lesch A.M. 1974. *The Politics of Palestinian Nationalism*. Berkeley: University of California Press.
- Roshwald A. 2001. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923*. London: Taylor&Francis e-Library. 288 p.
- Kosach G.G. 2007. Arabskii natsionalizm ili arabskie natsionalizmy: doktrina, etnonim, variyanty diskursa [Arab Nationalism or Arab Nationalism: the Doctrine of the Word, Variants of Discourse.]. *Natsionalizm v mirovoi istorii*. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. Moscow: Nauka. P. 259–332. (In Russian)
- Krylov A.V., Morozov V.M. 2017. Islamskii faktor v politicheskomm razvitiu Palestiny [The Islamic Factor in the Political Development of Palestine.]. *Missiya konfessii*. No. 21. P. 39–55. (In Russian)
- Samarskaya L.M. 2016. Deklaratsiya Bal'fura v kontekste anglo-sionistskoi diplomati v period Pervoi mirovoi voiny [The Balfour Declaration in the Context of Anglo-Zionist Diplomacy during the First World War.]. Moscow: IV RAN. 84 p. (In Russian)
- Fomin A.M. 2010. Derzhavy Antanty i Blizhnii Vostok v 1918–1923 godakh [Entente Powers and the Middle East in 1918–1923]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 4. P. 77–94. (In Russian)
- Chikaidze Ts.M. 2018. Politicheskaya transformatsiya Blizhnego Vostoka posle Pervoi mirovoi voiny [Political Transformation of the Middle East after the First World War]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 132–138. (In Russ.)

Список литературы:

Косач Г.Г. 2007. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса. *Национализм в мировой истории*. Под ред. В.А. Тишкова,

В.А. Шнирельмана. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. С. 259-332.

Крылов А.В., Морозов В.М. 2017. Исламский фактор в политическом развитии Палестины. *Миссия конфессий*. № 21. С. 39-55.

Самарская Л.М. 2016. *Декларация Бальфура в контексте англо-сионистской дипломатии в период Первой мировой войны*. Москва: ИВ РАН. 84 с.

Фомин А.М. 2010. Державы Антанты и Ближний Восток в 1918-1923 годах. – *Новая и новейшая история*. № 4. С. 77-94.

Чикаидзе Ц.М. 2018. Политическая трансформация Ближнего Востока после Первой мировой войны. – *Гуманитарные и юридические исследования*. № 1. С. 132-138.

Роль военно-политической элиты Египта в борьбе за национальную независимость в период после Второй мировой войны (1945-1952)

И.Э. Ибрагимов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

В данной статье анализируется роль и место военно-политической элиты Египта в канун революции 1952 г., когда к власти пришли военные во главе с Гамалем Абдель Насером. Изучение истории возникновения и деятельности организации «Свободные офицеры» вряд ли возможно без учёта той эволюции, которую прошли национально-патриотические и политическое движения в самой армии. Египетская общественность на протяжении второй четверти XX в. переживала достаточно бурный и насыщенный событиями этап, который повлиял на дальнейшее развитие страны. К настоящему времени изучение проблемы роли армии в национально-освободительном движении на арабском востоке является актуальным в связи с тем, что в некоторых случаях военные структуры стали основой государственного строя арабских стран и до сих пор имеют сильное влияние на политическое развитие страны. В связи с последними трансформационными процессами в ближневосточном регионе, где обнаружились кризисы политических систем и государственности, рассмотрение военных элит, их прихода к власти и влияния на политическую систему является важным для исследования в общей проблематике ближневосточных проблем. Для детального анализа роли «Свободных офицеров» рассмотрены все факторы, повлиявшие на эволюционную трансформацию военных Египта до и после Второй мировой войны, а также особенности социального происхождения офицерского корпуса. Также рассмотрен весь период национально-освободительного движения египетского народа, когда практически все слои общества были вовлечены в эту борьбу. Важным аспектом в этой тенденции является то, что в преддверии Июльской революции офицерство и военная элита стали более подготовленной и налаженной организацией и, что ещё важнее, более решительной по сравнению с остальными группами, сумевшей быстро и почти бескровно взять власть в свои руки. Автор в данной статье отмечает, что решение всего спектра социальных проблем и преодоления экономической отсталости невозможно без централизованного сильного руководства. На момент формирования египетской государственности и создания Королевства Египет, в политическом поле страны имелись три центра силы – партия «Вафд» во главе с Саадом Заглюлем, король со своими сторонниками, а также Великобритания, которая

УДК 94, 323.27, 329

Поступила в редакцию:

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

сохраняла контроль над Египтом. Отношения двух первых центров сводились к тому, что они вели борьбу за власть. В этой борьбе британская сторона оказывала поддержку то одному, то другому, в зависимости от своих интересов. Отсутствие единого центра силы в стране, а также слабость и зависимость породили оппозиционные движения с различными взглядами на развитие Египта. Первым из таких была ассоциация «Братьев мусульман», которая за период своего становления и развития успела дискредитировать себя. Что касается движения «Свободных офицеров», основной этап становления которого пришёлся на вторую половину 40-х гг. XX в., оно смогло зарекомендовать себя как тайное общество, которое идейно никакому политическому лагерю не относилось. Как раз эта закрытость, иерархичность и армейская солидарность смогли стать драйверами в борьбе за власть.

Ключевые слова: армия, Египет, «Свободные офицеры», Июльская революция 1952 г., национально-освободительное движение, Г.А. Насер, военно-политическая элита

Xод исторического развития ближневосточного региона после 1945 г. на годы вперёд определил политическую жизнь, где ключевое место заняли военные элиты, сыгравшие особую роль в эволюции политических процессов на Ближнем Востоке. Исторически сложилось так, что армии в регионе играют существенную роль в обществе и в государственном управлении. Египет в этом смысле не исключение. Египетская армия уже на протяжении более 70 лет позиционирует себя как доминирующая сила в стране. После Июльской революции 1952 г. в Египте армия превратилась в отдельный институт государственного управления, и с того момента она продолжает играть значимую роль в общественно-политической жизни страны. Руководство Египта всегда полагалась на вооружённые силы в качестве своей опоры. В критические моменты авторитетный контроль военных оказывался решающим для выживания египетского режима. Недавние свержения двух президентов, Хосни Мубарака и Мухаммеда Мурси, и последовавшее за этим дальнейшее укрепление роли армии в политической жизни подтверждает тот факт, что военные видят своё предназначение в качестве гаранта национальной целостности и защитника революции. Цель данной статьи – рассмотреть значение египетских вооружённых сил как одного из акторов в национально-освободительной борьбе в период после Второй мировой войны, указать причины возникновения организации «Свободные офицеры» и проанализировать период их становления как основной силы в вооружённых силах. В центре внимания статьи – один из сложных и важнейших периодов в истории современного Египта, в дальнейшем ознаменовавшийся резким поворотом и изменением во всех сферах жизни страны.

Вопрос о месте и роли армии в Июльской революции 1952 г. и предшествующих ему событий остаётся актуальным не только в Египте, но и среди отечественных и западных исследователей. Однако из-за табуированности изучения военных их политическую и социально-экономическую роль оценить сложно, тем более что литература по этой проблематике достаточно небогата.

В работе автор придерживается общенаучных методов, а также принципов научной объективности, историзма и цивилизационного подхода. Объективность исторического исследования даёт возможность отступить от односторонности в оценке процессов, происходящих в обществе. Это важно использовать при изучении советской историографии по данной проблематике в виду того, что большинство советских авторов являлись сторонниками марксистских идей, и это обусловливало их взгляды на происходящие процессы.

В наиболее полном виде значение армии в политической жизни того периода раскрыто в монографиях известного американского ученого П. Дж. Ватикиотиса «История Египта» и «Египетская армия в политике: образец для новых наций?», а также особое внимание возвышению военных на политической арене уделяется в работах Дж. Кирка, М. Хаддари и У. Гаттериджа (Khadduri 1953; Kirk 1963; Manfred 1962, Vatikiotis 1980; Vatikiotis 1961). В данных работах авторы рассматривают особенность положения армии на Востоке, в том смысле, что где-то она играет одновременно роль государственного и политического института. То есть армии на Востоке – это разновидность политической организации. В статье профессора Ибрагима Каравана «Политика и армия в Египте» отмечается роль вооружённых сил как опоры режима, а также что в критический момент контроль военных оказывает решающее значение на политическое развитие страны (Karawan 2011). Ливанский ученый Фаваз Гергес провёл фундаментальное исследование «Становление Арабского мира», где подробно проанализировал истоки концептуального противоречия между сектулярными националистами и политическими исламистами (Gerges 2018). По мнению автора, на начальном этапе «Свободные офицеры» и «Братья мусульмане» имели довольно тесные отношения. Но пути их разошлись ввиду идеологических разногласий, а также разногласий по вопросам власти и будущего Египта.

Подробный анализ развития вооружённых сил в Египте проведён в статье профессора Ахмеда Хашима «Египетская Армия: от Османской империи до Садата» (Hashim 2011). Автор, анализируя историческое развитие вооружённых сил, выделяет различные факторы, повлиявшие на становление армии.

Среди отечественных исследователей, посвятивших свои работы значимости роли военно-политической элиты в национально-освободительном движении в Египте, стоит отметить совместную работу Е.М. Примакова и И.П. Беляева «Египет: время президента Насера», В.С. Кошелева «Борьба против колониального господства и контрреволюции» (1879-1981), Б.Г. Сейраняна «Египет в борьбе за независимость 1945-1952», Г.И. Мирского «Роль армии в становлении новых государств» и «Армия и политика в странах Азии и Африки» (Беляев, Примаков 1981; Кошелев 1984; Мирский 1970; Мирский 1989; Сейранян 1970). В этих работах авторы проводят анализ роли военно-политических элит в становлении государств и их влияния на политическую и социально-экономическую жизнь страны.

Становление и усиление военных элит произошло по причине того, что в египетском национально-освободительном движении отсутствовала какая-либо консолидированная гражданская организация. Существовавшие на тот момент политические партии и структуры демонстрировали неспособность организоваться и, ввиду недостаточного авторитета, не способны были возглавить национально-освободительную борьбу.

Ситуация в Египте в канун и во время Июльской революции 1952 г.

Изучение роли военных в подготовке и осуществлении Июльской революции 1952 г. невозможно без рассмотрения той эволюции, которую прошла национально-освободительная борьба. Кроме того, вряд ли возможно говорить о роли армии без тщательного анализа исторического развития вооружённых сил в Египте и становления этого института в качестве важнейшей части политической жизни страны.

Июльская революция 1952 г. стала вершиной борьбы египтян за свою независимость, которая началась в 1882 г. после интервенции и дальнейшей оккупации Египта английскими войсками. Сопротивление, оказанное Ораби-пашой, главой национальных вооружённых сил, потерпело поражение в тот же год.

К 1914 г. британцы представляли единственную реальную власть в Египте; их «временная» оккупация с началом Первой мировой войны превратилась в протекторат. Так Великобритания официально оформила свои административные права на эту территорию и включила страну в состав своей мировой колониальной империи, превратив Египет в сырьевую базу.

Под эгидой британской гегемонии в политической жизни страны наступило длительное затишье, которое длилось до окончания Первой мировой войны. Однако несмотря на это, в результате младотурецкой революции в 1906-1907 гг. и общего «пробуждения Азии»¹, в Египте начали формироваться движения умеренно-либерального толка, что повлекло становление организационных структур – партий, тайных обществ. Среди них самым влиятельным оказался «Хизб аль-Ватан» («Партия Родины»), под руководством Мустафы Камиля. Требования и методы ватанистов оказались малоэффективны, однако оказали влияние на будущее национально-освободительного движения (Ватолина 1949: 60).

Борьба Египта за независимость обрела чёткие формы после окончания Первой мировой войны. В этот период, когда рухнул старый миропорядок и возникли новые суверенные национальные государства, в Египте зародилось движение за создание собственной независимой страны. В период 1919-1921 гг. в Египте прошли восстания с целью получения независимости от Великобритании, правительство которой осознавало, что сохранить контроль над Египтом прежними методами не удастся (Киселёв 1956: 7). Поэтому в 1922 г. Египет

¹ В начале XX в. во многих колониальных и зависимых странах Азии начался подъём буржуазно-революционных и национально-освободительных движений.

получил формальную независимость: Великобритания отменила протекторат, который действовал с 1914 г. Египет провозглашался «независимым и суверенным» государством. Форма правления и политическая система были частично переняты у Великобритании. В 1923 г. была принята конституция, в которой провозглашалось, что Королевство Египет – наследственная конституционная монархия с двухпалатным парламентом (Голдобин 1989: 174). Королём стал Ахмед Фуад из династии Мухаммеда Али. Формальность «независимости» заключалась в том, что британцы сохраняли контроль над внешней политикой, морскими коммуникациями, в том числе над Суэцким каналом, вооружёнными силами и англо-египетским Суданом, который формально был объединён с Египтом, но фактическая власть в Судане была сконцентрирована в руках британцев (Голдобин 1989: 185). Суверенитет молодого Королевства Египет до 1936 г. подвергался жёстким ограничениям, наложенным англичанами, которые решали основные политические вопросы в стране, сохраняя оккупационные войска, советников и институт верховного комиссара.

Король Фуад умер в 1936 г.; его сыну Фаруку, который унаследовал трон, было всего 16 лет. Первым делом новый монарх подписал договор с Великобританией. Поводом стала война между Италией и Эфиопией, закончившаяся присоединением последней к Италии. Король, обеспокоенный возможностью вторжения итальянцев в Египет, заручился поддержкой англичан. Подписанный в 1936 г. англо-египетский договор требовал от Британии вывести все войска из Египта за исключением тех, которые необходимы для защиты Суэцкого канала и его окрестностей: 10000 солдат плюс вспомогательный персонал (*Treaty of Alliance...* 1937: 6). Кроме того, Соединённое Королевство должно было снабжать и обучать армию Египта и оказывать ей помощь в случае войны. Договор 1936 г. не разрешил вопрос о Судане, который согласно условиям существующего англо-египетского Соглашения о кондоминиуме 1899 г. должен был совместно регулироваться Египтом и Великобританией, а реальная власть оставалась в руках британцев. В условиях растущей напряжённости в Европе договор явно способствовал сохранению статус-кво между сторонами. Однако договор, отменивший оккупацию и давший стране формальную независимость, на деле предполагал, что метрополия могла оставить в стране войска, причём армия выступала в качестве главного рычага давления. Договор не приветствовался египетскими националистами, которые начали активно проводить антиправительственные и антибританские демонстрации.

С начала Второй мировой войны Египет стал играть важное место в политике Великобритании. В связи с договорными обязанностями в Египте было введено военное положение, прерваны дипломатические отношения с Италией и Германией. Стратегически важное положение Египта давало ему возможность участвовать в снабжении союзных войск и принять на своей территории около полумиллиона солдат союзников. В сентябре 1940 г. итальянские войска вторглись в Египет, но их продвижение было остановлено. После высадки немецких

военных частей в Ливии 27 мая 1942 г. германо-итальянские войска под командованием генерала Роммеля перешли в наступление и вышли к Эль-Аламейну. В октябре-ноябре 1942 г. британцы разбили корпус Роммеля. Вторая мировая война оставила глубокий след в экономической и политической жизни Египта, чьё население прочувствовало все тяжести военного времени.

К концу Второй мировой войны колониализм всё ещё доминировал над обширными территориями арабского мира. Египет оставался под британским правлением, базой британского присутствия на Ближнем Востоке. Однако окончание Второй мировой войны привело к изменению всей международной структуры, начался распад колониальной системы, и многие страны Европы, Азии и Африки стали обретать независимость (Голдобин 1989). Данная тенденция не обошла стороной и Арабский Восток, где Франция отказалась от мандата на управление Сирией и Ливаном и предоставила этим странам независимость (История Востока 2006: 156).

Окончание войны ознаменовало в Египте новый виток национально-освободительной борьбы. Так, 23 сентября 1945 г., после окончания Второй мировой войны, египетское правительство потребовало изменить договор с целью прекратить британское военное присутствие: Британское правительство начало переговоры с египетской стороной по пересмотру англо-египетского договора 1936 г. В январе 1947 г. переговоры зашли в тупик и были прерваны в связи с отказом Англии удовлетворить требования египтян. Вопрос о пересмотре или отмене этого договора был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН². Однако СБ ООН не принял решение по египетскому вопросу для урегулирования англо-египетского конфликта. Англо-египетские отношения обострились, а процесс ухудшения этих отношений всё более усиливался в последующие годы.

По мере нарастания освободительной борьбы против англичан, становилось всё очевиднее, что египетская монархия предала национальные интересы (Ватолина 1949). Королевский двор, сам король Фарук, крупные землевладельцы и буржуазия, тесно связанные с иностранным капиталом, боялись потери своего богатства, поэтому сохраняли теплые отношения с британцами (Киселёв 1956: 4). Среди причин, приведших к революции 1952 г., можно отметить чрезвычайную бедность населения, пробританскую ориентацию элит, приближенных к королю, коррупцию во всех сферах. Глубокое разочарование египтян было усилено позорным поражением в войне против Израиля 1948–1949 гг., когда обнаружились системные проблемы в организации поставок негодного оружия на фронт (Kirk 1963: 75). К тому же росло недовольство Египта тем, что он всё ещё оставался колонией, и именно с этим обстоятельством египтяне связывали то, что их плохо вооружённые военные проиграли войну против Израиля.

В 1951 г. Великобритания совместно со своими союзниками пыталась пригласить Египет к участию «в среднесрочном командовании», однако египетское

² Египет является членом Организации Объединённых Наций с 24 октября 1945 г.

правительство отвергло предложение и приняло решение в одностороннем порядке денонсировать договор 1936 г. Это был серьёзный шаг на пути достижения независимости страны. Поэтому Великобритания начала усиливать контроль над каналом в связи с денонсацией договора. Антибританские демонстрации начались по всей стране. Разгорелась стихийная борьба за канал, в которой приняли участие партизанские отряды египтян, выступившие против британского гарнизона. Некоторые египетские офицеры тайно помогали партизанам снаряжением, а также в обучении (Аш-Шафии 1961: 144).

Недовольство египтян усиливалось в связи с «наслажданием» различных проблем экономического, политического и социального характера. Общественность была возмущена тем, что монархический режим оказался не в состоянии добиться прекращения английской оккупации, а также вести самостоятельную политику.

Волнение в обществе, а также односторонняя денонсация договора 1936 г. вызвали в период 1951-1952 гг. серьёзный политический кризис. Революции предшествовала серия крупных манифестаций и митингов антибританского характера в январе и феврале 1952 г.

Постоянные попытки монархического режима использовать армию в качестве средства подавления демонстраций привели к тому, что военные начали соприкасаться с политической действительностью своей страны. Армия стала приходить к пониманию того, что может использовать свою реальную силу в интересах народа и своей страны. Провокация 26 января 1952 г.³, последовавшая за ней кампания террора и репрессий усилили недовольство египтян. После этих событий армия окончательно перешла под контроль оппозиции (Богословский, Шваков 1956: 31), и армия оказалась той силой, которая смогла пойти на риск и осуществить революцию.

Специфика и становление египетской армии (до и после 1936 г.)

Создание современной египетской военной элиты относится к периоду правления Мухаммеда Али, ставшего в 1805 г. египетским пашой. За период своего нахождения у власти при помощи иностранных советников и технических специалистов он построил боеспособную армию и флот.

Однако традиции влияния и участия вооружённых сил в политической жизни страны берёт своё начало ещё в период становления арабского Халифата, получив своё дальнейшее развитие в период правления в Египте мамлюков в XIII-XVI вв. Это особенная традиция региона, где армейские верхушки ча-

³ День 26 января 1952 г. вошёл в историю Египта как «чёрная суббота». В этот день состоялась мощная демонстрация протеста. В тот же день реакционные силы организовали грандиозную провокацию. В центре Каира было подожжено свыше 700 крупнейших зданий, большая часть которых принадлежала иностранцам. Цель провокации – свалить вину за поджог города на мирных демонстрантов, разгромить оппозиционные силы страны. Эти события были использованы королём для отстранения вафдистского кабинета и введения чрезвычайного положения.

сто сменяли неугодных правителей, сами правители и государственные деятели были искусными полководцами. Ярким примером участия военно-политических элит во внутренней политике является восстание армии под руководством полковника Ораби-паши в 1882 г., которая неудачно выступила против усиления британского господства в стране. После этого английское оккупационное руководство фактически свело к нулю численность египетской армии и превратило её в разновидность полицейских сил (Кошелев 1984: 113).

До 1936 г. офицерство Египта было традиционно аристократическим. Высшее офицерство было представлено влиятельными семьями, имеющими связи при дворе, поэтому армия была подчинена королю. Она служила ему, а, следовательно, и англичанам, так как монархия и крупные помещики являлись опорой англичан в управлении Египтом (Беляев, Примаков 1981: 26). Даже несмотря на формальное получение независимости в 1922 г., вооружённые силы Египта продолжали оставаться под контролем британцев.

Формирование офицерского корпуса Египта началось в конце 30-х гг. XX столетия. Точным временем начала возрождения современной египетской армии как национальной силы можно считать 1936 год. После заключения англо-египетского соглашения 1936 г. количество военнослужащих египетской армии должно было увеличиться с 11,5 тыс. чел. до 60 тыс. чел. в течение нескольких лет (Беляев, Примаков 1981: 27). Помимо этого, важным пунктом в договоре значилось то, что египетские военнослужащие должны были обязательно пользоваться услугами английских инструкторов или обучаться в английских учебных центрах (Treaty of Alliance 1937: 7). Впервые после 1882 г. военная карьера была открыта не только для выходцев из правящих кругов, но и для выходцев из среды мелкой и средней буржуазии, низшего слоя чиновников и крестьян-феллахов (Юрченко 2002: 7). Поэтому до начала Второй мировой войны в ряды египетской армии пришло новое поколение офицеров, которые были непосредственно арабами-египтянами, а не представителями меньшинств. Многие из тех офицеров нового поколения принимали участие в демонстрациях против засилья англичан середины 30-х гг. XX в. (Сейранян 1970: 257). Таким образом, у молодого офицерства было понимание того, что такое для Египта национально-освободительная борьба, и основная масса молодых офицеров была настроена националистически и антибритански. Что касается высшего офицерского состава, особенно генералитета, тот продолжал оставаться близким и лояльным двору, и его представители происходили в основном из крупных землевладельцев.

Более активно патриотическое движение внутри армии начинает складываться в первые годы Второй мировой войны. Известно, что война оказала существенное влияние на общественно-политическую жизнь Египта. В это время младший офицерский корпус был охвачен националистическим волнением. Эти военные уже понимали, что дальнейшее развитие страны невозможно без избавления от английского засилья. Некоторые офицерские группы возлагали

большие надежды на страны «оси», которые могли бы помочь в освобождении Египта. Однако, по мнению В.С. Кошелева, «в большинстве случаев это свидетельствовало об их политической незрелости» (Кошелев 1984: 114).

Многие армейские группы симпатизировали мусульманским организациям, одной из которых были «Братья мусульмане», и тесно взаимодействовали с ними (Мирский 1970: 28-29). Однако более характерной чертой политического движения в армии в этот период следует признать возникновение и деятельность тайных офицерских обществ и кружков.

Первой военной организацией внутри армии можно назвать тайное общество лётчиков-офицеров египетских ВВС, возникшее в 1940 г. После 1942 г. было сформировано ещё несколько тайных офицерских кружков, которые находились под влиянием идей «Братьев мусульман». Эти группы были объединены молодыми офицерами ВВС, кавалерии и связи (Кошелев 1984: 117). Многие попытки выступлений офицеров пресекались английской разведкой, поэтому большинство внутриармейских групп распадались или объединялись из нескольких групп в одну большую. Таким образом, в период Второй мировой войны офицерские группы в армии не могли стать устойчивой структурой.

Процесс возникновения и формирования организации «Свободные офицеры»

Ключевой организацией в египетской армии, которая смогла тщательно подготовиться к революции, оказалась тайная группа военнослужащих «Свободные офицеры». История возникновения и становления этой организации окутана тайной: отсутствует даже информация о точной дате её возникновения. Впрочем, можно точно сказать, что формирование этой тайной группы офицеров тесно связано с внутриполитической жизнью страны, а также оказались внешние факторы (английская оккупация, Вторая мировая война, арабо-израильский конфликт, общее пробуждение Азии и Африки).

Первый прототип тайного армейского общества относится к 1938 г., когда молодой лейтенант Г.А. Насер служил в г. Манкабад недалеко от Асыута. Здесь вокруг Насера группировалась военная молодёжь, здесь он сам познакомился со своими будущими сподвижниками: Анваром Садатом и Закарией Мохи ад-Дином. Было бы опрометчиво говорить о том, что организация «Свободные офицеры» зародилась именно здесь: манкабадский кружок во главе с Насером представлял собой не что иное, как первое знакомство и налаживание контактов между офицерами.

В ряде источников, а особенно в своей автобиографии, Анвар Садат неоднократно пытался представить себя в качестве «отца египетской революции» и создателя этой самой организации. Садат упоминает о своей «выдающейся исторической роли» в предреволюционном Египте. Как замечает академик

Е.М. Примаков, бесспорным создателем организации является Гамаль Абдель Насер (Беляев, Примаков 1981: 39).

После Манкабада Насера переводят в Александрию, где он знакомится ещё с одним будущим сподвижником – Абделем Хакимом Амером.

Начало Второй мировой войны, а также разразившийся политический кризис в Египте в 1942 г., когда британское командование вмешалось во внутренние дела страны, способствовали созданию тайной организации. Так, на встрече в Каире весной 1942 г. офицеры обсуждали ситуацию в стране (Сейранян 1970: 258). С этого момента можно говорить о зачатке конспирологической тайной группы офицеров. Как отмечает Г.И. Мирский, «в этот момент создаются первые секции: финансовая, организационная, пропаганды, террора и безопасности» (Мирский 1970: 28). Таким образом, начинается период складывания структурированной организации.

Что касается идеологической составляющей организации, то она практически отсутствовала. Офицерская солидарность и армейская дружба были главными элементами складывания кружка. По мнению американского учёного Ватикиотиса, период становления данной организации растянулся на девять лет, с 1941 г. по 1949 г. Эта теория подтверждается египетским историком Абдем Рахманом ар-Рафии, который утверждал, что «идея создания организации “Свободные офицеры” возникла в период Второй мировой войны, а стадия полного формирования этой организации завершилась после арабо-израильской войны» (القاهرة 1909: 18). Офицеры в основном действовали небольшими группами, а их идеологическая составляющая относилась к различным течениям, существующим в национально-освободительном движении (Vatikiotis 1961: 56). Так, те самые офицеры, в дальнейшем сформировавшие организацию «Свободные офицеры», находились под влиянием атмосферы 1930-х гг., когда произошёл очередной виток национально-освободительной борьбы с требованием вернуть конституцию 1923 г. По молодости Г.А. Насер приобщился к идеям партии «Вафд» и симпатизировал им в период борьбы в 1934-36 гг. После 1938 г. некоторые из будущих членов «Свободных офицеров», попав в столицу по долгу службы, соприкасались с насыщенной атмосферой политической жизни столицы и стали ассоциировать себя с различными программами и партиями. Некоторые симпатизировали движениям «Братьев мусульман» и «Молодой Египет» («Миср аль-Фатат»). Это связано с политизацией египетского общества в 30-40-х гг. XX в., повлиявшей и на армейский корпус. Внимание офицеров привлекала деятельность националистических, религиозных и левых организаций. С начала Второй мировой войны усиленно проявлялись антибританские и прогерманские настроения среди офицерства. Некоторые члены увлекались коммунистическими идеями: отдельные марксистские кружки имели влияние в армейских кругах. К этим кружкам имел отношение костяк будущей офицерской организации (Karawan 2011: 314). Таким образом, на первом этапе симпатии молодых офицеров были на стороне радикальных и воинствующих организаций.

Отдельно стоит остановиться на взаимоотношениях офицерского корпуса и организации «Братьев мусульман». Связи военных с ихванистами начались в конце 30-х гг. XX в., когда главой генерального штаба стал генерал аль-Масри. Он активно поддерживал контакты с лидерами «Братьев мусульман» и использовал их риторику для роста антибританских настроений в армии. Помимо того, что молодые офицеры симпатизировали «Братьям мусульманам», многие были тесно связаны с ними. Самое главное – оба движения были едины в стремлении к независимому Египту, в разочаровании в политическом истеблишменте и в своей оппозиции британскому присутствию. Интерес к «Братьям мусульманам» сохранился и в период Палестинской войны, когда офицеры египетской армии подготавливали добровольцев из числа ихванистов. Таким образом, эти силы объединял фактор общего врага в лице британцев, неэффективного короля и его коррумпированного окружения. Одним из важных отличий между ними является путь достижения власти: офицеры пришли к власти путём переворота, но для «Братьев мусульман» характерен путь поэтапной реформации без потрясений.

Особое влияние на окончательное становление организации «Свободных офицеров» оказала арабо-израильская война 1948–1949 гг. Многие члены тайного общества активно принимали участие в боевых действиях. Особенно отличились Г.А. Насер и Мухаммед Нагиб, оба были ранены и награждены орденами. Поражение выявило все проблемы, которыми обладала египетская армия: неэффективность, коррупция, отсутствие должной логистики и снабжения. Помимо этого, отсутствовали организация и боевой дух в рядах солдат, которые впервые за долгое время шли в бой под командованием египетских командиров. Неопытность и отсутствие военной традиции и боевого опыта не позволили египетской армии на равных биться с израильтянами, которые долгие годы закаляли свой боевой дух в партизанских боях (Kirk 1963: 75). К тому же офицеры обвиняли в поражении разлагающийся государственный аппарат, что вызывало особую неприязнь к существующему строю в стране. Однако причину всех бед страны, в частности армии, офицеры усматривали всё же в продолжающемся британском господстве (Ражбадинов 2004: 262).

Война нанесла ущерб организационной структуре тайного офицерского общества. Были прерваны многие звенья между группами, но само общество не распалось, несмотря на то, что многие члены организации не вернулись с фронта. Несмотря на горькое поражение, офицеры приобрели богатый военный опыт, и многие из членов поверили в правоту своих действий и убедились, что революция неизбежна, а главный фронт борьбы – внутренний, т.е. борьба против королевского режима (Мирский 1970: 32). Таково было настроение офицеров после Палестинской кампании.

Вернувшись в Египет, офицеры активизировали свою работу по набору новых членов организации. В конце мая 1949 г. небольшая группа руководителей организации собралась на совещание, на котором было утверждено, что госу-

дарственный переворот следует подготовить и осуществить не раньше 1954 г. (Kirk 1963: 75). Спустя несколько месяцев Насер приступил к полной реорганизации тайного общества, к полному совершенствованию всей структуры. Организация состояла из нескольких сот человек, разделённых на небольшие ячейки (от трёх до пяти человек). Каждый член ячейки имел право создавать и возглавлять новую ячейку. 20 подобных ячеек оформлялись в одну группу. Руководство состояло из пяти комитетов. Каждый член вносил ежемесячно взносы. А концу 1949 г. был образован новый Исполнительный комитет, в который вошли Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер, Халед Моха ад-Дин, Анвар Садат, Абд аль Латиф аль-Багдади, Хасан Ибрагим, Абдель Рауф, Камаль ад-Дин Хусейн, Гамаль Салем и Салах Салем. Таким образом окончательно складывается организационная структура общества и завершается перестройка тайного общества.

Роль «Свободных офицеров» в низложении монархического режима

Как известно, «Свободные офицеры» сыграли важнейшую роль в перевороте, который привёл к падению монархического строя в Египте. Однако ещё в период становления их организации многие её члены активно принимали участие в национально-освободительной борьбе.

В период с 1939 г. по 1945 г., как уже упоминалось выше, отдельные члены организации «Свободные офицеры» находились под влиянием самых различных политических идеологий и течений. В этой связи среди них было распространено участие в акциях других политических партий и движений. Находясь под большим впечатлением от первых побед Германии, Анвар Садат начал сотрудничать с немецкой разведкой для проведения прогерманского военного путча (Кошелев 1984: 116). К тому же, есть свидетельство того, что с приближением немецких войск к Эль-Аламейну, некоторые офицеры решили установить контакты с генералом Роммелем для передачи ему текста договора о сотрудничестве с Германией, составленного Анваром Садатом (Кошелев 1984: 117).

Однако для большей части офицерского состава ориентация на Германию не означала освобождение страны, так как многие считали, что это приведёт к замене английской оккупации на немецкую, и не более того.

К концу войны среди офицерства распространился индивидуальный террор как метод борьбы против проанглийских египетских деятелей, расцвет которого пришёлся на первые послевоенные годы. Террористическое направление было представлено подпольными группами, в которых участвовали, среди прочих, и члены «Свободных офицеров» (Vatikiotis 1961: 58). Данный метод осуждался Г.А. Насером как средство борьбы, поскольку тот считал его реакционным и относящимся к практике «Братьев-мусульман» (Vatikiotis 1961: 61).

Накануне арабо-израильской войны 1948-1949 гг. руководящий орган организации «Свободных офицеров» принимает решение отказаться от секретности и переходит к открытой пропаганде. Такой подход помогал в деле вербовки новых членов.

Уже после 1949 г., когда организация обрела структурное содержание, «Свободные офицеры» начали постепенную подготовку к реализации своих планов. Главной задачей было «спасение страны». Среди основных целей организации стояли: ликвидация иностранного господства и его опоры, создание национальной армии и учреждение конституционной формы правления (Сейранян 1970: 265).

В период партизанской борьбы за Суэцкий канал, которая разгорелась после односторонней денонсации договора 1936 г. со стороны Египта, «Свободные офицеры» приветствовали данное решение, и хотя активное участие в боях организация не принимала, она оказывала техническую помощь в подготовке партизан.

Первый шаг на политической арене был сделан членами организации в декабре 1951 г., причём он был совершён против воли короля. В присутствии короля Фарука на общем собрании офицерского клуба во время избрания новых членов и председателя административного совета клуба члены «Свободных офицеров» путём голосования были избраны в него. Один из членов организации и популярнейших в армии высших офицеров генерал Мухаммед Нагиб был избран председателем, тогда как кандидат, которого поддерживал непосредственно Фарук, так и не был избран (Сейранян 1970: 266). Это первая и серьёзная победа офицеров придала им силу и поддержку со стороны почти всего офицерского корпуса. С этого момента начинается практическая подготовка к военному перевороту.

В начале 1952 г. обстановка в стране накалилась. Январская провокация и последовавший за ней острый политический кризис приблизили конец монархического строя. За полгода (с января по июль 1952 г.) в Египте сменилось шесть правительств. Король назначал новых премьер-министров в надежде вернуть страну под контроль, но его попытки не увенчались успехом. Переворота было не избежать. Король Фарук к середине года уже не мог удержать власть в своих руках из-за глубочайшего кризиса и социального напряжения в стране. Частая смена правительств, формируемых партией «Вафд», говорила о слабости режима. К тому же в стране было введено чрезвычайное положение, начались репрессии против участников январской вооружённой борьбы (История Востока 2006: 201). В этой обстановке в ночь на 23 июля офицеры подняли восстание против монархии. Изначально организация планировала совершить переворот 5 августа, однако состав группы заговорщиков был раскрыт лояльной правительству службой безопасности. Опасаясь ареста, Насер решил сместить короля 23 июля. К восстанию присоединилась вся армия. Власть в стране перешла в руки восставших офицеров и созданного ими Революционного комитета.

Заключение

Вмешательство военных в политику определялось необходимостью усиления централизованного государственного управления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической

отсталости. С другой стороны, приход к власти военных являлся следствием фактического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы на этапе обострения внутриполитических и социальных противоречий. Не следует забывать, что движение «Братья мусульмане» было одной из ведущих политических сил в стране, но его влияние на революцию 1952 г. было минимальным. Их позицию можно охарактеризовать как осторожность руководства организации относительно действий офицеров и нежелание выходить за рамки собственных теорий и концепций. Так, антимонархическая революция в Египте и выход армии на политическую арену в начале 1950-х гг. были во многом обусловлены тем обстоятельством, что офицерский костяк армии видел всю политическую и общественную жизнь изнутри. Старый режим уже не мог управлять государством прежними методами, а движение за преобразование страны смог взять на себя только организованный и иерархичный офицерский корпус.

Об авторе:

Ибрагим Эминович Ибрагимов – аспирант; младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: ibragim07_93@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received:
Accepted: August 15, 2019

The Role of the Military-Political Elite of Egypt in the Struggle for National Independence in the Post-World War II Period (1945-1952)

I.E. Ibragimov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-72-88

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article analyzes the role of the Egyptian military-political elite on the eve of the Revolution of 1952, when the military came to power, led by Gamal Abdel Nasser. The

study of the history and activities of the organization «Free Officers» is hardly possible without considering the evolution of the national-patriotic and political movements in the Egyptian army. During the second quarter of the 20th century the Egyptian society experienced fairly turbulent and eventful political process that influenced the further development of the country. At present the study of role of army in liberation movement in the Middle East is extremely urgent since military structures have become the base of the state system of many Arabic countries. The army has sufficiently influenced to the political development of the states. In connection with the recent transformations in the Middle East, that witnessed crises of political systems and statehood, the consideration of military elites, their coming to power and impact on a political system is important for the study of the general issues of the Middle East.

The author considers the factors which influenced the evolutionary transformation of the Egyptian military before and after the World War II, as well as the social origins of the officer corps. Moreover, the object of the study includes the entire period of the national liberation movement of the Egyptian people, when almost all segments of Egyptian society were involved in this struggle. An important aspect of this trend is that, in the run-up to the Egyptian Revolution of 1952, the officers and the military elite became a more prepared and organized than other groups and was able to quickly and almost bloodlessly take power into their own hands.

The article notes that it is impossible to solve urgent social problems and overcome economic backwardness without centralized strong leadership. While forming the Egyptian statehood and the Kingdom of Egypt, there were three centers of power – Wafd party led by Saad Zaghloul, the king and his supporters, as well as Great Britain, which retained control over Egypt. Given the absence of one center of power in the country, as well as the weakness and dependence of the existing ones, opposition movements with different views on the development of Egypt were created. The society of «Muslim Brotherhood» was one of them, eventually discrediting itself during its further development. «Free Officers» were able to establish themselves as a secret society, which ideologically did not belong to any political camp. Coherence, hierarchy and army solidarity became effective advantages in their struggle for power.

Key words: army, Egypt, Free officers, Egyptian revolution of 1952, national liberation movement, Gamal Abdel Nasser, military-political elite

About the authors:

Ibragim E. Ibragimov – Postgraduate Student; Junior Research Fellow of Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, Russia, 117997. E-mail: ibragim07_93@mail.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Cambridge History of Egypt. 1998. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press. 464 p.
Gerges F.A. 2018. *Making the Arab World: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East*. Princeton University Press. 528 p.
Gutteridge W. 1962. *Armed Forces in New States*. Oxford University Press. 68 p.
Hashim A.S. 2011. The Egyptian Military, Part One: From the Ottomans through Sadat. – *Middle East Policy*. No. 18(3). P. 63-78.
Karawan I.A. 2011. Politics and the Army in Egypt. – *Survival*. No. 53(2). P. 43-50.
Khadduri M. 1953. The Role of the Military in Middle East Politics. – *American Political Science Review*. No. 47(2). P. 511-524.

- Kirk G. 1963. The Role of the Military in Society and Government: Egypt. *The Military in the Middle East: Problems in Society and Government*. Ohio State University Press, 1963. No. 1. P. 71-88.
- Manfred H. 1962. *Middle Eastern Armies and the New Middle Class. The Role of the Military in Underdeveloped Countries*. Princeton University Press.
- Treaty of Alliance between His Majesty, In Respect of the United Kingdom and His Majesty The King of Egypt*. 1937. London: His Majesty's Stationery Office.
- Vatikiotis P.J. 1961. *The Egyptian Army in Politics: Pattern for New Nations?* Bloomington: Indiana University Press. 300 p.
- Vatikiotis P.J. 1980. *A History of Egypt*. Baltimore: The Johns Hopkins Press. 528 p.
- Ash-Shafii Sh.A. 1961. *Razvitiye nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Egipte (1882-1956)* [Development of the National Liberation Movement in Egypt (1882-1956)]. Moscow: Izd-vo in.lit. 278 p.
- Belyaev I.P., Primakov E.M. 1981. *Egipet: vremya prezidenta Nasera* [Egypt: President Nasser's Time]. Moscow: Mysl'. 368 p.
- Bogoslovskij V., Shvakov A. 1956. *Nezavisimyyj Egipet* [Independent Egypt]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 64 p.
- Goldobin A.M. 1989. *Nacional'no-osvoboditel'naya bor'ba naroda Egipta, 1919-1936* [National Liberation Struggle of the People of Egypt, 1919-1936]. Moscow: Nauka. 329 p.
- Istoriya Vostoka* [The History of the East]. V 6 t. 2006. Vol. 5: *Vostok v novejshee vremya: 1914-1945 gg.* Ed. by R.B. Rybakov and oth. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 717 p.
- Kiselev V. 1956. *Respublika Egipet* [Republic of Egypt]. Moscow: Znanie.
- Koshelev V.S. 1984. *Egipet: uroki istorii. Bor'ba protiv kolonial'nogo gospodstva i kontrrevoljucii (1879-1981)* [Egypt: the Lessons of History. The Struggle against Colonial Rule and Counterrevolution (1879-1981)]. Minsk: Izd-vo un-ta. 206 p.
- Mirskij G.I. 1970. *Armiya i politika v stranah Azii i Afriki* [Army and Politics in Asia and Africa]. Moscow Nauka. 352 p.
- Mirskij G.I. 1989. *Rol' armii v politicheskoy zhizni stran «tret'ego mira»* [The Role of the Army in the Political Life of the "Third World"]. Moscow: Nauka.
- Razhbadinov M.Z. 2004. *Egipetskoe dvizhenie «Brat'ev-musul'man»* [Egyptian Movement "Muslim brothers"]. Moscow: IIIIBV. 432 p.
- Sejranyan B.G. 1970. *Egipet v bor'be za nezavisimost' 1945-1952* [Egypt in the Struggle for Independence 1945-1952]. Moscow: Nauka.
- Vatolina L.N. 1949. *Sovremennyj Egipet* [Modern Egypt]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 244 p.
- Yurchenko V.P. 2002. *Armiya i vlast' v Egipte. Armiya i vlast' na Blizhnem Vostoke: ot autoritarizma k demokratii (sbornik statej)* [Army and Power in Egypt. Army and Power in the Middle East: from Authoritarianism to Democracy (Collection of Articles)]. Moscow. 400 p.

Литература на русском языке:

- Аш-Шафии Ш.А. 1961. *Развитие национально-освободительного движения в Египте (1882-1956)*. Москва: Изд-во иллит. 278 с.
- Беляев И.П., Примаков Е.М. 1981. *Египет: время президента Насера*. Москва: Мысль. 368 с.
- Богословский В., Шваков А. 1956. *Независимый Египет*. М.: Государственное издательство политической литературы. 64 с.
- Ватолина Л.Н. 1949. *Современный Египет*. Москва: Изд-во Академии наук СССР. 244 с.
- Голдобин А.М. 1989. *Национально-освободительная борьба народа Египта, 1919-1936*. Москва: Наука. 329 с.

История Востока. В 6 т. 2006. – Т. 5: Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. Гл. ред-кол.: Р.Б. Рыбаков и др.; отв. ред. Р.Г. Ланда. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 717 с.

Киселев В. 1956. *Республика Египет*. Москва: Знание.

Кошелев В.С. 1984. *Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879-1981)*. Минск: Изд-во ун-та. 206 с.

Мирский Г.И. 1970. *Армия и политика в странах Азии и Африки*. Москва: Наука. 352 с.

Мирский Г.И. 1989. *Роль армии в политической жизни стран «Третьего мира»*. Москва: Наука.

Ражбадинов М.З. 2004. *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. Москва: ИИИиБВ. 432 с.

Сейранян Б.Г. 1970. *Египет в борьбе за независимость 1945-1952*. Москва: Наука.

Юрченко В.П. 2002. Армия и власть в Египте. – *Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии (сборник статей)*. Москва. 400 с.

Литература на арабском языке:

الرافعى عبد الحمن. ثورة ٢٣ يوليه ١٩٥٢. القاهرة ١٩٥٩.

Ливан: обыкновенная «консоциональная демократия» в региональном контексте

А.В. Сарабьев

Институт востоковедения РАН

Ливан обладает рядом особенностей, которые обуславливают его особое положение в регионе и важность в системе отношений между государствами Ближнего Востока. Большую роль в этом играют идеологический и стратегический аспекты мировой политики в регионе, в которые Ливан органически вписан как в историческом, так и геополитическом плане. Устойчивость страны, прошедшей сквозь долгую гражданскую войну, выделяет её из ряда государств региона. Авторская гипотеза состоит в том, что причина необычайной устойчивости ливанского общества, системы государственной власти, политических элит, хозяйственных связей и внешнеполитических контактов вопреки всем негативным региональным факторам может корениться в консоциональном принципе принятия ключевых решений, основанном, как это ни парадоксально, на пресловутом политическом конфессионализме. Особенности ливанской политической модели (хотя и подвергаемые заслуженной критике), выделяют её из множества «привычных» демократий, сближая с примерами уникальных демократических систем Европы и других континентов. Пестрый конфессиональный состав общества, наряду с исторически обусловленными внешнеполитическими ориентирами отдельных общин, предлагал особый неформальный механизм принятия решений в масштабах страны – не на основе власти большинства, а по договорному, компромиссному принципу. Ведущие теоретики консоционализма нередко имели в виду ливанский образец демократии в своих политологических выкладках, и многие из их наработок по сей день хорошо применимы для анализа вопросов функционирования основных государственных институтов Ливана. Теоретическое исследование, наряду с анализом текущей региональной ситуации, убеждает автора в правоте выдвинутой гипотезы. Как в ливанской истории, так и теперь именно застарелые формы внешних воздействий заставляют ливанское общество балансировать на грани обострения межобщинных столкновений. Совокупность внешних факторов послужила началом и в дальнейшем подогревала гражданскую войну. Накалившиеся к 2005 г. отношения с Сирией, нападение Израиля в 2006 г., серьёзнейшая угроза со стороны джихадистов-халифатистов – все эти внешние факторы негативно отражались на внутригражданских и межобщинных отношениях. Стереотипные формы использования извне соответствующих конфессиональных групп (шиитов, суннитов, христиан разных конфессий и др.) и даже прямое давление из-за рубежа продолжают сталкивать их между собой, навязывая чуждые для ливанцев представления о социальных отношениях и политическом участии. Диверсификация политических и деловых контактов России с представителями разных ливанских

УДК 327

Поступила в редакцию: 21.04.2019 г.

Принята к публикации: 08.08.2019 г.

общин может служить удачным примером восприятия Ливана со всеми особенностями его политической системы как полноправного субъекта международных отношений.

Ключевые слова: Ближний Восток, идеология арабского национализма, суннито-шиитский конфликт, ливанские христиане, конссоциональная демократия, политический конфессионализм, глубоко разделённые общества, международные связи, политическое давление, Ливан

Ливанская проблематика остаётся интереснейшей и одной из самых важных для понимания ближневосточных проблем, и тем не менее, некоторые её политические аспекты всё ещё нуждаются в разработке. В качестве цели данной работы автор видит выявление тех сторон внутриполитических особенностей Ливана, которые обуславливают уникальное региональное положение страны в системе межгосударственных отношений, и тех региональных факторов, которые поддерживают со своей стороны пресловутый ливанский конфессионализм – систему политических отношений между представителями разных социальных (конфессиональных) групп, основанную на договорном, конссоциальном начале.

Авторский исследовательский вопрос сводится к следующему. Способ принятия политических решений, базирующийся во многом на неформальных практиках и даже обнаруживающий элементы институционализации, как бы дополняет собственно демократические институты ливанского государства. Сам по себе этот конссоциативный способ обращает на себя внимание в качестве ключа к феномену эффективности ливанской политики, трудно объяснимому в виду высокой гетерогенности ливанского общества и совершенно особых условий существования государства в системе региональных отношений.

Учёные, в разное время обращавшие внимание на этот политологический феномен, нередко подходили к нему либо со стороны только анализа взаимодействия Ливана с ведущими региональными игроками (политическими режимами, трансграничными исламистскими организациями, спонсорами сегментов ливанского политического поля), либо с точки зрения умозрительного анализа политической модели, относимой, как правило, к конссоциональной, разновидности которой представлены в государственных системах Европы, Латинской Америки, Африки. Автор поставил перед собой задачи сопоставить имеющиеся блестящие наработки российских и зарубежных коллег в обоих этих аспектах, совместить элементы политологических рассуждений и выводов прославленных теоретиков демократии с богатым арсеналом ближневосточной аналитики, касающейся Ливана.

Структура статьи обусловлена этими задачами. Вначале автор задаётся вопросом о поразительной жизнеспособности уклада ливанского политического

поля, устойчивости его властных элит. Он подводит к формулированию собственно исследовательского вопроса и излагает собственную гипотезу, нуждающуюся в верификации. С этой целью внутриполитическая ситуация анализируется в контексте идеально-политического развития региона на протяжении нескольких десятилетий, и этот региональный контекст позволяет верно оценить как свойства «глубинной» властной парадигмы, так и недостатки ливанской политической модели в теоретическом и сугубо практическом планах. Выявляется лежащее в её основе договорное начало (консociация) конфессионализма, который далее детально рассматривается вписаным в систему региональных и глобальных международных отношений. Основное внимание уделяется дифференцированным внешним связям разных кругов политического истеблишмента Ливана. Подчёркивается опасность внешних воздействий и политico-экономических влияний на ливанскую систему конфессионального представительства, региональные экономические связи, расстановка политических ориентиров в глобальном масштабе, поскольку внешние факторы традиционно играли ведущую роль в большинстве поворотных моментов ливанской истории.

Парадокс ливанского «феникса»: от наблюдений к гипотезе

Социально-политическое развитие Ливанской Республики в последние годы в полную силу обнаруживает свои яркие особенности. Это касается и внешнеполитического положения этой страны – во многом уникальной в Ближневосточном регионе. Декларативно нейтральный курс её внешней политики, как и провозглашённый много десятилетий назад принцип невмешательства и неприсоединения, не избавляют от труднообъяснимых черт, носящих характер парадокса. Они, в свою очередь, создают трудности анализа тех региональных процессов, в которые эта маленькая страна оказывается волей-неволей вовлечённой.

Политологи и историки постепенно отказываются от некогда распространённых характеристик ливанского общества: будто бы оно обладает имманентным потенциалом внутреннего конфликта – якобы в силу многосоставного характера в конфессиональном и этническом отношениях. Сегодня становится необходимым возвращаться к природе сложной (многоплоскостной) стратификации ливанского общества, с одной стороны, и уникального политического механизма принятия решений на государственном уровне, с другой. Иначе, как объяснить устойчивость системы власти и поразительную жизнеспособных самовоспроизводящихся «старых элит» в контексте макрорегионального пафоса социальной революции (эпохи «арабской весны»)? Как можно объяснить стабильность работы государственных структур при затяжном кризисе почти всех ветвей власти – троекратное продление депутатских мандатов (с 2009 по 2018 г.), три года пустовавшее кресло президента страны (с 2013 по 2016 г.), долговре-

менную формальную неполноценность кабинета министров – и относительно благополучный выход из этого системного политического пике?

Наконец, нелегко анализировать успешное отражение ливанцами атак исламистов-радикалов, вторгавшихся в пределы Ливана с территории охваченной многосторонней войной Сирии. И это при условии втянутости в сирийский конфликт мощной ливанской негосударственной военизированной структуры («Хизбаллы»), подвергнутой международному ostrакизму.

Нахождение в Ливане палестинских лагерей с их серьёзными внутренними проблемами и настоящей борьбой в них палестинских боевых и политических организаций между собой также не добавляет стране общественной безопасности и гражданской консолидации.

И при всём при этом страна развивается, её культурная жизнь, общественная мысль, свобода слова и печати находятся на высоком уровне. Укрепляются многоплановые двусторонние контакты с самыми разными странами. Развитие отношений с Россией – экономических, политических, научных и культурных – является для ливанцев одним из приоритетов.

Свойственная Ливану динамическая стабильность непростых социальных отношений, наряду со способностью выходить из сложнейших политических кризисов и восстанавливаться после ведущихся на его крохотной территории боевых действий (нападение Израиля в 2006 г., крупные атаки экстремистов в 2007, 2016–2017 гг.), заставляют пристальное вглядываться в его внутриполитические особенности и положение в регионе.

Связь ливанских политических групп с разными региональными силами неоспорима. В то же время вовлечённость Ливана в политические процессы в масштабах всего Ближнего Востока не всегда очевидна, на первый взгляд. И тем не менее, весомая роль этой небольшой страны в перипетиях международных отношений, как и моментальные отзвуки любых ближневосточных трансформаций на внутриполитических отношениях в Ливане, отчётливо прослеживаются при внимательном рассмотрении, особенно в контексте современной истории. Авторская гипотеза заключается в том, что жизнеспособность ливанского государства и устойчивость его многосоставного общества в условиях глубокой «вписанности» страны во все региональные процессы, обязаны его уникальной социально-политической системе, вызывающей ожесточенную и часто заслуженную критику.

Отмеченная выше парадоксальность может корениться как раз в особом способе принятия политических решений – на основе неформальных институтов и практик (возможно, архаичных и регрессивных), во многом дополняющих демократические институты и процедуры и делающих их эффективными в особых условиях существования гетерогенного ливанского общества.

Ливанская политическая модель, о которой пойдёт речь, заключает в себе благоприятные для принятия компромиссных решений и их эффективности условия. В ней заложены институциональные предпосылки для сотрудничества

казалось бы разрозненных и даже противопоставленных друг другу социальных групп как сегментов общества. Особенно рельефно это проявляется, если рассматривать политические круги, представляющие эти группы, в региональном контексте.

Региональный идеино-политический контекст

В ракурсе регионального противостояния Ливан чаще всего рассматриваются в качестве поля схождения противоречий между шиитским и суннитским мирами. В арабском регионе он также представляет собой уникальный пример такой страны с мусульманским большинством, где, тем не менее, важные государственные посты – и даже пост президента – сохраняют за собой христиане.

Ещё одна важнейшая особенность Ливана по сравнению со странами всего ближневосточного региона есть та, что, являясь республикой, эта страна никогда не руководствовалась в своей политике ни левой идеей, ни идеей арабского национализма в чистом виде, как, например, республики Египет, Ливия, Сирия или Ирак. Вместе с тем коренные отличия в ее политике сохранялись и по сравнению с косными арабскими монархиями, которые держатся право-консервативных курсов. Возможно, что эта «финикийская» черта – не очаровываться до самозабвения популярными идеологиями и всегда иметь некоторую долю здорового скептицизма – продолжает давать ливанцам возможность спокойно относиться к политическим сделкам и быстро перестраивать блоки и альянсы в зависимости от выгодности для текущего положения. При этом политика для ливанцев, как и торговля, имеет свои границы, свои «понятия», выход за которые означает грубое нарушение правил игры.

Исключительно внутренние факторы почти никогда не выводили ливанское политическое поле за эти рамки. Тяжёлые времена, когда в дело вступали боевые дружины партий и разгорался гражданский конфликт, приходились как раз на обострение идеологических противостояний в регионе в целом (70–80-е гг.) или на давление извне (события 1958, 1989 гг.), в том числе военную агрессию (1973, 1976, 1982, 2006 гг.).

Сложная внутренняя ситуация в сфере социального обеспечения, высокая дифференциация общества по материальному уровню, очевидные недостатки системы политического представительства вкупе с внешними факторами социального взрыва всё-таки не увлекли Ливан в водоворот арабской «волны турбулентности», даже несмотря на пресловутый (поспешно объявленный в прессе и подхваченный многими экспертами) «эффект домино». Парадоксальность такой устойчивости, когда все элементы региональной мозаики сложились в самую неблагоприятную для Ливана комбинацию, может заключаться в одном базовом элементе «арабской весны». Гипотетически и очень обобщённо он заключается в прекращении долгой инерции арабского национализма, который в ряде стран служил некогда основной государственной идеологией. Ливанская

республика, власти которой никогда не опирались на эту идеологию (только шиитизм в далекие 60-е гг. обнаруживал симпатии к ней), не испытала и болезненной перестройки, связанной с прекращением инерционного действия арабского социализма и национализма¹.

Очень похоже, что в ходе «арабской весны» произошёл окончательный откат от гремевших когда-то в арабском мире этих уравнительных патриотических идей, включая национальную арабскую общность, социально-ориентированную политику, но, одновременно, и жёсткую вертикаль власти, обеспечивающую социальный порядок и жёсткое государственное регулирование. Откат в сторону посткапиталистического встраивания в систему новых глобальных доминант (высочайшие темпы технологического развития и экономическая детерминированность в условиях принципиально нового типа формаций). Правда, социальная инерция, часто соотносимая с арабскими традициями (культурными, деловыми, социальных связей и др.), ещё долго будет удерживать привычные (безнадёжно устаревшие) представления о происходящем, вызывая в памяти известные исторические феномены властных моделей (например, «военное правление», «религиозное меньшинство у власти», «определяющая роль руководящей партии» и т.п.). Но эти реминисценции будут лишь миражами, видимостью, привлекательной для населения и даже политологов своей объяснимостью. Отождествляемая с такими представлениями социальная инерция (или инерция традиции) тогда может быть объявлена главным препятствием на пути к прогрессу. Не втянет ли в себя глобальный «плавильный котёл» братейшие и разнообразные религиозные традиции Ближнего Востока, будто бы стоящие против течения истории?

Возвращаясь к первым из подмеченных особенностей, нужно подчеркнуть, что Ливан уникален своей внутренней религиозной ситуацией. При этом внешнеполитические ориентиры его основных конфессиональных общин далеко не всегда соотносятся с условными лагерями по тому же вероисповедному признаку. Так, ливанские шииты, действительно, в высокой степени ориентируются на помощь от единоверного им Ирана. Однако это не мешает им уже долгое время (практически с 2005 г.) находиться в близком политическом контакте со Свободным патриотическим движением, где доминируют представители маронитской (католической) общины. К сведению, патриарх маронитов, Бешара Бутрос ар-Раи, уже через полтора года после своей интронизации в ноябре 2011 г. был возведён в сан кардинала Католической церкви (первым за всю историю маронитов кардиналом-патриархом был его предшественник, Насралла Бутрос Сфейр).

¹ Знаменательное событие, поворотный пункт в истории сирийского баасизма прошёл почти незамеченным в прессе. Фактически под эгидой сирийского президента в апреле 2017 г. состоялся расширенный пленум ЦК «Баас», на котором были сделаны радикальные кадровые перестановки в руководстве партии: «сформирован новый Центральный комитет ПАСВ и внесены изменения в региональное руководство». (URL: <https://www.sana.sy/?p=107146> (accessed 26.08.2019). Но что это – правая ревизия или охранительный акт, консервация баасистской идеологии? – покажет время).

Сунниты Ливана отличаются большей дробностью своих региональных предпочтений. Значительная их часть ориентируется, конечно, на Саудовскую Аравию, её авторитет в регионе и экономические возможности. Но очень многие сунниты являются частью политических сил, никак не связанных с этим королевством. Среди них есть и прогрессисты, и коммунисты, и сторонники сирианизма; сунниты входят в состав движений, где доминируют представители совсем других религиозных конфессий.

Так что суннито-шиитская конкуренция в масштабах ближневосточного региона, отражается на политическом поле Ливана (Bahout 2013: 2), но отнюдь не определяет однозначно и механически расстановку политических сил соответствующих общин. В основе выбора ливанцами региональных ориентиров лежат, прежде всего, политические интересы, возможности материальной поддержки общины извне и стратегия выстраивания траектории прохождения во власть. Существующее якобы противостояние суннитов и шиитов Ближнего Востока, отражающееся на политической арене ряда стран, является слишком широким обобщением, которое вообще трудно применимо для анализа конкретных проблем.

Ливанские шииты и сунниты, при всех имеющихся разногласиях, прекрасно договариваются между собой, когда речь идёт, например, о безопасности страны. Самый наглядный пример – совместные успешные действия ливанской армии и формирований «Хизбаллы» в отражении атак боевиков-халифатистов и очистки от них пограничного с Сирией района Эрсаль. Зоны экономического влияния, распределение министерских портфелей, ведущие посты в силовых структурах – все эти и другие вопросы в конце концов решаются путём консенсуса («консолидации»).

Христиане на Ближнем Востоке, о судьбе которых уже не один год выражают обеспокоенность на разных уровнях, также продолжают оставаться неотъемлемой частью политической арены Ливана. Более того, в последнее время, в результате продуманной политики президента-маронита Мишеля Ауна их политические позиции даже укрепились. Избирательное законодательство реформировано фактически на основе предложений депутатов-христиан. На ключевых постах в кабинете министров стоят христиане (например, министр иностранных дел, обороны, экономики и торговли, юстиции, энергетики и водных ресурсов). Христиане (марониты, православные, греко-католики, армяне-григориане) составляют половину членов правительства. Хотя и трудно, но находятся взаимоприемлемые решения для христиан-католиков, православных, мусульман-суннитов, шиитов и друзов в плане конфессионального соотношения в органах государственного управления.

Таким образом, подготовительный – доинституциональный – трек обсуждения предоставляет ливанцам возможность достижения консенсусного, устраивающего всех характера важнейших для страны решений. Причём это относится не только к области политики, но равным образом и к экономическим вопросам, в том числе в региональном масштабе. Кстати, некоторые учёные

склонны видеть в основе «арабской весны» не столько политические, сколько социально-экономические мотивы, когда «авторитарные режимы на Ближнем Востоке стали слишком хрупкими, чтобы адаптироваться к тому экономическому давлению, которое вызвало там массовые движения с начала 2011 г.» (Heydemann, Bouyssou 2013: 70). И в этом смысле Ливан, продемонстрировав гибкость своей экономической политики, смог избежать волнений.

Другое дело, что не ослабевает внешнее давление, особенно на важнейшую для страны банковскую сферу. Ливанский Центробанк уже испытал на себе разнообразные санкции со стороны США под предлогом ослабления «Хизбаллы»². Ливанские журналисты сообщают о случаях давления на президента и премьера со стороны посольства США: якобы американские власти ради «усиления давления на «Хизбаллу» и натравливания на неё ливанцев» не собираются останавливаться даже перед раскачиванием стабильности страны, особенно ее банковского сектора³. А британские власти в конце февраля 2019 г. – менее месяца спустя после утверждения нового правительства Ливана – приняли решение внести в список запрещённых организаций не только её боевое крыло, но саму партию, активно действующую на ливанском политическом поле⁴. Теперь за поддержку «Хизбаллы», по британским законам, грозит до 10 лет заключения⁵. А ведь среди ливанских министров – двое (по делам молодёжи и спорта и госминистр по парламентским вопросам) представляют эту партию, а ещё один (министр здравоохранения) тесно с ней связан. Можно ли быть уверенными, что такой шаг англичан не будет дестабилизирующим ливанское политическое поле? Что он не будет способствовать углублению взаимных противоречий между общинами и дезинтеграции многосоставного ливанского общества?

Свойства «глубинной»ластной парадигмы

Характеризуя общества, подобные ливанскому, как «глубоко разделенные» (*deep divided societies*) выдающиеся теоретики прошлого задавались вопросом об их поразительной жизнеспособности. В далёком 1979 г. Иэн Лустик писал: «Что действительно сбивает с толку в контексте такого общего подхода, так это сохранность [такого рода] общественно-политических систем с течением времени, особенно устойчивое продолжение отдельных моделей политических отношений. <...> Проблема, головоломка, заключается в том, как объяснять долговременную политическую устойчивость в обществах, которые по-прежнему

² Magnier E.J. 2018. Hezbollah in Lebanon: US Hegemony is Over. *Al-Rai (Kuwait)*. 21 Nov. URL: <https://ejmagnier.com/2018/11/21/hezbollah-in-lebanon-us-hegemony-is-over> (accessed 26.08.2019).

³ Аш-Шуфи Ф. 2018. تهدید-استقرار-لبنان-ابتزاز-امیرکی-مزدوی (Аш-Шуфи Ф. 2018. Техдид-астквар-Либан-абтаз-эмирки-мездо). *Аль-Ахбар*. 19.11.2018. (на араб. яз.). URL: <https://al-akhbar.com/Politics/261935/> (accessed 26.08.2019)

⁴ Wintour P. 2019. UK to outlaw Hezbollah's political wing. *The Guardian*, 25 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/25/uk-outlaw-ban-hezbollah-political-wing-lebanese> (accessed 26.08.2019).

⁵ Hezbollah to be added to UK list of terrorist organisations. BBC. 25 Feb. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47359502> (accessed 26.08.2019).

характеризуются глубокими вертикальными разломами» (Lustick 1979: 327). Верно поставленный выдающимся политологом вопрос заставляет обратиться к характерным особенностям ливанского общества, как их описывали некогда неангажированные исследователи.

Например, профессор из Университета Мэриленда Энвер Кури писал, что Ливан характеризовался как «политическое общество» (все признаки государства), но не обладал «чувством общества» (психо-культурные особенности нации, в том числе общность истории, традиции, языка, опыта): «Это собрание этнорелигиозных подсообществ (*subcommunes*), связанных между собой, в лучшем случае, общей неизбежной необходимостью, и устранение зазоров между ними остаётся критичным» (Koury 1976: 9).

Первостепенной задачей остается движение в направлении национального единства, но на этом пути очевидны препятствия – «зазоры» между социальными группами или даже линии социальных разломов. «Различия между сегментами [общества] в территориальном, социально-экономическом и конфессиональном планах, – пишет ливанский профессор Антуан Месарра, – вообще взрывоопасны, но гораздо большая острота возникает, когда все различия сводятся к одному единственному фактору. Так, богатые и образованные сунниты ближе к богатым и образованным маронитам, а максимальный разрыв наблюдается между бедными суннитами или шиитами и богатыми и образованными представителями других общин. Экономическое и социально-[политическое] представительство, наряду с социально-экономической корректировкой (*réajustements*), оказывают двойное действие – деполяризацию и деполитизацию разломов в консоциальных обществах» (Messarra 1983: 490).

Намного раньше, в 1956 г., как описывал Аренд Лейпхарт, политолог Габриэль Алмонд в споре с ним отстаивал идею, что «следует ожидать нестабильности в культурно-гетерогенных обществах, разделённых “взаимоусиливающими расколами”» (цит. по: (Lijphart 1981: 90–91)), а позднее созданная Алмондом типология утверждала ожидание демократической стабильности в социально-интегрированных обществах и, напротив, нестабильности – в раздробленных.

Нынешняя ливанская демократия, словно оспаривая самим своим существованием эти ожидания, пусть и под огнём ожесточённой критики (Christophersen 2018), продолжает своё развитие, сохраняя неповторимые особенности, в том числе перекосы и недостатки, но в любом случае нуждается в пристальном изучении феномена такой устойчивости.

Ливанское государство представляет собой уникальный для Ближнего Востока образец демократического устройства, и уникальность эта не была обусловлена ни новой идеологией, охватившей массы населения и связавшей воедино разные социальные группы (например, арабский социализм), ни подавляющей несогласных своей железной рукой одержавшей верх стороны в отремевшей гражданской войне, как в некоторых других странах (самый яркий пример – американская демократия), она также не является насаждённой извне. Ливанская

демократия – продукт многовекового исторического опыта сосуществования на ограниченной территории социальных групп с разным мировоззрением, религией, обычаями и даже внешнеполитическими ориентирами. Обычно граждан одной страны объединяет общность происхождения, но ливанцы с их разными представлениями о прошлом собственного этноса не вписываются и в эти рамки. Гражданская идентичность подпитывается некой общей культурно-религиозной почвой, но к Ливану с его 18-ю конфессиями, где христиане и мусульмане распределялись примерно поровну, это тем более неприменимо.

Способность, а точнее вынужденность ливанцев договариваться между собой была, без преувеличения, выстрадана по мере преодоления острых кризисов межконфессиональных отношений (особенно в XIX в.) и столкновений на идеологической почве (например, в ходе гражданской войны 70–80-х гг. XX в.). Договорной принцип принятия политических решений и отражён в названии, которым западные политологи обозначают в том числе и ливанскую демократическую модель – *consociational democracy* (конссоциональная, конссоциативная, согласительная демократия) (Bogaards 2014; Messarra 1983; Party Elites... 1999; *Renegotiating the Welfare...* 2003)⁶.

Тот факт, что в русском языке нет подходящего термина, адекватно передающего смысл этой модели, может свидетельствовать как раз о её специфики. Действительно, в мире очень немного стран, по отношению к которым политологи когда-либо применяли это понятие. В основном это государства со значительными пережитками традиционного, «немодернизированного» общественно-политического уклада: латиноамериканские Колумбия, Гайана и некоторые африканские страны. Можно было бы заподозрить политологов в высокомерном ориентализме, если бы не существенное «но». К этому ряду относят также довольно успешные европейских страны: классическим примером конссоциональной демократии считается Швейцария, но иногда так говорят также в отношении Бельгии, Нидерландов и Австрии. Некоторые добавляют к этим странам Данию и Израиль⁷ и даже британский анклав Северную Ирландию. Все эти общества характеризует относительная равновесность интересов разных социальных групп, в том числе национальных или религиозных общин⁸. Такая особенность просто не позволяет появляться принципиальным решениям, отражающим интересы лишь отдельных групп и обходить достижение полити-

⁶ На заре политической разработки этого термина подчёркивались, в частности профессором из немецкого Констанца Герхардом Лембрехтом, такие аспекты этой модели, как пропорциональное представительство (*Proporzdemokratie*) и её согласительный характер (*Konkordanzdemokratie*).

⁷ Так, в интересном сборнике 1999 г., посвящённом этому вопросу, в отношении конссоционализма рассматривалась партийная система таких стран, как Австрия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Швейцария, Израиль. См.: (Party Elites 1999). Вопросы, связанные с конссоциональной моделью, поднимаются в отношении Швейцарии и Нидерландов в сборнике: (*Renegotiating the Welfare...* 2003). В более свежем исследовании добавляются примеры Ливана, Северной Ирландии, Боснии и Герцеговины. См.: (Bogaards 2014).

⁸ Так, в другой части света одним из наиболее показательных примеров является Кооперативная республика Гайана, где говорящее на разных языках население (ок. 760 тыс. чел.) составляют этнические индийцы, африканцы, индейцы, португальцы, китайцы, арабы, а в религиозном отношении это индуисты (ок. 28%), христиане-пятидесятники, католики, англикане, адвентисты, методисты и другие христиане, мусульмане (более 7%) и прочие.

ческих компромиссов, в противном случае грозя болезненными социальными протестами и внутренним противостоянием в обществе.

Очень далёкая от идеи диктата большинства⁹, эта модель ближе, пожалуй, к тем древним компромиссным моделям принятия решений, которые мы подразумеваем, говоря, например, о средневековом новгородском вече. Среди недостатков такой модели следует ожидать, конечно, слабую правовую регламентированность, сильную зависимость от групповых, клановых и даже личных прямых воздействий и косвенных влияний, деформирующих принятые демократические процедуры.

На это указывает, в частности, и такой известный политолог, интерпретировавший идеи консоциональной демократии, как упоминавшийся выше Иэн Лустик: «Лейпхарт утверждал, что была необходимость во введении новой категории в типологию демократий Алмонда – гетерогенное общество при стабильной демократии. Его логика, захваченная идеей “консоционализма”, оказалась правдоподобной в отношении стабильного функционирования демократии в таких “культурно раздробленных” или “разделённых” обществах, как Бельгия, Нидерланды, Швейцария и Австрия» (Lustick 1997: 91).

Что же составляло ядро «логики, захваченной идеей консоционализма»? Очевидно, таким ядром должен был стать сам способ принятия решений, который отличался от распространённого в других демократических моделях. И действительно, Аренд Лейпхарт указывал на два типичных метода принятия консоциональных решений (в дополнение к основным характеристикам этой модели): «Первый заключается в том, чтобы делегировать власть реализации решений каждому социальному сегменту вместо того, чтобы выносить решение на собрании или в ходе консультационного процесса всех социальных сегментов. Второй имеет особенное значение для вопросов, не предполагающих однозначных решений (*yes-or-no decisions*), но касающихся распределения государственных средств на значимые блага. Консоциональный метод заключается в применении пропорциональности к такого рода вопросам – в отличие от принципа, когда победитель получает всё (*winner-take-all tendency*), в рамках соревновательного типа принятия решений» (Lijphart 1981: 359).

Правда, в таком случае следует ожидать гораздо более дробное политическое поле, более сложную систему распределения доступа к экономическим рычагам и ресурсам, поскольку «пропорциональность власти» предполагает наличие механизма тонкой настройки противоречивых тенденций – взаимного ограничения властных и материальных претензий представителей общин, наряду с самоограничением ради достижения компромисса.

⁹ Один из ревностных защитников либеральной демократии, Деннис Мюллер, пишет, что «стимулы мажоритарной демократии работают против согласия насчет общих целей», и приводит в качестве примера успешной модели швейцарскую, напоминая о печальном опыте модели США: «обе стороны Гражданской войны в Америке имели демократически избранные правительства» (Мюллер 2015: 342).

Ливанская конфессиональная система властного представительства пока – хотя и парадоксальным образом – работает, и при всей уязвимости для критики своей политической формы, именно она «смягчает межконфессиональные конфликты» (Fakhoury 2014: 247). Жёсткая, правильной формы структура в условиях сложного ливанского общества может оказаться хрупкой (широко употребляемое в западной политологии определение – *fragile*), тогда как гибкая, сугубо восточного типа, консоциальная структура оказывается действенной и самонастраивающейся. Нельзя не отметить, правда, что она существенно раздвигает границы поля значений слова «демократия».

Недостатки ливанской модели: от теории к практике

Критика ливанской демократической модели раздаётся с разных сторон и затрагивает почти все её элементы. Но ещё до практического воплощения консоциональной модели, сама её теоретическая разработка критиковалась политологами. В частности, большая порция критики теории Лейпхарта была связана с таким её элементом, как представительство социальных групп на политическом поле, когда образуется довольно замкнутый элитарный круг лиц, сосредоточивших в своих руках властные и экономические прерогативы. Выступая от имени общин с самыми разными запросами и сталкивающимися интересами, высший политический слой всё же обладает гораздо большей взаимной зависимостью, чем зависимостью от своих избирателей, что ведёт к снижению их ответственности перед ними. По мнению критиков, это выхолащивает собственно демократический характер системы.

Так, Бренда Сивер, исследовательница из Университета Калифорнии, следующим образом суммирует критику с этой стороны: «Упор консоциональной теории на превозношение элит и кулуарность принятия элитами решений, похоже, противоречит нормативной демократической теории» (Seaver 2000: 253). А в оправдание консоционализма она же пишет, что опорным аргументом автора этой теории была её близость к классической модели «полиархии», а также тот факт, что меньшинствам по такой модели гарантируется представительство, в то время как мажоритарное устройство лишает меньшинства политического голоса (там же).

В классической модели Лейпхарта для успеха консоциональной демократии предполагалось выполнение четырех условий: «(1) чтобы элиты могли согласовывать между собой различные интересы и требования субкультур; (2) чтобы они обладали способностью преодолевать раздоры и объединять свои усилия вместе с элитами конкурирующих субкультур; (3) это, в свою очередь, зависит от их приверженности поддержанию самой системы и усилению её цельности и стабильности; (4) наконец, все вышеперечисленные требования основаны на предположении, что элиты осознают угрозу политической фрагментации. <...> [Эти условия] связаны с уровнем меж-субкультурных отношений (*inter-*

subcultural relations) на уровне элит, таких же (*inter-subcultural relations*) отношений на массовом уровне и отношений между элитой и массами в каждой из субкультур» (Lijphart 1969: 216).

Острая критика ливанских «элит» за их неспособность к общегосударственной интеграции была высказана в благополучном для Ливана 2009 г. (когда успешно прошли парламентские выборы, был избран президент и назначены члены правительства, когда до затяжных кризисов этих ключевых структур было ещё далеко). Автор статьи о политической культуре Ливана, Мона аль-Баша, оценивая ливанский правящий класс, писала, что в ливанской ситуации связь «элит» с обществом очень слаба, им нечего предложить народу в плане объединяющих ценностей, что ведёт к отчуждению самого политического пространства: «Государство воспринимается как противостоящее конфессиональному сообществу, к которому “принадлежит” человек» (El-Bacha 2009: 82). Это, в свою очередь, может вести к демонополизации насилия со стороны государства и к легитимации его применения оппозицией.

А в связи с чрезмерными требованиями, предъявляемыми к политическому действию субъекта, ливанская консюсиональная модель характеризовалась следующим образом: «Её кажущаяся стабильность <...> обманчиво опасна: социальная мобилизация, по-видимому, перегружает каналы ливанской политической системы» (Hudson 1967: 836).

При всех существенных недостатках имплементации модели в реальных обществах, всё же многие западные политологи (Эрнест Гриффит, Герхард Лембрехт, Майкл Хадсон) отмечали, что консюсиональная модель успешно работает только в сравнительно небольших государствах, даже при соблюдении прочих условий. По их словам, это выводится теоретически и было доказано на практике, в том числе на ливанском примере.

Нынешняя ливанская демократическая система поразительно точно подтверждает подмеченную ещё полвека назад закономерность: «Сохранение внутреннего равновесия предполагает снижение внешних требований к политической системе» (Lehmbruch 1974: 9; Lijphart 1969: 219)¹⁰. Иными словами, яркое своеобразие политического устройства не должно быть предлогом для подозрений в недемократичности и поводом для внешнего вмешательства с целью коррекции по некоему образцу, если только власть не вынуждена удерживаться исключительно при помощи насилия по отношению к целым социальным группам своего населения. Только «демократический плюрализм», очевидно, и может быть предварительным условием сохранения межконфессионального и вообще социального равновесия во многосоставном обществе. И наоборот, вмешательство – будь то грубое политическое (поддержка и даже создание оппозиции извне), экономическое (пресловутые санкции), военное (вооружение и финансирование боевых организаций и прямая интервенция) – неиз-

¹⁰ О консюсиональной демократии (*Konkordanzdemokratie*), в том числе в применении к Ливану, идёт речь во многих материалах сборника статей разных лет этого автора: (Lehmbruch 2003).

безно нарушают баланс и ведут не к коррекции демократии, а к социальному хаосу.

Несмотря на воодушевление ключевых теоретиков конссоционализма, ситуация в Ливане даже в относительно спокойные годы – по крайней мере, до разразившейся в 1975 г. гражданской войны, давала основание критикам констатировать: «Вопреки хвалебным оценкам “классической конссоциальной демократии” в Ливане, она не смогла предоставить устойчивых демократических решений для многосоставного общества (*plural society*). Это идёт вразрез с большинством теорий, предполагающих наилучшим политическим инструментом для таких обществ (*plural societies*) использование конссоциальной демократии» (Yiftachel 1992: 324). Последовавшая цепь внутренних конфликтов, ужасающих акций возмездия (да просто взаимной мести), усугубленных внешней агрессией и израильской оккупацией, бросили серьёзный вызов ливанскому государству, закрепив в международном лексиконе трагический термин «ливанизация».

И всё же, едва ли можно согласиться с приведённой категоричной оценкой. Действительно, во многом первостепенным обстоятельством дестабилизации ливанской ситуации стали периодические воздействия на страну извне (от внешнеполитических вмешательств и присутствия на её территории иностранных военных, например, американских и французских коммандос, до прямых неоднократных вторжений израильтян и настоящей оккупации целых районов). Другим фактором, мешавшим развитию механизмов нахождения внутреннего политического консенсуса, стала усугубившаяся особенно после 1970 г. проблема присутствия палестинских боевых организаций в ливанских лагерях беженцев. К тому же к 1975 г. ливанская демократия была ещё довольно молода, и за три десятилетия независимости консенсусный характер государственных институтов мог просто не успеть вызреть в тех сложных внешнеполитических условиях.

В скором времени кризис уже непосредственно в компромиссном характере принятия властных решений в период гражданской войны привёл к неизбежным столкновениям, которые обострялись по мере неготовности сторон идти на уступки и находить приемлемые для всех ливанцев решения. Этот кризис естественным образом повлёк за собой сомнения в действенности той демократичности модели, которая прижилась было в ливанском государстве и уже демонстрировала свою эффективность. Жестокие столкновения ополчений разных ливанских общин и кланов вызывали чувство абсолютного пессимизма в отношении будущего конссоциальной демократии.

Тогда, в разгар очередной фазы ливанских событий американский учёный сирийского происхождения Ричард Хрэйр Декмеджян выражал серьёзные сомнения в будущности ливанского конссоционализма, хотя и признавал, что западноевропейские образцы этой модели демонстрируют полную совместимость «modernity and communal pluralism» (*modernity and communal pluralism*),

даже если принять вступление их в «новую фазу постмодернности» (Dekmejian 1978: 264). Небольшие западноевропейские консюсиональные системы, по его мнению, являлись «при условии перерастания ближневосточными государствами и их модернизовавшимися элитами “начально-идеологической” фазы их растущего национализма, образцом для подражания и моделью, наилучшим образом вписывающейся в их пестрые социальные “мозаики” (*segmented “mosaics”*)» (там же). При этом Декмеджян критиковал не столько архаичность ливанской политической системы за её непригодность для модернизовавшейся среды Ближнего Востока, сколько панарабский национализм, с одной стороны, и проблему палестинского присутствия в стране, с другой, которые дестабилизировали, по его словам, государственные институты.

Возвращаясь к важнейшему пункту критики консюсионализма – олигархичности этой системы, – следовало бы признать его самым сложным для анализа. Тем более, что нынешние внутриливанские процессы могут приводить к выводам, увы, в пользу такой оценки. Всё большее отдаление правящих кругов и представителей общин во власти от реальных нужд населения наряду с углубляющимся социальным расслоением не позволяют обойти вниманием этот важный вопрос. Настоящим бичом любой демократии, подрывающим сами основы этого принципа в идеальном его понимании, стал автоматический переход «народных избранников» во властную страту (управленцев и законодателей), живущую по своей внутренней логике, не совпадающей с логикой жизни остального населения. Наряду с этим, в странах со сложной социальной структурой, таких как Ливан, благосостояние «элит» определяются теми кланово-конфессиональными группами, которые являются ядром их избирательной базы и основой их политической поддержки. «Элиты», тем самым, как бы обречены на взаимное противостояние, а значит и вовлечение в это противостояние своей клиентеллы. В таких условиях явление «договаривающихся политиков» может казаться парадоксальным, – правда, только если исходить из взгляда на них исключительно как на представителей разных социальных групп, в том числе конфессиональных общин, национальных сообществ. Их интересы должны бы неизбежно сталкиваться постоянно, кроме, пожалуй, кратких периодов тактических альянсов.

Существенную поправку к такой схеме, возвращающую её от умозрения к реальности, тот же Лейпхарт предлагал черпать в сформулированной некогда (в том числе для американского общества) гипотезе «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*; Артур Фишер Бентли и Дэвид Бикнелл Трумэн), а также близкой к ней концепции «перекрестных расколов» (*crosscutting cleavages*; Сеймур Мартин Липсет) на представителей разных групп во власти. В соответствии с этими идеями, стимулом к компромиссам в среде политических элит может быть их вовлечённость не в определённые соответствующие группы, а в разные – так называемое гетерогенное, перекрывающееся членство. В результате этого явления лидеры разных социальных групп и их политические пред-

ставители должны стремиться выработать более взаимоприемлемые позиции и искать решения, в большей степени устраивающие всех. В зависимости от степени стремления к политической стабильности, далеко превосходящей уровень неоднородности общества, политики и яркие представители «конкурирующих субкультур», по выражению Лейпхарта, могут придерживаться чисто «конкурентного поведения и тем самым ещё более усугублять взаимную напряжённость и политическую нестабильность, но они также могут предпринимать целенаправленные усилия по противодействию сковывающим и дестабилизирующим последствиям культурной фрагментации» (Lijphart 1969: 208, 212). Усилия и первого, и второго родов можно наблюдать у ливанских общинных лидеров и политиков на протяжении десятилетий существования независимого государства.

Договорное начало конфессионализма в действии

Дробность межобщинных отношений в Ливане имеет своё продолжение в политическом бомонде, говорящем и действующем во власти от имени соответствующих социальных групп (религиозных общин и кланов). Хорошо известно, что разные кланы стояли во главе разных политических сил даже внутри отдельных конфессиональных общин (например, несколько известных маронитских партий, нередко сталкивавшихся между собой, две основные шиитские организации, две – друзские и т.д.), которые были вынуждены после периодов противостояний искать пути политических компромиссов¹¹. Насколько исторически глубоко укоренена дробность ливанского общества, настолько прослеживается и договорной, согласительный характер отношений между социальными элементами. Как действует «консоциальный механизм», особенно наглядно показывают сравнительно недавние события внутриполитического урегулирования в Ливане.

От внимательного наблюдателя не могла укрыться предпринятая Саадом Харири попытка сделки по распределению ключевых постов осенью 2015 г. – в разгар «президентского вакуума». Когда взаимоотношения основных кандидатов на президентский пост М. Ауна и С. Джаджи достигли пика непримиримости, тот выступил с инициативой проведения на высший пост маронита С. Франжье. Отсутствие консенсуса в этом вопросе ведущих ливанских политиков обусловило оглушительный провал этого проекта, хотя он и получил поддержку из-за рубежа – и материальную и политическую. Ещё год понадобился, чтобы согласовать мнения ключевых игроков и провести относительно взаимоприемлемую схему распределения властных полномочий между представителями основных политических сил и соответствующих общин. Осенью 2016 г.

¹¹ Кстати, для оценки расстановки сил на ливанской политической арене (с учётом их конфессиональной принадлежности) учёные активно применяют индексы влияния Шепли-Шубика (1954) и Банцафа-Коулмана (1965, 1971). См., например: (Diss, Zouache 2015)

президентом стал М. Аун, а главой правительства – С. Харири: оба принадлежали к противостоящим некогда политическим альянсам, которые пользовались поддержкой, соответственно, Ирана и Саудовской Аравии.

Механизм «консолидации» сработал и в ходе последовавшего формирования состава кабинета министров. Правительство было утверждено, и первой страной, куда совершил государственный визит новый ливанский президент, стало Саудовское королевство.

Далее президентским указом весной 2017 г. была предотвращена попытка парламентариев уже в третий раз продлить свои полномочия, что подтолкнуло их всё-таки принять новый избирательный закон 17 июня того же года. В его основу лег законопроект, предложенный еще в 2011 г. Марваном Шарблем, министром внутренних дел в тогдашнем правительстве Наджиба Микати¹². Он исходил из пропорционального избирательного принципа и предусматривал распределение квот депутатов по укрупненным избирательным округам, числом 15 вместо 26, причём квотированию подлежал вероисповедный состав по округам в зависимости от преобладающих в них религиозных общин¹³.

Изменение избирательного законодательства в конечном итоге пошло по пути, предложенному теми, кто стремился к закреплению традиции распределять в Ливане политические посты и квотировать депутатские места в соответствии с религиозной принадлежностью и районом проживания. И это был ещё один парадоксальный шаг ливанской демократии, поскольку внешне он напоминал своего рода консервативный откат. От неприкрытого цементирования политического конфессионализма на этот раз выиграла в наибольшей степени христианская община как более всего сократившаяся в количественном отношении.

Поддержка закрепившей конфессионализм «консервативной реформы» со стороны других общин может озадачивать. Возможно, что пресловутая мусульмано-христианская политическая конкуренция есть лишь конвенциональная схема, имеющая к реальности очень мало отношения именно в силу упомянутого выше «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*) властных групп. Но может быть, в основе такого единодушия лежало нежелание господствующего политического бомонда впускать в свой круг новые силы, которые могли бы сокрушить сложившуюся систему распределения политического и экономического влияния в стране.

Ливанский конфессионализм в контексте международных отношений

С ростом социальной мобильности и информационной открытости проблематика ливанских социальных отношений неминуемо глобализуется. Особо-

¹² Lebanon's draft new election law explained. *An-Nahar*. 3.06.2017. URL: <https://en.annahar.com/article/594740-lebanons-new-election-law-explained> (accessed 26.08.2019).

¹³ Интихабат 2018 (Выборы 2018). Аль-Ахбар. № 3459. 5.05.2018 (на араб. яз.). Р. 4.

бое восточное своеобразие конссоционализма в политической культуре Ливана уходит, приближая этот ближневосточный вариант к подобным европейским политическим феноменам. Ливанская демократия при всех своих особенностях остаётся по-прежнему конссоциональной. При этом сохраняется не только глубоко укоренённый конссоционализм, который сыграл некогда важную роль в нациестроительстве на заре периода независимости (Bogaards 2014: 135), но и пресловутый ливанский политический конфессиоnalизм.

Тем не менее, становится все более бесполезным пытаться оценивать положение страны в свете традиционных покровительственных связей зарубежных стран и соответствующих конфессиональных ливанских общин (например, Франция – марониты, Англия – друзы и сунниты, Россия – православные, и т.п.). Подобным образом, всё труднее вписывать активность местных шиитов в политический императив Ирана. Действительно, некогда шииты – значительная и, главное, быстрорастущая община – остро ощущали свою обделённость социальными благами и политическим участием. Но механизм борьбы шиитов Ливана за свои права был запущен в силу объективных причин еще как следствие гражданской войны 1958 г. Тогда премьер-суннит получил дополнительные полномочия, и пост спикера парламента, закрепленный за шиитами, значительно понизил свою значимость (Koury 1976: 88). Успешная для шиитов бурная деятельность в 60–70-е гг. имама Мусы Садра, наполовину ливанца, и его требования коренных социально-экономических реформ, были вполне исторически обусловленными и потому закономерными. Естественное для тех времён обращение к внешним патронам (а для шиитов это, естественно, Иран) имеет долгую инерцию. Тем более, что мощный импульс это внешнее влияние на ливанских шиитов (в частности, создание Хизбаллы) получило в начале 80-х гг. в свете экспансионистской религиозной идеологии нового Ирана. Эта инерция и теперь ещё служит причиной многоплановых ответных действий «суннитских» центров силы на Ближнем Востоке, несмотря на шаткое положение Ирана и даже вновь нависшей угрозы военной атаки на него будущей «демократизирующей» коалиции.

Политологи, естественным образом, усматривают желание Ирана обеспечить себе выход на Восточное Средиземноморье посредством выстраивания «шиитского полумесяца» (аль-хиляль аш-ши‘и) – включая территории Ирака, Сирии и Ливана. Израиль в этом видит для себя угрозу приближения к своим границам (в Южном Ливане) главного своего врага (ИРИ), заявляющего в рамках официальной идеологии о необходимости ликвидации еврейского государства. Порочность такого рода военно-стратегических выкладок заключается в том, что это не существующие межконфессиональные отношения и реальный статус общин (например, алавитской в Сирии и шиитской в Ливане) подводят к таким выводам, а строго наоборот: обобщенные локусы ближневосточных конфессий зачастую подгоняются под красивые и тревожащие воображение схемы.

Ливанские реалии заставляют по-новому смотреть на устоявшиеся схемы. В качестве близкого и очень наглядного примера можно взять отношения, ко-

торые выстраиваются между Россией и ключевыми конфессиональными общинами, широко представленными на политическом поле Ливана и в его деловых кругах. Даже ещё в начале XX в. в отдалённых сёлах православных районов Ливана (например, в уезде Кура) некоторые жители всерьёз полагали, что члены их общин находятся под властью российского императора. Такой курьёз объяснялся повсеместностью феномена внешней протекции в то время (и со стороны французских миссий и дипломатов и английских, и итальянских).

Теперь же, помимо развивающихся связей между Русской Православной Церковью и Антиохийским Патриархатом, выстраиваются самые разнообразные связи с ливанскими политиками иных вероисповеданий. Регулярными стали визиты в Москву министра иностранных дел Ливана, маронита Джубрана Басиля, который является главой Свободного патриотического движения. Идут контакты с другими политиками-маронитами, например, главой партии Ката-иб Сами Жмайелем, лидером движения «Марада» Сулейманом Франжье. Важным для Москвы деловым и политическим партнёром стал ливанский премьер, лидер движения «Мустакбаль», суннит Саад Харири. Давние связи поддерживаются с лидером прогрессистской партии, другом Валидом Джумблатом. Периодически приезжает в Россию и глава другого друзского клана, лидер Демократической партии «Талляль» Арслан Наконец, сам президент Ливана, Мишель Аун через своего советника Амала Абу Зейда курирует научное сотрудничество между российскими и ливанскими исследовательскими центрами, и организационных контактов такого рода было уже несколько в течение года.

Россия демонстрирует в этом удачный пример принятия ливанского конфессионализма как данности политического поля страны-партнёра. При этом выстраиваемые контакты в самых разных сферах далеки от игры на разногласиях между религиозными общинами или какого-либо манипулирования. Меры давления и запретов, наподобие принятых британскими властями в феврале 2019 г. в отношении политического крыла «Хизбаллы», очевидно не могут принести пользы в изменившихся условиях социальной коммуникации в регионе.

Вместо заключения. Опасность внешних воздействий

Итак, проанализированные особенности ливанской политической модели в условиях сложнейших региональных отношений и блоковых противостояний позволяют, в целом, заключить о справедливости выдвинутой в начале статьи гипотезы. Консоциональная модель с добавлением некоторых черт, характерных исключительно для Ливана, (в частности, клановость, родовитость как элемент политической легитимации элит, чего нет, например, в Швейцарии или Бельгии), действительно, способствует жизнеспособности ливанского государства. На протяжении вот уже тридцати лет она гарантирует общество от серьёзных гражданских противостояний. Важно при этом, что гетерогенность

общества напрямую связана не только с внутриполитическим раскладом, но отчасти коррелирует также с региональной расстановкой сил. Так что внутриполитические баталии, в основном увязанные на интересы региональных игроков, представляют собой как бы продолжение борьбы на ближневосточной политической арене. Консогенеральная ливанская модель предоставляет определённый институциональный инструментарий для внешнеполитического лавирования страны в интересах внешней и внутренней безопасности ливанцев.

Признавая справедливой критику самой модели и её ливанского варианта, осознавая теоретическую ущербность конфессионализма как основы ливанской системы, всё же пока можно констатировать действенность избранного принципа принятия компромиссных политических решений. Неформальные практики, как бы разбавляющие нормальные демократические процедуры, нередко сводятся к кульярным договоренностям (если только не сговорам), хитроумным комбинациям, которые, как ни странно это может показаться, в ливанских условиях всё же выводят заходящие иногда в тупик формализованные и абсолютно эффективные во многих странах практики демократии.

Конкурирующие политические силы Ливана продолжают выстраивать свою международную повестку в зависимости от интересов соответствующих социальных групп (как правило, конфессиональных) и в тех или иных хозяйственных секторах. До тех пор, пока это не ведёт к принятию одной из сторон какого-нибудь из горячих конфликтов, это вписывается в общий нейтральный курс государства. Рассматривая активность ливанских политических сил в этом ключе, исследователь вынужден вновь и вновь переходить от рассмотрения диверсифицированных внешних связей, обладающих большим позитивным потенциалом, к опасности втягивания Ливана в региональные конфликты, к прямому политическому воздействию извне на его ключевых лидеров, финансовые и властные структуры.

Непростое развитие региональной ситуации отражается, как и в прежние времена, на политической арене этой страны. Да и проблемы самого ливанского общества продолжают обуславливаться внешними факторами. Можно спорить, какой из них оказывается первостепенным в негативном влиянии на ливанскую демократию – глубокое социальное расслоение, застарелые формы клиентелизма или мощные сдвиги в демографической структуре общества, в том числе в связи с огромным количеством беженцев из Сирии (внешний фактор).

Например, на рубеже веков многие считали ключевой проблемой нерешённость статуса палестинских беженцев в стране¹⁴, и эта проблема до сих пор ещё, пожалуй, препятствует нормальному функционированию свойственной Ливану системы разделения власти и компромиссного принципа принятия решений. Так, Бренда Сивер писала в 2000 г.: «Могло бы применение системы власти боль-

¹⁴ Kadi G. 2018. The Lebanese style of democracy of no winners or losers. *The Saker Blog*. May 27. URL: <http://thesaker.is/the-lebanese-style-of-democracy-of-no-winners-or-losers/> (accessed 26.08.2019).

шинства (*majoritarian (winner-take-all) system*) в Ливане оказаться более прочным перед лицом региональных проблем, таких как палестинский кризис? Простой ответ на этот сложный вопрос, вероятно, – нет. Причём, если бы даже поддержание консенсуса среди элит уже не вызывало трудностей, возникает ещё более серьёзная проблема: мусульмане, по всей вероятности, будут всё больше доминировать над ливанской политикой из-за своего статуса большинства, что может угрожать безопасности христиан <...> Система власти большинства (*majoritarian system*), даже та, которая обеспечивала бы основные права меньшинств и отдельных лиц, только усугубила бы следствия их статуса меньшинств, что повышало бы вероятность гражданского насилия в Ливане. <...> Система власти большинства была бы менее эффективной, чем система распределения власти (*power-sharing arrangements*) в такой дробной стране, как Ливан, и ещё более осложнила бы и без того опасную ситуацию» (Seaver 2000: 271).

В настоящее время набор негативных внешних факторов, влияющих на ливанскую систему распределения власти, куда шире. Причина этого – в сложнейшей расстановке сил на Ближнем Востоке, включающей элементы глобального противостояния. В сложившейся системе координат разные ливанские общины, единые в стремлении жить в одном государстве, вынуждены выстраивать свою собственную «политическую навигацию», чтобы не потерять наработанные с годами очки в острой конкурентной борьбе. В определённой степени именно с внешними трудностями был связан долговременный кризис верховной власти в стране (с 2013 г.), начало выходу из которого положило избрание президента осенью 2016 г., продолжили долгожданные выборы в Совет депутатов в мае 2018 г., а завершило формирование на компромиссной основе представительного правительства (30 министров) в конце января 2019 г. Остается надеяться, что гибкая ливанская система всё ещё сохраняет внутри себя потенциал внутреннего реформирования вслед за нуждами общества, а не будет давать знать о себе лишь в ответных шагах на действия региональных и глобальных центров силы.

Об авторе:

Алексей Викторович Сарабьев – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: alsaraby@ivran.ru.

Благодарности:

Статья написана по гранту Российского научного фонда на 2017–2019 гг., проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 21, 2019
Accepted: August 8, 2019

Lebanon: An Ordinary “Consociational Democracy” in the Regional Context

A.V. Sarabiev
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112

Institute of Oriental Studies of RAS

Abstract: Lebanon has a number of features that determine its special position in the region and its importance in the system of relations between the Middle East states. An important role in this is played by the ideological and strategic aspects of world politics in the region in which Lebanon is organically inscribed in both the historical and geopolitical plans. The stability of a country that has passed through a long civil war makes it stand out from a number of states in the region. The author's hypothesis is that the reason for the extraordinary stability — of Lebanese society, the system of state power, political elites, economic ties and foreign policy contacts, despite all the negative regional factors — can be rooted in the consociational principle of making key decisions based, paradoxically, on the notorious political confessionalism. The peculiarities of the Lebanese political model (although they are subject to well-deserved criticism) distinguish it from the multitude of “customary” democracies, bringing together with examples of the unique democratic systems of Europe and other continents. The motley confessional composition of society, along with the historically determined foreign policy guidelines of individual communities, suggested a special informal decision-making mechanism throughout the country — not on the basis of majority power, but on a contractual, compromise principle. Leading theorists of consociationalism often had in mind the Lebanese pattern of democracy in their political studies, and many of their developments are still well applicable for analyzing the functioning of the main state institutions of Lebanon. A theoretical study, along with an analysis of the current regional situation, convince the author of the correctness of the hypothesis put forward. Both in Lebanese history and now, it is the inveterate forms of external influences that forced Lebanese society to balance on the verge of aggravated intercommunal clashes. The combination of external factors served as the beginning and further warmed up the civil war. Heightened relations with Syria by 2005, the Israeli attack in 2006, the gravest threat from jihadi-caliphats — all these factors have negatively affected intra-civil and inter-group relations. Stereotypical forms of use of religious communities (Shiites, Sunnis, Christians of different denominations, etc.) from the outside and even direct pressure from abroad continue to confront them, imposing ideas on social relations and political participation that are alien to Lebanese. Diversification of political and business contacts of Russia with representatives of different Lebanese communities can serve as a good example of Lebanon's perception of all the features of its political system as a full subject of international relations.

Key words: Middle East, ideology of Arab nationalism, Sunni-Shiite conflict, Lebanese Christians, consociational democracy, political confessionalism, deeply divided societies, international relations, political pressure, Lebanon.

About the author:

Aleksei V. Sarabiev, Ph.D. (History), Leading Researcher of the Centre of Arabic and Islamic Studies of Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements:

The article was written by Russian science Foundation grant for the 2017-2019 biennium., project No. 17-18-01614 «Problems and Prospects of Political Transformation of the Middle East in Terms of Regional and Global Threats».

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bahout J. 2013. Sectarianism in Lebanon and Syria: the dynamics of mutual spill-over. *Peace Brief* (US Institute of Peace), No. 159, November 15. P. 1–4. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/PB159.pdf> (accessed 26.08.2019)
- Bogaards M. 2014. *Democracy and Social Peace in Divided Societies: Exploring Consociational Parties*. Palgrave Macmillan. 174 p.
- Christophersen M. 2018. Implementation of the 2030 Agenda in Lebanon. *Pursuing Sustainable Development under Sectarianism in Lebanon* (International Peace Institute), Apr. 1. P. 6–24.
- Dekmejian R.H. 1978. Consociational Democracy in Crisis: The Case of Lebanon. *Comparative Politics*. 10(2) (Jan.). P. 251–265.
- Diss M., Zouache A. 2015. Une étude de la répartition du pouvoir confessionnel au Liban. *Revue d'économie politique*. 125(4) (juillet-août). P. 527–546. <https://doi.org/10.3917/redp.254.0527> URL: <https://www.cairn.info/revue-d-economie-politique-2015-4-page-527.htm> (accessed 26.08.2019)
- El-Bacha M. 2009. Démocratie et culture politique libanaise. *Confluences Méditerranée* (L'Harmattan). Été. No. 70: Liban, de problèmes en crises. P. 71–87. [www.doi.org/10.3917/come.070.0071](https://doi.org/10.3917/come.070.0071). URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2009-3-page-71.htm?ref=doi> (accessed 26.08.2019)
- Fakhoury T. 2014. Debating Lebanon's power-sharing model: an opportunity or an impasse for democratization studies in the Middle East? *Arab Studies Journal*. XXII(1). Spring. Special Issue: Cultures of Resistance. P. 230–255.
- Heydemann S., Bouyssou R. 2013. Après le séisme. Gouvernement économique et politique de masse dans le monde arabe. *Critique internationale*. No. 61 (octobre-décembre). P. 69–84. [www.doi.org/10.3917/crii.061.0069](https://doi.org/10.3917/crii.061.0069) URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2013-4-page-69.htm?ref=doi> (accessed 26.08.2019)
- Hudson M.C. 1967. A Case of Political Underdevelopment. *Journal of Politics*. XXIX (November). P. 836.
- Koury E.M. 1976. The Crisis in the Lebanese System: Confessionalism and Chaos. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 92 p.
- Lehmbruch G. 1974. A Non-Competitive Pattern of Conflict Management in Liberal Democracies: The Case of Switzerland, Austria and Lebanon. *Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies*. Ed. by Kenneth MacRae. Toronto: McClelland and Stewart. P. 90–97.
- Lehmbruch G. 2003. *Verhandlungsdemokratie: Beiträge zur vergleichenden Regierungslehre*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. 217 p.
- Lijphart A. 1969. Consociational Democracy. *World Politics*. 21(2) (Jan.). P. 207–225.
- Lijphart A. 1981. Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply. *Comparative Politics*. Vol. 13. No. 3 (Apr.). P. 355–360.

- Lustick I.S. 1997. Lijphart, Lakatos, and Consociationalism. *World Politics*. 50(1). 50th Anniv. Special Issue. Oct. P. 88–117. <https://doi.org/10.1017/S0043887100014738>
- Lustick I.S. 1979. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control. *World Politics*. 31(3) (Apr.). P. 325–344.
- Messarra A.N. 1983. Le modèle politique libanais et sa survie: Essai sur la classification et l'aménagement d'un système consociatif. Beyrouth: Universite Libanaise. XIV+535+12 p.
- Party Elites In Divided Societies: Political Parties in Consociational Democracy*. 1999. Ed. by Kurt R. Luther and Kris Deschouwer. London and New York: Routledge. (Routledge Ecpr Studies in European Political Science, 7). 294 p.
- Renegotiating the Welfare State: Flexible adjustment through corporatist concertation*. 2003. Ed. by Frans van Waarden, Gerhard Lehmbruch. London, New York: Routledge. 308 p.
- Seaver B.M. 2000. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon. *Political Science Quarterly*. Vol. 115. No. 2 (Summer). P. 247–271.
- Yiftachel O. 1992. The State, Ethnic Relations and Democratic Stability: Lebanon, Cyprus and Israel. *GeoJournal*. Vol. 28. No. 3. The Middle East and the Emerging New World Order (November). P. 319–332.
- Mueller D. 2015. *Razum, religiya, demokratiya* [Reason, religion, democracy]. Moscow, Mysl'. 560 p. (In Russ.)

Литература на русском языке:

- Мюллер Д. 2015. *Разум, религия, демократия*. Москва: Мысль. 560 с.

Идейно-ценостный фактор во внешней политике Турции

В.А. Аватков

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН
Дипломатическая академия МИД России

В настоящей статье рассматривается идеино-ценостный фактор в формировании и реализации внешнеполитического курса Турецкой Республики. С данной целью была проанализирована трансформация внешнеполитического курса Турции в рамках современной системы международных отношений и ключевых геополитических процессов XXI в. С учётом усиления роли региональных акторов в принятии ключевых геополитических решений, определение тактик и механизмов их влияния на мировую политическую среду является необходимым для прогнозирования дальнейшей трансформации международной системы и для выстраивания внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении данных стран – в данном случае – Турецкой Республики. Принимая во внимание налаживание политического диалога между двумя странами, видится необходимым определение основных идей и ценностей, распространяемых руководством Турции, для их изучения и дальнейшей нейтрализации данного распространения. В результате исследования было выявлено усиление идеино-ценостного фактора в мировой политике в целом и в отдельно взятых государствах в частности. В XXI в. при правлении Партии справедливости и развития во главе с действующим президентом Турецкой Республики Р.Т. Эрдоганом страна начала постепенный переход от кемализма, заключающего в себе сохранение светскости, прозападные демократические ценности и постепенный отход от османского наследия, к более консервативному внутри- и внешнеполитическому курсу, характеризующемся усилением исламистских и националистических настроений, а также переходом к политике «неоосманизма», «неопантюркизма». Возвращение в государственный политический дискурс позиций о необходимости «возвеличивания» страны в рамках международной системы отразилось на проведении внешней политики Турции в отношении как государств региона, так и мировой арене в целом. Республика не только начала путь самостановления в качестве автономного субъекта международных отношений в глазах ключевых мировых держав, но и начала распространять собственные ценности и идеи среди населения как Ближнего Востока, так и среди государств, которые составляют для Турции национальный интерес (Россия, постсоветское пространство и т.д.), таким образом на различных уровнях воздействуя на них и вовлекая в свою орбиту влияния – как с политической и экономической, так и с гуманитарной точки зрения.

Ключевые слова: Турецкая Республика, идеи, ценности, внешнеполитический курс, неоосманизм, неопантюркизм

УДК 327

Поступила в редакцию: 01.07.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

Главной целью исследования стало определение идейно-ценостного фактора во внешнеполитическом курсе Турецкой Республике, отвечающего и входящего в современный мировой политический тренд поиска ключевыми мировыми акторами качественно новых ориентиров для проведения как внутреннего, так и внешнего политического курса.

В современном мире при формировании собственной политической линии государства опираются не только на национальные интересы, но и на идейно-ценостные установки, которые формировались у каждой страны на протяжении определенного периода времени. Зачастую в совокупности они составляют основные идеологемы, которые руководство отдельных государств стремится встроить в собственный общественный и политический дискурс – это находит свое отражение в официальных речах действующих политиков, в их действиях или бездействиях. Однако наиболее широкий инструментарий для их распространения создается в отношении других внешнеполитических игроков – в том числе и «мягкая сила», которая, зачастую является механизмом для формирования подконтрольного лобби внутри зарубежных стран. И данный вопрос является наиболее актуальным в современных условиях формирования полицентрической системы международных отношений, которая характеризуется общей взаимозависимостью государств и их политических интересов, а также конфликтным потенциалом уже существующих и только возникающих центров силы.

В отношении идейно-ценостного фактора во внешней политике Турции существует довольно узкий перечень литературы. Прежде всего, следует отметить работы В.А. Надеина-Раевского (Надеин-Раевский 2016), С.Б. Дружиловского (Дружиловский, Аватков 2013), а также разработки зарубежных авторов – американских, турецких и европейских ученых (Saraçoğlu, Demirkol 2015; National and State Identity... 2015). Исходя из этого, видится необходимым не только проанализировать и обобщить представленные материалы, но и определить дальнейшую линию встраивания идейно-ценостного фактора в общую систему трансформаций идейно-политического поля мировой политики – при одновременном поиске новых ориентиров происходит и их довольно успешное формирование отдельно взятыми акторами – в данном случае Турецкой Республикой.

Турецкая Республика, на данном историческом этапе определяющая себя как самостоятельный субъект международных отношений, активно применяет широкий инструментарий для формирования и закрепления необходимых представлений о государстве, а также для распространения собственных идей и ценностей. Это проявляется как в создании международных культурных, религиозных и благотворительных организаций (государственных и частных), так и в формировании научного лобби путем предоставления возможностей для иностранных студентов и преподавателей принимать участие в образовательных программах обмена. Это позволяет Турции не только выгодно представ-

лять страну среди широкой зарубежной общественности, но и распространять на территории других государств собственные, необходимые для государства идеи и прививать те ценности, которые в дальнейшем позволят создать условия для формирования подконтрольного турецкого лобби. Именно в этом ключе и стоит рассматривать современный внешнеполитический курс Турецкой Республики.

Основной методологией станет его рассмотрение сквозь призму мирового тренда на определение внешнеполитического курса государств идеино-ценностными ориентирами при учёте трансформации политического режима в Анкаре при приходе к власти Партии справедливости и развития и действующего президента Турции Р.Т. Эрдогана.

Основными источниками данного исследования станут официальные речи ключевых политических фигур Турецкой Республики, принятие решений (действие или бездействие) относительно ключевых страновых, региональных и мировых политических процессов – исходя из этого будет определено соотношение интересов и ценностей официального руководства страны. Базисом исследования также станут присутствующие в открытом доступе доктринальные документы государства.

Встраивание всего вышеописанного во внешнеполитическую идеологию государства позволит наиболее полно раскрыть современный внешнеполитический процесс Турецкой Республики, а также позволит определить дальнейшие пути развития государства в рамках формирующейся современной системы международных отношений.

С момента исчезновения с мировой политической арены одного из главных глобальных геополитических игроков XX в. – Советского Союза, претерпела изменения и вся система международных отношений. Окончание эпохи биполярного противостояния оказало существенное влияние на видение существующего миропорядка, заложив идею об окончании эпохи идей и ценностей в мировой политике и переходе к доминированию в ней национальных интересов. Однако исчезновение двух глобальных идеологий вовсе не означало потерю международным сообществом, а также государством и обществом ориентиров для выстраивания собственного внутреннего и внешнего курса.

Конец глобальных идеологий существенным образом не повлиял на существование идейных концептов на локальном уровне, которые стали формироваться достаточно быстро после 1991 г., что в определённой степени показало поиск мировой политической средой новых ориентиров. В совокупности и сре-да, и ключевые международные акторы продемонстрировали необходимость в идейной составляющей – идеи на микроуровне, формирующих, прежде всего, мировосприятие и мироосознание государств в отношении самих себя.

Такого рода поиски привели к обращению к основам – ранним и зачастую консервативным представлениям о мире и о самих себе каждого из государств. Таким образом, на мировой политической арене всё чаще можно наблюдать

проявления националистического характера, а также влияние религиозного сознания на принятие политических решений (что наиболее характерно для стран Ближнего и Среднего Востока).

XXI в. дал старт «возвращению в эпоху религиозных войн», что, судя по имеющимся тенденциям, продолжается до сих пор – это даёт основания полагать, что на сегодняшний день мировая политическая система переживает «кризис рациональной всемирности» (Косолапов 2006).

В этой связи, с точки зрения определения сложившегося глобального миропорядка, можно сказать, что идейная составляющая становится основой взаимодействия как в глобальном плане, так и на уровне государств – что отмечается целым рядом российских (Войтоловский 2007) и зарубежных исследователей. Эти идеи не могут быть сравнимы с ранее существовавшими глобальными установками, однако их существование и их столкновения будут развивать и определять не только человеческое мировосприятие, но и саму систему в целом.

Идейно-ценностная система внешней политики Турции

В последние годы внешнеполитический курс Турецкой Республики проходит стадию перестройки. Уход от принципов кемализма и ориентации на Запад, смена приоритетов, укрепление национальных интересов, усиление консерватизма в политическом курсе, расширение сотрудничества с Востоком, в первую очередь в рамках исламского и тюркского дискурсов – вот лишь отдельные черты специфики внешней политики Анкары на современном этапе. Но наиболее интересным является тот факт, что идейно-ценностная составляющая начинает занимать всё более значимое место во всех внешнеполитических линиях Турции.

Идейно-ценностная система внешнеполитического курса Турецкой Республики построена вокруг идеологических конструктов неоосманизма и неопантюркизма. В понимании руководства Турецкой Республики неоосманизм есть, прежде всего, приверженность к имперскому прошлому государства, стремление возродить былое величие, которое было свойственно Османской империи. Одними из главных критерииев неоосманского курса, которые характеризуют современную политику государства, являются желание стать мировой державой наряду с ключевыми действующими международными акторами, а также желание занять главенствующие позиции в любой сфере, которая прямо или косвенно затрагивает национальные интересы Турции (Дынкин 2015).

В данном контексте стоит подчеркнуть, что национальные интересы Турции заключаются не только в «возвеличивании» страны в глазах собственных граждан и на мировой арене в целом, но и в вовлечении в собственную орбиту политического влияния тех государств и народов, которые Турция считает братскими. Основной целью являются тюркские государства, которые на современном этапе подвергаются идеологическому воздействию Турецкой Респу-

блики посредством их интеграции в турецкие идеологические конструкции – в том числе через различного рода организации, направленные на формирование научного (обменные программы «Мевляна»), культурного (Культурные центры им. Ю. Эмре) сознания, а также через интеграционные объединения (ТЮРК-СОЙ, ТИКА, Турецкий совет и т.д.). В этом заключается концепция неопантюркизма.

Характерной особенностью для подобного проявления «мягкой силы» в случае Турции является то, что государство стремится навязать тюркским и тюркоязычным народам идею, что тюрки – это и есть турки (в то время как на самом деле исторические факты и происхождение говорят об обратном). В формировании собственной внешней политики, а наступательная стратегия в отношении тюркских государств постсоветского пространства и тюркоязычных субъектов Российской Федерации также является его частью, Турецкая Республика видит всё через «призму турецкого».

Всё, что находится в рамках национальных интересов страны, в конечном итоге должно стать турецким – как национальное сознание «турков», их этническое самоопределение, так и формировавшиеся годами особенности каждого из народов должны быть приведены к турецкому пониманию мира, идеалам, традициям и ценностям. Современная Анкара пытается стереть культурные коды каждого из тюркских народов с целью формирования подконтрольного лобби на территории государств, где они проживают.

В данных взаимоотношениях Турция, по идеологии неопантюркизма, должна будет играть роль «старшего брата», контролирующего происходящее во внутреннем поле государств, а также диктующего всеобщие правила игры. Однако, подобного рода восприятие тюркского через призму турецких позиций и идеалов не только зачастую не соответствует исторической реальности, но и воспринимается тюркскими народами с большой долей сомнения.

Во многом вся внешнеполитическая ориентация современной Турции – это компонент нового националистического проекта, проекта по конструированию новой наднациональной субстанции. При этом данный проект играет значительную объединяющую роль во внутренней политике благодаря своей гегемонистской и экспансионистской направленности, ориентации на предков, прошлое. Романтизация имперской истории происходит в рамках идеологии неоосманизма (Saraçoğlu, Demirkol 2015).

Следует отдельно отметить, что все указанные идеологемы являются составными частями имперского мышления современной Анкары – мышления, не утраченного после раз渲ла Османской империи, но отошедшего на второй план в рамках модернизации под знаменами революции М.К. Ататюрка и в рамках попыток выстроить нацию-государство. Сегодня идут активные попытки по выстраиванию идеологии «Новой Турции» в рамках исламской консервативной идеологии «мусульманских демократов» (National and State Identity... 2015: 151).

Отдельного внимания заслуживает факт слияния национализма и исламизма на внутриполитической арене, что сказывается и на внешнеполитическом курсе. Два идеально неслияемых понятия работают бок о бок в рамках внешней политики Анкары. Пансиламизм и пантюркизм оказываются действенными доктринаами Турции, вступившей в эпоху коалиции консервативной Партии справедливости и развития и националистической Партии национального действия.

Идеи турецкого внешнеполитического курса формулируются её руководством и проистекают из самой сути деятельности Анкары в регионе и мире. Пережив трансформацию в виде перехода от ориентированности на сотрудничество с западными государствами и желанием стать частью Европейского союза, во внешней политике Турецкая Республика перешла к «самостановлению» в рамках формирующейся системы международных отношений.

«Поворот на Восток» (Аватков 2017), который совершила Турция, заключался не столько в её переориентации на сотрудничество с государствами Ближнего Востока, налаживании контактов в Азиатско-Тихоокеанском регионе или же в выстраивании нового «каркаса» в отношениях с Российской Федерацией, сколько в собственном переосмыслении как субъекта международных отношений в региональном и глобальном масштабе. Переход к принципам неоосманизма при правлении действующей Партии справедливости и развития (с 2002 г.), а также возвращение в политический курс государства религиозной составляющей, а именно исламизма, стали основополагающим фактором в формировании внешнеполитической линии Турции.

На современном этапе в рамках позиций о возвращении былого величия Анкара ставит своей целью выведение страны в ряд ключевых региональных и мировых игроков, с решением и мнением которого необходимо будет считаться при принятии внешнеполитических решений (Аватков 2018). Исходя из этого формируется соответствующая государственная риторика на официальном уровне и принимаются довольно смелые политические решения, проявляющиеся в самостоятельности Турции на мировой политической арене.

Одним из таких примеров является выдвижение главой Республики Р.Т. Эрдоганом концепции «Мир больше пяти» на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Основным призывом стало расширение состава участников Совета Безопасности ООН путём возможности включения туда «всех 20 стран без исключения»¹, поскольку тот факт, что судьбу человечества решают «3 страны Европы, одна страна из Азии и Америка – всего пять» не соответствуют интересам не только остальных членов Совета, но и интересам безопасности всего мира. И

¹ Erdogan says UN, Security Council Structure Unjust, Does not Serve Needs of Humanity. *Daily Sabah* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2018/09/26/erdogan-says-un-security-council-structure-unjust-does-not-serve-needs-of-humanity> (accessed: 15.08.2019)

именно поэтому такого рода расширение «установит справедливость»² – необходимо не только расширение представительства в ООН стран по земельно-этническому признаку (в то время как на данный момент оно ограничено вышеуказанными частями мира), но и по религиозному в том числе (среди представленных стран нет ни одной мусульманской), что соответствует современному внутри- и внешнеполитическому курсу Турецкой Республики и усиления исламизма в дискурсе руководства страны.

Данный поступок со стороны президента Турции является, в первую очередь, претензией на роль «решающего государства», а также позиционированием страны на мировой арене таким образом, чтобы в глазах большей части международного сообщества Турция выглядела как тот субъект международных отношений, который может не только бросить вызов современным устоям и позициям лидирующих мировых держав в виде США или стран Европы, но и может предложить альтернативное решение – своего рода «основатель» новых принципов миропорядка. В данном контексте эта речь вписывается в концепцию «возвеличивания» – концепцию неоосманизма.

Еще одной важной идеей внешнеполитического курса Турции является его туркоцентричность. Как уже было упомянуто в контексте выстраивания отношений с тюркскими государствами, все политические процессы Республика видит через призму «турецкого», исходя, прежде всего, из своих собственных позиций. Это проявилось также и с точки зрения претворения в жизнь некоторых внешнеполитических концепций Турции, которые под влиянием этой туркоцентричности стали противоречить сами себе.

Это касается концепции «Ноль проблем с соседями», которая была выдвинута в 2009 г. бывшим министром иностранных дел и премьер-министром Турции Ахметом Давутоглу. Основная идея заключалась в проведении миролюбивой внешней политики и коррелировала с одним из главных принципов мироустройства основателя Турецкой Республики – М.К. Ататюрка, «мир в стране – мир во всём мире». Большое внимание уделялось государствам Ближнего Востока, как основным странам-соседям, с которыми Турция налаживала многоуровневые отношения как в контексте взаимодействия в различных сферах, так и на разных административных уровнях. Затрагивались социокультурные аспекты, но в первую очередь целью было взаимовыгодное экономическое развитие из-за необходимости снижения противоречий между государствами.

Уже тогда Турецкая Республика примерила на себя роль миротворца в регионе, фактически заявляя, что готова нести ответственность за обеспечение стабильности на Ближнем Востоке. Однако, в действительности такие стремления Турции объяснялись желанием достичь лидерства страны – сначала в регионе,

³ “Do not Expect Justice from UN,” Says Erdogan. Anadolu Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/do-not-expect-justice-from-un-says-erdogan/1349332> (accessed: 15.08.2019)

а потом и на международной арене. Основным принципом данной концепции являлось невмешательство в дела соседних государств, что позже было нарушено самой же Турецкой Республикой в угоду собственным национальным интересам (с событий «арабской весны» 2011 г., пошатнувшей позиции всех стран ближневосточного региона). Специфика «достижения мира в регионе» стала постепенно меняться в сторону проведения наступательной политики со стороны Турции и реализации собственных интересов в регионе, зачастую также посредством подавления. Именно поэтому позже данная концепция в искажённом виде стала именоваться «Ноль соседей – ноль проблем».

Трансформация данного курса отвечала переориентации Турецкой Республики на реализацию собственных интересов – в данном контексте внутренние и национальные позиции государства были намного важнее, чем интересы соседних стран. К тому же, подобная ситуация стала выгодна для Турции с точки зрения возможности становления в качестве одного из лидеров ближневосточного региона – под эгидой политики «Ноль проблем с соседями»⁴ (от которой никто официально и не отказывался) изначально подразумевавшая улучшение отношений с соседними государствами посредством диалога, концепция имела и следующий шаг в виде воздействия Турции на соседние страны в рамках собственных целей и привития им своей идеологии, в результате чего и может теоретически произойти обнуление проблем с ними, однако на самом деле этого не произошло.

В настоящее же время Турецкая Республика руководствуется принципом внедрения «мягкой силы» во внешнюю политику, что предполагает нарушение второго принципа концепции – невмешательства во внутренние дела других государств, а сама концепция постепенно начинает уступать идеологии неоосманализма, укрепляющей свои позиции в качестве прообраза основы современного внешнеполитического курса Турции.

И на современном этапе действующим президентом Турции Р.Т. Эрдоганом выдвигается новое понимание позиций «мир в стране – мир во всем мире» – он утверждает, что «никакие отношения, установленные с одними странами, не могут и не должны быть направлены против друг друга или против третьих стран»⁵. Турецкая Республика, по словам главы государства, будет стараться налаживать отношения на всех направлениях – Востоке, Западе, Севере и Юге. Это является не только расширением позиций М.К. Ататюрка, но и концепции «Ноль проблем с соседями», которая в таком ключе может приобрести форму «Ноль проблем с мировым сообществом» в целом, поскольку на современном

³ Турция: «Ноль соседей – ноль проблем». «NewsInfo» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsinfo.ru/articles/2016-06-15/turky/779559/> (accessed: 15.08.2019)

⁴ Дергачёв В. Турецкая geopolitika. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik. Институт geopolitiki профессора Дергачёва [Электронный ресурс]. URL: http://dergachev.ru/geop_events/171215-01.html#.WoHJ1q5I-Um (дата обращения: 15.08.2019)

⁵ Erdogan: Turkey Wants to Develop Friendly Relations With All Regions of World. Sputnik [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/middleeast/201906161075893994-turkey-friendly-relations-regions-world-erdogan/> (accessed: 15.08.2019)

этапе Турцией продвигаются позиции достижения консенсуса и мира, прежде всего, в ближневосточном регионе (сирийский конфликт).

В рамках этой концепции Турция сможет также распространять своё влияние по всем направлениям – и на восток, и на запад, и на север, и на юг, таким образом ведя подобную ранней политику «невмешательства» в дела других государств, но прямо или косвенно касаясь всего того, что отвечает национальным интересам страны.

Основные идеи и ценности внешнеполитического курса Турецкой Республики

В соответствии с принципами «справедливости», которые отстаивает Турецкая Республика, внешняя политика должна быть выстроена прагматично не только стратегически, но и тактически. Применение принципов «жесткой силы» в отношении реализации собственных интересов за рубежом уже не отвечает действующему курсу государства.

Поэтому именно *политика «мягкой силы»* начинает играть основополагающую роль в реализации внешней политики Турции, что отмечают многие исследователи (Ouzlu 2007). За время своего существования Республика успела в достаточной мере развить и опробовать различные механизмы «мягкой силы» начиная от культурно-образовательных и религиозных программ («Хизмет», «Мевляна» и пр.) до создания организаций (государственных, полугосударственных, частно-государственных и частных), представляющих интересы Турции за рубежом и формирующие на территории других стран протурецкое лобби (ТЮРКСОЙ, турецкие аналитические центры, некоммерческие организации) (Актуальные проблемы... 2017: 7).

Таким образом Турецкая Республика сделала ставку на долгосрочное влияние через формирование не только политических и экономических связей, но и гуманитарных, заключающихся в сопряжении инициатив в культурной, образовательной и научной сферах.

Неоднократно это было заявлено министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу⁶, который говорил о том, что турецкая политика становится инициативной (прорывной, базирующейся на инициативах) и гуманитарной (человеко-ориентированной). По мнению министра, эти два слова – *girişimci* и *insani* – уже позволили Турции стать мировой державой. Эти положения также закреплены на официальной странице Министерства иностранных дел Турецкой Республики⁷.

⁶ Çavuşoğlu: Türkiye, dünyada küresel aktör olmuştur. *Sputnik News* [Электронный ресурс]. URL: <https://tr.sputniknews.com/amp/turkiye/201902171037708847-cavusoglu-turkiye-dunyada-kuresel-aktor-olmustur/> (accessed: 15.08.2019)

⁷ Türkiye'nin girişimci ve insani dış politikası. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (accessed: 15.08.2019)

Таким образом, формируя за рубежом определённого рода мышление, Республика делает долгосрочное вложение с точки зрения собственного влияния – происходит внедрение и взращивание необходимых Турции идеологем. Через влияние, в первую очередь, на молодое поколение (поскольку зачастую большая часть образовательных инициатив направлена на формирование научного сознания у молодёжи) турецкое руководство увеличивает кадровый потенциал страны – всё большее количество молодых людей направляются в Турцию по обменным программам, на кафедрах открываются представительства университетов или организаций Турецкой Республики⁸, что не может не представлять угрозы для государств, где именно проводится данная политика.

С другой же стороны, влияние оказывается и на всю общественность, в которую Турецкая Республика пытается привнести свои собственные ценности посредством *массовой культуры*. Это проявляется, прежде всего, в популяризации турецкого кинематографа – турецкие сериалы являются чуть ли не самыми популярными в этой сфере.

Через подобный канал воздействия Турция распространяет «бытовые» представления о своей стране, зачастую гиперболизированные в лучшую, а значит, выгодную для себя сторону. Популяризируется также и нечто более специфичное, например, фестивали религиозного или традиционного кинематографа⁹.

Ценности, которые Турецкая Республика пытается распространить на мировое сообщество, отражают произошедшие в стране изменения.

В первую очередь это касается *справедливости*, о которой в последнее время так часто упоминает турецкое руководство. Данное понятие является достаточно субъективным, «справедливость по-турецки» означает ту справедливость, которая соответствует не столько общемировым интересам, но, скорее, интересам Турции.

В данном контексте стоит отметить схожесть дискурса турецкого и российского руководства, придерживающихся установления справедливости на уровне и принятия ключевых geopolитических решений, и в мироустройстве в целом. Однако, напротив, позиция Российской Федерации исходит из необходимости соблюдения баланса интересов.

Относительно себя Турция *придерживается концепции фатализма и следования судьбе*. Что предусмотрено свыше, обязательно должно свершиться. Если сначала было завещано вести диалог с Западом, то позже – с Востоком.

Турецкая Республика также придерживается и старается распространять *демократические ценности*, считая себя самым демократичным государством

⁸ В Башкирском педуниверситете открылась кафедра ТЮРКСОЙ. *Башинформ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashinform.ru/news/490538-v-bashkirskom-peduniversitete-otkrylas-kafedra-tyurksoy/> (дата обращения: 15.08.2019)

⁹ В Конье начались Дни суфийского кино. *РИА Новости* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/kul-tura-iskusstvo/2019/05/02/v-kon-ie-nachalis-dni-sufiiskogho-kino-1194063#.XMwZtZE8nZQ.facebook> (дата обращения: 15.08.2019)

на мировой политической арене, противопоставляя себя «западным демократиям», которые несут нечто совсем иное – гегемонию и подчинение. В качестве примера приводится помощь Запада в государственном перевороте в 2016 г. и отказ от выдачи предполагаемого организатора переворота и личного врага Р.Т. Эрдогана – Ф. Гюлена).

Демократическим государством Турция может считать себя и в связи с проведением процедуры перевыборов мэра Стамбула¹⁰, что исходит не только со стороны государства, но и со стороны гражданской активности турецкого населения в связи с данным процессом.

В данном контексте проявляется и *ценность государства* – интересы государства ставятся выше ценностей индивида, ведь ради перевыборов многие граждане Турции изменили свои планы на период отпусков. *Общество или умма* на современном этапе является главенствующей ценностью – в этом также проявляется приверженность современной Турции соблюдению иерархии не только внутри страны, но и в общемировом пространстве.

С учётом исламизации и консерватизма турецкого общества в целом, *традиционные ценности в виде семьи и религиозности* также начинают играть основную роль в общем политическом дискурсе государства. Что касается религии, основным таким примером может являться намерение об изменении статуса Собора Святой Софии (Айя-София) из музея в мечеть, что вызвало широкий международный резонанс¹¹, так как, являясь культурным наследием и общемировым достоянием, которое посещают миллионы туристов ежегодно, Собор просто не мог приобрести религиозный статус.

Турецкая Республика также вносит свои коррективы в понятие «культура». Исторически Турция является родиной многих культур: ассирийцев, греков, курдов, самих турков и т.д. Последние же на протяжении своей истории впитывали особенности соседних народов, которые позже стали считать своим. Это является ещё одним проявлением туркоцентричности и желания сформировать единую нацию посредством своего рода плавильного котла. Неизменно всё, что находится на территории государства и что тем или иным образом затрагивает интересы Турции, должно быть турецким.

Неизменной ценностью, которая также ориентирована на мировое сообщество – является *уважение*. В восточной традиции это проявляется как через уважение к старшим, так и через уважение к соседям и гостям. Однако, в современной интерпретации с точки зрения Турецкой Республики, такое уважение зачастую используется как очередной инструмент для реализации своих целей и интересов. Примером тому могут являться обращения президента Турции по от-

¹⁰ Мэрский подход: турки отменяют отпуска ради выборов. *Известия* [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/891107/kseniiia-melnikova/merskii-podkhod-turki-otmeniaut-otpuska-radi-vyborov?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&fbclid=IwAR34-Ok90WhctM8G7Aum_3_2roqNp2zYQVAqngEsULTQ03y0iTkbxLwe-Dk (дата обращения: 15.08.2019)

¹¹ «Святая София» может стать мечетью. *Euronews* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/2019/03/25/turkey-istanbul-hagia-sofia-erdogan> (дата обращения: 15.08.2019)

ношению к лидерам других государств: Нурсултан Назарбаев – «аксакал» тюркского мира¹², В.В. Путин – «дорогой друг»¹³, что является особым выражением.

В контексте отношений с Российской Федерацией стоит упомянуть о том, что во многом в последнее время именно ценности, а не интересы начали преобладать в определении внешнеполитических решений Турецкой Республики. Это касается, как минимум, сбитого российского самолета Су-24, где эмоциональный фактор во внешней политике сыграл куда более важную роль, чем pragmatika и стратегическое планирование.

После крушения биполярного миропорядка и фактического исчезновения идеологического противостояния в виде коммунизма и капитализма, мир вступил в новую эпоху. Формирование существующего миропорядка происходило на фоне целого ряда политических и экономических процессов, становления новых акторов международной системы и перераспределения баланса сил.

В условиях идеологической миротрансформации основную роль в мировой политике начали играть «идеи», которые не совсем соответствуют масштабам XX в., однако, имеют для современной политической реальности не меньшее значение, формирующие, в первую очередь, мировосприятие и понимания государств собственного места в мировой политической системе.

Эти идеи начинают возникать как на уровне регионов, так и на уровне отдельных стран с учётом пересмотра руководством большей части государств собственных внутри- и внешнеполитических ориентиров. Таким образом в различных регионах мира начали возникать новые центры силы, выдвигающие качественно новые для существующего миропорядка идеи. В частности, данной «точкой притяжения» в ближневосточном регионе стала Турецкая Республика, претерпевшая качественные внутренние преобразования со времен прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Переход от прозападной внешней политики к консервации курса, возвращение к дискурсу о наследии Османской империи, усиление националистических и исламистских настроений, пересмотр существующих концепций привели к трансформации и внешней политики Турции.

Заявляя о себе как о самостоятельном акторе международных отношений, Республика не только претендует на главенствующую роль на территории Ближнего Востока, но и стремится воплотить в жизнь амбиции действующего руководства Турции во главе с Р.Т. Эрдоганом о возрождении «былого величия» государства – стать не менее могущественной страной на международной арене, чем была когда-то предшественница Турции, и от наследия которой отказался основатель Республики М.К. Ататюрк, – Османская империя.

¹² Нурсултан Назарбаев – «аксакал» тюркского мира. Телерадиокомпания Турции TRT. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/08/30/nursultan-nazarbaiev-aksakal-tiurkskogho-mira-1039949> (дата обращения: 15.08.2019)

¹³ Dünya Erdoğan - Putin görüşmesini böyle gördü. Yeniçağ Gazetesi Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/dunya-erdogan-putin-gorusmesini-boyle-gordu-143746h.htm> (accessed: 15.08.2019)

В рамках проведения подобной политики неоосманизма, Турецкая Республика реализует широкую внешнеполитическую деятельность, заключающуюся в расширении своего влияния за счёт целого ряда механизмов и инструментов «мягкой силы» – распространения собственных ценностей и идей. Это находит отражение в: интеграции тюркских народов и подмены их самобытности всем турецким, стирании их культурного кода; распространении туркоцентрических идей справедливости и демократических ценностей; отстаивании ценности иерархии – как во внутреннем, так и на общемировом уровне; прививания мировому сообществу своих культурных ценностей посредством массовой культуры и влияния через различные организации (TİYORKSOЙ, Центры им. Ю. Эмре); таким же образом влияние происходит в сфере гуманитарной в целом – в науке и образовании, а также прививания собственных традиционных ценностей (семьи, религии, ценности уважения) – своеобразное «отуречивание» всех сфер общественного взаимодействия.

Подобная политика, проводимая на разных уровнях (как на государственном, так и на частном – путём формирования общественного сознания), разными механизмами (государственными, полугосударственными или частными организациями) в разных сферах человеческого и политического взаимодействия (экономика, гуманитарная составляющая) при должном развитии позволяет Турецкой Республике сформировать за рубежом достаточно широкое подконтрольное лобби, за счёт чего Анкара сможет называться полноправным не только региональным, но и, в перспективе, одним из глобальных лидеров современности. Именно поэтому данные идеиные составляющие требуют всестороннего анализа и проведения грамотной со стратегической точки зрения ответной политики мирового сообщества и тех стран, чьи национальные интересы затрагивают имперские амбиции Турции – в том числе и Российской Федерации.

С учётом взаимозависимости большей части государств в современных условиях возникновение подобного рода влиятельных с точки зрения идеологического наполнения акторов международных отношений станет не только началом нового перераспределения баланса сил в системе, но и будет означать определённую угрозу для существования других идейно-ценостных и культурных ориентиров. Как уже было сказано, XXI в. характеризуется потребностью большей части мирового сообщества в новых ориентирах – политических, этических, общественных и т.д. Ни одно государство или сообщество, а поэтому и сама система не может существовать без набора ценностных установок, идеологем – пусть и не таких глобальных, предшествующих созданию современной системы международных отношений, однако тех идеологем, которые могли бы формировать мировосприятие и мироосознание стран, в первую очередь, в отношении самих себя.

Однако опасность данного процесса состоит именно в возникновении таких государств, ценностными установками которых становится господство и создание подконтрольных подсистем, элементы которых разделяли бы идею

о величии одной нации и принимали позиции подчинения по отношению к «старшему брату».

Турецкая Республика, на данном этапе стремящаяся к распространению собственного влияния не только в регионе Ближнего и Среднего Востока, но и на приоритетные для её руководства страны и регионы, опирается на собственные идеологические установки, характеризующиеся довольно консервативным содержанием – это касается как процессов возвращения Турции к исламским религиозным традициям, так и к традициям национализма, что находит своё отражение в существующих внешнеполитических концептах, которые были возрождены и введены в политический дискурс государства при приходе к власти Партии справедливости и развития. Речь идёт, прежде всего, о концепциях неоосманизма, неопантюркизма и о стремлении руководства Турции сформировать «единый тюркский мир», вовлекая в орбиту своего влияния тюркские государства и тюркоязычные народы при помощи инструментов «мягкой силы», гуманитарного и экономического сотрудничества.

Об авторе:

Владимир Алексеевич Аватков – к.полит.н., с.н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН; доцент Дипломатической академии МИД России. 117997, Россия, г. Москва ул. Профсоюзная 23. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Благодарности:

исследование выполнено в рамках в рамках Конкурса РФФИ «опн_мол» 19-011-32047.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 1, 2019
Accepted: August 15, 2019

Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy

V.A. Avatkov

DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
Diplomatic Academy of MFA

Abstract: The article considers the role of ideology and values in the formation and implementation of the current foreign policy of the Republic of Turkey. Taking into account the increasing role of regional actors such as Turkey in international politics, studying their tactics and mechanisms of influence on the global political environment is necessary to explain the further transformation of the international system.

The study reveals the strengthening role of the ideology and values in world politics in general and in individual states, such as Turkey, in particular. Under the rule of the Justice and Development Party headed by the current President R.T. Erdogan the country began a gradual transition from «Kemalism», which includes the preservation of secularism, Pro-Western democratic values and a gradual departure from the Ottoman heritage, to a more conservative domestic and foreign policy, characterized by the strengthening of Islamist and nationalist sentiments, as well as the transition to the policy of «neo-Ottomanism», «neo-pan-Turkism». The return of the idea of «aggrandizement» of the country to the official political discourse has affected the conduct of Turkey's foreign policy towards both the regional states and the world arena as a whole.

The Republic not only began self-restoration as an autonomous actor of international relations in the eyes of the key world powers, but also started to spread its own values and ideas among the population of both the Middle East and among the states which constitute a national interest for Turkey (Russia, the post-Soviet space, etc.), thus influencing them at various levels and involving them in its orbit of influence – both politically, economically and from a humanitarian point of view.

Using «hard power» abroad no longer meets the current Turkey's policy. Instead it relies on forging humanitarian ties, combining initiatives in the cultural, educational and scientific fields to achieve a long-term influence. The Republic of Turkey is trying to spread the following values among the world community:

«Justice». International relations must be just and fair. For Turkey it means conformity with its national interests.

«Religious fatalism». Government actions both at home and abroad are legitimized through references to religion and fate.

«Democratic values». The Republic of Turkey considers itself the most democratic state in the world and contrasts itself with "Western democracies", which, according to the Turkish leadership, are spreading hegemony rather than democracy.

«State-centrism» and collectivism. The interests of the state, society, and especially the Muslim Ummah, are placed above the values of the individual.

«Traditional values». Given the Islamization and conservatism of Turkish society as a whole, traditional values also begin to play a major role in the general political discourse of the state.

«Culture». Turkey also makes adjustments to the concept of «culture» in very inclusive terms, presenting its culture as a «melting pot» that can turn anything into Turkish.

«Respect». In the eastern tradition, it is customary to show respect to elders, as well as neighbors and guests. Turkey uses a demonstration of respect in foreign policy instrumentally and pragmatically. An example of this is the address of the President of Turkey in relation to the leaders of other states: Nursultan Nazarbayev – «aksakal» of the Turkic world, Vladimir Putin is a «dear friend».

Key words: Turkish Republic, ideas, values, foreign policy, neo-ottomanism, neo-panturkism

About the authors:

Vladimir A. Avatkov – Candidate of Political Science, Senior Researcher at Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Associate Professor at Diplomatic Academy of MFA. Profsoyuznaya St. 23, Moscow, Russia, 117997. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Acknowledgments:

The study was funded by RFBR, Project "opt_mol" 19-011-32047.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- National and State Identity in Turkey: The Transformation of the Republic's Status in the International System. 2015. Toni Alaranta. Rowman and Littlefield.
- Ouzlu T. 2007. Soft Power in Turkish Foreign Policy. *Australian Journal of International Affairs*. 61(1). P. 81-97
- Saraçoglu C., Demirkol Ö. 2015. Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity, *British Journal of Middle Eastern Studies*. 42(3). Pp. 301-319.
- Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenii i vnesheini politiki v XXI veke: Monografija*. 2017. [Actual Problems of International Relations and Foreign Policy in XXI Century: Monograph]. Ed. by T.V. Kashirina and V.A. Avatkov. Moscow: Dashkov i K°. (In Russian)
- Avatkov V.A. 2017. Krizis turetskoi identichnosti [Crisis of Turkish Identity]. *Politika i Obshchestvo*. No. 4. P. 96-103. (In Russian) DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718
- Avatkov V.A. 2018. Tyurkskii mir i tyurkskie organizatsii [Turkic World and Turkic Organizations]. *Mirovaya politika*. No. 2. P. 11-25. (In Russian) DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26047
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenii* [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO. (In Russian)
- Cibenko V.V. 2016. Obyknovennyj neoosmanizm: Osmanskie ochagi i yanychary dvorca [Ordinary Neo-Ottomanism: The Ottoman Hearths and Janissaries of the Palace]. In *Arabskie marshruty v aziatskom kontekste* [Arab Routes in the Asian Context]. SPb. P. 394-404. (In Russian)
- Druzhilovskii S.B., Avatkov V.A. 2013. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turtsii (2002-2012 gg.) [Ideologems of Turkey's Foreign Policy (2002-2012)]. *Obozrevatel'*. No. 6. P. 73-88. (In Russian)
- Dynkin A.A. 2015. Krizis miroporiadka: poiski vyhoda [Crisis of the World Order: Search for a Way out]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 196. P. 63-73. (In Russian)
- Gromyko A.A. 2016. Postoianstvo i izmenchivost' v istorii mezhdunarodnyh otnoshenii [Constancy and Variability in the History of International Relations]. *Sovremennaia Evropa*, No. 1 (67). P. 5-8. (In Russian)
- Inozemtsev V.L., Karaganov S. 2005. O mirovom poriadke XXI veka [On the World Order of the XXI Century]. - *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Politics]. 3(1). (In Russian)
- Kamenskaia G.V., Solov'ev E.G., Smirnov A.N. 2015. Politicheskie ideologii v sovremennom mire: krizis ili ocherednoi etap evolyutsii? [Political Ideologies in the Modern World: Crisis or the Next Stage of Evolution?]. *Vlast'*. 23(12). P. 101-108. (In Russian)
- Kosolapov N.A. 2006. Krizis ratsional'noi vsemirnosti [Crisis of Rational Worldliness] *Mezhdunarodnye protsessy*. 4(10). P. 55-67 (In Russian)
- Nadein-Raevskij V.A. 2016. Idejnaya bor'ba i «Novaya Turciya» [Ideological Struggle and "New Turkey"]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 22-31. (In Russian)
- Voitolovskii F.G. 2007. Ideologicheskaiia refleksiia mirovoi politiki [Ideological Reflection of World Politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 5(3). (In Russian)
- Voitolovskii F.G. 2017. Opredelenie strategicheskikh tselei – eto sfera ideologii... [Definition of Strategic Goals is a Sphere of Ideology...]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 15(1). (In Russian) DOI 10.17994/IT.2017.15.1.48.12

Литература на русском языке

- АВАТКОВ В.А. 2017. Кризис турецкой идентичности. *Политика и общество*. № 4. С. 96-103. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718

- Аватков В.А. 2018. Тюркский мир и тюркские организации. *Мировая политика*. № 2. С. 11-25. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26047
- Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке.* 2017. Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. Москва: Дашков и К°, 2017.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А и Хрусталёв М.А. 2002. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. Москва: НОФМО.
- Войтоловский Ф.Г. 2007. Идеологическая рефлексия мировой политики. – *Международные процессы*. Т. 5. № 3.
- Войтоловский Ф.Г. 2017. Определение стратегических целей – это сфера идеологии... *Международные процессы*. Т. 15, № 1. DOI 10.17994/IT.2017.15.1.48.12
- Громыко А.А. 2016. Постоянство и изменчивость в истории международных отношений. *Современная Европа*. № 1. С. 5-8.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. 2013. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.). *Обозреватель*. № 6. С. 73-88.
- Дынкин А.А. 2015. Кризис миропорядка: поиски выхода. *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 196. С. 63-73.
- Иноземцев В.Л., Караганов С. 2005. О мировом порядке XXI века. *Россия в глобальной политике*. 3(1).
- Каменская Г.В., Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. 2015. Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции? *Журнал «Власть»*. 23(12). С. 101-108.
- Косолапов Н.А. 2006. Кризис рациональной всемирности. *Международные процессы*. 4(10). С. 55-67.
- Надеин-Раевский В.А. 2016. Идейная борьба и «Новая Турция». –*Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 22-31.
- Цибенко В.В. 2016. Обыкновенный неоосманизм: Османские очаги и янычары дворца. Арабские маршруты в азиатском контексте. Санкт-Петербург. С. 394-404.

Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса

И.А. Свистунова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН

Турция и Иран – ближневосточные соседи, чьи отношения строятся на основе конкуренции и сотрудничества. Обе страны стремятся взять на себя роль регионального лидера и готовы предложить странам Ближнего Востока собственную модель развития. Соседство исторически наделило Турцию и Иран не только опытом борьбы за зоны влияния, но также способностью к взаимодействию в сферах совпадающих интересов. Нестабильность на Ближнем Востоке привлекает внимание исследователей из разных стран к проблематике турецко-иранского взаимодействия. В статье рассмотрены ключевые направления региональных отношений между двумя странами, отражающие стремление к поддержанию баланса сил при наличии противоречивых интересов. Исламская революция в Иране (1979 г.) сделала турецкую и иранскую модели антагонистичными с акцентом на религиозности или светскости. После прихода к власти в Анкаре исламской Партии справедливости и развития арсенал инструментов турецкой стороны расширился, хотя целью по-прежнему остаётся продвижение на Ближнем Востоке западных концепций. Иракское и сирийское направление представляют собой площадки конкурентной борьбы между Ираном и Турцией, и одновременно возможности тактического сближения на основе совпадающих интересов. События последних лет продемонстрировали, что в моменты возникновения общих угроз стороны сознательно отодвигают свои противоречия на задний план. Прагматизм и сооперничество в турецко-иранских отношениях не являются альтернативами, но существуют параллельно как способ поддержания двумя странами регионального баланса сил. Этим объясняется способность Анкары и Тегерана к поиску компромиссов. Вместе с тем различные подходы сторон к будущему устройству Ближнего Востока будут и в дальнейшем препятствовать созданию устойчивого альянса между ними. Эти реалии необходимо учитывать при оценке перспектив развития региональной ситуации и потенциала турецко-иранских отношений, изучение которых особенно важно для России с учётом трёхстороннего взаимодействия по урегулированию кризиса в Сирии.

Ключевые слова: Турция, Иран, Ближний Восток, турецко-иранские отношения, внешняя политика Турции, международные отношения, сирийский кризис

УДК 327

Поступила в редакцию: 04.07.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

Турция и Иран соседствуют и взаимодействуют на Ближнем Востоке на протяжении нескольких столетий, определяя расстановку сил в регионе.

Турецко-иранские отношения представляют собой комплекс элементов соперничества за региональное доминирование и совпадающих интересов в области экономики и безопасности. В связи с этим Анкара и Тегеран вынуждены постоянно стремиться к поиску компромиссов и выстраиванию системы взаимных сдержек и противовесов. Динамично меняющийся региональный ландшафт порождает новые вызовы и угрозы, для преодоления которых двум бывшим империям требуется поддержание диалога с историческим противником и гибкость внешнеполитического мышления.

В последние годы проблематика турецко-иранских отношений привлекает внимание исследователей в различных странах, что объясняется ростом нестабильности на Ближнем Востоке, а также внешнеполитической активностью Анкары в период правления Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящее время). Среди работ отечественных специалистов выделяется монография И.И. Ивановой (Иванова 2017), посвящённая комплексному анализу турецкой политики в регионе в республиканский период. Автор рассматривает основные вехи развития современных турецко-иранских отношений и отмечает их балансирование между союзничеством и соперничеством. Подробное исследование этапов развития турецко-иранских отношений содержит фундаментальный труд коллектива турецких авторов «Внешняя политика Турции» (*Türk Dış Politikası* 2012; 2013). Проблему конкуренции двух претендентов на региональное лидерство изучают в своих статьях многие зарубежные авторы (Akbarzadeh, Barry 2016; Baş 2013; Ozcan, Ozdamar 2010; Sinkaya 2012; Tahiroğlu, Ben Taleblu 2015). Особое внимание исследователей привлекает тема турецко-иранского соперничества в контексте «арабской весны» и войны в Сирии (Aktaş 2018; Barkey 2012; MacGillivray 2019; Sarı 2018; Unver 2012). Некоторые авторы исследуют роль ядерного фактора в отношениях Анкары и Тегерана (MacGillivray 2019; Sinkaya 2016). Новые форматы сотрудничества (Россия – Турция – Иран) и сферы взаимодействия (энергетика) также служат предметом тщательного анализа политологов (Joobani, Mousavipour 2015; Unver 2016).

В статье будут рассмотрены значимые для обеих стран направления их ближневосточной политики, наиболее ярко отражающие сложный спектр отношений между Турцией и Ираном. Региональное взаимодействие соседних государств осмысляется в рамках парадигмы политического реализма, который рассматривает поддержание равновесия в качестве способа сохранения мира при максимально возможном удовлетворении интересов каждой из сторон. Метод кейс-стади позволяет проанализировать с этих позиций различные сферы внешнеполитической активности Анкары и Тегерана. Новизна исследования заключается в попытке применить указанный подход к ключевым сюжетам регионального взаимодействия двух стран, а также в выявлении закономерностей выстраивания турецко-иранских отношений на Ближнем Востоке. Автор исхо-

дит из того, что прагматизм и соперничество в отношениях между Турцией и Ираном не являются противоположными или сменяющимися тенденциями, но существуют параллельно, определяя стремление сторон к поиску баланса сил при продвижении собственных региональных интересов.

«Модель» для исламского мира?

Региональное соперничество, которое является историческим фактором отношений между двумя странами, приобрело новое измерение в XX в., когда Турция взяла на вооружение секулярную модель развития и сблизилась с Западным миром. Это позволило Анкаре попытаться предложить странам региона свой опыт «мусульманской демократии» и сотрудничества с Западом. Тегеран также видел себя в качестве потенциального лидера исламского мира, особенно усилив религиозные акценты после революции 1979 г., которую иранские власти стремились экспорттировать. Идеологические противоречия двух стран обострились, превратив в антагонистов исламский Иран и светскую Турцию. Анкара воспринимала иранскую поддержку исламских организаций Турции как попытку экспорта революции. В свою очередь Тегеран был недоволен тем, что в соседней стране нашла приют иранская оппозиция, и критиковал введённые в Турции секулярные ограничения на использование ислама в политике как не соответствующие духу исламского общества (Baş 2013: 114-115).

Идеологический антагонизм проявлялся в форме взаимной критики в средствах массовой информации двух стран, в том числе в адрес харизматических фигур – М.К. Ататюрка и аятоллы Р. Хомейни. Приезжавшие в Анкару иранские политики отказывались посещать мавзолей Ататюрка (обязательный пункт официальной программы зарубежных делегаций) и открыто выражали негативное отношение к принятому в Турции запрету на ношение женских платков. В турецкой прессе было принято называть иранский режим «рассадником реакции», в иранской прессе Турцию называли «приспешником шайтана», под которым иранцы подразумевали США (Türk Dış Politikası 2012: 153).

Заинтересованность Ирана и Турции в поддержании экономических связей в период ирано-иракской войны (1980-1988 гг.) ограничивала региональное соперничество между ними. Однако уже в 1990-е гг. развитие турецко-израильских отношений в сфере безопасности послужило для Турции своего рода противовесом укреплению связей между Ираном и Сирией. Анкара подозревала Тегеран в оказании поддержки оппозиционным турецкому правительству курдскому и исламскому движению, что усиливало недоверие между двумя странами (Ozcan, Ozdamar 2010: 106). Апофеозом напряжённости стал 1997 г., когда стороны отзовали своих послов и не возвращали их обратно более года.

Внешним фактором, влиявшим на расстановку сил на Ближнем Востоке в постбиполярный период, стала политика Вашингтона, который вмешивался в региональные конфликты, поддерживал военное сотрудничество с Турцией и

стремился к продвижению прозападной «турецкой модели», находясь при этом в состоянии жёсткого противостояния с иранским режимом. Неудивительно, что Тегеран был озабочен военными связями Анкары с США, а также с Израилем, воспринимая их как «американскую стратегию сдерживания Ирана» (Baş 2013: 117).

Приход к власти в Турции исламской Партии справедливости и развития (ПСР) в конце 2002 г. внёс существенные корректизы во внешнюю политику Анкары, отразился на турецко-иранских отношениях в целом и региональном взаимодействии двух стран на Ближнем Востоке в частности. Турция активизировала развитие связей со странами исламского мира и значительно расширила экономическое сотрудничество с Ираном, особенно в сфере углеводородных ресурсов. Покупка иранского природного газа, начавшаяся в 2001 г., постепенно привела к многократному увеличению торгового оборота между двумя странами. В 2001 г. объём торговли составлял 1,2 млрд долл., а десятилетие спустя – в 2011 г. достиг 15 млрд долл. (Sinkaya 2012: 141). Это позволило сторонам провозгласить цель в 30 млрд долл. (Unver 2016: 135), которая до настоящего момента не была достигнута по причине мирового экономического кризиса и антииранских санкций США.

Турецкий исследователь Б. Синкайа полагает, что смена власти в обеих странах (в 2003 г. президентский пост в Иране занял М. Ахмадинежад) принесла с собой изменение внешнеполитического мышления сторон. Произошла «рационализация» турецко-иранских отношений: новое руководство pragmatically поставило во главу угла взаимовыгодные экономические связи и совпадающие интересы на международной арене. Это привело к снижению накала идеологических противоречий и отказу от шагов, которые могли быть расценены как вмешательство во внутренние дела друг друга (Sinkaya 2012: 138). Другой эксперт Ш. Баш уверен в том, что способность Анкары и Тегерана к pragmatismу ярко проявилась уже в годы ирано-иракской войны (Baş 2013: 115).

Как бы то ни было, но приход к власти в Турции проイスлямской партии вызвал позитивную реакцию в Иране. Консерваторы перестали считать Анкару инструментом Запада, который служит изоляции Тегерана. Более того, это событие было воспринято как часть религиозного пробуждения мусульманского мира, вдохновленного Исламской революцией (Sinkaya 2012: 140). Символическим апофеозом турецко-иранского сближения стал визит в Турцию президента М. Ахмадинежада (2009 г.), в ходе которого Р.Т. Эрдоган называл иранского лидера «братьем» (Unver 2012: 105).

Ещё одним фактором развития турецко-иранских связей стал подход Анкары и Тегерана к ближневосточной политике стран Запада. В эпоху холодной войны Турция и Иран нуждались в опоре на внешние силы как средства утверждения своего регионального влияния. В качестве примеров можно вспомнить ирано-американские отношения при шахском режиме или военно-политический союз Турции с США и НАТО. При ПСР усилилось стремление Анкары

к самостоятельной региональной роли, а также возросла настороженность по отношению к непредсказуемым последствиям западного вмешательства в дела Ближнего Востока. Иранскому руководству импонировала позиция Турции в отношении американской интервенции в Ирак в 2003 г. и отказ предоставить свою территорию для открытия второго фронта.

Сближению региональных подходов Анкары и Тегерана способствовало и охлаждение турецко-израильских отношений, которому предшествовало признание Турцией правительства партии «Хамас», победившей на палестинских выборах в 2006 г.

Вместе с тем отход турецкого руководства от прозападной линии на Ближнем Востоке таил в себе элементы прежнего соперничества за влияние. Ренесанс имперского мышления и обращение турецких политиков к неоосманизму неизбежно вели к обострению регионального противоборства между Анкарой и Тегераном. Для Турции выступления в защиту интересов палестинцев были не просто путём сближения со странами региона, но способом укрепления своих позиций в исламском мире, лидерство в котором стало целью руководства ПСР.

Конкурирующие подходы двух стран ярко проявили себя после начала «арабской весны», в которой Турция и Иран увидели уникальную возможность завоевать региональное лидерство и распространить на Ближнем Востоке собственную модель развития. Тегеран расценил протестные выступления как исламское пробуждение, носящее антизападный характер и продолжающее исламскую революцию в Иране (Akbarzadeh, Barry 2016: 5]. Турецкое руководство сфокусировало внимание на демократических ценностях, правах и свободах, которых требовали протестующие. В Анкаре полагали, что именно Турция может предложить странам Ближнего Востока свой опыт модернизации политической и экономической систем, внедрить «турецкую модель» соединения исламских традиций с демократическими ценностями, которых требовали протестующие (Свистунова 2015: 231). Таким образом, вновь актуализировались различия в восприятии двумя странами будущего региона и своей роли в нем.

Зона соприкосновения: иракское направление

Территория Ирака, с которым граничат обе страны, является традиционной зоной регионального соперничества между Анкарой и Тегераном. Турция издавна опирается на иракских суннитов, туркоманов (иракских туркменов), а также партию курдского клана Барзани – Демократическую партию Курдистана (ДПК). В свою очередь Иран делает ставку на шиитов и поддерживает тесные связи с курдскими силами клана Талабани, объединёнными в партию Патриотический союз Курдистана (ПСК).

Курдская проблема способствует смягчению регионального соперничества между Анкарой и Тегераном. Обе страны опасаются курдского сепаратизма, ко-

торый может послужить примером для курдов Ирана и Турции. В связи с этим в моменты острых событий «на курдском фронте» Анкара и Тегеран отодвигают на задний план свои противоречия и усиливают координацию действий на международной арене.

Турция и Иран с настороженностью восприняли американское вторжение в Ирак 2003 г., при этом общественное мнение в обеих странах выступало резко против военной операции США в регионе. Анкара и Тегеран разделяли общие опасения по вопросам дезинтеграции Ирака, роста курдского сепаратизма и утраты влияния на политические силы этой страны. На фоне угрозы хаотизации приграничного пространства традиционная турецко-иранская конкуренция на иракском поле отошла на второй план, уступив место приоритетам обеспечения безопасности.

В 2004 г. Иран подписал с Турцией соглашение о сотрудничестве, в котором Рабочая партия Курдистана (РПК) была признана террористической организацией. Вслед за этим Тегеран начал проводить военные операции против боевиков РПК на территории Ирана и Ирака, а также выдавать турецким властям функционеров этой организации. Таким образом, иранцы сняли одну из острых проблем своих отношений с Турцией. Действия Тегерана во многом объяснялись ожиданиями турецкой поддержки по вопросу ядерного досье Ирана, которая и была предоставлена в последующие годы (Иванова 2017: 229-231).

В 2006 г. Анкара и Тегеран приложили совместные усилия для снижения остроты противостояния между иракскими суннитами и шиитами (Sinkaya 2012: 143). Несмотря на традиционную поддержку близких им с конфессиональной точки зрения групп, руководство обеих стран признало опасность религиозного конфликта, который легко мог выплыть за границы Ирака. Эта линия стала чёткой установкой официальной ближневосточной политики Ирана и Турции, проявляя себя и в ходе сирийского кризиса. По мнению американского политолога М. Аюба, общий приоритет сохранения территориальной целостности Ирака служил ограничителем для конфессиональной политики обеих стран (Ayoob 2011: 116). В то же время покровительство, которое Анкара оказала опальному иракскому политику-сунниту Т. Хашими, вызвал недовольство в Тегеране (Aktaş 2018: 175).

С 2008 г. между Анкарой и Тегераном начался обмен разведанными о деятельности РПК и иранского ответвления этой организации Партии свободной жизни Курдистана (ПЕЖАК), а также координация антитеррористический операций в горах Кандиль. В 2009 г. совместные операции против РПК предприняли Турция, Иран и Ирак (Türk Dış Politikası 2013: 452). Очевидно, что позиция Тегерана объяснялась не только соображениями безопасности, но также настороженностью по поводу трансграничных операций на территории Ирака, которые турецкая армия возобновила в 2008 г.

Уже в 2011 г. турецко-иранские отношения пережили инцидент, свидетельствующий о том, что взаимное недоверие не удалось полностью искоренить.

Иранские власти не смогли арестовать находившегося на их территории лидера РПК М. Карайылана, несмотря на полученную от турецкой разведки информацию. В СМИ Турции распространились слухи о сделке между иранцами и курдами (*Türk Dış Politikası* 2013: 452), подкреплённые тем фактом, что вскоре ПЕЖАК объявила перемирие.

Что касается Ирана, то для него предметом озабоченности служило развитие тесных экономических связей между Турцией и Курдским автономным районом Ирака, в том числе в области углеводородов. Экономическое доминирование Анкары в иракском Курдистане нарушало турецко-иранский баланс сил в зоне регионального соперничества двух стран. Это подталкивало Иран к оказанию поддержки Багдаду в его трениях с Анкарой, как было в 2015 г. во время конфликта вокруг размещения турецких военных в лагере «Башика» на севере Ирака (Aktaş 2018: 176).

Взаимодействие Анкары и Тегерана на «иракском поле», колебавшееся между противодействием общим угрозам безопасности и борьбой за сферы влияния в северных районах Ирака, достигло пика в 2017 г. Тогда руководство двух стран солидарно отреагировало на референдум о независимости, проведенный курдами в сентябре 2017 г. Турция, Иран и Ирак сделали совместное заявление, призвав Эрбиль отказаться от референдума и пообещав принять ответные меры¹. Вслед за этим Турция и Иран активизировали контакты по линии генштабов. Скоординированное давление Анкары и Тегерана не позволило итогам референдума претвориться в жизнь. Это событие служит ярким примером стремления сторон, у которых отсутствуют общие цели в отношении иракского Курдистана, поддерживать региональный баланс в интересах предотвращения общих угроз.

Историческое соперничество: сирийский фронт

«Арабская весна» и конфликт в Сирии показали хрупкость турецко-иранских отношений и их особую чувствительность к вопросам регионального соперничества. Дамаск был верным союзником Тегерана, начиная с Исламской революции 1979 г., а в 1990-е гг. две страны находились в состоянии стратегического противостояния Турции, сблизившейся с Израилем. Исторические конфликты между Турцией и Сирией (вопрос о статусе провинции Хатай, проблема распределения вод реки Евфрат и др.) способствовали укреплению оси Дамаск – Тегеран, хотя Иран с осторожностью подходил к турецко-сирийским противоречиям. Так, в ходе обострения отношений из-за курдской проблемы в 1998 г., иранские власти воздержались от безоговорочной поддержки Сирии и предложили сторонам своё посредничество.

¹ Türkiye, İran ve Irak'tan ortak bildiri: Karşı önlemler Masada. 21 Eylül 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-41350839> (accessed: 04.08.2019)

Нормализация отношений между Турцией и Сирией в 2000-е гг. изменила расстановку сил в регионе. Тегеран положительно воспринял сближение Р.Т. Эрдогана и Б. Асада, тем более что Анкара выступила против попыток Запада изолировать Сирию после убийства ливанского премьера Р. Харири в 2005 г. О серьёзности намерений Анкары свидетельствует заявление министра иностранных дел Турции А. Давутоглу о том, что он посетил Сирию более 60 раз (Mohammed 2011: 91).

В Иране вызвал разочарование разрыв отношений между Анкарой и Дамаском, произошедший в сентябре 2011 г. по инициативе Турции, которая начала оказывать помощь сирийской оппозиции и требовать отставки союзника Тегерана президента Б. Асада. Иранское руководство обвинило Анкару во вмешательстве во внутренние дела Сирии и обслуживании интересов империалистических держав, стремящихся ослабить «фронт сопротивления» (Sinkaya 2012: 152). Обмен жёсткими высказываниями между официальными лицами двух стран довольно быстро был нивелирован заявлениями о готовности развивать всесторонние отношения, несмотря на различие подходов к решению некоторых региональных проблем (Хамдохов 2012: 50).

Американский эксперт Г. Дж. Баркей на раннем этапе кризиса в Сирии в 2012 г. написал о том, что поддержка Ираном и Турцией различных участников конфликта стала причиной повышенного внимания аналитиков к факторам сооперничества между двумя странами. Однако конкуренция – далеко не новое явление в отношениях Анкары и Тегерана, которые имеют обширный опыт поиска компромиссов, поэтому значение противоречий по Сирии для турецко-иранских связей в целом не стоит преувеличивать (Barkey 2012: 139). Последующие события подтвердили справедливость этого мнения.

Несмотря на то, что Турция и Иран стали косвенными участниками конфликта в Сирии, оказывая поддержку противостоящим вооружённым группировкам, они сумели избежать кардинального охлаждения отношений. Более того, в 2013 г. стороны подписали соглашение о создании Совета сотрудничества высокого уровня, что придало отношениям стратегический характер, по крайней мере, формально (Joobani, Mousavipour 2015: 150). С 2014 г. по настоящее время заседания совета с участием кабинетов министров двух стран проходят ежегодно, позволяя подписывать многочисленные соглашения о сотрудничестве в различных областях и поддерживать прямой диалог на высоком уровне. Этого удалось достичь благодаря сознательному стремлению руководства двух стран сдерживать накал противоречий и искать точки совпадения интересов. Между тем сирийский кризис вызвал немало острых моментов в отношениях Ирана и Турции. В частности, в Тегеране начали открыто обвинять турецкое руководство в неоосманизме (Akbarzadeh, Barry 2016: 8).

Росту взаимопонимания между Анкарой и Тегераном способствовали турецко-американские разногласия в отношении сирийских курдов и недоверие

Турции к политике Вашингтона, который осуществляет военное сотрудничество с курдскими ополченцами (Afacan 2018: 6).

Подключение России к военному противостоянию в Сирии изменило баланс сил в регионе и привело к корректировке как турецкой, так и иранской политики. Возникновение Астанинского процесса (2017 г.) облегчило для Анкары и Тегерана задачу поиска точек соприкосновения по сирийской проблеме.

Вашингтонские исследователи М. Тахироглу и Б. Бен Талебу полагают, что турецко-иранские отношения в чистом виде не подпадают под определения дружбы или вражды, и предлагают использовать для их характеристики термин “*fremenies*”, что можно перевести как «друзья-враги». Это гибкое многоплановое объединение, позволяющее его участникам избегать крайних точек и не допускать разрыва отношений (Tahiroğlu, Ben Taleblu 2015: 124). Без сомнения, турецко-иранские отношения на «сирийском поле» служат яркой иллюстрацией указанного определения. Взаимоисключающие подходы Анкары и Тегерана к режиму в Дамаске (Sarı 2018: 213) не стали препятствием для взаимодействия двух стран в рамках тройственного формата Россия – Турция – Иран, который предусматривает координацию усилий для решения международной проблемы.

Ядерная головоломка

Иранская ядерная проблема никогда не оставляла безучастной Турцию, которая неоднократно выступала с различными инициативами по её урегулированию. Несмотря на тесные связи с США, которые под предлогом атомных разработок Тегерана проводят антииранскую политику, Анкара воздерживалась от демонстрации жёсткой позиции по отношению к ядерной программе Ирана. Признавая право Тегерана на развитие мирной атомной энергетики, турецкое руководство выступает против экономического давления на иранский режим с тех пор, как ядерное досье Ирана появилось на повестке дня СБ ООН в 2006 г. Причиной этого служат опасения ущерба экономическим связям с Тегераном, которые резко активизировались в период правления ПСР.

Это, безусловно, не означает, что Анкару не беспокоит возможность превращения Ирана в ядерную державу, которое могло бы усилить региональные позиции Тегерана. Однако, с точки зрения безопасности, Турция чувствует себя защищённой ядерным зонтиком НАТО. В то же время конфликт по линии США – Иран позволяет турецкому руководству повышать уровень доверия с Тегераном за счёт такого многогранного инструмента как посредничество. С 2006 г. две страны начали обсуждать возможность осуществления части работ по обогащению иранского урана на территории Турции в контексте предложенной международной «шестеркой» посредников схемы по обогащению урана за пределами Ирана. В мае 2010 г. Турция, Иран и Бразилия подписали Совместную декларацию по обмену на территории Турции низкообогащенного иранского урана на высокообогащенный уран. Предполагалось, что, передав на хранение в

Турцию 1200 кг низкообогащенного (до 3,5%) урана, в течение года Иран получит 120 кг высокообогащенного (до 20%) топлива, необходимого для тегеранского исследовательского реактора². Трёхстороннее соглашение не получило практической реализации, поскольку не было поддержано международным сообществом. Тем не менее, оно внесло свой вклад в выстраивание взаимопонимания между Анкарой и Тегераном и накопление позитивного багажа, способствующего смягчению остроты противоречий по другим вопросам. Эффект был усилен тем фактом, что в июне того же года Турция, входившая в число непостоянных членов СБ ООН, проголосовала против резолюции №1929, уже сточившей режим санкций в отношении Ирана.

В то же время международная дискуссия по ядерной проблеме Ирана использовалась Анкарой в качестве возможности для полемики со своими региональными оппонентами. В частности, после охлаждения отношений между Турцией и Израилем турецкое руководство стало публично критиковать страны Запада за «лицемерие», которое выражалось в отказе признавать за Ираном право на развитие мирного атома и в игнорировании наличия у Тель-Авива необъявленного ядерного оружия (MacGillivray 2019: 21-22). Что касается иранской стороны, то она неоднократно выражала признательность турецким властям за поддержку по ядерной тематике, а также за усилия по поиску политического решения и отмене санкций (Sinkaya 2016: 90).

Анкара приветствовала подписание в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), отметив, что всегда считала дипломатию безальтернативным путём решения иранской ядерной проблемы³. Турецкий политолог Б. Синкай называет реакцию Турции «осторожным оптимизмом», отмечая, что в турецких экспертных кругах возник в тот период ряд негативных сценариев изменения ближневосточного баланса в пользу Тегерана. Турки опасались, что ядерная сделка развязет Ирану руки в региональных делах и позволит ему проводить более агрессивную наступательную политику в борьбе за влияние. Ещё одной угрозой турецким интересам виделось потепление ирано-американских отношений, в результате которого могло снизиться внимание обеих стран к Турции как к партнёру на Ближнем Востоке (Sinkaya 2016: 90-91). Тем не менее, очевидно, что для Турции были привлекательны такие пристекавшие из СВПД перспективы, как рост торгового оборота и инвестиционного сотрудничества с Ираном, снижение напряжённости с Вашингтоном по этому вопросу и устранение возможности для создания иранской ядерной бомбы.

² Joint Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of Turkey, Iran and Brazil, 17 May 2010 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/17_05_2010-joint-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-turkey_-iran-and-brazil_.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

³ Press Release Regarding the Agreement on the Joint Comprehensive Plan of Action between the P5+1 and Iran Related to Iran's Nuclear Program. No 205, 14 July 2015 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-205_-14-july-2015_-press-release-regarding-the-agreement-on-the-joint-comprehensive-plan-of-action-between-the-p5_-1-and-iran-related-to-iran_s-nuclear-program.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

В официальном заявлении Анкары после выхода США из СВПД этот договор был назван значительным шагом в сфере ядерного нераспространения. Подчеркнув, что дипломатия и переговоры являются единственным путём решения иранской ядерной проблемы, турецкие власти охарактеризовали отказ Вашингтона от договора как «достойный сожаления шаг». Отмечая подтверждённое международными наблюдателями выполнение Ираном условий сделки, Турция высказалась за сохранение и выполнение положений СВПД⁴. Турецкое руководство не поддерживает американские санкции в отношении Ирана, утверждая, что они наносят вред иранскому народу и подрывают региональную стабильность⁵.

Похожую позицию разделяет и экспертное сообщество Турции. «Выйдя из ядерной сделки и объявив о введении тяжелых экономических санкций против Ирана, Д. Трамп выбрал самый плохой из имеющихся у него вариантов», – написал в газете «Миллийет» известный турецкий политолог С. Кохен⁶.

Обрушение конструкции СВПД, создание которого было многолетним процессом с участием международного сообщества, лишает Анкару и Тегеран важного механизма моделирования своих региональных позиций. И. Макгилливрей отмечает, что обе страны использовали ядерную проблему для укрепления имиджа собственной исключительности на Ближнем Востоке (MacGillivray 2019: 10-15). Турция стремилась взять на себя роль медиатора в переговорах между Ираном и странами Запада. В свою очередь Тегеран позиционировал себя в качестве страны, которая противостоит совокупному Западу и в одиночку ведёт с ним спор. Таким образом, для Анкары и Тегерана имел значение сам переговорный процесс по себе, а его окончательный результат в виде СВПД стал для них символом внешнеполитического достижения, которое можно предъявить на региональном уровне.

Обострение ирано-американских отношений и новый виток санкций после выхода Вашингтона из СВПД грозят Турции экономическим и финансовым ущербом, а также ограничением возможностей для регионального сотрудничества с Ираном по вопросам, представляющим общий интерес. На первом месте среди них проблемы безопасности двух стран, включая курдский сепаратизм, и поддержание регионального баланса сил на сирийском и иракском поле.

Современные турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке строятся под влиянием ряда скрытых механизмов, которые формируют подходы сторон друг другу. Народам обеих стран присуще имперское сознание, глубокая историческая память о периодах регионального доминирования и соперничества.

⁴ Press Release No: 129, Regarding The Joint Comprehensive Plan of Action, 8 May 2018 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_129_-kapsaml%C4%B1-ortak-eylem-planı-hk_en.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

⁵ Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Girerken Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde Girişimci ve İnsani Dış Politikamız.17 Aralık 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yılına-girerken-girişimci-ve-insani-dis-politikamız.pdf (accessed: 04.08.2019)

⁶ Kohen S. Trump'ın esas amacı ne? 11 Mayıs 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/trump-in-esas-amaci-ne-2666469> (accessed: 04.08.2019)

Это определяет неизбывность турецко-иранской конкуренции за влияние, настороженное отношение к усилению позиций другой стороны, особенно в прилегающей зоне (в районе Ирака и Сирии). В то же время, несмотря на смену режимов, внешнеполитическому мышлению правящих элит Ирана и Турции свойствен прагматизм, который объясняет стремление сторон к поддержанию регионального баланса сил и интересов.

Стратегия ПСР по расширению турецкого влияния в регионе учитывает фактор османского наследия, которое современная Анкара стремится популяризировать для подкрепления своих претензий на региональное лидерство. В конкурентный арсенал турецкого руководства входят исторические связи с народами региона и опыт европеизации мусульманского государства.

Иран продвигает своё видение мусульманской демократии, позиционирует себя в качестве стойкого борца с экспансионизмом Запада и, несмотря на снижение воинственной риторики, не отказывается от экспорта ценностей исламской революции. Анкара расходится с западными странами по частным вопросам или методам имплементации политики своих внeregиональных партнёров, но в целом разделяет те же стратегические подходы. Тегеран, напротив, отвергает идеологическое сближение с Западом и заимствования западных моделей развития, выступая за сохранение собственного пути. По сути дела, Иран и Турция предлагают странам Ближнего Востока альтернативные варианты политической трансформации.

Подходы сторон к региональному лидерству строятся на принципиально различных основаниях, что будет препятствовать формированию прочного турецко-иранского альянса, несмотря на способность Ирана и Турции к ситуативному союзничеству и их готовность находить компромиссные формулы по отдельным проблемам в целях поддержания более широкого регионального баланса интересов.

Об авторе:

Ирина Александровна Свистунова – к.и.н., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, Профсоюзная 23. E-mail: svistunova.irina@gmail.com.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 4, 2019
Accepted: August 15, 2019

Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of the Regional Balance

I.A. Svistunova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-130--144

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: Turkey and Iran are two Middle Eastern neighbors building their relationship on the basis of competition and cooperation. Both countries aim at the position of regional leader and want to offer their own «model» of development to the Middle East. Historical neighborship has provided Turkey and Iran not only with the experience of struggle for influence, but an ability to interact in the spheres of overlapping interests as well. Turmoil in the Middle East attracts the attention of researchers to the issue of Turkish-Iranian relations. The article deals with the key areas of regional relations of the two countries reflecting their efforts to keep the power balance though they have contradicting interest. Islamic revolution in Iran in 1979 has put Turkish and Iranian «models» in adversary positions to one another emphasizing religion vs secularism.

The Turkish side has broadened the range of its instruments after Justice and Development Party coming to power in Ankara, although its aim remains to be the promotion of Western concepts in the Middle East. The Party's strategy to expand Turkish influence in the region takes into account the Ottoman heritage, which modern Ankara seeks to popularize in order to reinforce its claims to regional leadership. The competitive arsenal of the Turkish leadership includes historical ties with the peoples of the region and the experience of the Europeanization of the Muslim state.

Iran is promoting its vision of Muslim democracy, positioning itself as a staunch fighter against the expansionism of the West and, despite the decline in warlike rhetoric, does not refuse to export the values of the Islamic revolution. Ankara is at odds with Western countries on private issues or methods, but generally it shares the same strategic approaches. Tehran, on the contrary, rejects the ideological rapprochement with the West and the borrowing of Western development models, advocating maintaining its own path. In fact, Iran and Turkey offer Middle Eastern countries alternative political transformation options.

Iraq and Syria represent both the sphere of Turkish-Iranian competition and the possibility for tactical alignment on the basis of converging interests. The events of recent years have demonstrated that at the times when the Turkey and Iran sense common threats, they put their contradictions on the back burner. Pragmatism and rivalry in Turkish-Iranian relations are not alternatives but exist in parallel as a way of maintaining a regional balance of power between the two countries. This explains the ability of Ankara and Tehran to seek compromises. At the same time, the various approaches of these states to the future structure of the Middle East region will continue to hinder the creation of a stable alliance between them. These realities must be taken into account when assessing the prospects for the development of the regional situation and the potential of Turkish-Iranian relations, the study of which is especially important for Russia, taking into account trilateral cooperation to resolve the crisis in Syria.

Key words: Turkey, Iran, Middle East, Turkey-Iran relations, Turkish foreign policy, international relations, crisis in Syria

About the author:

Irina A. Svistunova – Candidate of History, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, Russia, 117997. E-mail: svistunova.irina@gmail.com.

The conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Afacan S. 2018. Türkiye – İran İlişkilerini Yeniden Düşünmek. *İlke Politika Notu*. No. 2. P. 1-11. (In Turkish)
- Akbarzadeh Sh., Barry J. 2016. Iran and Turkey: Not quite Enemies but Less Friends. *Third World Quarterly*, October 2016. P. 1-16. DOI: 10.1080/01436597.2016.1241139
- Aktaş K. 2018. Suriye ve Irak Örnekleri Üzerinden Türkiye-İran İlişkileri: İş Birliği mi Rekabet mi? – *Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi*. June. No. 1. P. 163-184. DOI: 10.26513/tocd.427808 (In Turkish)
- Ayoob M. 2011. Beyond the Democratic Wave: A Turko-Persian Future? *Middle East Policy*. P. 110-119. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2011.00489.x
- Barkey H.J. 2012. Turkish-Iranian Competition after the Arab Spring. *Survival*. No. 6. P. 139-162. DOI: 10.1080/00396338.2012.749639
- Baş Ş. 2013. Pragmatism and Rivalry: The Nature of Turkey-Iran Relations. *Turkish Policy Quarterly* No. 3. P. 113-124.
- Demiryoł T. 2013. The Limits to Cooperation between Rivals: Turkish-Iranian Relations since 2002. *Ortadoğu Etütleri*. No. 2. P. 111-144.
- Joobani H.A., Mousavipour M. 2015. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*. No. 2. P. 141-155. DOI: 10.1080/09700161.2014.1000658
- MacGillivray I.W. 2019. Complexity and Cooperation in the Times of Conflict: Turkish-Iranian Relations and the Nuclear Issue. *British Journal of Middle Eastern Studies*. P. 1-25. DOI: 10.1080/13530194.2019.1596783
- Mohammed I. 2011. Turkey and Iran Rivalry on Syria. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. No. 2&3. P. 87-99.
- Ozcan N.A., Ozdamar O. 2010. Uneasy Neighbors: Turkish-Iranian Relations Since the 1979 Islamic Revolution. *Middle East Policy*. No. 3. P. 101-117. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2010.00454.x
- Sarı B. 2018. The Strategic Interaction between Turkey and Iran in the Syrian Crisis: A Game Theoretical Analysis for the Time Frame from 2011 to 2015. *Bilik – Turk Duyası Sosyal Bilimler Dergisi*. No. 87. P. 203-227.
- Sinkaya B. 2012. Rationalization of Turkey-Iran Relations: Prospects and Limits. *Insight Turkey*. No. 2. P. 137-156.
- Sinkaya B. 2016. Iran and Turkey Relations after the Nuclear Deal: A Case for Compartmentalization. *Ortadoğu Etütleri*. No. 1. P. 80-100.
- Tahiroğlu M., Ben Taleblu B. 2015. Turkey and Iran: The Best of Frenemies. *Turkish Policy Quarterly*. No. 1. P. 123-134.
- Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt II.* 1980-2001. 2012. Ed. Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 637 p.
- Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt III.* 2001-2012. 2013. Ed. Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 885 p.
- Unver H.A. 2012. How Turkey's Islamists Fell out of Love With Iran. *Middle East Policy*. No. 4. P. 103-109. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00563.x
- Unver H.A. 2016. Turkish-Iranian Energy Cooperation and Conflict: The Regional Politics. *Middle East Policy*. No. 2. P. 132-145. DOI: 10.1111/mepo.12200

Hamdohov S.A. 2012. Turtsiya – Iran: nachalo holodnoy voyni ili vremennoye poholodaniye v otnosheniyah? [Turkey – Iran: The Beginning of New Cold War or Temporary Cooling in Relations?]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 2. P. 49-51. (In Russian)

Ivanova I.I. 2017. *Evolutsiya bliznevostochnoy politiki Turetskoy Respublikи (1923-2016)* [Evolution of the Middle East Policy of Republic of Turkey (1923-2016)]. Moscow: Aspect-Press. 424 p. (In Russian)

Svistunova I.A. 2015. Turetsko-iranskiye otnosheniya: dvustoronnye sotrudничество i regionalnaya konkurentsiya [Turkish-Iranian Relations: Bilateral Cooperation and Regional Competition]. *Turtsiya na puti k regionalnomu liderstvu*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. P. 226-235. (In Russian)

На русском языке:

Иванова И.И. 2017. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923 – 2016). Москва: Аспект-Пресс. 424 с.

Свистунова И.А. 2015. Турецко-иранские отношения: двустороннее сотрудничество и региональная конкуренция. *Турция на пути к региональному лидерству*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Хамдохов С.А. 2012. Турция – Иран: начало холодной войны или временное похолодание в отношениях? *Азия и Африка сегодня*. № 2. С. 49-51.

Системный кризис американо-турецких отношений при Д. Трампе

А.А. Давыдов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Отношения США и Турции – двух военно-политических союзников Организации Североатлантического договора (НАТО) – переживают беспрецедентный за свою историю кризис. Его глубина и масштаб настолько значительны, что он затрагивает как аспекты долгосрочного развития внешнеполитических стратегий обоих государств, так и проблемы военно-технического сотрудничества и выстраивания единой архитектуры безопасности.

Автор статьи ставит вопрос: насколько современный кризисный этап развития американо-турецких отношений является системным? Насколько высока вероятность, что он окажется долговременным? Для ответа на этот вопрос исследование разделено на две части.

В первой анализируется эволюция американских подходов к позиционированию Турции в основах внешней политики США, практика и проблемы их реализации с окончания Второй мировой войны и до современности. С помощью системно-исторического подхода на основе анализа динамики позиционирования Турции во внешнеполитической стратегии США и трансформации политических, экономических и военных аспектов двусторонних отношений с момента их институционализации в качестве союзных автором выделяются два этапа этой эволюции. В рамках первого в видении Соединённых Штатов Турция представляется в качестве одной из ключевых стран на пути сдерживания расширения влияния Советского Союза на юг в сторону Персидского залива и Суэцкого канала. Автор отмечает, что к окончанию bipolarной конфронтации Турция фактически утрачивает прежнее функциональное предназначение в логике холодной войны. На втором этапе Турция позиционируется как один из ключевых союзников НАТО, геостратегическое расположение которого можно использовать для проведения американских национальных интересов в сопредельных регионах. В видении автора двусторонние отношения постепенно отходят от подобной модели взаимодействия по мере укрепления турецкого стремления к диверсификации зарубежных связей и накопления противоречий между Вашингтоном и Анкарой из-за разновекторности их внешнеполитических стратегий.

Во второй части анализируются противоречия в американо-турецких отношениях при президенте Д. Трампе по широкому спектру сфер: в области политического, военно-политического и торгово-экономического взаимодействия.

Автор приходит к выводу, что современный кризис является системным, так как, во-первых, существующие проблемы стали затрагивать значимые элементы во-

УДК 327

Поступила в редакцию: 01.07.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

енно-технической инфраструктуры отношений, во-вторых, эти проблемы затруднительно разрешить без переформатирования взаимодействия как между равнозначными субъектами международных отношений, в-третьих, на уровне экспертного и политического сообществ отсутствуют подходы по качественному переосмыслению союзнического статуса американо-турецких отношений.

Ключевые слова: Турция, США, американо-турецкие отношения, системный кризис, внешняя политика, внешнеполитическая стратегия США

К началу третьего десятилетия нового века американо-турецкие отношения вошли в кризисный этап своего развития. Разновекторность интересов Анкары и Вашингтона наблюдается на широком спектре вопросов международной жизни: по вопросам урегулирования сирийского кризиса, по подходу отношений с Ираном, с Россией и другим вопросам мировой политики (например, относительно практики введения санкций или подходов к разрешению венесуэльского кризиса).

Однако насколько можно характеризовать наблюдаемый кризис именно как системный? Отражает ли он некие долгосрочные тренды в двусторонних отношениях, затрагивающие их стратегические основы, или же он является некоторым временным тактическим отходом от вектора двусторонних отношений в период президентства Д. Трампа? Для понимания дальнейшего вектора их развития необходимо рассмотреть, при каких условиях закладывался фундамент современных американо-турецких отношений, насколько формулируемое США понимание роли Турции в своей внешней политике гармонировало с интересами последней, в чём причина и широта всего спектра современных расхождений этих отношений.

Проблема состояния американо-турецких отношений находила значительное отражение в отечественных и зарубежных аналитических публикациях. Большая часть актуальных исследований по данной тематике посвящена кризисным явлениям в отдельных сферах отношений между двумя странами в их краткосрочной динамике. Среди отечественных исследователей, прежде всего, следует отметить работы В. Надеина-Раевского (Надеин-Раевский 2013), И. Свищуновой (Свищунова 2016), а также коллективные труды Института востоковедения РАН (Государство, общество... 2014), Института мировой экономики и международных отношений РАН (Ближний Восток 2018). Среди зарубежных коллег тематика американо-турецких отношений пользуется стабильным интересом. Следует отметить, что с середины 2000-х гг. (особенно после вторжения США в Ирак в 2003 г.) в значительном числе публикаций с возрастающей интенсивностью высказывается обеспокоенность за сохранность союзного характера этих отношений. К числу таких публикаций можно отнести работы А. Кука (Cook 2018), Ф. Ларраби (Larrabee 2010), И. Лессера (Lesser 2006), Р. Менора и

С. Уимбуша (Menon, Wimbush 2007). При этом наблюдается значительная нестыковка американских и турецких интересов по европейскому, российскому, курдскому, сирийскому, иранскому и в целом ближневосточному векторам политики Анкары (Barkey 2019; Çakır 2016; Danforth and all 2017; Hill, Taspinar 2006; Kanat, Ustun 2015; Williams 2019)¹.

Однако в научной литературе должного места до сих пор не заняли комплексные исследований всего спектра текущих политico-идеологических, военно-технических и торгово-экономических проблем как системных противоречий американо-турецких отношений в контексте эволюции внешнеполитических стратегический обоих государств после закрепления их союзного статуса (с конца Второй мировой войны) с оценкой долгосрочных последствий. Решение этой задачи потребовало на основании источников и литературы по прошлым этапам эволюции американо-турецких отношений (Athanassopoulou 2001; Buzan, Diez 1999; Coufoudakis 1985; CSIA European Security... 1978-1979; Ecevit 1978; Howard 1976; Karagöz 2004; Khalilzad 1979-1980), во-первых, в качестве системных основ американо-турецких отношений определить долгосрочное позиционирование Турции в американской внешнеполитической стратегии до и после окончания холодной войны, во-вторых, проанализировать эволюцию комплекса политических, экономических и военных аспектов двусторонних отношений с момента их институционализации как союзных и до современного кризиса.

Турция во внешнеполитической стратегии США: подходы и проблемы

Место Турции во внешнеполитических стратегических приоритетах Соединённых Штатов традиционно строились вокруг военно-политических вопросов. Сразу же с окончанием Второй мировой войны Турция стала одним важных фронтов новой войны – холодной. В виду своего значимого расположения, прежних политических процессов на европейском континенте и давления Москвы на Анкару относительно статуса Черноморских проливов и территориальных претензий (Howard 1976: 304) Турция, равно как и Греция, стала одной из ключевых стран реализации доктрины Г. Трумэна². Это стало определяющей исходной точкой внешней политики США к Турции на ближайшие сорок с лишним лет.

¹ Post-Cold War Democratic Declines: The Third Wave of Autocratization. Carnegie Endowment for International Peace, 27.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/06/27/post-cold-war-democratic-declines-third-wave-of-autocratization-pub-79378> (accessed: 28.06.2019); Rubin M. It's Time for Turkey and NATO to Go Their Separate Ways. American Enterprise Institute, 17.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aei.org/publication/its-time-for-turkey-and-nato-to-go-their-separate-ways/> (accessed: 28.06.2019)

² Truman H. Special Message to the Congress on Greece and Turkey: The Truman Doctrine. The American Presidency Project, 12.03.1947 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-greece-and-turkey-the-truman-doctrine> (accessed: 04.08.2019)

На длительную перспективу Соединённые Штаты в своей внешней политике, во-первых, закрепили задачи по интеграции Турции в западную систему сотрудничества (или в т.н. «свободный мир», как часто её называли в официальных документах) и, во-вторых, строили целеполагание относительно неё в рамках сдерживания советской экспансии на юг в сторону Суэцкого канала и нефтеносных регионов Персидского залива (Avey 2012)³.

Такой подход определил и формат встраивания Турции в западную инфраструктуру сотрудничества. В 1950-е гг. наблюдается период наиболее интенсивного формирования правовой базы двусторонних отношений (Çakır 2016)⁴. США в значительной степени содействовали интеграции Турции в структуру союзных международных организаций, в первую очередь в Организацию Североатлантического договора (НАТО) в 1952 г., в Организацию Центрального договора (СЕНТО; именуемую часто как «Северный ярус», англ: *Northern Tier*) в 1955 г.⁵. Соединённые Штаты стали оказывать значительные объёмы зарубежной помощи, прежде всего, военной. По данным АМР, за период с 1946 по 2000 гг. Турция получила военной помощи 43,6 млрд долл. (в ценах 2017 г., рис. 1).

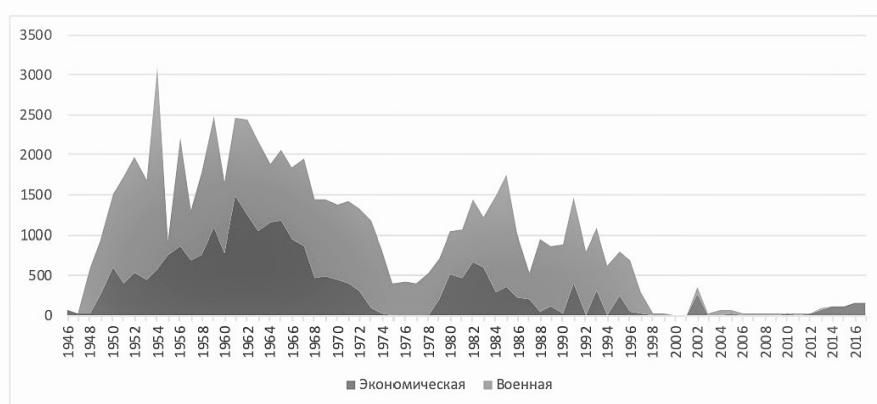

Рисунок 1. Объёмы экономической и военной зарубежной помощи США Турции с 1946 по 2017 гг. (млн долл. в ценах 2017 г.)

Figure 1. Volumes of US Economic and Military Foreign Aid to Turkey from 1946 to 2017 (million dollars in 2017 prices)

Источник: данные АМР⁶

³ National Security Council Report №42 "U.S. Objectives with Respect to Greece and Turkey to Counter Soviet Threats to U.S. Security". Washington, D.C.: The White House, 04.03.1949. 22 p.; Operations Coordinating Board Report: "Operations Coordinating Board Report on Turkey". Washington, D.C.: The White House, 12.11.1958 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v10p2/d321> (accessed: 04.08.2019)

⁴ A List of Treaties and Other International Agreements of the United States in Force on January 1, 2019. Washington, D.C.: The Department of State, 01.01.2019. P. 443-448. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/06/2019-TIF-Bilaterals-6.13.2019-web-version.pdf> (accessed: 04.08.2019)

⁵ Operations Coordinating Board Report on Turkey. Washington, D.C.: The White House, 16.12.1959 [Электронный ресурс]. URL: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=goto&id=FRUS.FRUS195860v10p2&isize=M&submit=Go+to+page&page=825> (accessed: 04.08.2019)

⁶ The Complete Foreign Aid Explorer Dataset. U.S. / Agency for International Development [Электронный ресурс]. URL: https://explorer.usaid.gov/prepared/us_foreign_aid_complete.csv (accessed: 04.08.2019)

Отдельным значительным направлением для Вашингтона было способствование торгово-экономической интеграции Анкары со странами Западной Европы, прежде всего, с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) (Çakır 2016). Большая часть турецкой экономики за период холодной войны стала ориентирована на страны Европы и Северной Америки, что сохраняется и по сей день (рис. 2). Анкара нередко получала значительные транши помощи для смягчения последствий экономических кризисов, в том числе на поддержание широкой военной инфраструктуры.

Рисунок 2. Объёмы товарооборота Турции со странами Северной Америки, Европы и других регионов (млрд долл. в номин. ценах)

Figure 2. The Volume of Trade between Turkey and the Countries of North America, Europe and Other Regions (billion dollars in nominal prices)

Источник: *Atlas of Economic Complexity*⁷

В то же время, даже при высоком уровне интеграции в западную военную и экономическую инфраструктуру представление США о Турции как о проводнике американской политики всё больше сталкивалось с конфликтами интересов, логика которых зачастую выходила за рамки холодной войны. Уже на рубеже 1970-1980 гг. наблюдались системные осложнения отношений по ряду причин. Первая заключалась в том, что возрастало недовольство Турции относительно процесса её вступления в ЕЭС. Несмотря на существенную роль Соединённых Штатов в процессе развития положительных торгово-экономических отношений Турции со странами Сообщества, Вашингтон не принимал принципиальных шагов для завершения вступления Анкары в эту организацию. Особую неприязнь и недоверие в союзных отношениях вносило то обстоятельство, что Греции, начавшей процесс интеграции в структуры североатлантического сообщества одновременно с Турцией, ЕЭС с большей готовностью шло навстречу

⁷ *Atlas of Economic Complexity. Center for International Development at Harvard University* [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/explore/stack/?country=224&partner=undefined&product=undefined&productClass=SITC&startYear=undefined&target=Partner&year=2017> (accessed: 04.08.2019)

в процессе принятия её как полноценного члена. Это усиливало давние чувства Анкары «чужого среди своих», подразумевавшего, что европейцам предпочтительнее сотрудничать с христианами греками, чем с мусульманами турками (Ecevit 1978)⁸.

Данные чувства дополнительно обострялись второй причиной – Кипрским кризисом (Coufoudakis 1985). Характерным примером степени охлаждения американо-турецких отношений по мере интенсификации этнополитического конфликта между греками и турками на острове служит письмо президента США Л. Джонсона турецкому премьер-министру Исмету Инёню, вызвавшее серьёзное недовольство турецкой стороны из-за менторского тона и допущения вероятности, что в случае военного вторжения Турции на Кипр в конфликт решит вмешаться Советский Союз, защита ей со стороны союзников альянса может быть не гарантирована (Johnson, Inonu 1966). Отношения дополнительно обострялись введённым против Турции оружейным эмбарго в 1974 г., которое оказалось негативное воздействие на её экономику, ослабило обороносспособность и укрепило антиамериканские настроения (Karagöz 2004). И хотя данные ограничения были сняты в 1978 г., в сухом остатке вместе с ослаблением юго-восточного фланга НАТО их следствием стало укрепление устремлений Турции придерживаться принципов многовекторности и отчасти нейтральности в своей внешней политике, заложенных основателем республики М.К. Ататюрком (Государство, общество... 2014: 392-400).

Дополнительным стимулом к укреплению таких подходов и отходу от американской внешнеполитической линии в русле холодной войны послужила третья причина – ослабление представлений в Анкаре об угрозе со стороны Москвы. «Красная угроза» в отношениях с западными союзниками нередко использовалась Турцией для отстаивания более выгодных для себя условий в ходе переговоров по вопросам сотрудничества с ЕЭС или оказания военной и экономической помощи. Однако эскалирующее напряжение в отношениях Турции с Западом в конце 1960-х гг. и в первой половине 1970-х гг. всё больше склоняли её к интенсификации диалога с Советским Союзом, что выражалось в развитии, прежде всего, экономических отношений и выделением Московской кредитов Анкаре (CSIA European Security... 1978-79: 171-173; Howard 1976: 304).

На завершающем этапе холодной войны Анкара по-прежнему оставалась стратегически важным союзником для США, которые продолжали оказывать ей значительные объёмы экономической и военной помощи⁹. Однако из-за совокупности упомянутых тенденций и сложившейся в 1980-х гг. международной обстановки союзнический дух американо-турецких отношений переживал зна-

⁸ Turkey Asking Common Market for Concessions on Aid, Products and Movement of Its Workers. *The New York Times*, 10.10.1976 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/1976/10/10/archives/turkey-asking-common-market-for-concessions-on-aid-products-and.html> (accessed: 04.08.2019)

⁹ The Defense and Economic Cooperation Agreement – U.S. Interests and Turkish Needs. Washington, D.C.: Government Accountability Office, 07.05.1982 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gao.gov/assets/140/137457.pdf> (accessed: 04.08.2019)

чительный кризис. Турция фактически перестала выполнять изначально отведенную доктриной Г. Трумэна функцию «форпоста» сдерживания влияния Советского Союза. С вторжением СССР в Афганистан, революцией в Иране и последующим распадом блока СЕНТО (Khalilzad 1979-1980) актуализировалась значимость Турции в глазах Вашингтона именно как страны из ближневосточного региона.

Окончание bipolarной конфронтации СССР и США вывело одну из стержневых составляющих американо-турецких отношений. С окончанием холодной войны Турция в подходах Вашингтона не получила сходного с периодом Г. Трумэна долгосрочного целеполагания, за ней в видении США закрепилось представление как о союзнике НАТО, с помощью которого можно проводить американские интересы в стратегически важных сопредельных ему регионах: на Балканах, на Кавказе, в Центральной Азии и, прежде всего, на Ближнем Востоке.

Данный обновленный подход сохранялся единственным на протяжении всех 1990-х гг. Во-первых, Турция встроилась в систему ближневосточных союзных отношений США с Израилем и арабскими странами, равно как и была одной из ключевых стран в осуществлении американской стратегии «двойного сдерживания» Ирака и Ирана. Так, вместе с Тель-Авивом Анкара проводила скоординированное военное планирование, участвовала в совместных учениях 1998-1999 гг., а при финансовой поддержке Саудовской Аравии, Кувейта и Объединённых Арабских Эмиратов в 1991 г. был создан Турецкий оборонный фонд, направленный на поддержку модернизации турецких вооружений и проведения военных операций против Ирака (Athanassopoulou 2001: 147-148).

Во-вторых, Турция играла важную роль в проводимой США политической линии в сопредельных с ней регионах. Так, Анкара внесла значительный вклад в военные операции НАТО на Балканах: с турецких аэродромов осуществлялись бомбардировки объектов на территории бывшей Югославии, Турция оказывала гуманитарную помощь косовским албанцам и приняла около 20 тыс. беженцев. Турция играла ключевую роль в осуществлении операций по введению беспилотной зоны на севере Ирака и по оказанию помощи союзных США курдам в этих территориях (Операции *Northern Watch* и *Provide Comfort*)¹⁰.

Администрация У. Клинтона также предпринимала ряд других мер по укреплению отношений. В частности, Турция к концу XX в. стала крупнейшим покупщиком американских вооружений (Athanassopoulou 2001: 147-148). Белый дом стремился наладить отношения Анкары с европейскими союзниками, для чего последовательно способствовал налаживанию диалога между греками и

¹⁰ Secretary of Defense Cohen and Turkish Minister of National Defense Sabahattin Cakmako. *The Department of State*, 15.07.1999 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20000816010552/http://www.state.gov/www/policy_remarks/1999/990715_cohen_turkey.html (accessed: 04.08.2019); Press Briefing after Meetings at Ministry of Foreign Affairs. *The Department of State*, 14.04.2000 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090806023411/http://www.state.gov/www/policy_remarks/2000/000414_ricciardone_iraq.html (accessed: 04.08.2019)

турками¹¹ и поддерживал их устремления по вступлению в Евросоюз (Buzan, Diez 1999: 46)¹².

В то же время двусторонние отношения постепенно с заметной динамикой стали дополняться качественно новыми чертами. Среди них в первую очередь следует указать интенсифицировавшийся дискурс о нарушении прав человека в Турции. Ранее в период биполярной конфронтации американский политический истеблишмент в большей степени избегал этой темы, прежде всего, по идеологическим причинам, опасаясь возможного её использования просоветскими силами в своих интересах. Но несмотря на то, что США раньше европейских союзников признали Рабочую партию Курдистана (РПК) террористической организацией, из Вашингтона, прежде всего, со стороны Конгресса, все больше стала звучать критика относительно действий Анкары по отношению к курдскому меньшинству как в Турции, так и в Северном Ираке¹³. В русле этой же тенденции в силу того, что Турция, в отличие от Греции, Израиля или Армении, не имела сопоставимого сильного этнического лобби, в Конгрессе США на уровне Комитета по международным делам Палаты представителей впервые прошло одобрение резолюции относительно геноцида армян 1915-1923 гг.¹⁴, однако во избежание возможных ответных санкций со стороны Анкары принятие резолюции на более высоком уровне не состоялось.

Главной же новой чертой, оказавшей наиболее долгосрочный эффект на двусторонние отношения, стала тенденция на автономизацию турецкой внешней политики от Соединенных Штатов: по мере активизации политики Вашингтона в дела сопредельных с Турцией государств Анкаре приходилось сталкиваться со все большим числом вызовов. Одним из главных катализаторов этой тенденции стала война США в Ираке 2003 г. Начиная ещё с войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. стратегические последствия военной кампании в этой стране для Вашингтона и Анкары были отличными. Для последней она в значительной степени ухудшила отношения с определёнными странами (Сирией, Ираком и Ираном), а также обострила курдскую проблему из-за усилившегося потока беженцев и активизации деятельности РПК. В таком контексте соучастие во второй войне против Ирака, не имевшей аналогичных с прошлой легитимных

¹¹ Congressional Presentation for Foreign Operations, Fiscal Year 1999. 1998. Washington, D.C.: The Department of State, p. 247, 264. URL: https://archive.org/stream/DTIC_ADA344336/DTIC_ADA344336_djvu.txt (accessed: 04.08.2019); Remarks at the East West Institute Awards Dinner Presentation to Foreign Minister George Papandreou of Greece and Foreign Minister Ismail Cem of Turkey. The Department of State, 02.05.2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/2011020023937/http://1997-2001.state.gov/www/statements/2000/000502a.html> (accessed: 04.08.2019)

¹² Talbott S. 1998. U.S.-Turkish Relations in an Age of Interdependence. The Department of State, 14.10.1998 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090807105606/http://www.state.gov/www/policy_remarks/1998/981014_talbott_turkey.html (accessed: 04.08.2019)

¹³ Remarks to the Assembly of Turkish-American Associations. The Department of State, 01.10.1999 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090807100344/http://www.state.gov/www/policy_remarks/1999/991001_koh_turkey.html (accessed: 04.08.2019)

¹⁴ House Report №106-933 – «Affirmation of the United States Record on the Armenian Genocide Resolution». Washington, D.C.: U.S. Congress, 04.10.2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/congressional-report/106th-congress/house-report/933> (accessed: 04.08.2019)

оснований, означало бы многократное возрастание издержек относительно обеспечения региональных национальных интересов, прежде всего, в области безопасности.

В итоге решение турецкого парламента в марте 2003 г. запретить использовать свою территорию для вторжения американских войск в Ирак стало Рубиконом, после которого разновекторность внешнеполитических стратегий Вашингтона и Анкары стала только возрастать. Стержневой составляющей процесса отхода американо-турецких отношений от модели, продержавшейся в период работы администрации У. Клинтона, стало формулирование турецких собственных долгосрочных подходов по широкому спектру направлений, включая по отношению к Центральной Азии, Европе, России, Ближнему Востоку, Кавказу. Возникновение новых вызовов потребовало существенно пересмотреть акценты во внешней политике Турции. Возникновение концепций пантюркизма, панисламизма, попытка сбалансировать отношения с Сирией и Ираном, из-за чего, в частности, значительно ухудшились отношения с Израилем, беспрецедентное улучшение отношений с Россией и осложнение с Западом – всё это не шло в русле политики США. Как оказалось, использовать формальный союзный статус Турции для проведения своих интересов они могли лишь отчасти (преимущественно в рамках НАТО, в частности, в Афганистане) (Надеин-Раевский 2013; Свистунова 2016; Hill, Taspinar 2006: 83; Kanat, Ustun 2015; Larrabee 2010; Lesser 2006; Menon, Wimbush 2007).

Спектр противоречий при Д. Трампе

Американо-турецкие отношения уже к началу президентства Дональда Трампа приобрели стабильно обострённый характер и сохраняют тенденции к ухудшению. Несмотря на длительный характер союзных связей в рамках Североатлантического альянса (НАТО), в Соединённых Штатах за последние годы существенно усилились опасения за сохранность их в таком статусе (Cook 2018)¹⁵. Новая администрация в своей внешнеполитической стратегии не выработала обновлённых подходов к отношениям с Турцией, сохранив тем самым значительную преемственность со своими предшественниками. Высокий уровень напряжённости между США и Турцией приобрёл стратегически-системный характер, чему способствует широкий спектр противоречий на двустороннем уровне и в политике обоих государств относительно России и Ближнего Востока.

К группе политических процессов и факторов, в первую очередь, следует отнести следующие. Во-первых, негативное воздействие на уровне двусторонних отношений продолжает оказывать нахождение Ф. Гюлена на территории

¹⁵ Rubin M. 2018. It's Time for Turkey and NATO to Go Their Separate Ways. *American Enterprise Institute*, 17.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aei.org/publication/its-time-for-turkey-and-nato-to-go-their-separate-ways/> (accessed: 04.08.2019)

Соединённых Штатов. После попытки военного переворота середины 2016 г. трансформация турецкой политической системы, включающая высокую централизацию власти в руках президента, сопровождается широким подавлением оппозиционных Р. Эрдогану сил, среди которых главным антагонистом является Ф. Гюлен и его структуры. Длительное нежелание Вашингтона его экстрадировать подвигло власти Турции арестовывать граждан США на их территории, включая пастора Э. Брансона¹⁶, ряд лиц с двойным гражданством (Турции и США).

Во-вторых, внутриполитические тенденции в Турции стали служить поводом для усиления давления со стороны Вашингтона. На уровне экспертно-политического сообщества США регулярно упоминаются проблемы с верховенством закона и соблюдением прав человека, подавлением оппозиции, особенно в отношении курдов, подчёркиваются проблемы с коррупцией¹⁷. Это уже послужило поводом для введения точечных санкций 1 августа 2018 г. против министров юстиции и внутренних дел турецкого правительства в рамках «Глобального закона Магницкого»¹⁸. Сохраняется потенциал для введения санкционных и иного рода ограничений по широкому спектру политических вопросов, среди которых особую значимость могут иметь, во-первых, признание геноцида армян в Османской империи на уровне федеральной власти США (Danforth and all 2017)¹⁹, во-вторых, введение запрета на въезд и замораживание счетов турецких официальных в США²⁰.

В-третьих, стратегические интересы США и Турции зачастую входят в противоречия из-за стремления Анкары диверсифицировать своё сотрудничество с большей ориентацией на регион (в частности, в рамках пантюркизма с элементами исламизма). Позиции стран зачастую не находят совпадения по широкому кругу вопросов в отношениях с Россией, Ираном, Катаром, Венесуэлой, курдами, со странами Европейского союза, в рамках арабо-израильского конфликта.

¹⁶ Pastor Andrew Brunson. *U.S. Commission on International Religious Freedom* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uscirf.gov/pastor-andrew-brunson> (accessed: 04.08.2019)

¹⁷ Post-Cold War Democratic Declines: The Third Wave of Autocratization. *Carnegie Endowment for International Peace*, 27.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/06/27/post-cold-war-democratic-declines-third-wave-of-autocratization-pub-79378> (accessed: 04.08.2019)

¹⁸ Treasury Sanctions Turkish Officials with Leading Roles in Unjust Detention of U.S. Pastor Andrew Brunson. *U.S. Department of the Treasury*, 01.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm453> (accessed: 04.08.2019)

¹⁹ Turkey 2018 Human Rights Report. *U.S. Department of State*, 13.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/03/TURKEY-2018-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf> (accessed: 04.08.2019); Power and Corruption in Erdogan's Turkey: Context and Consequences. *The Bipartisan Policy Center*, 27.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/11/BPC-National-Security-Power-and-Corruption-in-Erdogans-Turkey.pdf> (accessed: 04.08.2019); A Resolution Expressing the Sense of the Senate Regarding the 102nd Anniversary of the Armenian Genocide. *U.S. Congress*, 24.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-resolution/136/text?r=1&q=%7B%22search%22%3A%5B%22armenia+genocide%22%5D%7D&r=1> (accessed: 04.08.2019)

²⁰ Sec. 4(b). S.1075 "Defending United States Citizens and Diplomatic Staff from Political Prosecutions Act of 2019". Washington, D.C.: Congress, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1075/text?r=1&q=%7B%22search%22%3A%5B%22turkey%22%5D%7D&r=6&s=3> (accessed: 04.08.2019)

Наибольшую обеспокоенность в США вызывают вопросы *военно-политического характера*. Главным среди них на текущий момент является закупка Анкарой у Москвы зенитно-ракетных систем С-400 «Триумф». В частности, вероятность получения чувствительной военно-технической информации российскими специалистами, обслуживающими данные системы, об элементах инфраструктуры НАТО, а также возможность возникновения проблем совместимости технологий различных стандартов сосредотачивают наибольшее внимание американских специалистов²¹.

Данные обстоятельства подвигли Вашингтон выработать меры по предотвращению или усугублению последствий для Анкары при поставке С-400. Может быть задействован механизм закона «О санкционном противодействии противникам США»²², дающий возможность введения санкций (крупные штрафы или длительный срок заключения²³) против лиц, вовлечённых в транзакции с оборонным сектором РФ. Конгресс в законе о консолидированном бюджете на 2019 г. уже прописал, что, во-первых, госсекретарь в период с начала августа по 1 ноября с.г. должен представить детальный план введения санкций за покупку этих систем, а во-вторых, что запрещается выделение средств из бюджета на поставку Анкаре истребителей-бомбардировщиков F-35²⁴. Возникновение такого Дамоклова меча уже побудил к возникновению разговоров о вероятной замене американского истребителя пятого поколения на его российский аналог – «Су-57».

Другой значительной точкой напряжения является военное сотрудничество США с курдскими вооружёнными формированиями на севере Сирии, которых Турция считает террористами, а США – нет. Анкара в долгосрочной перспективе опасается эскалации сепаратизма в юго-восточных нефтеносных курдских провинциях, что вызвано, во-первых, интенсификацией сотрудничества РПК с сирийскими курдами, а также, во-вторых, юридическим закреплением за их провинциями статуса автономии в ходе политического процесса урегулирования сирийского конфликта. Из-за этого Соединённые Штаты воздерживаются

²¹ Khan B. Turkish Government Invites Bids for F-35 System Integration Contract. *Quwa Defense News and Analysis Group*, 10.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://quwa.org/2018/01/10/turkish-government-invites-bids-for-f-35-system-integration-contract/> (accessed: 04.08.2019); Insinna V. US Official: If Turkey Buys Russian Systems, They Can't Plug into NATO Tech. *Defense News*, 16.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/dubai-air-show/2017/11/16/us-official-if-turkey-buys-russian-systems-they-cant-plug-into-nato-tech/> (accessed: 04.08.2019); Turkxit Time? *Carnegie Endowment for International Peace*, 29.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/78697> (accessed: 04.08.2019); Turkey's Arms Deal with Russia Is an Affront to NATO. *Heritage Foundation*, 06.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/turkeys-arms-deal-russia-affront-nato> (accessed: 04.08.2019)

²² Sec. 231. Public Law № 115-44 "Countering America's Adversaries Through Sanctions Act". Washington, D.C., Congress, 02.08.2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 04.08.2019)

²³ Sec. 206(b), (c). Public Law № 95-223 "International Emergency Economic Powers Act". Washington, D.C.: Congress, 28.10.1977.

²⁴ Sec. 7046(d). Public Law №116-6 "Consolidated Appropriations Act, 2019". Washington, D.C.: Congress, 15.02.2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-joint-resolution/31/text> (accessed: 04.08.2019); FY19 NDAA Sec 1282 Report "Status of the U.S. Relationship with the Republic of Turkey. Unclassified Executive Summary". Washington, D.C.: Department of Defense, 26.11.2018. URL: <https://fas.org/man/eprint/dod-turkey.pdf> (accessed: 04.08.2019)

от открытых политических обещаний курдам относительно политического статуса их региона, но в то же время не оказывают достаточного на них давления для сдерживания их в прежних границах (Barkey 2019)²⁵.

Отдельно стоит отметить, что впервые с 2015 г. турецкое юридическое лицо 30 апреля 2018 г. попало вместе с группой других зарубежных компаний (в том числе из РФ, Саудовской Аравии, Сирии, Египта и прочих стран) под санкции в рамках закона по нераспространению оружия массового уничтожения Ираном, КНДР и Сирией²⁶.

Наконец, существенное беспокойство в Соединённых Штатах вызывает ряд торгово-экономических вопросов. Среди них первостепенное значение имеет политика Турции в контексте антииранского санкционного режима. У Соединённых Штатов есть достаточно оснований для того, чтобы распространить его действие на турецкую экономику. Так, за период действия санкций, замороженных в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) с января 2016 г., ряд иранских банков обходили с помощью турецкого государственного банка HalkBank²⁷. Из-за этого ему может быть присвоен статус «Иностранного уклониста от санкций», что будет иметь существенный эффект на турецкую экономику, поскольку он занимает около 10% от финансового сектора страны в 791 млрд долл.²⁸. В данном контексте выход Соединённых Штатов из СВПД может повлечь значительные последствия для турецкого бизнеса, активно укрепляющего связи с Ираном²⁹.

Ещё одним из вероятных последствий сделки по С-400 станет частичное размораживание кипрского конфликта. Конгресс уже внёс законопроект, предполагающий снятие давнего оружейного эмбарго в отношении Кипра, установление с ним особых экономических отношений, в частности, в области энергетики. Такие планы могут в значительной степени ударить по проектам Турции

²⁵ Trump Threatens to ‘Devastate Turkey Economically’ if It Attacks Kurds. *The New York Times*, 13.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/13/us/politics/trump-turkey-kurds.html?searchResultPosition=7> (accessed: 04.08.2019); They Were ‘Comrades in Arms’ Against ISIS. Now the U.S. Is Eyeing the Exit. *The New York Times*, 12.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/12/world/middleeast/syria-sdf-us-islamic-state.html?searchResultPosition=1> (accessed: 04.08.2019)

²⁶ Complete List of Sanctioned Entities under Nonproliferation Sanctions. *Department of State*, 30.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/284359.pdf> (accessed: 04.08.2019)

²⁷ The Biggest Sanctions-Evasion Scheme in Recent History. *The Atlantic*, 04.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/01/iran-turkey-gold-sanctions-nuclear-zarrab-atilla/549665/> (accessed: 04.08.2019)

²⁸ E.O. 13608 Prohibiting Certain Transactions With and Suspending Entry Into the United States of Foreign Sanctions Evaders With Respect to Iran and Syria. *Federal Register*, 77(86), May 3, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/fse_eo.pdf (accessed: 04.08.2019); Turkey: Cracking Down on Sanctions Violations, Washington Wounds Ankara [Электронный ресурс]. Stratfor, 04.01.2018. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/turkey-cracking-down-sanctions-violations-washington-wounds-ankara> (accessed: 04.08.2019)

²⁹ Turkish-Iranian Trade Revived amid Growing Cooperation in Syria. *Al-Monitor*, 02.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/turkey-iran-syria-trade-revived-amid-rapport.html> (accessed: 04.08.2019)

по добыче газа на спорных территориях и дополнительно усугубить американо-турецкие отношения³⁰.

Сохраняется почва для интенсификации негативных последствий санкционного и иного давления в отношении Турции. Эта страна имеет глубокие всесторонние связи с союзниками США (членство в НАТО, 60,9% турецкого экспорта и 59,19% импорта приходились на страны Европы и Северной Америки в 2016 г.³¹). В частности, негативные тенденции в турецкой экономике наблюдались и в первой половине 2018 г., но введенные 10 августа с.г. США пошлины на алюминий (20%) и сталь (50%) послужили катализатором экономического кризиса в Турции (Ближний Восток 2018: 149-151)³².

Кризис американо-турецких отношений приобрёл системный характер. Формально союзный характер двусторонних связей на практике сохраняется в узких вопросах военно-технического сотрудничества преимущественно в рамках Организации Североатлантического договора. На протяжении длительного времени в целеполагании США Турция воспринималась в большей степени в качестве проводника, нежели субъекта международной политики. По мере становления Анкары в качестве самостоятельного и отстаивающего свои интересы по широкому спектру направлений актора США длительное время оставались привержены концептам периода постбиполярности, игнорировавшим долгосрочный вектор развития Турции. Это привело к отсутствию в период президентства Д. Трампа подходов по обновлению союзного статуса отношений и поставило его на грань разрушения³³.

На фоне замедления турецкой экономики и из-за глубины торгово-экономической и военно-политической взаимосвязи США, их союзников и Турции использование со стороны Вашингтона репрессивных мер воздействия против Анкары может оказаться значительный болезненный эффект для последней. Это со значительной вероятностью может привести к ещё большему укреплению вектора Анкары на диверсификацию своих зарубежных связей. Вероятно, осознавая существующие внутриполитические противоречия в Турции, в целеполагании американского политического истеблишмента возникнет стратегия по

³⁰ H.R. №2913 "Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019". Washington, D.C.: Congress, 22.05.2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2913/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Eastern+Mediterranean+Security+and+Partnership+Act%22%5D%7D&r=1&s=1> (accessed: 04.08.2019); Congress Advances Bill Sidelining Turkey on Mediterranean Gas Dispute. *Al-Monitor*, 25.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/06/congress-bill-sideline-turkey-gas-dispute-cyprus.html#ixzz5s980kmXc> (accessed: 04.08.2019)

³¹ *Atlas of Economic Complexity. Center for International Development at Harvard University* [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/explore/?country=224&partner=undefined&product=undefined&productClass=SITC&startYear=undefined&target=Partner&tradeDirection=import&year=2016> (accessed: 04.08.2019)

³² США решили повысить вдвое пошлины на алюминий и сталь из Турции. *Ведомости*, 10.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/08/10/777890-ssha> (accessed: 04.08.2019)

³³ H.Res. №372 "Expressing Concern for the United States-Turkey Alliance". Washington, D.C.: Congress, 10.06.2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/372/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22turkey%22%5D%7D&r=1&s=3> (accessed: 04.08.2019)

дискредитации политики действующих властей и по поддержке кемалистов, сторонников прозападного светского вектора развития, с которыми будут выстраиваться уже обновлённые союзные отношения.

Исход противостояния конфликтующих интересов на обозначенном спектре вопросов имеет принципиальную значимость не только для динамики региональных процессов, в том числе относительно дестабилизирующих тенденций. В первую очередь, итог разрешения американо-турецких противоречий окажет долгосрочное стратегическое воздействие на способность Соединённых Штатов справляться с вызовами в рамках ключевого для этой страны пространства влияния и безопасности, а именно Североатлантического альянса. Также исход этих противоречий США с Турцией имеет потенциал стать наглядным примером подрыва создаваемой Соединёнными Штатами американоцентричной модели международных отношений. Признаки такого вектора прослеживаются уже не только в вопросах несостыковки различных военно-политических инфраструктур (C-400, F-35, отчасти к этому относятся планы по созданию PESCO), но и в создании альтернативных многосторонних форматов кризисного урегулирования (Астанинский процесс), институтов проведения финансовых и торговых операций (INSTEX, SPV).

Об авторе:

Алексей Андреевич Давыдов – научный сотрудник Центра ближневосточных исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: adavydov@imemo.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 1, 2019
Accepted: August 15, 2019

Systemic Crisis in the US-Turkish Relations Under the Presidency of D. Trump

A.A. Davydov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-145-160

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: Relations between the United States and Turkey, the two military-political allies of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), are experiencing an unprecedented crisis in their history. Its depth and scale is so significant that it affects the long-term foreign policy strategies of both countries, as well as the process of building a unified security architecture. In the study the author raises a question to what extent the current crisis in the US-Turkish relations is systemic? How high is the probability that it will turn out to be a long-term one? To answer this question, the study is divided into two parts.

The first part analyzes the evolution of American approaches to Turkey in US foreign policy, the implementation of these approaches since the end of World War II till nowadays. On the basis of a system-historical approach, the author analyses the evolution the Turkey's strategic positioning in the US foreign policy strategy and the transformation of political, economic and military relations between the two states since the moment of their institutionalization. The author distinguishes two stages of this evolution. During the first one, for the United States Turkey was one of the key countries that was blocking the Soviet expansion southward towards the Persian Gulf and the Suez Canal. The author notes that by the end of the bipolar confrontation, Turkey was de-facto losing its functional purpose in the logic of the Cold War. During the second stage, the US regards Turkey as one of the key NATO allies, whose geo-strategic location can be used for pursuing American national interests in the nearby regions. Author posits, that bilateral relations are gradually moving away from such a model of interaction. This happens because of the Turkish desire to diversify foreign relations and accumulation of contradictions between Washington and Ankara due to the divergence of their foreign policy strategies.

The second part analyzes the contradictions in the American-Turkish relations under the presidency of Donald Trump on political, military and economic issues. The author comes to the conclusion that the crisis is indeed a systemic one. Firstly, the existing problems began to affect significant elements of the military-technical infrastructure of their relations. Secondly, it is difficult to resolve these problems without reformatting the interaction as between equivalent actors of international relations. Thirdly, the expert and political communities have not presented any kind of a new approach to rethink the allied status of American-Turkish relations.

Key words: Turkey, USA, US-Turkish relations, systemic crisis, foreign policy, US foreign policy strategy

About the author:

Alexey A. Davyдов – Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Prof-soyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: adavydov@imemo.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Athanassopoulou E. 2001. American-Turkish Relations Since the End of the Cold War. *Middle East Policy*. No. 3. P. 144-164.
- Avey P. 2012. Confronting Soviet Power: U.S. Policy during the Early Cold War. *International Security*. No. 4. P. 151-188. DOI: 10.1162/ISEC_a_00079
- Barkey H.J. 2019. The Kurdish Awakening. *Foreign Affairs*. No. 2. P. 107-118.
- Buzan B., Diez T. 1999. The European Union and Turkey. *Survival*. No. 1. P. 41-57.
- Çakır A. 2016. *The United States and Turkey's Path to Europe: Hands across the Table*. London: Routledge. 326 p. DOI: 10.4324/9781315643571
- Cook A. 2018. *Neither Friend nor Foe: The Future of U.S.-Turkey Relations*. New York: Council on Foreign Relations. 28 p.

- Coufoudakis V. 1985. Greek-Turkish Relations, 1973-1983: The View from Athens. *International Security*. No. 4. P. 185-217.
- CSIA European Security Working Group. Instability and Change on NATO's Southern Flank. 1978-1979. *International Security*. No. 3. P. 150-177.
- Danforth N., Misztal B., Michek J., Gingeras R. 2017. Power and Corruption in Erdogan's Turkey: Context and Consequences. Washington, D.C.: Bipartisan Policy Center.
- Ecevit B. 1978. Turkey's Security Policies. *Survival*. No. 5. P. 203-208. DOI: 10.1080/00396337808441766
- Hill F., Taspinar O. 2006. Turkey and Russia: Axis of the Excluded? *Survival*. No. 1. P. 81-92. DOI: 10.1080/00396330600594256
- Howard H. 1976. The Bicentennial in American-Turkish Relations. *Middle East Journal*. No. 3. P. 291-310.
- Johnson L., Inonu I. 1966. President Johnson and Prime Minister Inonu. *Middle East Journal*. No. 3. P. 386-393.
- Kanat K., Ustun K. 2015. U.S.-Turkey Realignment on Syria. *Middle East Policy*. No. 4. P. 88-97.
- Karagöz M. 2004. US Arms Embargo against Turkey after 30 Years – An Institutional Approach towards US Policy Making. *Perceptions*. No. 4. P. 107-130.
- Khalilzad Z. 1979-1980. The Superpowers and the Northern Tier. *International Security*. No. 3. P. 6-30.
- Larrabee F.S. 2010. Turkey's New Geopolitics. *Survival*. No. 2. P. 157-180. DOI: 10.1080/00396331003764686
- Lesser I. 2006. Turkey, the United States and the Delusion of Geopolitics. *Survival*. No. 3. P. 83-96. DOI: 10.1080/00396330600905460
- Menon R., Wimbush S. 2007. The US and Turkey: End of an Alliance? *Survival*. No. 2. P. 129-144.
- Williams III H. 2019. *Turkey and America: East & West – Where the Twain Meet*. New Degree Press. 644 p.
- Blizhnii Vostok [The Middle East]*. 2018. – Rossiya i mir: 2019. Ekonomika i vnesnyaya politika. Ezhegodnyi prognos [Russia and The World: 2019. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast]. Ed. by A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii. Moscow: IMEMO RAN. 170 p. (In Russian)
- Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniya na musul'manskem vostoke [State, Society, International Relations in the Muslim East]*. 2014. Moscow: IV RAN, Kraft+. 556 p. (In Russian)
- Nadein-Raevskii V.A. 2013. Vneshnyaya politika Turtsii: vetry peremen [Turkey's Foreign Policy: Winds of Change]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 84-92. (In Russian)
- Svistunova I.A. 2016. V poiskakh novoi modeli: otnosheniya Turtsii i SShA v sfere bezopasnosti [In Search of a New Model: the Relations Between Turkey and USA in The Field of Security]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 53-61. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Ближний Восток. 2018. *Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. Москва: ИМЭМО РАН. 170 с.
- Государство, общество, международные отношения на мусульманском востоке*. 2014. Москва: ИВ РАН, Крафт+. 556 с.
- Надеин-Раевский В.А. 2013. Внешняя политика Турции: ветры перемен. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 84-92.
- Свистунова И.А. 2016. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 53-61.

Проигранный гамбит: третья война между Израилем и Египтом, её причины и уроки

А.Д. Эпштейн

Институт им. Яакова Герцога (Иерусалим)
Центр изучения Израиля и диаспоры (Иерусалим)

Евгений Максимович Примаков знал Египет и Израиль так хорошо, как, пожалуй, никто больше в России: в 1965–1969 гг. он работал в Каире, где с тех пор бывал регулярно, будучи лично знакомым со всеми высшими руководителями этой страны. С августа 1971 г. он неоднократно бывал в Израиле, где его собеседниками в разные годы были пять премьер-министров еврейского государства: Голда Меир, Ицхак Рабин, Менахем Бегин, Шимон Перес и Биньямин Нетаньяху. Каковы бы ни были его личные взгляды, воззрения и полномочия в разные годы его чрезвычайно интенсивной и многогранной деятельности, Ближнему Востоку очень не хватает государственных деятелей такого масштаба и такой глубины понимания geopolитических и региональных процессов, которые отличали Евгения Максимовича, памяти которого посвящается эта статья.

Июньская война 1967 г., именуемая в западной и израильской историографии Шестидневной, кардинально изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Об этой войне опубликованы десятки книг и многие сотни научных статей. Отличие настоящего исследования от других публикаций состоит в том, что в нём демонстрируется центральная роль египетского руководства в том, что эта война, к которой никто не стремился, все же вспыхнула, но при этом показывается, что это руководство было движимо соображениями и интересами общеарабской солидарности, которые в данном случае в значительной мере противоречили интересам самого Египта. Посредством анализа войны между Израилем и Египтом в июне 1967 г. и причин, приведших к ней, доказывается, что они в значительной мере лежали вне контекста отношений между двумя странами.

Трагический опыт июня 1967 г. важен в наши дни, когда утверждается как само собой разумеющийся факт, будто между Израилем и Египтом не может вспыхнуть новая война в связи с тем, что после возвращения Синайского полуострова этим странам, дескать, нечего больше делить. Однажды – в марте 1957 г. – Синай уже был Израилем Египту возвращён, сложилась та же ситуация отсутствия территориальных претензий, однако она не предотвратила резкое обострение конфликта в мае 1967 г. и последующую вспышку боевых действий. Другой важный урок состоит в том, что именно тогда стало отчетливо ясно: безопасность той или иной страны, в частности, Израиля, не может быть гарантирована ни размещением «голубых касок», ни получением американских гарантий. Как показали события

УДК 327

Поступила в редакцию: 10.08.2019 г.

Принята к публикации: 20.08.2019 г.

второй половины мая 1967 г., и контингент сил ООН, и американские власти готовы самоустраниться тогда, когда задача предотвращения войны стояла наиболее остро.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, Шестидневная война, Израиль, Египет, Сирия, панарабизм, Чрезвычайные силы ООН

Июньская война 1967 г., именуемая в западной и израильской историографии Шестидневной, кардинально изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Об этой войне опубликованы десятки книг и многие сотни научных статей, в том числе и самим автором (Эпштейн, Урицкий 2003), доступных заинтересованному читателю. Отличие этого исследования от других публикаций состоит в том, что в нём демонстрируется центральная роль египетского руководства в том, что эта война, к которой никто не стремился, все же вспыхнула, но при этом показывается, что это руководство было движимо, прежде всего, соображениями и интересами общеарабского единства, которые в данном случае в значительной мере противоречили интересам самого Египта. Иными словами, сделав акцент на анализе войны между Израилем и Египтом в июне 1967 г. и причин, сделавших её возможными, мы доказываем, что эти причины в значительной мере лежали вне контекста отношений между самими этими двумя странами.

Хотя эта война по факту началась с нападения израильских военно-воздушных сил на египетские аэродромы, она отнюдь не была двусторонней: боевые действия велись и на иорданском, и на сирийском фронтах, в результате чего оба эти государства лишились значительных территорий – соответственно, Западного берега реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и Голанских высот. Огромно было влияние этой войны и на палестинских арабов, ибо впервые все территории, на которых, согласно резолюции №181 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.¹, должно было быть создано их национальное государство, находились под контролем одной-единственной страны – Израиля, а не трех (Израиля, Иордании и Египта), как это было с 1949 по 5 июня 1967 г. Эта война, в ходе которой Советский Союз почти на четверть века разорвал с Израилем дипломатические отношения, оказала огромное влияние на всю геополитику великих держав на Ближнем Востоке. Но как бы ни были важны все эти темы, они неизбежно остаются за рамками настоящей статьи, ограниченной проблематикой двусторонних отношений между Государством Израиль и Арабской Республикой Египет.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН/RES/181 (II) от 29 ноября 1947 г. "Будущее правительство Палестины" / [Электронный источник] // Путь доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29>

Напомним, однако, что в то время Египет так не назывался, сохраняя «ти-
тул» Объединенной Арабской Республики – и, в значительной мере, именно
в этом были корни проблемы. Хотя Сирия вышла из ОАР после переворота,
произошедшего в Дамаске 28 сентября 1961 г., когда правивший там наместник
Г.А. Насера Абд эль-Хаким Амер (1919–1967) был вначале арестован, а затем вы-
слан обратно в Каир, а обсуждавшийся весной 1963 г. проект объединения в
единое государство Египта, Сирии и Ирака так и не был реализован, до самой
кончины Г.А. Насера – и короткое время после этого – Египет продолжал име-
новаться Объединенной Арабской Республикой, соответствующим образом
определяя свой внешнеполитический курс. Важно подчеркнуть, что *третья
война между Египтом и Израилем стала результатом процессов, которые ни
египетским, ни израильским интересам отнюдь не соответствовали*. Ни пре-
мьер-министр Израиля Леви Эшколь (урожденный Школьник, 1895–1969), ни
президент Египта Гамаль Абд эль-Насер (1918–1970) не были заинтересованы в
войне, боевыми действиями в которой они, однако, оказались вынуждены ру-
ководить с разной степенью успеха.

Мотивы руководства Израиля

Весной 1967 г. представители израильского генералитета неоднократно
угрожали Сирии рейдами возмездия, если та не прекратит поддержку дивер-
сионных вылазок палестинских террористических групп со своей территории,
и даже провели один из них. 7 апреля 1967 г. шесть самолетов МиГ BBC Си-
рии были сбиты израильской авиацией над сирийской территорией (Gluska
2007: 100–101); при этом, насколько известно, планы подобного рода операции
не обсуждались ни в правительстве Израиля, ни в его президиуме (т.н. воен-
но-политическом кабинете) и не утверждались им – армейское командование
в значительной мере действовало самостоятельно, исходя из собственных опе-
ративно-тактических оценок (Gluska 2007: 100–103). 10 мая начальник Генштаба
Израиля генерал армии Ицхак Рабин (1922–1995) сообщил, что в случае про-
должения провокаций со стороны Сирии, вооруженные силы Израиля начнут
наступление на Дамаск и свергнут президента Сирии Нуреддина эль-Атасси
(1929–1992); сверг его, однако, не Израиль, а собственный министр обороны
Хафез Асад, правда, три с половиной года спустя, в ноябре 1970 г., после чего он
на протяжении двадцати двух лет находился в заключении в военной тюрьме.
12 мая руководитель военной разведки генерал Аарон Ярив (урожденный Ра-
бинович, 1920–1994) на брифинге для журналистов высказался в угрожающем
ключе: «Если Сирия продолжит свой саботаж в отношении Израиля, она тем
самым спровоцирует против себя военные действия, целью которых будет свер-
жение правящего режима» (Middle East Record – 1967: 183–204).

В арабском мире и в Москве эти действия и высказывания сочли свидель-
ством плана израильской атаки на Дамаск с целью смены правящего режима

в этой стране – и сделали из этого весьма конкретные выводы. Эти выводы, однако, были поспешными и, скорее, ошибочными, сделанными вследствие неверного понимания сложных отношений внутри израильского военно-политического руководства. И Леви Эшколь, бывший тогда главой правительства и министром обороны, и Голда Меир, в то время – генеральный секретарь правящей Партии Труда (после смерти Л. Эшколя в 1969 г. именно она стала во главе правительства), и президент страны Залман Шазар были сторонниками сдержанности, все они стремились избежать войны. Генералы могли делать более или менее воинственные заявления, они могли инициировать те или иные ограниченные военные операции на суше и в воздухе, они могли считать не имевшего военного опыта Л. Эшколя человеком, лишь по недоразумению занимавшим пост министра обороны, но решение о том, начинать ли войну, в любом случае не было их прерогативой – а в правительстве Израиля в первой половине мая 1967 г. сторонников превентивного начала боевых действий на каком бы то ни было фронте (против Сирии, против Египта или любой другой страны) не было. Более того: когда 15 мая 1967 г. Ицхак Рабин попросил Леви Эшколя утвердить чрезвычайный призыв резервистов, то этот запрос был отклонен (Гольдштейн 2003: 539).

Враждебное отношение со стороны арабских стран, ни одна из которых в то время официально не признавала элементарное право Израиля на существование, беспокоило всех, но в политическом руководстве доминировала точка зрения, согласно которой это положение терпимо до тех пор, пока оно не превращалось в реальную угрозу. Израиль не стремился к войне с Сирией и не искал повода для неё, несмотря на то, что напряжённость в отношениях между этими двумя странами нарастала на протяжении трех предшествовавших лет. В дополнение к «старым» конфликтам, касавшимся демилитаризованных территорий и проблемы судоходства по озеру Кинерет и ловли рыбы в нём, не урегулированным со времени Войны за независимость, осенью 1964 г. добавился и новый конфликт, значительно поднявший уровень напряжённости между двумя странами. На сей раз дело касалось отвода Сирией вод реки Иордан (Звягельская 2012: 150), что грозило Израилю, тогда ещё не построившему современные опреснительные заводы, катастрофической нехваткой питьевой воды. Кроме того, осуществлявшаяся при поддержке властей Сирии «народная» вооруженная борьба партизанских палестинских сил, проводивших диверсионные операции на территории Израиля, пользуясь помощью сирийской армии и её разведывательных служб, провоцировала израильских военных на ответные операции, которые порой шли отнюдь не так, как задумывалось.

Израильско-египетские отношения оказались заложниками проблем во взаимоотношениях между другими странами, а именно Израилем, Сирией и Советским Союзом. Война началась тогда, когда между двумя странами уже более десяти лет поддерживался взаимоприемлемый уровень статус-кво: отсутствовали дипломатические отношения, торговые, экономические и культурные свя-

зи, но не было и инцидентов на границах. Иными словами, мира между Египтом и Израилем не было де-юре, но он, так или иначе, поддерживался де-факто. Полезно сравнить положение дел в 1990-е и 2000-е гг. с тем, которое существовало в 1957–1967 гг., чтобы понять, сколь, увы, немногое на самом деле изменил подписанный в Кемп-Дэвиде мирный договор.

Мотивы руководства Египта

Несмотря на то, что Гамаль Абд эль-Насер не единожды объяснял сирийцам, что он не будет ввязываться в войну с Израилем, пока не будет к ней полностью готов, он все-таки предпринял некоторые демонстративные шаги, которые имели целью, главным образом, укрепить его престиж в глазах руководителей других арабских стран и их жителей – но которые, пусть даже он и совсем не обязательно хотел этого, имели катастрофические последствия. Г.А. Насер несомненно был египетским патриотом – но столь же несомненны были его панарабские устремления. Идея сплочения всех арабских народов была важна и близка ему, он видел себя человеком, который может и должен способствовать ее реализации. Нельзя сказать, что Г.А. Насера пугала сама идея войны с Израилем и нельзя сказать, что он к ней совсем не готовился – но нельзя сказать и то, что таковая война соответствовала его желаниям и устремлениям. Скажем прямо: *если бы Г.А. Насер был движим египетскими и только египетскими интересами, никому бы не удалось заставить его ввязаться в войну с Израилем*, смысл которой был для Египта совершенно не очевиден. К июню 1967 г. Г.А. Насер стоял во главе Египта уже более тринадцати лет, и совершенно непонятно, с чего и почему ему вдруг потребовалось нападать на Израиль, от чего он воздерживался на всем протяжении своего пребывания у власти.

Если бы, скажем, Г.А. Насер на самом деле так хотел помочь палестинским арабам обрести свое государство, что он даже санкционировал проведение в 1964 г. в Каире учредительного съезда Организации освобождения Палестины, то он мог хотя бы передать ей власть в секторе Газа, который с 1948 г. находился под египетским контролем – но на этот шаг египетские власти так и не пошли. *К войне против Израиля Г.А. Насера подталкивал панарабский вектор его политики, который интересам собственно Египта в данном случае противоречил*. В этом смысле можно сравнить действия египетских руководителей, готовых ввязаться в войну ради защиты – не так важно, подлинной или мнимой – своих сирийских союзников с тем, как Советский Союз согласился направить свои войска на помочь как бы дружественному режиму в Афганистане: как для Египта, так и для СССР эта «братьская помощь» обернулась очень большими бедами.

В ноябре 1966 г. Египет подписал пакт о военном сотрудничестве и взаимопомощи с Сирией. Показательно, однако, отношение к этому документу высших египетских руководителей. Анализируя встречу министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и его заместителя В.В. Семенова с Ануаром Садатом, за-

нимавшим тогда пост председателя Национального собрания ОАР (а после кончины Г.А. Насера ставшего президентом), прошедшую 13 мая 1967 г. в Москве, Р.Д. Дауров справедливо указал: «Из ответа Садата складывалось впечатление, что, во-первых, Египет не горел желанием воевать против Израиля и предпочел бы преподать урок Тель-Авиву руками сирийцев, а, во-вторых, не всё так гладко было в сирийско-египетских отношениях» (Дауров 2009: 38). Процитируем слова А. Садата по сохранившемуся протоколу этой встречи: «Сирийцы любят выступать с резкими заявлениями в адрес Израиля, однако ... тот, кто действительно хочет уничтожить Израиль, должен меньше говорить и больше делать... Мы готовы предоставить Сирии самолёты и лётчиков, но *наши самолёты не могут действовать против Израиля с территории ОАР*².

Так, однако, рассуждали в египетском руководстве не все. В ходе встречи с советским послом Д.П. Пожидаевым (1913–1989) 16 мая 1967 г. военный министр Шамс эд-Дин Бадран, обсуждая возможность нападения израильской армии на Сирию, отметил: «Если это произойдет, то ОАР немедленно выступит в защиту Сирии» (Примаков 2012: 115). Спустя менее чем неделю, 22 мая, уже лично Г.А. Насер сказал послу Д.П. Пожидаеву: «Израиль и его покровители, очевидно, считают, что ОАР завязла в Йемене и не может оказать Сирии эффективную помощь. ОАР должна доказать беспомощность такого расчёта» (Примаков 2012: 119–120). Повторим это вновь: *третья война между Израилем и Египтом вспыхнула тогда, когда у сторон не было никаких территориальных или иных значимых претензий друг к другу, когда обе они на протяжении более чем десяти лет жили в атмосфере относительного взаимного спокойствия.* Резкая и драматичная эскалация ситуации на израильско-египетской границе по инициативе Египта во второй половине мая 1967 г. произошла по причинам, непосредственно двусторонних отношений не касавшимся.

Это крайне важно понимать тем, кто выдвигает всевозможные аргументы относительно того, почему между Израилем и Египтом не может вспыхнуть новая война в связи с тем, что после возвращения Синай этим странам, дескать, нечего больше делить. *Нужно помнить, что однажды – в марте 1957 г. – Синай уже был Израилем Египту возвращен, сложилась та же ситуация отсутствия территориальных претензий, однако резкое обострение отношений в мае 1967 г. и последующую вспышку боевых действий она не предотвратила.*

Эскалация конфликта

Советские стратеги искали способ удержать Израиль от активных действий по отношению к дружественному Москве режиму в Сирии; угроза открытия второго фронта на юге казалась руководителям в Москве и в Дамаске надёжным

² Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с председателем Национального собрания ОАР А. Садатом, 13 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики РФ. Москва: Международный фонд «Демократия», 2003. Том 2. С. 551–552.

способом удержания израильтян от начала боевых действий на севере. События, однако, имели свою динамику, постепенно выйдя из-под чьего-либо контроля.

16 мая Г.А.Насер в рамках обещанной Сирии «помощи солидарности» направил египетские войска на восток Синайского полуострова. 18 мая он отправил письмо Генеральному секретарю ООН У Тану с официальным требованием вывести международные войска (их численность на тот момент составляла 3 400 человек) с Синайского полуострова. В письме, направленном У Тану, по свидетельству первого вице-президента ОАР А.Амера, правительство ОАР указало, что «район, в котором были дислоцированы чрезвычайные вооруженные силы ООН, является частью египетской территории, и поэтому законное требование ОАР об эвакуации этих войск не может быть предметом дискуссий»³ и что ОАР «не желает больше, чтобы на её территории находились иностранные войска»⁴.

Эти события должны стать уроком для всех, кто считает, будто безопасность той или иной страны, в частности, Израиля, может быть гарантирована размещением «голубых касок»: как показали события второй половины мая 1967 г., контингент сил ООН готов по первому требованию покинуть регион Ближнего Востока тогда, когда задача предотвращения войны стоит наиболее остро, причем никто в ООН не понес за это никакой ответственности.

Уже 20–21 мая войска ООН покинули Синайский полуостров, который сразу же был занят египетскими войсками. 22 мая по приказу египетского руководства был перекрыт путь для прохождения в порт Эйлат на Красном море для судов Израиля и других государств. Сразу после этого министр иностранных дел Израиля Абба Эвен (1915–2002) последовательно посетил Францию, Великобританию и Соединенные Штаты с тем, чтобы требовать исполнения обязательств по защите свободы израильского судоходства, которые были даны за десять лет до этого (Шалом 2007: 287–355). Перед тем, как Израиль согласился оставить Шарм-аш-Шейх, в начале 1957 г. госсекретарь США Джон Фостер Даллес (1888–1959) заверил правительство Израиля в том, что, по мнению американской администрации, Тиранский пролив является жизненно необходимой для Израиля водной артерией. Об этом свидетельствовала и Голда Меир, бывшая в 1956–1966 гг. министром иностранных дел Израиля:

«В конце февраля 1957 г. мы достигли некоего компромисса. Последние наши части уйдут из Газы и Шарм-эль-Шейха в ответ на то, что Объединенные Нации гарантируют право Израиля на свободу судоходства через Тиранский пролив и что египетским солдатам не разрешено будет вернуться в район Газы. Это было немного и не за это мы боролись – но это было всё, чего мы смогли добиться, и все-таки лучше, чем ничего.

³ Цит. по: Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с первым вице-президентом ОАР А. Амером, 19 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Том 2. С. 557.

⁴ Цит. там же.

3 марта 1957 г., предварительно проверив и уточнив каждую запятую с м-ром Даллесом в Вашингтоне, я сделала заключительное заявление: “Правительство Израиля в настоящее время готово объявить свой план скорого и полного отступления из Шарм-эль-Шейха и Газы. Согласно резолюции от 2 февраля 1957 г., нашей единственной целью было обеспечить, после отступления израильских вооруженных сил, постоянную свободу навигации для израильского и международного судоходства в Акабском заливе и Тиранском проливе”⁵.

Помня об этом, дипломатические круги Израиля были уверены в том, что если и не все Объединенные Нации, то как минимум США и их союзники будут гарантировать Израилю свободный проход судов к Эйлату. Все попытки израильской дипломатии организовать международную «регату солидарности» судов разных стран в порт Эйлат оказались безуспешными (Oren 2002: 103–106 & 140–143).

Голда Меир вспоминала: «Насер ждал реакции. Ждать ему пришлось недолго. Никто ничего особенного не собирался предпринимать по этому поводу. Ну, конечно, были и протесты, были и сердитые заявления. Президент Джонсон заявил, что блокада “незаконна” и “потенциально разрушительна для дела мира”, и предложил, чтобы конвой судов, включая и израильские, прошел через пролив и не поддавался запугиванию. Но даже он не мог уговорить англичан и французов присоединиться к нему»⁶. Он, в общем, особо и не пытался, думая прежде всего о том, как бы не ввязаться на Ближнем Востоке во «второй Вьетнам», и как бы не спровоцировать резкое ухудшение и без того бывших не блестящими американо-советских отношений; проблемы Израиля интересовали президента США в значительно меньшей степени (Эпштейн 2014: Т. 1, 220–242).

В самом начале июня в Вашингтон был направлен глава Службы внешней разведки «Моссад» Меир Amit (урожденный Слуцкий, 1921–2009), который подробно разъяснил своим американским собеседникам, что Израиль больше не может бездействовать, так как дальнейшее ожидание в состоянии многодневной мобилизации резервистов губительно для его экономики, а страх перед египетским вторжением все увеличивается, создавая в обществе атмосферу ожидания второго Холокоста. М. Amit надеялся добиться от американцев конкретных обязательств по обеспечению безопасности Израиля, аналогичных тем, которые Советский Союз предоставил Египту, но эти надежды не сбылись. Максимум, что М. Amit мог доложить правительству, состоял в том, что американцы не будут осуждать Израиль и требовать от него прекратить ведение боевых действий, как они требовали в ходе израильско-египетской войны в октябре 1956 г. (Shalom 2007: 440–443). Немало людей в Израиле и поныне считают, что лучшей и наиболее надежной гарантией обеспечения безопасности страны являются гарантии США – наиболее влиятельной мировой державы, однако

⁵ Меир Г. Моя жизнь. Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2015 [пер. с изд. на иврите 1976 г.]. С. 316.

⁶ Там же. С. 364–365.

опыт 1967 г. (и не только он) свидетельствует, что в самые критические для Израиля дни американцы могут ограничиться лишь невмешательством в его дела и проблемы.

На протяжении многих лет в Израиле доминировала концепция, согласно которой все войны, которые когда-либо вели еврейское государство, были теми, которых невозможно было избежать (этот доктрина известна как принцип *No choice war*). Эта концепция, однако, называя вещи своими именами, не соответствовала исторической действительности, и первым из государственных деятелей об этом сказал, насколько известно, никто иной, как Менахем Бегин, выступая в 1982 г. перед выпускниками Колледжа национальной безопасности Израиля. Он верно указал, что ни вторую египетско-израильскую войну 1956 г., ни третью, начатую израильской армией 5 июня 1967 г., нельзя назвать неизбежными, что обе они были начаты по решению правительства Израиля, которое в обоих случаях имело веские причины для принятия именно такого решения – но которое, в принципе, оба раза могло действовать и по-другому. М. Бегин считал, что задача ответственного правительства состоит в том, чтобы определить, когда и в каких обстоятельствах начало боевых действий в наибольшей мере послужит национальным интересам, а цели с наиболее возможной прогнозируемой вероятностью будут достигнуты при минимальном числе жертв⁷. Начало войны 5 июня 1967 г. было результатом именно такого анализа, в котором, в отличие от событий 1956 г., и лично Менахем Бегин, будучи членом правительства, активно участвовал.

Большинство исследователей считают, что поведение Гамала Абд эль-Насера в первой половине мая 1967 г. свидетельствовало о том, что он не имел далеко идущих планов. По замечанию И.Д. Звягельской, «Насер, связанный с Сирией договором о совместной обороне от 4 ноября 1966 г., был вынужден действовать. Он выбрал метод блефа, балансирования на грани войны, но каждый предпринимаемый им шаг не только не создавал условия для политического решения, но, напротив, лишь вел к эскалации напряженности» (Звягельская 2012: 153–154). Похоже, Насер лишь хотел продемонстрировать свою силу, чтобы упрочить собственный авторитет в арабском мире и подтвердить свою верность союзу с Сирией; таково было в то время и мнение израильской военной разведки (Bar-On 1998). Вопрос о том, каковы были подлинные намерения Г.А. Насера в конце мая 1967 г., однако, не имеет – и уже никогда не будет иметь – однозначного ответа. Несколько «расширились» его планы и выросла его вера в себя, свою армию и дипломатические таланты после того, как ему удалось без каких-либо уступок и без единого выстрела изгнать из страны контингент сил ООН? Г.А. Насер отказался от обязательств, взятых им на себя в марте 1957 г., в обмен на оставление израильской армией территории Газы и района Шарм-аш-Шейха; он захотел получить полную свободу действий, чтобы восстановить

⁷ Это выступление М. Бегина было полностью опубликовано в газете «Маарив» 20 августа 1982 г. (на иврите).

на израильско-египетской границе то положение, которое существовало непосредственно до второй израильско-египетской войны. Однако собирался ли он пойти дальше? Понятно, что у египетской армии были планы ведения войны против Израиля, как и у израильской армии – планы ведения войны против Египта, и вряд ли кто-то думает, что таких планов нет сейчас, но в распоряжении историков нет однозначных свидетельств того, что Г.А. Насер готовился к нападению на Израиль в конкретно определённой временной перспективе. Тогдашний президент США Линдон Джонсон считал, что события вышли из-под контроля египетского президента⁸, и вполне вероятно, что так оно в значительной степени и было.

При этом вопрос можно поставить и по-иному, и ответ на него придаст событиям другой угол зрения. Осознавал ли Г.А. Насер, что его крайне воинственные риторика и действия, сопровождавшиеся массовыми призывами резервистов в ряде арабских стран региона, могут побудить Израиль к preventivному началу военных действий? Вспомним, что 18 мая о мобилизации объявили Ирак и Кувейт, 21 мая – сам Египет, 24 мая – Иордания, хотя началась она в этой стране на неделю раньше; всеобщая мобилизация прошла также в Сирии, Ливане и Судане, а 29 мая об отправке нескольких воинских частей в помощь Египту объявили даже власти далекого Алжира. Близкий к президенту главный редактор ведущей каирской газеты «Аль-Ахрам» Мухаммед Хейкал (1923–2016) опубликовал 26 мая 1967 г. статью, в которой говорилось: «По моей оценке, Израиль не может смолчать и смириться с тем, что происходит сейчас. Дело в том, что сейчас следующий шаг за Израилем, он должен как-то ответить. Нам только остается ждать удара, направленного против нас»⁹. В Израиле компетентные специалисты внимательно читали публикации Мухаммеда Хейкала, воспринимая их как выражение мнений, разделяемых высшим руководством ОАР. Поскольку никакая страна не ждала удара, который оказался бы для неё сокрушительным, напрашивался вывод о том, что блокированием эйлатского порта Г.А. Насер провоцировал Израиль на начало боевых действий, после чего рассчитывал добиться триумфальной победы без того, чтобы он мог быть обвинён в беспричинной агрессии. Если эта точка зрения верна, то получалось, что египтяне ждали, когда Израиль сделает первый выстрел, чтобы дальше иметь возможность вести войну во всю мощь своих вооружённых сил, в которые Г.А. Насер и А.Х. Амер очень верили. При этом они не могли быть уверенными ни в том, что Израиль этот первый выстрел в самом деле сделает, ни в том, что их вооружённые силы настолько превосходят израильские, что этого будет достаточно для быстрого триумфа.

Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор: единства мнений не было ни в израильском, ни в египетском руководстве. В Израиле идею пре-

⁸ Johnson L.B. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1971. P. 290

⁹ Эта статья была опубликована в газете «Аль-Ахрам» 26 мая 1967 г. (на арабском).

вентивного удара отстаивали новоназначенный министр обороны Моше Даян (1915–1981), командующий военно-воздушными силами Моти Ход (1926–2003), генерал Ариэль Шарон (1928–2014) и – особенно рьяно – заместитель начальника Генерального штаба Эзер Вейцман (1924–2005), тогда как глава правительства Леви Эшколь и особенно его предшественник Давид Бен-Гурион, устроивший форменный разнос посетившему его 21 мая 1967 г. начальнику Генерального штаба Ицхаку Рабину (Gluska 2007: 264–265), стремились избежать подобного развития событий. В египетском руководстве, насколько можно судить, более всего войны жаждал главнокомандующий армией Абд эль-Хаким Амер, который подталкивал к ней Гамаля Абд эль-Насера; разделение полномочий между ними было отнюдь не формальным, но обращает на себя внимание тот факт, что когда Г.А. Насер просил А.Х. Амера изменить текст требований к «голубым камкам» ООН, заменив глагол «вызвести» на глагол «передислоцировать» и убрав местоимение «все» перед словосочетанием «эти войска», первый вице-президент ответил, что менять что-либо поздно, ибо письмо уже отправлено – без того, чтобы Г.А. Насер лично прочитал и утвердил его текст (Oren 2002: 67).

История не имеет сослагательного наклонения, но хорошо известно, что генералы М. Даян, М. Ход и Э. Вейцман в значительной мере смогли заставить Л. Эшколя отдать приказ о начале 5 июня боевых действий *вопреки* его собственному мнению¹⁰; получилось ли бы у них таким же образом переубедить Давида Бен-Гуриона, если бы он не ушёл в отставку за несколько лет до этого, а продолжал оставаться у руля государственного управления? Как бы вел себя Г.А. Насер, если бы рядом с ним не было А.Х. Амера и он бы не боялся конкуренции с его стороны, не опасался, что тот поднимет путч генералов, которые сместят его, подобно тому, как они сами, Г.А. Насер, А.Х. Амер и их сподвижники, отрешили от должности в 1954 г. президента Египта Мухаммеда Нагиба (1901–1984), поместив его под домашний арест, из-под которого он был освобождён, кстати, только в 1972 г. сменившим Г.А. Насера А. Садатом? У нас нет – и, увы, никогда не будет – ответов на эти вопросы. Важно понимать, что в те дни израильские руководители не знали, каковы подлинные планы и намерения их египетских коллег, которые, в свою очередь, также могли лишь догадываться о том, начнёт ли Израиль боевые действия – и если да, то когда. Египетские оценки ситуации, основывавшиеся на уверенности в подготовленности и мощи вооруженных сил этой страны, оказались в корне ошибочными, что война была проиграна армией Г.А. Насера ещё до того, как она в нее вступила – но всё это стало понятно лишь тогда, когда события уже произошли, и ни минутой раньше.

Оценка вероятности атаки армий арабских государств имела критически важное значение прежде всего потому, что риск для самого выживания Израиля (а ядерный потенциал страны к тому времени еще не обрела), связанный с воз-

¹⁰ О разногласиях по поводу начала войны между Л. Эшколем и генералитетом см.: Gluska 2007: 196–198; 223–237.

можностью такой атаки, был высок. Тогдашний начальник Генерального штаба израильской армии Ицхак Рабин (в последующие годы он дважды становился главой правительства страны) сформулировал опасность, с которой столкнулся на этом этапе Израиль, следующим образом: «Вторжение объединённого контингента египетских, сирийских и иракских войск, начинающееся воздушным ударом»¹¹. Даже если вероятность такого развития событий была сравнительно небольшой, риск, что в этом случае Израиль был бы полностью уничтожен как государство, был высок – и понятно, что ни военное, ни политическое руководство не было готово этот риск на себя брать. Никто в Израиле не стремился к войне, но никто и не был готов гарантировать, что если войны начнется в день и час, выбранный противником, по его сценарию, то её удастся завершить приемлемым для страны образом.

После израильско-египетской войны 1956 г. в Израиле были сформулированы несколько «красных линий», пересечение которых расценивалось как *casus belli*, оправданный повод для упреждающего удара. К концу мая 1967 г. Г.А. Насер пересёк целых три подобных линии: его войска заняли большую часть Синайского полуострова; он закрыл проход каким-либо судам в порт Эйлат; и заключил несколько военных союзов, которые ставили Израиль в крайне уязвимое положение (Bar 1990). Более всего израильтян беспокоило сосредоточение египетских войск (общая численность армии Египта составляла 240 тысяч человек, танков – 1200, самолетов – 450) на Синайском полуострове, площадь которого более чем вчетверо превышала территорию всего Израиля в границах до 4 июня 1967 г. Протяжённость израильско-египетской границы – более 270 километров в пустыне – превращала задачу её защиты в крайне трудную, и сомнительно – выполнимую ли вообще, для маленького государства.

В чём нет сомнений, так это в той критической – и резко негативной – роли, сыгранной сирийскими руководителями, которым Г.А. Насер не стал почему-то возражать. Выше уже отмечалась значимость сирийского фактора в эскалации конфликта в середине мая 1967 г., но едва ли не еще более важным стало сирийское вето на усилия, имевшие целью избежать войны. Так, ночью 2 июня советское руководство получило согласие Л. Эшколья и Г.А. Насера на экстренную встречу в Москве. Однако, узнав о возражениях премьер-министра Сирии Юсуфа Зуэйина (1931–2016) и президента Сирии Нуреддина эль-Атасси, президент ОАР отозвал свое согласие (Примаков 2012: 120–121). Эта упущенная возможность остановить сползание к войне является ярчайшим примером того, как вмешательство третьей страны – Сирии – не позволило Израилю и Египту избежать войны. Насколько известно, Л. Эшколь и Г.А. Насер так никогда лично и не встретились между собой.

Этот фактор играл свою резко негативную роль и позднее, уже после того, как Шестидневная война закончилась так, как она закончилась. 10 июля 1967 г.

¹¹ Рабин И. Служебный блокнот. В 2-х томах. Тель-Авив: «Маарив», 1979 [на иврите]. Т. 1. С. 206.

А.А. Громыко докладывал в ЦК КПСС: «Между главами отдельных арабских делегаций отношения с самого начала почти неприязненные. Давление экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии безусловно оказывается на позиции ОАР, Ирака, а также других арабских государств, которые тоже оглядываются на экстремистов, боясь быть обвиненными в излишней уступчивости в пользу признания Израиля как государства»¹². Подчеркнем: как «экстремистскую» и «нереалистическую» позицию сирийских руководителей характеризуем не мы, а министр иностранных дел Советского Союза – страны, которая всего лишь за месяц до этого, по свидетельству Е.М. Примакова, была готова «пойти на вооружённое вмешательство, чтобы предотвратить захват Дамаска и ликвидацию близкого к СССР, можно сказать, союзного сирийского режима» (Примаков 2012: 124). При жизни Г.А. Насера израильско-египетские отношения так и не вышли из зависимости от «экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии».

Израильские военачальники понимали, что получат большое преимущество, если нанесут удар первыми; в особенности это касалось военно-воздушных сил. Более того, как отмечал Ицхак Рабин, «сторона, начавшая воздушную атаку первой, получает огромное преимущество и на море, и на суше. Для Израиля воздушное преимущество было жизненно необходимо еще и потому, что враг мог начать бомбить районы, где было сосредоточено мирное население»¹³. Именно поэтому в конце мая – начале июня 1967 г. в Генеральном штабе израильской армии сложился консенсус в отношении необходимости нанесения превентивного удара; как свидетельствует изучение рассекреченных к настоящему времени протоколов заседания правительства и его президиума, ставший 1 июня министром обороны Моше Даян, как и присоединившийся в тот же день к кабинету Менахем Бегин – руководитель до этого бывшей в оппозиции Партии Свободы, видели ситуацию точно таким же образом. Премьер-министр Леви Эшколь до последнего стремился избежать войны, но инициатива уже явно была не в его руках. Само назначение М. Даяна, поддержанное многолетними непримиримыми противниками, Давидом Бен-Гурионом и Менахемом Бегиным, сумевшими поставить государственные и общенациональные интересы выше партийно-политических, на занимавшийся самим Л. Эшколем пост министра обороны произошло против его воли (Goldstein 2003: 559–563) и свидетельствовало о том, что глава правительства потерял право на решающее слово в вопросе о том, начнет ли Израиль боевые действия, и если да, то когда именно.

Когда в январе 1957 г. израильские силы отступали из Эль-Ариша на Синайском полуострове, главнокомандующий Моше Даян прибыл на место для участия в церемонии сворачивания флага. Когда его спросили, что он чувствует, М. Даян, по свидетельству тогдашнего главы его канцелярии, сказал одну из

¹² Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС, 10 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2, С. 607.

¹³ Рабин И. Служебный блокнот. Т. 1. С. 140–141 (на иврите).

тех крылатых фраз, которые потом передавали из уст в уста: «Командиры ЦАХАЛА должны попробовать каждое блюдо: и сладкое, и горькое» (Bar-On 1998: 345). В то время М. Даян и не пытался скрывать испытываемую им горечь, но правительство во главе с Д. Бен-Гурионом согласилось с тем, что Израиль уйдет со всех, до последнего метра, территорий, занятых в ходе войны в конце октября – начале ноября 1956 г., и он беспрекословно следовал решениям политического руководства страны.

Спустя десять лет история предоставила Моше Даяну второй шанс: он вновь победоносно вел израильскую армию к Суэцкому каналу. М. Даян тогда и не догадывался о том, что спустя еще десять лет в качестве министра иностранных дел в правительстве М. Бегина будет вести переговоры, которые кончатся тем же, чем они кончились в 1957 г.: согласием Израиля на полное отступление с Синайского полуострова. Однако к тому времени ни Леви Эшколя, ни Гамаля Абд эль-Насера, ни Абд эль-Хакима Амера уже не будет в живых...

Военные действия и их последствия

С того момента, как в Израиле было принято решение действовать на опережение, события развивались стремительно. Утром 5 июня 1967 г. израильская авиация нанесла неожиданные многократные удары по аэродромам, на которых располагались военные самолеты ОАР. Главной задачей первого удара израильской авиации было разрушение взлетно-посадочных полос и уничтожение максимального количества самолетов МиГ 21. Это были единственные египетские самолеты, которые могли эффективно препятствовать израильским BBC в осуществлении их цели – уничтожить египетскую бомбардировочную авиацию дальнего радиуса действия, представлявшую большую угрозу для гражданского населения Израиля¹⁴. В результате налетов был нанесен существенный ущерб египетской авиации и прежде всего самолетам МиГ-21, что снизило шансы Египта на победу в войне. Всего в первый день войны были подвергнуты бомбардировкам и выведены из строя большинство египетских аэродромов, включая международный аэропорт в Каире¹⁵.

¹⁴ Подробнее о начальном этапе войны рассказывается в книге: Черчилль Р. и Черчилль У. Шестидневная война. Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2003 [пер. с изд. на англ. яз. 1967 г.]. С. 119–129.

¹⁵ Странным образом, в литературе существуют значительные расхождения в отношении их количества. В подробном докладе «Арабо-израильские войны (1948–1982)», подготовленном в Генеральном штабе СССР по свидетельствам арабских офицеров, проходивших обучение в советских военных академиях, говорится, что «израильские BBC нанесли внезапный удар по шестнадцати египетским аэропортам» (см.: Арабо-израильские войны. Арабский взгляд. Москва: Язуа. 2008. С. 66). В свою очередь, в книге бывшего посла Израиля в США Майкла Орена указано, что только «тринадцать [египетских] аэропортов стало невозможно использовать» (Oren 2002: 176); на опубликованной в книге карте воздушных боев указаны атаки израильских BBC на тринадцать египетских аэропортов (Oren 2002: 173). Напротив, в книге Рэндольфа и Уинстона Черчилля-мл. указывается большее число: «В первый день войны были подвергнуты бомбардировке девятнадцать египетских аэродромов»; (см.: Черчилль Р. и Черчилль У. Шестидневная война. С. 119–129). Это же число – девятнадцать атакованных израильтянами «египетских военно-воздушных баз в Синае, в дельте Нила, в долине Нила и в районе Каира» – называет Хaim Герцог; см. Герцог Х. 1986. Арабо-израильские войны. В 2-х томах. Лондон: Нина Карсов, 1986 [пер. с изд. на англ. яз. 1984 г.]. Т. 1. С. 227.

В то время как израильская авиация осуществляла бомбардировку египетских аэродромов, Х. Амер и военный министр Шамс эд-Дин Бадран пытались убедить президента в том, что «всё пока идет хорошо»¹⁶. В этом же египетский народ убеждало и государственное радио. Е.М. Примаков вспоминал: «Через несколько часов после того, как Израиль начал военные действия, в корпункте “Правды” собирались мои египетские коллеги – журналисты, друзья. Они с восторгом рассказывали о десятках сбитых израильских самолетов – каирское радио через каждые полчаса называло сногшибательные цифры, суммируя которые можно было представить, что уже в первые часы военных действий уничтожен чуть ли не весь военно-воздушный флот Израиля» (Примаков: 2009: 112). По каирскому радио (интересно было бы узнать, по чьей инициативе) транслировались сфальсифицированные от начала до конца информсводки, в которых утверждалось, будто египетские силы ПВО сбили 161 израильский самолет, а египетские ВВС, в свою очередь, бомбят израильские города и деревни вплоть до Тель-Авива, «возвращая арабскому народу чувство собственного достоинства, утерянное в 1948 г.» (Oren 2002: 178). «Но, – продолжал Е.М. Примаков, – к моменту встречи с моими египетскими друзьями я уже знал от наших специалистов, что на базе Каиро-вест были уничтожены египетские самолеты. … Мои коллеги были обескуражены, подавлены этой информацией» (Примаков 2012: 112). Г.А. Насер рассчитывал, что египетская армия сможет, по крайней мере, задержаться на восточном берегу Суэцкого канала, однако израильской армии потребовалось всего трое суток, чтобы занять весь Синайский полуостров. Столичная египетская армия была разбита; около десяти тысяч человек погибли, а пять тысяч египетских солдат и офицеров были взяты в плен¹⁷.

Поражение в Шестидневной войне привело к череде политических потрясений в Египте. Вначале генералитет во главе с А.Х. Амером, не желая брать ответственность на себя, потребовал от Г.А. Насера сделать персональные выводы, и 8 июня глава государства объявил об отставке, выступив с телевизионным обращением к нации, объявив, однако, своим преемником не А.Х. Амера и не Ш. эд-Дина Бадрана, а бывшего премьер-министра страны Закарию Мохи эд-Дина (1918–2012). Последний был готов взять в свои руки рычаги управления в стране, однако ситуация изменилась быстрее, чем он успел что-либо сделать; заготовленный им текст телевыступления ему даже не довелось прочитать в эфире.

Сотни тысяч египтян пришли утром 9 июня к зданию Национальной ассамблеи, скандируя «Насер! Насер!»; улицы центра Каира были заполнены демонстрантами. Известен тезис о том, что эти массовые выступления были инспирированы и срежиссированы властями, однако тому нет документальных свидетельств – и весьма сомнительно, что массовые демонстрации подобного размаха можно было организовать «сверху» так быстро, особенно в условиях

¹⁶ Агарышев А. Гамаль Абдель Насер. Москва: Молодая гвардия, 1979. С.161–162.

¹⁷ Герцог Х. 1986. Арабо-израильские войны. Т. 1. С. 231–249.

постигшего военно-политическую элиту оцепенения в связи с масштабом военных потерь. На своем заседании парламент принял обращение к Г.А. Насеру, в котором, в частности, говорилось: «Вы – наш вождь, президент нашей Республики и останетесь нашим вождем и президентом»¹⁸. Советские власти также призывали Г.А. Насера оставаться на своем посту, пообещав восстановить все утраченное в ходе боевых действий оружие (Примаков 2012).

Сориентировавшись, З. Мохи эд-Дин попросил Г.А. Насера пересмотреть свое решение и оставаться у руля страны; после этого было сформировано новое правительство, в которое ни А.Х. Амер, ни Ш. эд-Дин Бадран, несмотря на поддержку со стороны генералитета, не были включены. Готовившаяся ими попытка государственного переворота с целью свержения Г.А. Насера была разоблачена, и 25 августа 1967 г. бывший военный министр Шамс эд-Дин Бадран и 55 отставных офицеров были арестованы на вилле А.Х. Амера. Ш. эд-Дин Бадран оставался в тюрьме до конца жизни Г.А. Насера и был амнистирован сменившим его на посту президента А. Садатом весной 1971 г.; насколько известно, он жив до сих пор. А.Х. Амеру повезло меньше: 15 сентября 1967 г. было объявлено о том, что бывший главнокомандующий вооруженными силами и первый вице-президент ОАР покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Не будет преувеличением сказать, что он стал последним египтянином, погибшим на фронтах Шестидневной войны.

Об авторе:

Алек Д. Эпштейн – Ph.D. (социология, Иерусалимский университет, Израиль, 2001 г.), преподаватель Института им. Яакова Герцога, научный руководитель Центра изучения Израиля и диаспоры, P.O.Box 11278 Jerusalem 9111201 E-mail: alekdep@mail.com.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по истории израильско-египетских отношений. Автор выражает благодарность Ю.Е. Гиверцу за конструктивные замечания, а А.А. Тару за помощь в подготовке рукописи к печати.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹⁸ Цит. по: Агарышев А. Гамаль Абдель Насер. С. 165.

Received: August 10, 2019
Accepted: August 20, 2019

The Lost Gambit: The Third War between Israel and Egypt, its Causes and Lessons

Alek D. Epstein
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-161-179

Yaacov Herzog College (Jerusalem)
Center for Israel and Diaspora Studies (Jerusalem)

Yevgeny Maximovich Primakov knew the Middle East so well as, perhaps, nobody else in Russia did: he worked in Cairo from 1965 till 1969 and visited the city regularly after that period of time. He was personally acquainted with all of the highest representatives of Egyptian political and military elite. He had visited Israel multiple times since August, 1971. Five Prime-Ministers of the Jewish state (Golda Meir, Yitzhak Rabin, Menachem Begin, Shimon Peres, Benjamin Netanyahu) were his interlocutors in different years. Whatever views and powers he had in different years of his extremely intensive and multifaceted activity, the Middle East lacks very much statesmen of such magnitude and with such depth of understanding of geopolitical and regional processes which distinguished Yevgeny Maximovich, to the memory of whom the current essay is devoted.

Abstract. The June War of 1967 year, which is called in Western and Israeli historiography the Six-Day War, has radically changed the Middle East. Dozens of books and hundreds of scientific articles on this war have been published. The current research demonstrates the central role of Egyptian leaders in the onset of the war which nobody sought for. These leaders were driven by considerations and interests of pan-Arab solidarity which significantly contradicted in this case the interests of Egypt itself. By analyzing the causes of the war of June 1967 between Egypt and Israel it is proved that they laid to a certain significant extent beyond the context of bilateral relations of these countries.

The tragic experience of June 1967 is important nowadays when it is taken for granted that a new war between Israel and Egypt could not erupt because these countries have nothing to divide after the return of the Sinai Peninsula. Once upon a time, in March 1957, Israel has already withdrawn its forces from the Sinai. The same situation of lack of territorial claims did not prevent abrupt escalation of conflict in May 1967 and the following outbreak of hostilities. Another important lesson is that security of any country, including Israel, cannot be guaranteed neither by deployment of the "blue helmets" nor by receiving American guarantees. As events of the second half of May 1967 demonstrated, both UN forces and American authorities were ready to shirk when the task of war prevention was most acute.

Key words: the Middle East, Arab-Israeli conflict, Six-Day War, Israel, Egypt, Syria, Pan-Arabism, the UN Emergency Force

About the author:

Alek D. Epstein – Ph.D. (Sociology, Hebrew University of Jerusalem, 2001), Yaacov Herzog College, reader; scientific director Center for Studies of Israel and Diaspora, P.O.Box 11278 Jerusalem 9111201. E-mail: alekdep@gmail.com.

Acknowledgements:

The current essay is a part of research project on the history of Israeli-Egyptian relations. The author would like to express his gratitude to Yuri Giverts for his thought-provoking comments, and to Alexander Tar for the skillful editorial assistance.

Conflict of interests:

Author declares absence of conflict of interests.

References:

- Bar M. 2012. "Red lines" of Israeli Strategy of Deterrence. Tel-Aviv: Ministry of Defense Press. 189 p. (In Hebrew)
- Bar-On M. 2012. Six Days, Six Unresolved Questions and Six Vectors for Future Research. In *Independence – The First Fifty Years*. ed. by A. Shapira. Jerusalem: The Zalman Shazar Center for Jewish History. P. 323–350. (In Hebrew)
- Daurov R. 2009. *Dolgaya Shestidnevnaia Voyna: pobedy i porazheniya SSSR na Blizhnem Vostoke* [The Long Six-Day War: Victories and Defeats of the USSR in the Middle East]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 238 p. (In Russ.)
- Epstein A.D. 2014. *Blizhayshiye soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izraильskikh otnosheniy* [The Closest Allies? United States and Israel: the Hidden History]. Moscow: Mosty Kultury. 312 p. + 328 p. (In Russ.)
- Epstein A.D., Uritsky M.A. 2003. The Six-Day War and Contemporary Political Dynamics in the Middle East. *Vostok*. No. 2. P. 72–84. (In Russ.)
- Gluska A. 2007. *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War*. London: Routledge. 324 p.
- Goldstein Y. 2003. *Eshkol. Biography*. Jerusalem: Keter. 789 p. (in Hebrew)
- Oren M.B. 2002. *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*. Oxford: Oxford University Press. 446 p.
- Primakov E.M. 2012. *Blizhniy Vostok na stse i za kulisami* [The Middle East on the Scene and behind the Curtain], 2nd edition. Moscow: Rossiyskaya Gazeta. 416 p. (In Russ.)
- Shalom Z. 2007. *Diplomacy in the Shadow of War*. Tel-Aviv: Israel Ministry of Defense Press. 495 p. (in Hebrew)
- Zvyagelskaya I.D. *Istoriya Gosudarstva Izrail* [The History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt-press. 2012. 360 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

1. Дауров Р. 2009. Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. Москва: Институт востоковедения РАН. 238 с.
2. Звягельская И.Д. 2012. История Государства Израиль. Москва: Аспект-пресс. 360 с.
3. Примаков Е.М. 2012. Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2 е издание, переработанное и дополненное. Москва: Российская газета. 416 с.
4. Эпштейн А.Д. 2014. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. В 2-х томах. Москва: «Мосты культуры». 312 с. + 328 с.

5. Эпштейн А.Д., Урицкий М.А. 2003. Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке. *Восток*. №2. С. 72–84.

Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009-2019 г)

Т.А. Карасова

Институт востоковедения РАН

Изменения израильской региональной политики были вызваны современной политической ситуацией на Ближнем Востоке, характеризуемой растущей неопределенностью. Регион переживает сложный процесс политических подвижек, которые поставили перед Израилем задачу приспособить свою внешнюю политику к новым вызовам. Статья рассматривает новые элементы израильской региональной стратегии в таких ключевых проблемах как урегулирование палестино-израильского конфликта; новые формы противостояния растущему влиянию Ирана и его ядерной программы; опасное развитие ситуации в Сирии и вокруг неё, а также эскалация террористической активности в регионе.

Цель данной статьи – анализ влияния изменений глобального и регионального уровня на узловые проблемы ближневосточной политики Израиля за последние 10 лет. Была поставлена задача исследовать ряд внутренних и внешних факторов, определяющих её современное развитие. К внешнему фактору относятся, прежде всего, партнёрские отношения между США и Израилем, которые играли решающую роль в развитии региональной стратегии и поддержании международного статуса этого ближневосточного государства. К внутренним факторам относятся события регионального уровня: «арабская весна» 2011 г.; усиление исламского радикализма; террористические угрозы, появление новых террористических групп и «Исламского государства», усиливающееся противостояние с Ираном и гражданская война в Сирии.

Задача автора состояла также в том, чтобы показать основные направления изменений израильской политики на региональном уровне. К ним относится ужесточение подходов к урегулированию палестино-израильского конфликта, в частности, фактический отказ от формулы «два государства для двух народов». Не менее важным являются также события, которые хотя и напрямую не связаны с Израилем, но меняют его региональную повестку дня. Оценка ядерной программы Ирана как экзистенциальной угрозы объясняет негативное отношение Израиля к международному соглашению с Ираном в 2015 г. в период президентства Б. Обамы. Последовавший затем выход администрации Трампа из данного усилил антииранские позиции Израиля и это позволило развивать сотрудничество с так называемыми прозападными государствами региона, такими как Саудовская Аравия и некоторыми странами Персидского залива, пытающимися сдерживать иранскую ядерную угрозу и его растущее влияние на события в регионе. Саудовская Аравия и страны Персидского залива являются наиболее реальными партнёрами Израиля в противостоянии с Ираном. Это даёт израильскому государству возмож-

УДК 327

Поступила в редакцию: 01.07.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

ность вхождения в региональную систему и освобождение от исторически сложившегося положения страны-изгоя среди мусульманских государств Ближнего Востока.

Ключевые слова: региональная политика Израиля, американо-израильские отношения; ближневосточная программа Б. Обамы; палестино-израильский конфликт, ближневосточная политика Трампа, ядерная программа Ирана, гражданская война в Сирии; новые тактические альянсы на Ближнем Востоке

В первую четверть XXI в. на Ближнем Востоке произошёл целый ряд важнейших событий, во многом изменивших политическую структуру региона, в том числе и региональную политику Израиля. Концептуальная задача данной статьи – показать новые региональные возможности Израиля, его продвижение к статусу одного из центров силы, проанализировать, насколько адекватно Израиль реагировал на происходящие изменения, сохраняя при этом главные составляющие своей региональной политики: самостоятельность и ориентацию на поддержку США.

Изучение меняющихся места и роли Израиля в политической конфигурации Ближнего Востока тесно связано с теорией региональных центров силы (Hinnebusch 2014: 35-72; Cook, Stokes, Brock 2014). Научные разработки, анализирующие региональные центры, признаки возникновения и развития нового баланса сил на Ближнем Востоке, увидели свет достаточно недавно, поскольку предметом изучения являются в основном региональные отношения, сложившиеся после второй мировой войны (Beck, Hüser, 2012). Только в начале XXI в. появился целый ряд аналитических работ, посвященных проблемам возникновения и развития региональных центров силы на Ближнем Востоке в целом, и Израиля, в частности (Beck 2010; Beck, Hüser 2012; Heller 2014; Kappel 2014; Detlef, 2014; Манн 2018).

В рамках современной теории международных отношений, были разработаны базовые методы анализа региональной политики, которые применялись при изучении места Израиля и его роли в региональной системе Ближнего Востока (Heller 2011; Heller 2014; Kappel 2014; Fawcett 2012). Получила известность дискуссия о месте Израиля на Ближнем Востоке и его способности играть лидирующую роль. Большинство западных специалистов, и в первую очередь, израильских, считают, что отсутствие сбалансированных центров силы в ближневосточном регионе, присущая ему конфликтность, формирующая хроническую ситуацию разнообразных взаимных претензий, являются устойчивой характеристикой региональных отношений (Heller 2011). К некоторым возможным общим мобилизационным факторам можно лишь отнести антагонизм в отношении Израиля из-за его позиции по конфликту с палестинцами, и пытки препятствовать желанию какой-то одной страны играть лидирующую роль в реги-

оне. В процессе переформатирования политической структуры региона такие страны как Иран, Турция, Саудовская Аравия могут стать центрами силы, но их взаимные противоречия вряд ли способны поддерживать баланс в регионе, изменившийся за последние 10 лет. В такой ситуации Израиль, больше чем другие региональные государства, обладает возможностями блокировать чьи-то претензии на гегемонию и у него достаточно силы, чтобы защитить свою безопасность от агрессивно настроенных соседей. Однако его способность влиять на региональный баланс и на межарабские отношения сил весьма ограничена (Heller 2011:238; Kappel 2014; Fawcett 2012).

Рассмотрение характеристик, присущих региональному центру, ведется с точки зрения критериев лидерства. Американский эксперт Луиза Фоусетт ввела следующие критерии: мобилизация всего комплекса ресурсов жесткой и мягкой силы; обеспечение деятельности общерегиональных институтов; формулирование региональной повестки дня; сотрудничество со странами региона; готовность нести расходы по финансированию регионального сотрудничества. Все эти качества применяются к Израилю и квалифицирует его как одного из возможных ключевых субъектов региональной системы, чьё влияние на остальные государства региона и в будущем будет значительно ограничено. На этом основании Израиль можно считать ограниченным центром силы (Fawcett 2012).

Позиции Л. Фоусетт дополняют специалисты, рассматривающие концепцию регионального центра силы на Ближнем Востоке с точки зрения сочетания методов реализма, институционализма и конструктивизма. (Beck 2010; Petras 2014). Применяя эти методы к Израилю, авторы также пришли к выводу, что, с точки зрения реализма это государство имеет потенциальные возможности действовать как региональный лидер. Израиль является самым сильным военным и экономическим актором в регионе. Но, несмотря на большую роль Соединённых Штатов в обретении и поддержке Израилем лидирующего статуса, он все еще занимает место регионального аутсайдера (Beck 2010: 148). С точки зрения теорий конструктивизма и институционализма возможности его региональной интеграции и выдвижения на лидирующую роль также весьма проблематичны (Ehteshami 2012:135). Ближневосточные региональные институты слабы и Израиль практически не участвует их деятельности; не только его легитимность как интегрированного члена Ближнего Востока, но и границы государства не признаны и не подтверждены мировым сообществом.

Изменение региональной политики Израиля

Региональная политика Израиля долгое время была нацелена против арабских государств, считавших еврейское государство своим главным региональным противником и сумевшим выстроить против него систему всеарабского бойкота. Несмотря на то, что свои силы (включая атомное оружие) и стратегическая поддержка США на всех уровнях гарантируют выживание Израиля

(Eran 2012; Peres 1987; Peri 2006), задача обеспечения безопасности остаётся в значительной мере основой его государственного развития (Shabtai 2010: 4). Под влиянием её решения шло политическое развитие страны, развивалась экономика, ВПК, формировалась политическая культура (Freedman 2009; Peri 2006).

Региональная политика Израиля формировалась в контексте развития отношений с Соединёнными Штатами. С конца 1980-х гг. Израиль обрёл статус важнейшего веннатовского союзника США¹. Вашингтон официально провозгласил себя гарантом его безопасности (Geller, Spenser 2010; Gold 1993).

Новая политическая реальность на Ближнем Востоке, особенно после «арабской весны», вынудила израильское руководство внести корректизы в свою региональную стратегию. Дебаты по этому поводу базировались на возможных сценариях будущего развития региона. Рассматривались три варианта: формирование в регионе нового порядка и баланса сил; сохранение ситуации неопределённости; возвращение к старому порядку².

Некоторые американские и израильские авторы, например Стивен Кук³, считают, что современный Ближний Восток хаотичен, полон насилия, деградации и его политическое будущее пока не определено. Но уже наметились признаки нового регионального порядка, иного силового баланса и альтернативных форм государственности. С этой позицией не согласны израильские эксперты И. Эттингер⁴, А. Бен-Меир⁵, полагающие, что коллапс региональных отношений до 2011 г. пока не привёл к появлению нового регионального уклада, транзитный период продолжается. Третья позиция поддерживается группой израильских авторов, специалистов по вопросам безопасности, И. Браном, С. Фейер и И. Хейминисом⁶, убеждённых, что в регионе сохранился старый порядок, который может стать основой для продолжения стратегии осторожного наведения мостов и формирования новых и укрепления старых альянсов на региональном уровне с целью предотвращения рисков новых конfrontаций.

Израильское стратегическое планирование базировалось на возможной комбинации всех трёх опций, одновременно учитывая определённый возврат в знакомое русло – регион состоит из тех же стран и в них не произошло ра-

¹ US – Israel Memorandum of Understanding on Strategic Cooperation. – 1987 [Электронный ресурс]. URL: www.israel.org/MFA/ (accessed 06.08.2019).

² Brun I., Feuer S.J., Haiminis I. 2019. Eight Years after the Upheaval: Alternative Approaches to Understanding the Current Middle East. *INSS Insight*. No. 1141, February 27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.inss.org.il/publication/eight-years-upheaval-alternative-approaches-understanding-current-middle-east/?utm_source=activetraffic&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20In (accessed 06.08.2019)

³ Cook S. A Trump's Middle East Strategy Is Totally Boring. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/21/trumps-middle-east-strategy-is-totally-boring/> (accessed: 06.08.2019).

⁴ Ettinger Y. New era for US – Israel relations [Электронный ресурс]. URL: http://www.israelhayom.com/site/newsletter_opinion.php?id=17635 (accessed 06.08.2019)

⁵ Ben-Meir A.A. Conducive Geopolitical Environment for Israeli-Palestinian Peace. [Электронный ресурс]. URL <http://www.theperspective.org/2015/1111201503.php> (accessed 06.08.2019)

⁶ Brun I., Feuer S.J., Haiminis I. 2019. Eight Years after the Upheaval: Alternative Approaches to Understanding the Current Middle East. *INSS Insight* No. 1141, February 27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.inss.org.il/publication/eight-years-upheaval-alternative-approaches-understanding-current-middle-east/?utm_source=activetraffic&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20In (accessed 06.08.2019)

дикальных изменений во властных структурах существующих режимов. Учитывались также возможности неожиданных сценариев, связанных с той, или другой моделью развития. Всё это диктовало новую стратегию «осторожного вхождения» в структуру региона.

Еврейское государство предпочитало напрямую не вмешиваться во внутренние проблемы региона, тем более что потенциально опасного противника у него в регионе не было, хотя израильская сторона широко практиковала закрытые каналы переговоров с арабскими представителями по конкретным вопросам безопасности (Wanis 2017). Но благодаря трём обстоятельствам израильская региональная стратегия последние годы активизировалась (Vakil 2018:215, 223; Katz, Hendel 2012; Hitchcock, 2013). Во-первых, при поддержке администрации Трампа появилась возможность смещения конфликта с палестинцами с центральной повестки дня региона. Во-вторых, постепенное сближение с рядом прозападных арабских стран на базе антииранских настроений привели к тому, что Израиль начал пытаться влиять на взаимоотношения арабских стран (например, его действия, направленные на вытеснение Ирана и Хезболлы из Сирии) и сорвать попытки выработки коллективной стратегии региональных государств, даже если она не планировалась как антиизраильская (Heller 2014).

В соответствии с новой региональной обстановкой израильское руководство решало следующие стратегические задачи: фактический отказ от урегулирования по формуле «два государства для двух народов» и вытеснение проблем палестино-израильского конфликта на периферию интересов региональных стран и внешних акторов; продолжение активного противостояния с Ираном в качестве основной угрозы безопасности при администрации Б. Обамы, а затем при Д. Трампе, а также постепенное вхождение в политическую систему региона на основе сближения с рядом суннитских государств. Подобное сближение становилось возможным в рамках общей антииранской направленности внешней политики этих стран.

К новым тактическим региональным задачам относятся вытеснение иранской «прокси» – «Хезболлы» и предотвращение иранского присутствия на территории Сирии; обеспечение безопасных границ, прежде всего, сирийско-израильских границ в районе Голанских высот, и борьба с террористическими атаками исламистов. На реализацию выдвинутых израильским правительством под руководством бессменного лидера правящей партии «Ликуд» Б. Нетаньяху⁷ задач, большое влияние оказывала ближневосточная повестка дня двух американских администраций: демократической – Б. Обамы (2009 – 2016 гг.) и республиканской – Д. Трампа (2016 г. – н.в.).

В решении вышеуказанных задач Израиль столкнулся с двумя противоположными тенденциями в двусторонних американо-израильских отношениях:

⁷ Впервые Нетаньяху возглавил кабинет министров Израиля в 1996 г., затем с 2009 г. по настоящее время в результате парламентских выборов в 2013 г., 2015 г. и 2019 г. (исполняет обязанности до новых выборов, назначенных на сентябрь 2019 г.) занимает пост премьер-министра Израиля.

ях. Первая связана с резко критичным отношением администрации Обамы к главным направлениям своей региональной политики (в первую очередь, на палестинском и иранском направлениях) (Дрезнер 2015; Звягельская 2012; Mann 2012; Oren 2015; Peres 1987) и личным обоюдным неприятием между главами двух государств – Обамой и Нетаньяху (Burgan 2010; Caspit 2017; Pfeffer 2018; Ross 2015). Вторая, противоположная, – беспрецедентное сближение интересов Израиля с ближневосточной политикой администрации Д. Трампа, его явно выраженный произраильский крен в целом ряде решений, укрепляющих региональные позиции Израиля (Трамп 2016; Вольф 2018; Грингрич 2018), теплые, доверительные личные отношения с израильским премьер-министром (Грингрич 2018; Мейсан 2017; Pfeffer 2018).

Изменения политики Израиля в отношении палестино-израильского конфликта

Палестино-израильский конфликт по-прежнему остаётся самым продолжительным в истории и до сих пор далек от своего урегулирования⁸. Целесообразно остановиться на некоторых концептуальных основах проблемы его урегулирования как такового. В ходе «процесса Осло» и договоров «Осло 1» (сентябрь 1993 г.) и «Осло 2» (июль 1995 г.)⁹ был впервые озвучен принцип решения конфликта на базе двух государств. Речь шла о переговорном процессе на основе взаимных уступок обеих сторон, который должен был завершиться образованием палестинского государства. Однако именно этого финального этапа в урегулировании не последовало (Карасова 2015; Ross 2015; Caplan 2010). Возникло множество сложных проблем (McMahon 2013). Главная трудность состояла, прежде всего, в том, что тексты заключенных договоров (Декларация Принципов 1993 г. и «пакетное соглашение» 1995 г. о создании фактически автономной Палестинской администрации) и все предлагавшиеся внешними акторами «мирные планы» не содержали проработки концепции независимого палестинского государства и требования прекращения строительства поселений на оккупированных территориях. Кроме того, большинство планов урегулирования вырабатывалось в тиши академических институтов и аналитических центров всего мира, прежде всего в США, Европе и Израиле, что, со временем превратилось в некое подобие индустрии (O'Mally 2015:127). Постепенно идею финального урегулирования заслонил сам процесс переговоров, получивший некое самостоятельное, самодостаточное значение. Утвердилась максима, согласно которой «ничего не будет договорено, пока не договорим-

⁸ Создание израильского государства было враждебно встречено соседними арабскими государствами, не признавшими права на его существование. Это привело к возникновению и развитию самого долгого в истории арабо-израильского, а затем палестино-израильского конфликта, что на доктринальном уровне выразилось в концепции «враждебного окружения» Израиля.

⁹ Подробно результаты мирного «процесса Осло» рассматривались в предыдущей книге автора (Карасова 2015: 288-338).

ся обо всем» (*«nothing is agreed until everything is agreed»*). Оставались нерешёнными основные проблемы конфликта, касающиеся границ, беженцев и статуса Иерусалима.

Израильское правительство предпочитало сохранять на этом направлении статус-кво и при необходимости продолжать вялотекущие, ни к чему не приводящие переговоры с палестинской стороной. Политика всех правительств, возглавляемых Нетаньяху в 2009-2019 гг., была предельно жёсткой и базировалась на двух основных принципах: прекращение территориальных отступлений с сохранением еврейских поселений на палестинских территориях; жёсткая реакция на любые проявления террористической деятельности со стороны палестинцев (Oren 2015: 78). Ликудовское правительство считало палестинское направление конфликта результатом и частью общего арабского противостояния Израилю и настаивало, что оно не имеет решения, пока арабский мир не признает право Израиля на существование как еврейского государства.

В период своего правления Б. Обама дал понять, что он не готов автоматически по всем вопросам занимать сторону Израиля и последовательно требовал прекращения строительства еврейских поселений на территориях как условия возобновления мирных переговоров. Вопрос о прекращении или замораживании строительства и расширения поселений стал предварительным условием и палестинской стороны для начала очередного раунда переговоров (Ross 2015: 81). Нетаньяху, хотя и озвучил в 2009 г. свою готовность вести переговоры по созданию палестинского государства, не готов был идти на уступки, шедшие вразрез с внешнеполитической программой его партии и возглавляемого им правительства. Переговоры, возобновившиеся в 2011 г., а затем в 2013 г. в соответствии с планом американского госсекретаря Керри, были прерваны и ни к чему не привели (Russian and Israeli Outlooks 2015: 8).

Поскольку палестинская сторона также не торопилась к возобновлению переговоров, выдвигая заведомо неприемлемые для Израиля условия их возобновления (например, возвращения Израиля к границам 1967 г, т.е. до оккупации палестинских земель), создавалась ситуация, когда максимум, который способен был предложить любой из израильских лидеров, всё равно был меньше того минимума, который готово было допустить палестинское руководство. По существу, к концу правления Обамы произошёл фактический отход Израиля от принципа «два государства для двух народов» (Мейсан 2017: 102).

Для Израиля к моменту избрания Д. Трампа президентом США проблема урегулирования палестино-израильского конфликта, которая и раньше не находилась в центре стратегических задач государства, окончательно отошла на второй план. Израильское правительство давало понять, что для него усмирение ядерных амбиций Ирана – более важная задача, нежели возобновление вялотекущих переговоров с расколотым руководством Палестины.

Состояние конфликта и ближневосточная политика администрации Д. Трампа

Д. Трамп, как и его предшественник Б. Обама, отнёсся к палестино-израильскому конфликту как к проблеме, не терпящей отлагательств. Республиканская администрация Трампа приступила к разработке очередного проекта «окончательного урегулирования». Однако в отличие от позиции демократической администрации Обамы, настаивавшего на необходимости серьёзных уступок со стороны Израиля, прежде всего в важнейшем для палестинской стороны вопросе еврейских поселений, Трамп и его окружение продемонстрировали беспрецедентную одностороннюю поддержку большей части израильских требований. Хотя до сих пор нет никакой информации о конкретных параметрах американского «мирного проекта», президент и его администрация уже предприняли ряд шагов, призванных создать новые реалии в конфликте ещё до его обнародования.

Шаг первый: урезание экономической помощи палестинцам. В американской администрации было объявлено об отмене выделения более 200 млн долл. на помощь палестинцам на Западном берегу и в секторе Газа¹⁰.

Шаг второй: перенос посольства США в Иерусалим. В мае 2018 г. Трамп принял решение о переносе американского посольства в Иерусалим¹¹. В Израиле к решению Трампа об Иерусалиме отнеслись как к историческому шагу, положившему конец длившемуся 70 лет исторической несправедливости. Нетаньяху назвал решение Трампа «важным шагом в направлении мира», т.к. любой вариант мирного урегулирования с Палестиной включает в себя вопрос о статусе Иерусалима как столицы Израиля¹².

Генеральная Ассамблея ООН резко осудила решение администрации Трампа, приняв резолюцию, постановившую, что любое одностороннее решение, касающееся Иерусалима и статуса Святых мест, является противозаконным, «недействительным и бессмысленным». Резолюция призывала все страны воздержаться от перемещения своих дипломатических миссий в Иерусалим¹³. На-

¹⁰ Палестинцы клянут лишившего их денег Дональда Трампа [Электронный ресурс]. URL: http://mignews.com/news/politic/world/250818_94503_68814.html (accessed: 25.08.2018).

¹¹ «Иерусалимская проблема» началась после Шестидневной войны 1967 г., когда Израиль аннексировал Восточный Иерусалим. Израильский суверенитет над восточной частью города не был признан ООН. В 1980 г. израильский парламент признал Иерусалим своей «единой и неделимой столицей». До настоящего времени в Иерусалиме не было посольств иностранных государств, однако ряд государств имел там консульства. Палестина провозгласила восточную часть города своей столицей в Декларации независимости от 1988 г. В 2004 г. 10-я специальная чрезвычайная сессия ГА ООН признала «меры, принятые Израилем с целью изменить характер, правовой статус и демографический состав Иерусалима», не имеющими юридической силы и вновь назвала существующее положение дел «оккупацией». См. История переноса посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. Досье. 14 мая 2018. Электронный ресурс. URL: <http://tass.ru/info/5197661> (accessed 06.08.2019).

¹² Avnery Uri The Day of Shame. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tikkun.org/nextgen/uri-avnery-israels-peace-movement-gush-shalom-on-israels-days-of-shame> (accessed 06.08.2019).

¹³ UN challenges US Jerusalem announcement. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bicom.org.uk/news/un-challenges-us-jerusalem-announcement/> (accessed 06.08.2019)

кануне голосования в ООН президент Трамп пригрозил, что прекратит финансовую помощь любой стране, проголосовавшей в пользу данной резолюции. Однако 14 стран-членов Совбеза проголосовали в её поддержку.

Палестинская сторона расценила заявление Трампа по Иерусалиму не только как нарушение международного права и резолюции ООН по Иерусалиму, но также и Декларацию принципов от 1993 г. (статья 5 Приложения), в которой судьба Иерусалима должна была стать предметом обсуждения в процессе переговоров между двумя сторонами¹⁴. По мнению палестинской стороны, перезапустить процесс урегулирования в столь накаленной обстановке не представляется возможным.

Решение по Иерусалиму привело к дальнейшему усилению позиций крайне правого политического фланга Израиля. Религиозно-историческая роль Иерусалима и его Святых мест после заявления Трампа о статусе этого города в качестве столицы Израиля усилили компоненты религиозного и символического значения в националистической идеологии израильского общества. По всей видимости, национально-политический конфликт с палестинцами стал ещё в большей степени приобретать религиозный оттенок¹⁵.

Шаг третий: по распоряжению администрации Трампа в 2018 г. было закрыто представительство ООП в Вашингтоне. Поводом послужило заключение американских властей, что палестинцы не поддерживают мирные переговоры с Израилем. В декабре 2015 г. Конгресс принял закон, в соответствии с которым палестинская сторона теряет свое право иметь представительство в столице США в том случае, если она поддерживает расследование Международного уголовного суда (МУС) против израильтян за преступления против палестинцев. После осуждения лидерами арабских стран такой угрозы процесс закрытия был приостановлен. В соответствии с законодательством США от 2017 г., госсекретарь должен подтвердить выполнение офисом ООП установленных условий. Тогдашний глава Госдепа Р. Тиллерсон пришёл к выводу, что представленные ему данные не позволяют выдать такое разрешение¹⁶. Офис ООП был закрыт.

Четвёртый шаг: в январе 2017 г. США резко сократили свой вклад в Агентство ООН по делам палестинских беженцев (БАПОР, англ. UNRWA – Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ), которое предоставляет помощь примерно 5 млн арабов в Газе, Иордании, Сирии и Ливане и известен своей антиизраильской направленностью¹⁷. Администрация президента объявила о своём намерении полностью прекра-

¹⁴ Salem P. Working toward a Stable Regional Order. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 668 (November). 2016 p. 36–52

¹⁵ Cook J. How will US Jerusalem move affect Israel's far right? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/12/jerusalem-move-affect-israel-17120122104793.html> (accessed: 06.08.2019)

¹⁶ Details of US peace plan revealed. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bicom.org.uk/news/details-us-peace-plan-revealed> (accessed 06.08.2019).

¹⁷ Хури Дж., Мирный план Трампа в действии. [Электронный ресурс]. URL: <http://detaly.co.il/mirnyj-plan-trampa-v-dejstvii/> (accessed 06.08.2019)

тить финансирование БАПОР. Израиль считает, что необходимо просто увеличить гуманитарную помощь беженцам из других источников, и предоставить им гражданство тех стран, где они и так проживают.

Пятый шаг: признание американской администрацией израильского суверенитета над Голанами. Голанские высоты в соответствии с резолюциями ГА ООН, считались оккупированной территорией, которую рано или поздно Израиль должен возвратить Сирии в обмен на мирное соглашение и гарантии безопасности¹⁸. В марте 2019 г. Трамп официально признал суверенитет Израиля над Голанскими высотами¹⁹. Решение было объяснено стратегической важностью Голан не только для Израиля, но и для региональной безопасности в целом, вследствие того, что в Сирии укрепились позиции враждебные Израилю группировки, поддерживаемые Ираном²⁰.

Нетаньяху оценил решение Трампа как «послание американского президента всему миру о том, что Америка поддерживает безопасность Израиля»²¹. Руководство ведущих стран ЕС, ООН и другие международные организации объявили, что никогда не признают израильский суверенитет над оккупированными в 1967 г. Голанами. Негативный отклик прозвучал также со стороны России. Отмечалось, что такой шаг Трампа может расшатать обстановку в регионе: ещё в 1981 г. Совбез ООН единогласно признал аннексию Голанских высот Израилем незаконной.

Несмотря на то, что «мирный план» Трампа ещё официально не появился на свет, на практике первые и наиважнейшие пункты этого плана, намеченного Трампом ещё в виде неоформленных предвыборных обещаний, начали последовательно выполняться по существу в виде новых реалий, в рамках которых должен развиваться в дальнейшем мирный процесс. В руководстве ПНА уверены, что этот план был сконструирован с давней программой Нетаньяху: похоронить идею создания двух государств в границах 1967 г., основанную на справедливом решении вопросов о Иерусалиме и палестинских беженцах.

Действия Израиля по созданию новых реалий, препятствующих возобновлению переговорного процесса

Многообещающие шаги Трампа воодушевили Израиль. Начался рост поселенческой активности на палестинских территориях. 24 января 2017 г. вла-

¹⁸ Жигалкин Ю. *Решение о Голанских высотах – предупреждение Ирану и России* [Электронный ресурс]. URL: <http://9tv.co.il/news/2019/03/25/268620.html> (accessed 06.08.2019).

¹⁹ США, как и всё мировое сообщество, настаивали на том, что Голаны находятся под израильской оккупацией.

²⁰ Pileggi T., Ahren R. *Alongside PM, Trump signs proclamation recognizing Israeli sovereignty on Golan*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.timesofisrael.com/trump-signs-proclamation-recognizing-israeli-sovereignty-over-golan-heights/?utm_source=Breaking+News&utm_campaign=breaking-news-2019-03-25-2043826&utm_medium=email (accessed 06.08.2019)

²¹ Wadham N., Wainer D. *Trump Supports Israel Sovereignty Over Golan, Aiding Netanyahu*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-21/trump-says-time-to-recognize-golan-heights-as-part-of-israel> (accessed 06.08.2019)

сти приняли решение возвести около 2500 новых единиц жилья в поселениях на Западном берегу р. Иордан²². А в феврале 2017 г. Кнессет принял закон о легализации строительства еврейских поселений на частных палестинских землях Западного берега, считавшихся ранее незаконными самими властями Израиля²³.

Новым взрывом общественного мнения на внутриизраильском, региональном и мировом уровне стало принятие Кнессетом 19 июля 2018 г. закона о еврейском характере Государства Израиль. Требование к палестинской стороне признать Израиль как еврейское государство было предварительным израильским условием для возобновления переговорного процесса ещё при Обаме. В соответствии с новым законом²⁴, евреям в Израиле принадлежит исключительное право на национальное самоопределение в пределах государства, столицей которого является «единий и неделимый» Иерусалим. Иврит получил статус государственного языка. За арабским закреплён особый статус, хотя до принятия закона оба языка имели статус государственных и были равнозначны на территории Израиля. Закон понизил национальный статус арабского населения Израиля, фактически подтверждая, что их гражданские права меньше и не равны еврейскому большинству²⁵. Жёсткая повестка дня израильского правительства известна всему миру. Но Нетаньяху решился на принятие этого закона именно после избрания Д. Трампа. Премьер-министру больше не нужно было беспокоиться о критике со стороны своего стратегического патрона²⁶.

В январе 2019 г. правительство Израиля приняло решение о невозобновлении мандата на временное международное присутствие в Хевроне (*The Temporary International Presence in Hebron (TIPH)*)²⁷. Это решение Нетаньяху принял под давлением еврейских поселенцев в преддверии приближающихся выборов²⁸. Последствия его серьёзнее непосредственной причины – оно подрывает

²² Team Trump Finally Brings Realism to US Mideast Policy. [Электронный ресурс]. URL: <http://nypost/2017/02/05/team-trump-finally-06.brings-realism-to-mideast-policy> (accessed 06.08.2019)

²³ Israel passes controversial law on West Bank settlements. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-38888649>. International leaders react to controversial Regulation Law. //URL: <http://www.bicom.org.uk/news/international-leaders-react-controversial-regulation-law/> (accessed 06.08.2019)

²⁴ В 1992 г. был принят Основной закон о свободе и достоинстве личности: Basic Law: Human Dignity And Liberty (1992) [Электронный ресурс]. URL: <http://knesset.gov.il/laws/ru/yesodru3.pdf> (accessed 06.08.2019)

²⁵ Gorenberg G. Netanyahu weakens support for Israel in the United States. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/31/netanyahu-weakens-support-for-israel-in-the-united-states/?utm_term=.399997f425e1 (accessed 06.08.2019)

²⁶ Ibid.

²⁷ Механизм TIPH начал действовать в Хевроне с февраля 1994 г. после резни в Пещере Патриархов, учинённой израильским ультраортодоксом Б. Голдштейном во время молитвы там палестинцев-мусульман. По решению Совета безопасности ООН была принята резолюция №904 от 31 марта 1994 г., в соответствии с которой для обеспечения безопасности палестинских граждан в Хевроне были направлены международные наблюдатели.

²⁸ Shavit P., Zur L. *The Temporary International Presence in Hebron (TIPH): Israel's Decision to End the Mandate*. INSS Insight No. 1140, February 21, 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.inss.org.il/publication/temporary-international-presence-hebron-tiph-israels-decision-end-mandate/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201140 (accessed 06.08.2019)

один из немногих механизмов урегулирования конфликта между палестинцами и израильтянами²⁹.

После прихода в Белый дом администрации Д. Трампа отношение ряда арабских стран к конфликту тоже изменилось. Хотя Израилю не удаётся окончательно снять палестинскую тему с повестки дня стран региона, его руководство считает, что благодаря нормализации отношений с арабскими странами, давление с их стороны будет минимальным, что позволит в итоге решить конфликт на своих условиях³⁰.

Израиль добивается, чтобы прежняя формула «достижение палестино-израильского мира как условие урегулирования отношений Израиля с арабскими странами» была заменена на противоположную схему. Арабские страны «демонстративно дистанцируются от палестинского вопроса», а Саудовская Аравия вообще намерена свернуть финансовую помощь Палестинской администрации. Лига арабских государств проголосовала за то, чтобы признать ливанскую «Хезболлу» террористической организацией³¹. В качестве примера новых подходов прозападных арабских суннитских стран можно привести выступление короля Бахрейна Хамада бен Иса аль-Халифа в сентябре 2017 г. в Лос-Анджелесе, в котором арабский монарх публично осудил арабский бойкот Израиля³². А Иордания, Египет и Саудовская Аравия рекомендовали руководству ПНА принять предложение Джареда Кушнира избегать радикальной антиизраильской риторики в ООН и в иных подобных местах³³. Складывается впечатление, что, несмотря на традиционные заявления в пользу создания Палестинского государства, Египет и Иордания готовы потребовать от палестинских арабов примириться с курсом, согласованным с администрацией Трампа и руководством Израиля³⁴.

²⁹ Sharvit P. Baruch, Zur L. 2019. The Temporary International Presence in Hebron (TIPH): Israel's Decision to End the Mandate. *INSS Insight* No. 1140, February 21. [Электронный ресурс]. URL:http://www.inss.org.il/publication/temporary-international-presence-hebron-tiph-israels-decision-end-mandate/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201140 (accessed 06.08.2019)

³⁰ Levy D. *Trump's Jerusalem Declaration – a Challenge to the Regional Landscape*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sharqforum.org/2017/12/18/trumps-jerusalem-declaration-a-challenge-to-the-regional-landscape/?utm_source=Al+Sharq+Forum++All+2&utm_campaign=fb5d3aea54-EMAIL_CAMPAIGN_2017_12_22&utm_medium=email&utm_term=0_a6e9ec2fc-fb5d3aea54-103478181 (accessed 06.08.2019)

³¹ Lewin A. *Israel and Gulf States Move Closer, But...* URL: [Электронный ресурс] https://www.fairoobserver.com/region/middle_east_north_africa/israel-gulf-news-gcc-khaleej-arab-world-news-34049/ (accessed 06.08.2019).

³² Tugend T. Bahrain King Denounces Arab Boycott of Israel, Says Countrymen May Visit. *Jerusalem Post*, Sept 17, 2017.

³³ Lewin A. *Israel and Gulf States Move Closer, But...* [Электронный ресурс]. URL: https://www.fairoobserver.com/region/middle_east_north_africa/israel-gulf-news-gcc-khaleej-arab-world-news-34049/ (accessed 06.08.2019).

³⁴ Inbary P. Why Did the PA's Mahmoud Abbas Avoid the UN Secretary-General when He Toured the Region? *JCPA*, 4 Sept. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://jcpa.org/pas-mahmoud-abbas-avoid-un-secretary-general-toured-region> (accessed 06.08.2019)

Место «иранской проблемы» в региональной политике Израиля

Израиль видит в ядерной программе Тегерана прямую угрозу своему существованию³⁵. Более того, в аргументации израильского руководства появился тезис, согласно которому наличие у Ирана ядерного оружия является глобальной угрозой (Марьясов 2017; Карасова 2015; Карасова 2017; Eran 2012).

Характерно, что до 2013 г. на фоне обострения западной критики в отношении иранской ядерной программы в Израиле не утихали споры о возможности военного удара по Ирану. Израильское руководство наращивало давление на администрацию Обамы, чтобы убедить его поддержать планы нападения. По свидетельству Дж. Керри, занимавшего в то время пост председателя Комитета по международным отношениям Сената, израильский, саудовский и египетский режимы призывали США бомбить Иран. Тель-Авив был настойчивее остальных³⁶. Нетаньяху настаивал, что готовность ядерной программы на 90% должно стать «красной чертой», после которой понадобится военная акция³⁷.

Однако Обама полагался на переговоры. Его администрация предложила инициативу, которая полностью противоречила политике Вашингтона в предыдущий период. «Совместный всеобъемлющий план действий» (СПД) между ИРИ, членами Совбеза ООН и Германией было официально подписано 14 июля 2015 г.³⁸. По мнению российских специалистов, оно могло стать крупнейшим прорывом в дипломатическом урегулировании иранской ядерной программы³⁹.

Тель-Авив резко осудил СВПД, охарактеризовав его как «плохую сделку». Израильское правительство опасалось, что оно легитимирует состояние «ядерного порога» Ирана⁴⁰. Американцы пытались успокоить руководство Израиля, утверждая, что сделка отрежет Ирану путь к бомбе. Сам Обама был убеждён,

³⁵ Chiesa G. Iran, Israel and the big mess in Washington. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.defenddemocracy.press/iran-israel-and-the-big-mess-in-washington/> (accessed 06.08.2019)

³⁷ Терехов А. Ядерные посыпалки Обамы и Нетаньяху. Оба лидеры вынуждены реагировать на изменение обстановки URL: [Электронный ресурс] http://www.rtr.ru/world/2010-07-08/1_obama_netanyahu.html (accessed 06.08.2019).

³⁸ Ключевые моменты рамочного соглашения с Ираном: Иран на две трети сократит количество рабочих центрифуг, используемых для обогащения урана, и уменьшит запасы низкообогащенного урана. Не используемые в работе центрифуги будут помещены на склад, находящийся под наблюдением МАГАТЭ. Все ядерные объекты Ирана подлежат регулярным проверкам со стороны МАГАТЭ. Иран перестроит ядерный реактор на тяжёлой воде в Араке, чтобы тот не мог производить оружейный плутоний. Связанные с иранской ядерной программой санкции ЕС и США будут шаг за шагом ослабляться, однако могут быть восстановлены в случае, если Иран нарушит взятые на себя обязательства. Текст соглашения см. Совместный всеобъемлющий план действий (по ядерной программе Ирана), Вена, 14 июля 2015 года. URL: <http://www.embrussia.ru/ru/node/521> (accessed 06.08.2019)

³⁹ Арбатов А. Последствия СВПД для перспектив ядерного нераспространения. URL: [Электронный ресурс]. <http://carnegie.ru/2015/12/04/ru-pub-62179> (accessed 06.08.2019)

⁴⁰ Yadlin A. Possible Scenarios and Strategic Options vis-à-vis Iran. INSS Insight No. 689, April 27, 2015. URL: [Электронный ресурс]. <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=9333> (accessed 06.08.2019)

что постоянная антииранская риторика, упорство и жёсткость позиций Нетаньяху по Ирану объясняется его нежеланием решать палестинский вопрос⁴¹.

Позиция республиканской администрации по иранской ядерной программе полностью совпала с линией правящих кругов Израиля. Трамп критиковал СВПД ещё во время своей предвыборной кампании. Ответственность за её заключение президент возложил на администрацию Обамы, объявив о необходимости выработки новой стратегии действий в отношении Ирана⁴². В мае 2018 г. он заявил о выходе США из СВПД.

Израиль приветствовал решение Трампа. Американский шаг был оценен как историческое решение⁴³, как шанс, что в случае необходимости, американцы могут дать добро на начало прямой конфронтации с Тегераном⁴⁴. Выход администрации Трампа из ядерного соглашения обозначил точку слияния сирийского конфликта и соглашения по ядерной программе в единую политический повестку дня в Израиле.

Сирийское направление как часть «иранской проблемы»

Сирийский кризис с момента его начала воспринимался израильтянами как внутренне дело соседней страны, которая так и не подписала с Израилем мирный договор и стала базой, транзитом и спонсором ряда террористических организаций. Выбранная в связи с этим стратегия включала три параметра. Во-первых, держаться максимально в стороне от самого конфликта. Во-вторых, проводить линию равной удалённости отношении интересов присутствующих на сирийском поле глобальных (США и Россия) держав, используя в случае необходимости рычаги политической или военной дипломатии. В-третьих, пока ситуация не угрожает непосредственно израильским границам, ограничивать своё вмешательство предоставлением гуманитарной помощи (включая лечение раненых в израильских больницах) и уничтожением источников спорадических обстрелов израильской территории – кто бы ни нёс за них ответственность, а также ликвидацией складов и караванов вооружений, пересылаемых из Сирии или через неё, покровительствуемыми Ираном радикальными исламскими группировками, способными нанести ущерб Израилю⁴⁵.

Свои подходы в отношении Сирии правительство тесно увязывало с «иранской проблемой». Оно считало, что усиление роли Ирана на Ближнем Восто-

⁴¹ Pfeffer Anshel. 2018. BIBI. The Turbulent Life and Times of Benjamin Netanyahu. New York: Basic Books. p.326.

⁴² Chiesa G. *Iran, Israel and the big mess in Washington*. URL: [Электронный ресурс]. <http://www.defenddemocracy.press/iran-israel-and-the-big-mess-in-washington> (accessed 06.08.2019)

⁴³ Ahren R., Cortellessa E. *Netanyahu hails tough new US strategy on Iran as 'the right policy'*. URL: [Электронный ресурс]. <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-hails-new-us-strategy-on-iran-as-the-right-policy/> (accessed 06.08.2019)

⁴⁴ For Netanyahu, Vindication and New Risk After Trump's Iran Decision. URL: [Электронный ресурс]. <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/for-netanyahu-vindication-and-new-risk-after-trumps-iran-decision.html> (accessed 06.08.2019).

⁴⁵ Подробнее см.: В. (З.) Ханин, *Израиль в контексте нового витка ближневосточного конфликта*. Москва: Институт Ближнего Востока, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23503> (accessed 06.08.2019)

ке и его присутствие в Сирии, в частности, подразделений иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), вынуждает его выдвинуть новую стратегическую задачу – вытеснить Иран из Сирии и воспрепятствовать поддержки Сирией радикальных организаций «Хезболла» и ХАМАС. Любые превентивные действия, которые нейтрализуют на ранней стадии потенциальные источники опасности в Сирии со стороны Ирана и его союзников (*Syria – From a State...* 2018: 15) считались оправданными. Кроме того, в сирийском конфликте Израиль увидел для себя уникальный шанс реализовать идею нормализации отношений с арабским миром, оставив за скобками палестинский вопрос.

Для борьбы с «Хезболлой» как иранской «прокси» и сохранения безопасности в районе Голанских высот ему был необходим влиятельный посредник, который помог бы избежать полномасштабного военного конфликта с Сирией. Таким посредником, по мнению израильтян, стала Россия, а не Америка. Это мнение подтвердил заместитель израильского премьер-министра по дипломатическим вопросам и бывший посол Израиля в Вашингтоне Михаэль Орен. По его мнению, американская роль состояла в том, чтобы предоставлять Израилю поддержку, однако у США почти не было рычагов влияния на местах. «Америка не вкладывалась в Сирию. Она не в игре», – заявил Орен⁴⁶. Политическое взаимодействие и координация усилий по сирийским проблемам между США и Израилем продолжались, но увязка конкретных проблем на сирийской территории велась на постоянной основе в основном между Израилем и Россией⁴⁷.

Попытки организации антииранского блока

Тема совместного противостояния «шиитскому полумесяцу» (Дамаск – Тегеран – «Хезболла») сегодня выходит едва ли не на первый план региональной политики Израиля. Руководство США и Израиля предпринимают усилия по созданию антииранского блока. В нём планируется объединить страны региона, связанные с Израилем договорными отношениями (Египет и Иорданию), а также умеренные арабские режимы (Саудовскую Аравию и Арабские Эмираты), несогласные мириться с растущим влиянием шиитского Ирана в регионе. Нетаньяху подчёркивал, что будет искать «полного мира» с арабскими и мусульманскими государствами, отмечая, что Израилю угрожает не ислам, а «радикальные режимы, стремящиеся заполучить ядерное оружие»⁴⁸.

В политическом словаре «realpolitik» с недавнего времени появилось новое понятие «frienemies» («друзья-враги»), обозначающее новые, возможно времен-

⁴⁶ Oren M. Israel Says Us Not in Syrian Game as Russia Seen Dominant. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-02-11/israel-says-u-s-not-in-syrian-game-as-russia-seen-dominant> (accessed 06.08.2019).

⁴⁷ Израиль вступил за Россию в Сирии назло США. [Электронный ресурс]. URL: <http://riafan.ru/440357-izrail-vstupilsya-za-rossiyu-v-sirii-nazlo-ssha> (accessed 06.08.2019).

⁴⁸ В Вашингтон – решать сирийские проблемы. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.israelinfo.ru/kaleidoscope/44406> (accessed 06.08.2019).

ные, альянсы, объединяющие страны и негосударственные акторы перед лицом общего противника или соперника. Эксперты считают, что за всеми новыми и весьма подвижными альянсами ближневосточных государств кроются более устойчивые и деятельные союзы стран «по интересам», которые не укладываются в обычную политическую логику, но на деле отменно работают⁴⁹. Началом одного такого альянса стало постепенное сближение двух внешне давно враждующих государств – Израиля и Саудовской Аравии. При всей разности религиозных, культурных, политических и географических региональных интересов у этих государств появилось совпадение стратегических задач – противостояние Ирану, укрепление которого обе стороны воспринимают как экзистенциальную угрозу. Израиль заговорил о необходимости создавать новые альянсы, не только с саудитами, но также странами Персидского залива, Бахрейном, Катаром, ОАЭ, Иорданией и Египтом.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе Израилю нужен такой механизм межарабского объединения для противостояния росту влияния Ирана в регионе. Однако в долгосрочной перспективе, как подчёркивают израильские эксперты, такой альянс может стать очередной проблемой для Израиля. Наличие общего врага не всегда может служить солидной базой для создания союза⁵⁰. Единство арабских государств всегда было трудной проблемой. В таком нестабильном регионе как Ближний Восток возможны любые изменения в режимах арабских стран, что обычно влечёт за собой изменения в приоритетах государственных интересах. А это, в свою очередь, как показывает практика, обычно ведёт к усилению антиизраильских настроений, что является действенным фактором сплочения арабских государств региона⁵¹. Кроме того, как отмечают израильские специалисты Й. Гужанский и М. Коби, политическое единство, военные возможности арабских государств далеки от того, чтобы стать значительным компонентом обеспечения безопасности для членов задуманного альянса, и его значение, очевидно, носило бы в большей степени символический характер⁵².

Таким образом, перед Израилем в настоящее время стоят следующие задачи. На палестинском направлении: отход от старой парадигмы «договор о постоянном статусе должен быть достигнут в ходе переговоров, при этом стороны должны придерживаться принципа “ничего не решено до тех пор, пока все не решено”». Сегодня на повестке дня стоит новая региональная парадигма: переговоры должны начаться на базе согласованных контуров окончательного ре-

⁴⁹ Альянс шестиконечной звезды и полумесяца: цели и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: http://mnenia.zahav.ru/Articles/3755/alyans_shestikonechnoi_zvezdi (accessed 06.08.2019).

⁵⁰ Guzanskun Y., Kobi M. Establishing an Arab NATO: Vision versus Reality. *INSS Insight* No. 1107, November 15, 2018. [Электронный ресурс]. http://www.inss.org.il/publication/establishing-arab-nato-vision-versus-reality/?utm_source=activetraill&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201106+1107 (accessed 06.08.2019).

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

шения конфликта (возможно, на базе некоторых параметром «сделки Трампа»), которые должны быть применены последовательно по принципу: «что решено, должно быть применено». Очевидно, эта задача в новых региональных условиях может быть достигнута на основе четырех компонентов – возвращение к формуле «два государства для двух народов» на базе соглашения с палестинской стороной о безопасности и экономическом сотрудничестве, а также политической нормализации. Новым содержанием данной формулы могут стать территориальные уступки Израиля и их компенсация за счёт американских гарантий и арабского участия в процессе урегулирования и его дальнейшего финансирования. Представляется, что практическое воплощение всех перечисленных условий в краткосрочной перспективе довольно сомнительно.

На иранском направлении большое значение имеют следующие шаги администрации Трампа. Важным фактором поддержания Америкой «понимания» проблемы безопасности Израиля, базируется именно на «иранской угрозе». Как представляется, раннее принятые решения, прежде всего, объявление о готовящейся «сделке мира» с палестинцами и перенос посольства США в Иерусалим, являются не только исполнением предвыборных обещаний президента в рамках улучшения отношений с Израилем, но и признаками активизации антииранской политики. Решение о компромиссном подходе (*«by giving each side what it wants»*) к урегулированию, по мнению США, должно успокоить палестинцев, а по Иерусалиму – израильтян. Эти шаги, в свою очередь, укрепят возможности сближения Израиля с суннитскими государствами на базе антииранского альянса⁵³.

На этом фоне еврейское государство пытается выстроить новую политическую схему региональных отношений, при которой другие ближневосточные игроки были бы заинтересованы в совместных с ним действиях против усиливающегося Ирана. Однако нарастающее давление Вашингтона на Иран создаёт возможные новые риски для Израиля. В течение нескольких десятилетий израильскому государству не угрожала возможность межгосударственной войны, теперь такая угроза вновь может появиться в случае обострения американо-иранской конфронтации вплоть до военной. Хотя эта угроза носит гипотетический характер, не учитывать её в рамках своей региональной программы Израиль не может.

Об авторе:

Татьяна Анисимовна Карасова – ведущий научный сотрудник Отдела Израиля Института востоковедения РАН. 107031, Москва. ул. Рождественка, д.12. E-mail: karasovat@list.ru.

Конфликт интересов:

Автор декларирует отсутствие конфликта интересов.

⁵³ Lungen P. Daniel Pipes: U.S. Embassy move may bring regrets. [Электронный доступ] URL: <http://www.cjnews.com/perspectives/daniel-pipes-u-s-embassy-move-may-bring-regrets> (accessed 06.08.2019).

Received: July 1, 2019
Accepted: August 15, 2019

New Trends in Israel Regional Policy (2009-2019)

T.A. Karasova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-180-200

Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences

Abstract: Changes in Israeli regional politics were triggered by the current political situation in the Middle East, characterized by a high degree of intensity and unpredictability. The region experiences a complex process of serious political changes making Israel adjust its regional policy to the new challenges. The article focuses upon the new elements of Israelis strategy on key regional issues: the settlement of Palestinian-Israeli conflict; new approaches to countering Iranian nuclear program; the Syrian civil war and escalation of terrorism activities. The aim of the article is to describe and analyze new trends in Israeli regional strategy over the past 10 years identifying its external and internal factors. The main external factor is a close partnership of Israel with US, which plays a key role in supporting Israel's regional and international status. The changes taking place inside the region could be considered as internal factors. They include Arab Spring; prospects for settlement of the Palestinian-Israeli conflict; the growth of the Islamic radicalism and terrorism, new terrorist groups such as ISIS, and the civil war in Syria.

The main changes of Israeli regional policy include toughening approaches to resolving the Palestinian-Israeli conflict, in particular, de facto abandonment of the «two states for two peoples» formula. Equally important are events that, although not directly related to Israel, are changing its regional agenda. Assessment of Iran's nuclear program as an existential threat explains Israel's negative attitude to the international agreement with Iran in 2015 during the presidency of B. Obama (JCPOA). The subsequent withdrawal of the Trump administration from this agreement strengthened Israel's anti-Iranian position. This also allowed Israel to develop cooperative ties with the so-called pro-Western states of the region, such as Saudi Arabia and some Persian Gulf countries in pursuit of containing the Iranian nuclear threat and its growing regional influence. Saudi Arabia and the Gulf countries became real partners of Israel in confronting Iran. This gives the Israeli state the opportunity to at last enter the regional system and free itself from the traditional image of rogue state among the Muslim countries in the Middle East.

Key words: Israeli regional policy, Americano-Israeli relations; Palestinian-Israeli conflict, Iranian nuclear program, civil war in Syria; new tactical alliances in the Middle East

About the author:

Tatyana Anisimovna Karasova – researcher of the Department of Israel, Institute of Oriental studies. 107031, Moscow. st. Rozhdestvenka, d.12. E-mail: karasovat@list.ru.

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Beck M. (2010). Israel. Regional Politics in a Highly Fragmented Region. Flemes D. (ed.) *Regional Leadership in the Global System. Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers*. Surrey: Ashgate. P. 127–148.
- Beck M., Hüser S. (2012). Political Change in the Middle East. An Attempt to Analyze the “Arab Spring.” *GIGA Working Papers*, 203, Hamburg, GIGA Henner härting. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137484758_1
- Burgan M. 2010. *Barack Obama*. Chicago: Heinemann Library.
- Caplan N. 2010. *The Israel-Palestine Conflict: Contested Histories*. Chichester, UK, and Malden: Wiley-Blackwell. 2010. 317 p.
- Caspit B. 2017. *The Netanyahu Years*. New York: Thomas Dunne Books. 512 p.
- Cook S.A., Stokes J. Brock A. 2014. The Contest for Regional Leadership in the New Middle East. *Middle East Security Series*. Center for New American Century.
- Creveld M. 2010. *The Land of Blood and Honey. The Rise of Modern Israel*. New York.: St. Martin ‘s Press.
- Ehteshami A. 2012. MENA Region: Security and Regional Governance. In Breslin S., Croft S. (eds.) *Comparative Regional Security Governance*. Routledge, New York. P.131-154.
- Eran O. 2012. The United States Confronts the Challenges of the Middle East. In: Guzansky Y., Heller M.A. (eds) *One Year of the Arab Spring: Global and Regional Implications*. Tel Aviv: Institute for National Security Studies.
- Fawcett L. 2012. Regional leadership? Understanding power and transformation in the Middle East. In: Godehardt N., Nabers D. (eds.) *Regional Powers and Regional Orders*. Taylor and Francis. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9780203815984/chapters/10.4324/9780203815984-18>
- Freedman L. 2009. *Choice of Enemies. America Confronts the Middle East*. London: Weidenfeld & Nicolson. 415 p.
- Geller P., Spenser R. 2010. *The post-American presidency: the Obama administration’s war on America*. New York: Threshold Editions A Division of Simon & Schuster, Inc. 402 p.
- George E. 1912. *Secret diplomacy*. London: S. Swift and Co. Ltd.
- Gold D. 1993. *Israel as American Non-Nato Ally. Parameters of Defense-Industrial Cooperation*. Colorado: Jaffe center for Strategic Studies (JCSS). Jerusalem Post, Israel and Westview Press Boulder. 92 p.
- Heller M.A. 2014. Israel as a Regional Power: Prospects and Problems. In: Fürtig H. (eds) *Regional Powers in the Middle East. The Modern Muslim World*. Palgrave Macmillan, New York.
- Hitchcock M. 2013. *Iran and Israel: Wars and Rumors of Wars* Paperback Harvest House Publishers.
- Kappel R. (2014) Israel: The Partial Regional Power in the Middle East. In: Fürtig H. (eds) *Regional Powers in the Middle East. The Modern Muslim World*. Palgrave Macmillan, New York. DOI: 10.1057/9781137484758_8
- Mann J. 2012. *The Obamians: The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. New York: Viking. 416 p.
- McMahon S.F. 2013. *The Discourse of Palestinian-Israeli Relations: Persistent Analytics and Practices*. New York: Routledge. 224 p.
- O’Mailly P. 2015. *Two-State Delusion. Israel and Palestine. A Tale of Two Narratives*. New York: Penguin Books. 512 p.
- Oren M. 2015. *Ally. My Journey Across the American-Israeli Divide*. New York: Random House. 432 p.
- Peres Sh. 1987. Four Regional Challenges: An Israeli Approach. *Middle East Insight*. 5(1).
- Peri Y. 2006. Generals in the Cabinet Room. How the Military Shapes Israeli Policy. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press. P. 63-64. 336 p.
- Petras J. 2014. *The Politics of Empire: The US, Israel and the Middle East*. Clarity Press. 154 p

- Pfeffer A. 2018. *Bibi. The Turbulent Life and Times of Benjamin Netanyahu*. New York: Basic Books. 286 p.
- Ross D. 2015. *Doomed to Succeed. The U.S.- Israel Relationship from Truman to Obama*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Ross D. 2015. *Doomed to Succeed. The U.S.- Israel Relationship from Truman to Obama*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2015 p.342. 496 p.
- Ross D., Makovsky D. *Myths, Illusions and Peace: Finding a New Direction in the Middle East*. N.Y.: Penguin, 2009. 357p.
- Russian and Israeli Outlooks on Current Development in the Middle East*. 2015. Memorandum. Conference Proceedings. Ed.: Magen Z., Karasova T. Ramat-Aviv: INSS. 87 p.
- Shabtai S. 2010. Israel's National Security Concept: New Basic Terms in the Military-Security Sphere. *Strategic Assessment*. 13(2). p.128.
- Trump D. 2016. *Byloe velichie Ameriki* [America's Former Greatness]. Moscow: Eksmo. 256 p. (In Russ.)
- Vakil S. 2018. *Understanding Tehran's Long Game in the Levant. The Levant. Search for a Regional Order*. (Mustafa Aydin ed. – Berlin: Conrad Adenauer Stiftung, 315 p. Katz Y, Hendel Y. Israel vs. Iran: The Shadow War – Potomac Books, 2012 - 254
- Valensi C., Dekel U., Kurz A. 2017. *Syria – From a State to a Hybrid System: Implication for Israel*. Memorandum No.171. Tel Aviv: Institute for National Security Studies.
- Wanis St., John A. 2017. *An Assesment of Back Channel Diplomacy: Negotiations Between the Palestinians and Israelis - Syracuse Studies on Peace and Conflict Resolution*. Syracuse University Press. 376 p.
- Blizhnij Vostok v menyayushchemya global'nom kontekste* [The Middle East in a Changing Global Context]. 2018. Kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.G. Baranovskij, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN. 556 p. (In Russ.)
- Blizhnij Vostok, arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: What's Next?] 2012. Sbornik statej. Otv. red. V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznecov. Moscow: IV RAN. 593 p. (In Russ.)
- Demchenko A.V. 2018. Vliyanie «arabskoj vesny» na situaciyu v Palestine [The Influence of the "Arab Spring" on the Situation in Palestine.]. *Mezhdunarodnyj al'manah «Ural'skoe vostokovedenie»*. Ekaterinburg: URFU. Vypusk 8. 101p. (In Russ.)
- Dreznner D. 2015. *Est' li u Obamy bol'shaya strategiya. Sovremennaya nauka o mezhdunarodnyh otnosheniyah za rubezhom* [Does Obama Have a Big Strategy. Modern Science of International Relations Abroad]. Hrestomatiya v trekh tomah, tom 3. Moscow: NP RSMD. 334 p. (In Russ.)
- Gringrich N. 2018. *Ponimaya Trampa* [Understanding Trump]. Moscow: Eksmo. 480 p. (In Russ.)
- Karasova T.A. 2009. *Politicheskaya istoriya Izrailya* [Political history of Isreal]. Blok Likud: proshloe i nastoyaschee. Moscow: Natalis: IV RAN, 2009. 528 p. (In Russ.)
- Karasova T.A. 2015. *Izrail' i SSHA. Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo sotrudnichestva 1948-2014* [Israel and the United States. The Main Stages of Strategic Cooperation 1948-2014.]. Moscow: Aspekt Press. 390 p.
- Karasova T.A. 2017. *Otnosheniya Izrailya i Irana na sovremennom etape* [Relations between Israel and Iran at the present stage]. In *Iran v mirovoj politike*. Ed by. N.M. Mamedova. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. P. 232-242. (In Russ.)
- Mar'yasov A.G. 2017. *Yadernaya problema v otnosheniyah Irana s Zapadom* [The Nuclear Issue in Iran's Relations with the West. – Iran in World Politics]. *Iran v mirovoj politike*. Otv. red. N.M. Mamedova. Moscow: IV RAN. (In Russ.)
- Mejsan T. 2017. *Prestupleniya glubinnogo gosudarstva. Ot 11 sentyabrya do Donal'da Trampa* [Crimes of the Deep State. From September 11 to Donald Trump]. Moscow: AST. 336 p. (In Russ.)
- Zvyagel'skaya I.D. 2012. *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt Press. 359 p. (In Russ.)

Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhnij Vostok i Central'naya Azija: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Performance]. Moscow: Aspekt Press. 159 p. (In Russ.)

Литература на русском языке:

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. 2018. Коллективная монография. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. Москва: ИВ РАН. 556 с.

Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? 2012. Сборник статей. Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. Москва: ИВ РАН. 593 с.

Трамп Д. 2016. *Былое величие Америки*. Москва: Эксмо. 256 с.

Вольф М. 2018. Огонь и ярость в Белом доме Трампа. Москва: ACT: CORPUS. 448 с.

Грингрич Н. 2018. *Понимая Трампа*. Москва: Эксмо. 480 с.

Демченко А.В. 2018. Влияние «арабской весны» на ситуацию в Палестине. – *Международный альманах «Уральское востоковедение»*. Екатеринбург: УРФУ. Выпуск 8. 101 с.

Дрезнер Д. 2015. *Есть ли у Обамы большая стратегия. Современная наука о международных отношениях за рубежом*. Хрестоматия в трех томах, том третий. Москва: НП РСМД. 334 с.

Звягельская И.Д. 2012. *История Государства Израиль*. Москва: Аспект Пресс. 359 с.

Звягельская И.Д. 2018. *Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении*. Москва: Аспект Пресс. 159 с.

Марьясов А.Г. 2017. Ядерная проблема в отношениях Ирана с Западом. *Иран в мировой политике*. Отв. ред. Н.М. Мамедова. Москва: ИВ РАН. с. 75.

Мейсан Т. 2017. *Преступления глубинного государства. От 11 сентября до Дональда Трампа*. Москва: ACT. 336 с.

Карасова Т.А. 2015. *Израиль и США. Основные этапы становления стратегического сотрудничества 1948-2014*. Москва: Аспект Пресс. 390 с.

Карасова Т.А. 2017. Отношения Израиля и Ирана на современном этапе. *Иран в мировой политике. XXI век*. Отв. ред. Н.М. Мамедова. Москва: Издатель Воробьев А.В. С. 232-242.

Израиль и миграция высококвалифицированной рабочей силы: утечка мозгов и возможности пополнения рынка качественным человеческим капиталом

Д.А. Марьясис

Институт востоковедения Российской академии наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Международная миграция рабочей силы – один из важнейших элементов современной глобальной экономики. По мере повышения степени научоёмкости экономики всё более важную роль начинает играть миграция высококвалифицированных кадров. Для Израиля как для общества иммигрантов вопросы миграции играли первостепенное значение с первых дней существования независимого государства. Однако в первые десятилетия их обсуждение концентрировалось в основном вокруг влияния иммигрантов на экономическое развитие страны и выявления наиболее эффективных способов адаптации. В настоящее время израильская экономическая модель построена таким образом, что в её центре стоят институты экономики знаний, что требует значительного количества рабочей силы соответствующего уровня квалификации. Вместе с тем сегодня наблюдается достаточно существенная эмиграция из Израиля именно таких специалистов, в основном в США. Данная статья посвящена анализу сложившейся проблемы, актуальной не только для Израиля, но и для экономически развитых стран в целом. В статье проведён краткий библиографический обзор, сконцентрированный на двух аспектах – трудах отечественных израилеведов, посвящённых вопросам миграции, и работах иностранных авторов по этой тематике, в основном социально-экономического характера. Также рассматриваются вопросы современной иммиграции высококвалифицированной рабочей силы в Израиль на основе анализа спроса и предложения на рынке труда страны в секторе высоких технологий, а также оценки эффективности программ, созданных для привлечения иностранных специалистов-неевреев в страну. Также в статье рассматриваются проблематика эмиграции высококвалифицированной рабочей силы из Израиля, даётся представление о масштабах явления на основе международных сравнений; указываются и разбираются основные причины происходящего; анализируются государственные программы по возвращению соотечественников. В заключении приведены основные выводы исследования, утверждается, что Израиль должен

УДК 325

Поступила в редакцию: 08.07.2019 г.

Принята к публикации 25.07.2019 г.

проводить более эффективную политику по привлечению в страну высококвалифицированных иммигрантов-неевреев, что позволит в полной степени реализовать сложившиеся позитивные экстерналии и несколько демпфировать проблему утечки мозгов.

Ключевые слова: Израиль, высококвалифицированная рабочая сила, утечка мозгов, государственные программы, стимулы к эмиграции, высокие технологии, обладатели академической степени, государственные программы решения миграционных проблем

Высокие технологии подразумевают значительный уровень научности. Это означает, что наличие качественной рабочей силы играет с каждым годом всё более важную роль. В связи с этим проблематика миграции высококвалифицированной рабочей силы стала в последние годы популярной как среди академических исследований, так и в СМИ. Как показывает известный израильский исследователь Ассах Разин, по разным причинам высококвалифицированные иммигранты предпочтительнее для целевых стран, чем низкоквалифицированные. Например, ожидается, что высококвалифицированные иммигранты будут платить больше налогов и таким образом превысят расходы государства на их адаптацию в целевой стране. Кроме того, от таких иммигрантов ожидается внесение вклада в повышение уровня технологического развития принявшей их страны. В то же время низкоквалифицированные иммигранты приводят к снижению уровня оплаты местных низкоквалифицированных рабочих, к тому же они являются дополнительной нагрузкой на фискальную систему принимающей страны. Вместе с тем, если миграционная политика, стимулирующая приток высококвалифицированной рабочей силы, также предполагает благоприятный режим воссоединения семей, то также происходит и приток низкоквалифицированной рабочей силы» (Razin 2018: 140). Быстрый рост сектора высоких технологий при общем сокращении рождаемости заставил такие страны как Канада, Великобритания и Германия задуматься о стимулировании иммиграции высококвалифицированной рабочей силы. Причём для Германии, которая традиционно предоставляла довольно мало возможностей для иммиграции с целью постоянного проживания, это стало существенным поворотом (Gould, Moav 2007: 2).

Для Израиля, как для общества переселенческого типа, вопросы, связанные с миграцией населения в тех или иных аспектах, всегда были предметом академических исследований. В молодой стране, в первые десятилетия существования которой большинство населения составляли иммигранты из различных стран и регионов мира (отметим, что все они при этом были евреями), основной фокус естественным образом был смещён в сторону анализа иммиграционных потоков и их влияния на различные аспекты развития государства и общества. Вне всякого сомнения, иммиграция стала одним из значимых факторов высоких

темпов развития экономики Израиля. В последние годы, продолжая оставаться целевой страной для еврейской иммиграции (хотя в значительно меньших масштабах, в частности, ввиду того, что источников иммиграции становится всё меньше), Израиль стал источником поступления высококвалифицированной рабочей силы в США, выделяясь на этом фоне из других стран-доноров человеческого капитала в эту страну. Выявление факторов, способствующих развитию сложившейся ситуации, и является главной задачей данного исследования.

Методологической основой статьи являются эвристические методы качественного анализа. К использованным методам исследования относится декомпозиция и композиция (разбор сложной системы на составляющие с их последующей «сборкой») и связанный с этим метод агрегирования (конструирование, основанное на том, что объект исследования рассматривается как конструкция, расчленённая на самостоятельные узлы, сочетания которых могут выполнять одну функцию или, при перекомпоновке, менять рабочие функции). Методология выбрана ввиду концептуальной приверженности автора институциональному подходу. В данном случае под институтами понимается система правил, убеждений, норм и связанных с ними организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения.

Соответственно в данной работе анализируется проблема, которая сложилась ввиду не совсем корректного функционирования рыночных и государственных институтов, породивших в итоге стремление к эмиграции из Израиля высококвалифицированной рабочей силы и не сформировавших адекватную систему привлечения высококвалифицированным иммигрантов-неевреев в страну.

В рамках данной статьи нет возможности привести подробную историографию исследований данного вопроса. К тому же настоящая работа посвящена рассмотрению социально-экономических аспектов довольно узкой составляющей миграционной проблематики. Вместе с тем необходимо отметить, что все ведущие отечественные израилеведы, начиная ещё с Г.С. Никитиной (Никитина 1968: 5), в том или ином контексте затрагивали вопросы миграции. Отдельное внимание этой проблематике уделяется в двух научных трудах российских авторов, посвящённых многостороннему анализу экономического развития Израиля – А.В. Федорченко и Е.Я. Сатановского (Федорченко 1998: 28-56; Сатановский 1999: 23-26). Так или иначе, социологические, исторические, культурные аспекты иммиграции раскрываются в работах И.В. Масюковой и Н.А. Семенченко (Масюкова 2016a; Масюкова 2016b; Семенченко 2002a; Семенченко 2002b). Вопросы участия Израиля в миграции рабочей силы, а также эмиграции из страны высококвалифицированных работников рассматривались в исследованиях Д.А. Марьясиса (Марьясис 2007; Марьясис 2015: 196-198).

Из современных израильских исследователей стоит выделить двух – Ассафа Разина и Дана Бен-Давида, – которые достаточно регулярно обращаются к теме миграции именно с социально-экономической точки зрения. Так, Разин в 2018 г.

выпустил обширную статью, в которой с применением математических моделей показал роль массовой иммиграции евреев в Израиль из стран бывшего СССР в изменении экономической политики принявшей страны, в частности в сфере системы перераспределения доходов (Razin 2018a). В том же году вышла книга Разина об экономике Израиля, в которой вопросам миграции была посвящена одна глава (Razin 2018b: 131-150), в которой анализировался аспект эмиграции из Израиля высококвалифицированных. Он же вместе с своим постоянным соавтором Эфраимом Цадкой и известным экономистом тайского происхождения Бъеняронгом Суванкири в 2011 г. выпустил книгу, посвящённую влиянию иммиграции на развитие государства всеобщего благоденствия (Razin, Sadka, Suwankiri 2010), которая представляла собой классическое экономическое исследование с формулированием эконометрических моделей. Вместе с тем выводы авторов имеют и практическую значимость. Хотя монография не посвящена Израилю, очевидно, что её авторы опирались на исследование опыта этой страны. Кроме того, результаты их исследования безусловно являются актуальными для Израиля, в социальной культуре и экономике которого понятие всеобщего благоденствия и вопросы миграции до сих пор играют важную роль.

Израильский экономист Дан Бен-Давид в своих исследованиях касается наиболее острых социально-экономических проблем еврейского государства, в частности, эмиграции из страны высококвалифицированной рабочей силы. В настоящей статье используются материалы его новейшего анализа по изучаемой теме, вышедшего в мае 2019 г. (Ben-David 2019). Также автором данной статьи использованы материалы наиболее значимых трудов других исследователей, занимающихся изучением роли миграции в экономическом развитии Израиля.

Высококвалифицированные иммигранты

В отличие от других обществ переселенческого типа, Израиль стал целевой страной только для евреев и членов их семей. Идеологически и потом законодательно получение гражданства этой страны людьми других национальностей не предполагалось. Поскольку Израиль – относительно молодая страна (в 2018 г. был отмечен семидесятилетний юбилей его создания), которая первые пятьдесят лет своей истории была ещё к тому же достаточно бедной и развивалась в сложной геополитической обстановке, предположить, что кто-то кроме евреев захочет мигрировать в Израиль, было практически невозможно¹, тем более, что руководство страны главной задачей видело обеспечение работой именно иммигрантов-евреев.

В XX в. Израиль пережил две волны массовой иммиграции высококвалифицированной рабочей силы. Первая относится к 1930-м гг., когда евреи вы-

¹ Единственной нееврейской группой, которая в том или ином виде претендует на переезд в Израиль, являются арабские беженцы из Палестины. Поскольку этот вопрос имеет в настоящий момент всё же сугубо политическую коннотацию, в данной статье он не рассматривается.

нуждены были спасаться бегством от нацистского режима в Германии, а въезд в другие страны по ряду причин был для них закрыт. В то время еврейского государства ещё не существовало, но была создана официальная еврейская община Палестины, ставшая потом основой независимого государства.

Вторая волна пришла на 1990-е гг., когда Израиль принял почти миллион человек из стран бывшего СССР. Как показали исследования израильских структур, ответственных за абсорбцию новых репатриантов, образовательный уровень этих новых граждан превышал среднеизраильский: 2.3% новоприбывших имели вторую и третью учёные степени, в то время как в целом по Израилю этот показатель составлял 1.2%. 2/3 этих иммигрантов имели высшее образование; 40% обладали опытом работы в сфере науки и высшего образования. Более 10% новых иммигрантов имели дипломы инженеров (их число почти вдвое больше количества инженеров израильского происхождения). Среди репатриантов из бывшего Советского Союза преобладали специалисты прогрессивных технологий и технологий новых материалов (Федорченко, Марьясис 2006: 23). Сегодня ни у кого ни в Израиле, ни среди зарубежных экспертов нет сомнения в том, что эта иммиграционная волна стала одной из существенных причин израильского экономического чуда второй половины 1990-х гг. Постепенный отход представителей этой волны от активной экономической деятельности в результате старения может стать острой проблемой для израильской экономики высоких технологий, в случае если вопросы её кадрового обеспечения не будут решены.

В Израиле много пишут о том, что сектору высоких технологий, в котором, по данным Управления инноваций Израиля (УИИ), в 2018 г. было открыто порядка 15 тыс. ставок², не хватает работников³. Особенno много требуется инженеров и других специалистов высокой квалификации. Интересно, что в последние годы количество увольнений в секторе высоких технологий последовательно снижется, а количество тех, кто перестал работать по собственному желанию, растёт⁴. Эта тенденция свидетельствует о росте спроса на высококвалифицированную рабочую силу в указанном сегменте рынка. Об этом же свидетельствует и то, что в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) рост реального уровня оплаты труда в 2011-2017 гг. составил 30%, тогда как в целом по отраслям экономики – 12% (Bahar 2018: 2).

Как на государственном, так и на общественном уровне видятся четыре параллельно реализуемых основных пути решения проблемы нехватки высо-

² High Tech Belsrael 2018: Tsmicha BeTsalo Shel Seder Olami Khadash / Israel Innovation Authority (Электронный ресурс). URL: <https://innovationisrael.org.il/InnovationRapport18/NewWorldOrder> (accessed: 26.07.2019).

³ См., например: Zerachovich O. Proportion of Israeli Workforce in High Tech to Rise Sharply (Электронный ресурс). URL: <https://en.globes.co.il/en/article-proportion-of-israeli-workforce-in-high-tech-to-rise-sharply-1001285917> (accessed: 26.07.2019); Zerachovich O. Increasing High-Tech Work Force Harder than It Sounds (Электронный ресурс). URL: <https://en.globes.co.il/en/article-producing-more-hightech-employees-is-easier-than-it-sounds-1001291352> (accessed: 26.07.2019).

⁴ Ibid.

коквалифицированных кадров в экономике: увеличить долю в рабочей силе ультраелигиозных евреев и арабов-граждан Израиля, а также при помощи различного рода курсов повысить уровень квалификации уже существующих работников; стимулировать получение соответствующего образования ещё на уровне средней школы; стимулировать возвращение из-за рубежа израильян, обладающих соответствующей квалификацией; привлечь в страну иностранную высококвалифицированную рабочую силу. Первые два пути решения данной проблемы не относятся к теме настоящей статьи, особое внимание уделяется третьему и четвёртому варианту.

Интересно отметить, что Израиль до 2017 г. не содействовал иммиграции высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, тогда как иностранные рабочие допускались (и допускаются) в сферы, где требуется низкоквалифицированный труд, например, в сферу строительства. Между тем страна могла бы оказаться привлекательной для высококвалифицированных специалистов, например, из Индии. Скорее всего, такая ситуация сложилась из-за специфического отношения в Израиле к иммиграции вообще. Однако, если Израиль стал допускать (и довольно давно) иностранных рабочих в некоторые сферы деятельности, возникает вопрос: почему страна закрывает для них сферы, в которых принципиально важно сохранить свой высокий уровень и активно развиваться? Осторожный оптимизм внушает тот факт, что первые шаги в этом направлении уже сделаны

Летом 2017 г. была запущена программа инновационных виз. Она рассчитана на привлечение в Израиль иностранных предпринимателей с инновационными идеями. Предприниматель из другой страны, заинтересованный в развитии своих идей и достижения стадий НИОКР в Израиле, имеет возможность получить данную визу на 24 месяца. За это время он получает поддержку и необходимую практическую помощь через специальную «поддерживающую инфраструктуру», созданную на базе 12 инкубаторов и сходных по своей идеологии структур. Его также всячески стимулируют к подаче заявки на программу УИИ «Тнуфа»⁵. В случае если опыт оказался успешным и идея вырастает в реальный бизнес, иностранный предприниматель может получить разрешение на работу в своей компании в Израиле (экспертную визу) ещё на пять лет и право участия в других программах государственной поддержки инноваций⁶.

⁵ «Тнуфа» («размах» – ивр.) – нацелена на самую раннюю стадию развития технологического проекта – так называемую «предпосевную стадию», которая подразумевает в основном наличие описанной инновационной идеи. Задача программы – дать возможность автору идеи пройти начальный этап, чтобы подтвердить её технологическую оправданность и потенциальные рыночные перспективы. Для этого помимо денежного гранта в рамках программы организуются семинары и мастер-классы по соответствующим тематикам, а также оказывается помощь в поисках потенциальных инвесторов.

⁶ К моменту написания статьи данных о количестве иностранных предпринимателей, въехавших в страну по этой визе, автору найти не удалось. Подробнее о программе см. официальный сайт: <https://innovationisrael.org.il/en/program/innovation-visas-program-foreign-entrepreneurs-pilot> (accessed: 26.07.2019).

Существенным шагом по изменению ситуации с привлечением иностранных высококвалифицированных специалистов в Израиль стала запущенная в 2018 г. Управлением населения и иммиграции Израиля онлайн-платформа, позволяющая местным компаниям, работающим в тех областях, которые принято обозначать термином «высокие технологии» (подтверждение этого статуса предоставляет УИИ), подавать запрос на предоставление двухлетних израильских рабочих виз иностранным специалистам, причём без ограничения в количестве⁷. Программа составлена таким образом, чтобы максимально быстро и эффективно получить визу, при этом важно, что второму члену семьи, приглашенного на работу в Израиль таким образом, также выдаётся рабочая виза⁸. Данные по числу запросивших такие визы в открытых источниках пока тоже не публикуются.

Интересную идею, дополняющую программы привлечения иностранных инновационных предпринимателей и высококвалифицированных кадров в Израиль, выдвинули эксперты института *Brookings*. Дело в том, что в стране уже долгие годы существует программа МАШАВ (*Merkaz le shituf peula beinleummi* – ивр.). Она представляет собой центр содействия экономического развития, который занимается проведением ряда тренингов и других обучающих программ по использованию эффективных методов развития различных отраслей хозяйства. Сельское хозяйство здесь играет зачастую главную роль. В определённой степени эта программа является скрытой рекламой израильских технологий. Свои проекты МАШАВ реализует в ряде стран Азии, Африки, Восточной Европы⁹. В рамках программы предлагается открыть специальные курсы по тем направлениям, которые интересны для израильского сектора высоких технологий. Пройдя курсы по проектам данной программы, представители развивающихся стран смогут подавать заявления на рассмотренные ранее визовые треки и поступить на израильский рынок труда. Уровень зарплатных ожиданий этих людей будет относительно невысок, а квалификация может оказаться вполне достаточной. Более того, вернувшись затем в свои страны, они не только будут способствовать повышению уровня их экономического развития, но и могут быть своего рода «агентами» израильских высоких технологий и содействовать развитию двусторонней кооперации с Израилем¹⁰.

Важным сдвигом в израильской политике относительно иммиграции высококвалифицированной рабочей силы стало то, что иностранцы в принципе получили возможность доступа на израильский рынок высоких технологий. А на то, чтобы оценить эффективность такой политики, потребуется время.

⁷ Yefet N. Israel Eases Entry of Foreign Tech Experts (Электронный ресурс). URL: <http://www.globes.co.il/en/article-israel-eases-entry-of-foreign-tech-experts-1001217775> (accessed: 26.07.2019).

⁸ Reshet HaHadshanut: Assiya BeTnufa (Электронный ресурс). URL: <https://innovationisrael.org.il/InnovationRapport18/SoaringAchievements> (accessed: 26.07.2019).

⁹ Подробнее о программе МАШАВ см.: (11); а также интернет-сайт: <http://www.mashav.mfa.gov.il/MFA/mashav/Pages/default-old.aspx> (accessed: 26.07.2019).

¹⁰ Представлено на основе (Bahar 2018: 6–8).

Высококвалифицированные эмигранты

Так как Израиль провозгласил себя «домом для всех евреев», эмиграция из страны традиционно считалась предательством сионистского проекта. Иммигранты в Израиль называются «олим» – поднимающиеся, а эмигранты – «йордим» – спускающиеся. В последние десятилетия ситуация несколько смягчилась, и дискуссия идёт не об обвинении эмигрантов, а строится скорее вокруг ответа на вопрос, что же плохо в израильском обществе, что такое значительное количество людей уезжает из страны. Спор зачастую политически ангажирован и затрагивает, в частности, вопросы безопасности и провала мирного процесса с палестинцами, а также проблемы сужения возможностей для среднего класса страны (Rosenberg 2018: 136).

Кроме того, любая дискуссия по эмиграции и утечке мозгов сталкивается с проблемой неопределённости фундаментальных данных. Люди, готовящиеся уехать из страны, не всегда информируют об этом официальные власти. Многие живущие за рубежом длительное время люди не планируют оставаться там навсегда, тогда как многие, уехавшие относительно недолго по контракту, образовательным причинам или даже в отпуск, в итоге решают сделать эту страну местом своего постоянного проживания. В случае Израиля большое количество иммигрантов в составе населения, в особенности волна иммигрантов из стран бывшего СССР, привлекшая в страну более 1 млн человек в 1990-х гг., означает, что в Израиле проживает значительное количество людей с двумя гражданствами, прочными семейными, культурными и иными связями с другими странами. Это повышает вероятность их возвращения в страны исхода на длительные периоды времени, если не на постоянное место проживания (Rosenberg 2018: 134), что подтверждается данными Центрального статистического бюро (ЦСБ) Израиля¹¹. В частности, в начале XXI в. среди уехавших был высок процент репатриантов из бывшего СССР, получивших в Израиле третью академическую степень и решивших добиться успеха за пределами страны. 30% докторов наук-репатриантов из СНГ решились на «релокацию», в то время как среди уроженцев страны этот показатель составляет только 12%, а среди израильтян-уроженцев США – 19%. Средний возраст уехавших докторов наук составляет 34 года. Согласно этим же данным, по состоянию на конец 2016 г. за пределами Израиля проживали порядка 560-596 тыс. его граждан¹², что в процентном отношении от общей численности населения страны не является значимым показателем.

США, безусловно, служат магнитом для лучших представителей научного мира из разных стран. Доля иммигрантов в науке, технологиях, инженерных профессиях и математике непропорционально высока. Поскольку и для высококвалифицированных израильтян целевой страной эмиграции в основном

¹¹ Приводится по: Alon A. Stats Show more Israelis Leave Country than Return (Электронный ресурс). URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-5330592,00.html> (accessed: 26.07.2019).

¹² Ibid.

являются США, то дальнейший анализ будет сконцентрирован на тенденциях эмиграции из Израиля именно в эту страну. Так, как показывает Д. Бен-Давид, население Израиля в 2006-2016 гг. по сравнению с 1995-2005 гг. выросло на 24%, тогда как количество израильтян, получивших американское гражданство, выросло в тот же период на 32%. И это при том, что на конец периода 1995-2005 гг. пришлось второе палестинское восстание (интифада Аль-Аксы), тогда как следующее десятилетие было относительно спокойным. При этом как раз в США с экономической точки зрения первая из двух десятилеток была позитивной, особенно по сравнению с кризисом 2008-2009 гг., который был наиболее тяжёлым с 1930-х гг. И несмотря на всё это, количество израильтян, иммигрировавших в США во втором десятилетии, по сравнению с первым было на треть выше, чем рост населения Израиля в тот же период (Ben-David 2019: 2).

Итак, в период с 1980 по 2010 гг. академическую степень в Израиле получили 573 275 человек (данные ЦСБ за 2018 г.). Из получивших первую академическую степень к 2017 г. не менее трёх лет подряд за границей проживали порядка 5.8%. Этот уровень несколько выше показателя в 4.6%, живших три и более лет за границей к 2013 г. За тот же период произошёл рост данного показателя и для обладателей второй академической степени – с 3.5 до 4.6%, и третьей академической степени – с 9.9 до 11% (то есть из девяти обладателей PhD один не живёт в Израиле) (Ben-David 2019: 7).

Естественно, что часть людей покидает страну, в то время как другая часть возвращается (ЦСБ Израиля считает возвратившимися тех, кто с даты возвращения прожил в стране не менее двух лет). При этом соотношение вернувшихся обладателей академических степеней к уехавшим в последние годы выросло. В 2014 г. на каждого возвратившегося в страну обладателя академической степени пришлось 2.6 эмигрировавших из неё, а в 2017 г. это соотношение составило уже 4.5 уехавших на одного вернувшегося (Ben-David 2019: 7).

Израильская экономика во многом развивается за счёт технологий. Это лишь подчёркивает серьёзность проблемы эмиграции среди обладателей академической степени по точным наукам и инженерному делу. 5.2% выпускников академических колледжей (в педагогических таким профессиям не обучают¹³) оставляют страну, а среди выпускников университетов по данным специальностям показатель эмиграции равен 9.2% (Ben-David 2019: 8), а это люди, знания которых могут быть необходимы для дальнейшего развития экономики Израиля.

Определённый интерес представляют некоторые международные сравнения. Количество мигрантов с высшим образованием увеличилось с 1990 по 2010 гг. на 130%, тогда как этот показатель для низкоквалифицированных (образование не выше средней школы) мигрантов составил всего 40%. Высококвалифицированные мигранты выезжают из более широкого круга стран и едут в

¹³ Система высшего образования состоит из трёх типов заведений – педагогических колледжей (самый низкий уровень образования), академических колледжей и университетов (наиболее высокий уровень образования).

более узкий круг стран – в основном в США, Великобританию, Канаду и Австралию. В общем, количество иностранных исследователей в США как процент от их коллег в стране исхода варьируется в пределах 1.3 (Испания) – 4.3% (Нидерланды). Выделяются по этому показателю две страны – Канада и Израиль. В случае Канады (12.2%) это в гораздо большей степени дорога с двусторонним движением. Израильские учёные и исследователи в США – это уже целый класс. В 2003-2004 гг. в Америке проживали 24.9% всех исследователей академических университетов Израиля (Razin 2018b: 141).

Как показывают Гулд и Моав, при выборке из двадцати восьми стран, являющихся значимыми экспортёрами иммигрантов в США (в основном развитые страны), получается, что средний индекс эмиграции (количество эмигрантов на 10 тыс. жителей) составляет 33.36, тогда как для Израиля он почти в три раза выше – 95.51. Только у двух стран этот показатель выше, чем у Израиля – у Ирландии (143.9) и у Португалии (99.21). Если рассматривать этот индекс по эмигрантам с образованием не ниже колледжа, то средний его показатель составляет 12.41, а для Израиля он более чем в три раза выше – 41.45. В данном случае Израиль опережает Португалию, а его разрыв с Ирландией (49.09) существенно сокращается. Интересно, что у страдающей от утечки мозгов Южной Кореи только 24.54 эмигрантов с образованием не ниже колледжа на 10 тыс. человек (Gould, Moav 2007: 4-5).

Таким образом, утечка лучших умов из Израиля диспропорционально высока среди высокообразованных иммигрантов. Среди причин сложившейся ситуации Бен-Давид видит рост налогового бремени для наиболее образованных жителей Израиля (они платят 2/3 от общих поступлений подоходного налога и отчислений в национальное страхование¹⁴, тогда как в США – 50%); снижение темпов роста производительности труда по сравнению с наиболее развитыми странами мира (общая разница в уровнях производительности труда к 2017 г. между Израилем и этими странами увеличилась более чем в три раза); увеличение стоимости жизни по сравнению с другими развитыми странами (стоимость потребительской корзины в Израиле на 28% выше её стоимости в США и на 66% – в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)) (Ben-David 2019: 3-6). Нельзя также недооценивать и узость внутреннего рынка: несмотря на существующий спрос на высококвалифицированные кадры в Израиле, он всё же сконцентрирован в очень узком сегменте рынка. К тому же спрос – процесс динамичный и в момент принятия решения об отъезде конкретным экспертом нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что именно в его сфере экспертизы в тот момент адекватных его уровню квалификации предложений не было.

¹⁴ Гулд и Моав утверждают, что налоговое бремя на работающих в Израиле в принципе самое значительное среди развитых стран (Gould, Moav 2007: 18) виду того, что в стране, с одной стороны, высокий уровень рождаемости, а с другой, высокая продолжительность жизни. К тому же нельзя забывать о неработающих ультраортодоксальных евреях, которые получают пособия от государства.

Государство осознаёт эту проблему. Одним наиболее очевидных путей решения проблемы нехватки высококвалифицированных кадров для сектора высоких технологий Израиля является стимулирование возвращения соотечественников, обладающих требуемой квалификацией.

В мае 2011 г. бывший в то время министром образования Израиля Гидон Саар объявил о создании трёх научных центров при Еврейском университете Иерусалима, Институте Вейцмана и Тель-Авивском университете, цель которых заключается в привлечении для работы на родине 300 израильских учёных, к тому моменту занимавшихся исследованиями в зарубежных университетах. Создание этих центров должно было стать первой фазой пятилетней программы, в ходе выполнения которой на территории Израиля планировалось создать 30 подобных центров. Программа по их созданию получила название *I-CORE*¹⁵. На эти цели до 2018 г. выделено порядка 100 млн долл. К маю 2014 г. в конкурсах, организованных Центрами, приняли участие 60 молодых исследователей, часть из которых до этого работала за границей (Madadim leMada 2016: 122). Результаты данной программы вряд ли можно назвать успешными – по состоянию на июнь 2019 г., создано лишь 16 таких центров и нет понимания того, будут ли создаваться ещё¹⁶. Судя по всему, и количество вернувшихся учёных для работы в них не является значительным, хотя потрачены довольно существенные средства.

В 2014 г. министр образования Израиля Шай Пирон заявил, что для решения проблемы он поставил перед университетами задачу увеличить в них количество ставок с 4300 в 2010 г. до 5000 в 2015 г., а в колледжах – с 1600 до 2000¹⁷. В июне 2013 г. правительством Израиля была запущена новая программа *Brain Gain*, целью которой являлось усиление академической позиции страны, в частности стимулирование возвращения на родину учёных и исследователей. Однако и она не показала себя успешной и была завершена. На её основе под управлением УИИ создана программа *Hozrim LeHigh-Tech* («Возвращаемся в хай-тек» – с ивр.)¹⁸. Поскольку она создана совсем недавно, то по состоянию на июнь 2019 г. нет возможности оценить ее эффективность.

Таким образом, к середине 2019 г. результаты деятельности государства в данном направлении довольно ограничены. Видимо, лечение симптомов без понимания глубинных проблем сложившейся в сфере высококвалифицированной рабочей силы ситуации не может привести к желаемым результатам. Представляется, что решение проблемы эмиграции высококвалифицированных кадров из Израиля лежит не только в плоскости запуска специальных программ по их

¹⁵ Подробнее о программе см. официальный сайт: <http://www.i-core.org.il/> (accessed: 26.07.2019).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Teschner N. Information about Israeli Academics Abroad and Activities to Absorb Academics Returning to Israel / The Knesset Research and Information Center, 30.01.2014. P. 2. (Электронный ресурс). URL: <https://www.knesset.gov.il/mmm/data/pdf/me03375.pdf> (accessed: 26.07.2019).

¹⁸ См. о программе: <https://innovationisrael.org.il/social/trainingprograms/back2hitech>; <https://www.israel-braigain.org.il> (accessed: 26.07.2019).

возвращению в страну, а в более глубоких социально-экономических реформах, которые позволяют если не полностью устраниć причины стремления наиболее профессиональных работников особенно в тех областях, которые имеют отношение к высоким технологиям, уезжать из еврейского государства, то, по крайней мере, снизить уровень их негативного воздействия.

Заключение

В настоящий момент Израиль является как потенциальным реципиентом высококвалифицированных иммигрантов, так и активным их донором, в основном в США. В настоящей статье выявлена специфически израильская проблема своеобразной дилеммы между идеологическими установками в социально-политической сфере и требованием текущего момента в экономической сфере общественной жизни. Коротко проблему можно описать следующим образом:

- Израиль уже длительное испытывает серьёзный отток высококвалифицированных кадров, в основном в США;
- система образования не способна полностью удовлетворить текущий спрос на кадры высокой квалификации;
- положительный эффект иммиграции из стран бывшего СССР постепенно уменьшается в силу старения поколения иммигрантов;
- государство разрешает импорт низкоквалифицированной рабочей силы. Но до последнего времени не разрешало импорт высококвалифицированной рабочей силы по идеологическим соображениям;
- при этом израильская модель интеграции в систему мировых экономических отношений предполагает наличие значительного количества носителей знаний высокого уровня в различных областях, а также предпринимателей в сфере высоких технологий;
- текущее положение Израиля делает его привлекательным для обеих требуемых групп населения практически везде, кроме стран Северной Америки и Западной Европы.

Получается, что идеологически детерминированная политическая система пропустила одну из существенных положительных экстерналий, возникших еще в конце 1990-х гг., выражавшуюся в привлекательности страны для высококвалифицированной и экономически активной иностранной рабочей силы. При этом отток высококвалифицированных кадров из Израиля принимает достаточно серьёзные масштабы и может поставить под угрозу успешность национального экономического развития в долгосрочном периоде. Следует признать, что государственные программы как по привлечению высококвалифицированных кадров нееврейского происхождения из-за рубежа, так и по стимулированию возвращения в страну работающих за её пределами граждан пока особым успехом не увенчались.

Об авторе:

Дмитрий Александрович Марьясис – к.э.н., руководитель отдела изучения Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН (107031, г. Москва, ул. Рождественка, д.12); заместитель декана экономического факультета Института экономики, математики и информационных технологий РАНХиГС (119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82). E-mail: dmaryasis@ivran.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет отсутствие конфликта интересов.

Received: July 8, 2019
Accepted: July 25, 2019

Israel and Migration of High Skilled Workforce: Brain Drain and the Possibility of Replenishing the Market with High-Quality Human Capital

D.A. Maryasis
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-201-215

Oriental Studies Institute of the Russian Academy of Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: International labor migration is one of the most important elements of the modern global economy. Amid growing knowledge economy, migration of highly skilled specialists plays an increasingly important role. For Israel, as an immigrant society, migration issues have been of paramount importance since the early days of the independent state. However, in the first decades the discussion focused mainly around the influence of immigrants on the economic development of the country and identification of the most effective ways to adapt immigrants. At present, the Israeli economic model is built in such a way that the institutions of the knowledge economy are at its core, that requires a significant amount of labor with an appropriate level of skills. At the same time, today Israel witnesses emigration of such specialists, mainly to the United States. This paper is devoted to the analysis of the current situation. The article substantiates the relevance of the chosen topic not only for Israel, but also for other economically developed countries and gives a brief bibliographic review in the field. Next, the author analyzes the tendencies of high skilled work force immigration to Israel at the present stage through the analysis of the supply and demand in the country's labor market in the high-tech sector and assessment of the government programs created to attract foreign non-Jewish specialists to the country which appear to be not effective. The article also deals with the problems of emigration of high skilled workers from Israel. An overview of the magnitude of the phenomenon is given based on international comparisons; main reasons of the trend are identified and analyzed; government programs for the return of compatriots are assessed. It is argued that Israel should pursue a more effective policy to attract highly skilled non-Jewish immigrants into the country, which will fully realize the existing positive externalities and dampen the problem of brain drain.

Key words: Israel, highly skilled work force, brain drain, government programs, incentives for emigration, high technology, holders of academic degrees, government programs to solve migration problems

About the author:

Dmitry A. Maryasis – Candidate of Economics, Head of the Israel and Jewish Communities' Studies Department, Oriental Studies Institute of the Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031); Deputy Dean of the Faculty of Economics, Institute of Economics, Mathematics and Information Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Prospekt Vernadskogo, 82, Moscow, 119571).

E-mail: dmaryasis@ivran.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References

- Bahar D. 2018. *Migrants and the Startup Nation: Addressing Israel's Growing Demand for Skills By Increasing the Country's Role in the World*. Policy Brief. Brookings.
- Ben-David D. 2019. Azivat HaAretz HaMuvtakhat. Mabat Al Atgar haHagira MeIsrael. Me-hkarey Shoresh, May 2019.
- Gould E.D., Moav O. 2007. Israel's Brain Drain Israel Economic Review. No. 1. Vol. 5. Pp. 1-22.
- Madadam leMada, leTechnologia, veleHadshanut beIsrael: Tashtit Netunim Hashvaatit. 2016. Haifa: Samuel Neaman Institute.
- Razin A. 2018a. A. Israel's Immigration Story: Winners and Losers Israel Economic Review. 2018. No. 1. Vol. 15. Pp. 73-106. www.doi.org/10.3386/w24283
- Razin A. 2018b. Israel and The World Economy. The Power of Globalization. The MIT Press. 232 p. www.doi.org/10.7551/mitpress/11350.001.0001
- Razin A., Sadka E. Suwankiri B. 2010. Migration and the Welfare State: Political-Economy Policy Formation. MIT Press. 169 p.
- Rosenberg D. 2018. Israel's Technology Economy. Origins and Impact. Palgrave Macmillan. www.doi.org/10.1007/978-3-319-76654-6
- Maryasis D.A. 2007. Uchastiye Izrailya v mezhdunarodnoy migratsii rabochey sily, 1985-2005 gg. (Israel's Participation in International Labor Migration, 1985-2005). *Gosudarstvo Izrail': politika, ekonomika, obshchestvo. Sbornik statey* (The State of Israel: Politics, Economy, Society. Collection of Articles), Institute of the Middle East of RAS. Mosco., Pp. 114-133. (in Russian)
- Maryasis D.A. 2015. *Opyt postroyeniya ekonomiki innovatsiy. Primer Izrailya* (Experience in Building an Economy of Innovation. The Example of Israel). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. 268 p. (in Russian)
- Masyukova I.V. 2016a. Yevrei v SSSR: immigratsiya v Izrail' v 1970-kh gg. (na primere yevreyskoy obshchiny Gruzii) (Jews in the USSR: Immigration to Israel in the 1970s (Case of the Jewish Community of Georgia)). *Yevrei Yevropy i Blizhnego Vostoka: traditsiya i sovremennost'. Iстория, языки, литература. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 17 aprelya 2016 g.* (Jews of Europe and the Middle East: Tradition and Modernity. History, languages, literature. Proceedings of the International Scientific Conference on April 17, 2016). St. Petersburg. Pp. 294-299. (in Russian)
- Masyukova I.V. 2016b. Yevreyskaya immigratsiya v PalestINU v kontekste Vtoroy mirovoy voyny (Jewish Immigration to Palestine in the Context of the Second World War). *Palestina i Izrail' ot Vtoroy mirovoy voyny do nashikh dney* (Palestine and Israel from World War II to the Present Day). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. Pp. 119-133. (in Russian)
- Nikitina G.S. 1968. *Gosudarstvo Izrail* (State of Israel). Moscow, Nauka. 416 p. (in Russian)
- Satanovskiy E.Ya. 1999. *Ekonomika Izrailya v 90-ye gody* (The Economy of Israel in the 90's). Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East of RAS, Institute of Oriental Studies of RAS. 218 p. (in Russian)

- Semenchenko N.A. 2002a. Izrailevskaya politika immigratsii i absorbtii (Israeli Policy of Immigration and Absorption). – *Immigratsionnaya politika zapadnykh stran: al'ternativy dlya Rossii* (Immigration Policy of Western Countries: Alternatives for Russia). Moscow. Pp. 96-129. (in Russian)
- Semenchenko N.A. 2002b. Immigratsiya 1990-kh godov v Izraile: nekotoryye osobennosti (Immigration of the 1990s to Israel: Some Feature). Vostok. No. 3. Pp. 97-104. (in Russian)
- Fedorchenko A.V. 1998. *Ekonomika pereselencheskogo obshchestva* (Economy of Resettlement Society). Moscow: Institute of the Middle East of RAS. 380 p. (in Russian)
- Fedorchenko A.V., Mar'yasis D.A. 2006. Nauchno-tehnicheskiy kompleks Rossii i Izrailya: vozmozhnosti vzaimodeystviya (Scientific and Technical Complex of Russia and Israel: Interaction Opportunities). *Analiticheskiye doklady*. No. 7 (12). Center for Middle Eastern Studies of the Scientific Coordination Council for International Studies, MGIMO University. (in Russian)
- Yakimova E.A. 2019. Tekhnologii v obmen na mir: 60-letiye agentstva po razvitiyu mezdunarodnogo sotrudnichestva (MASHAV) (Technology in Exchange for Peace: the 60th Anniversary of the Agency for the Development of International Cooperation (MASHAV)). *Gosudarstvo Izrailev: put' dlinoyu v 70 let: monografiya* (The State of Israel: A 70-year Path: a monograph). Ed. by T.A. Karasova, A.V. Fedorchenko. Moscow: MGIMO University. Pp. 92-103. (in Russian)

Список литературы:

- Марьясис Д.А. 2007. Участие Израиля в международной миграции рабочей силы, 1985-2005 гг. *Государство Израиль: политика, экономика, общество. Сборник статей, ИВВ*. Москва. С. 114-133.
- Марьясис Д.А. 2015. *Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля*. Москва: Институт востоковедения РАН. 268 с.
- Масюкова И.В. 2016а. Евреи в СССР: иммиграция в Израиль в 1970-х гг. (например еврейской общины Грузии) *Евреи Европы и Ближнего Востока: традиции и современность. История, языки, литература. Материалы международной научной конференции 17 апреля 2016 г.* СПб. С. 294-299.
- Масюкова И.В. 2016б. Еврейская иммиграция в Палестину в контексте Второй мировой войны *Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней*. Москва: ИВ РАН. С. 119-133.
- Никитина Г.С. 1968. *Государство Израиль*. Москва: Наука. 416 с.
- Сатановский Е.Я. 1999. Экономика Израиля в 90-е годы. Москва: ИИИиВ и ИВ РАН. 218 с.
- Семенченко Н.А. 2002а. Израильская политика иммиграции и абсорбции *Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России*. Москва. С. 96-129.
- Семенченко Н.А. 2002б. Иммиграция 1990-х годов в Израиль: некоторые особенности *Восток*. № 3. С. 97-104.
- Федорченко А.В. 1998. Экономика переселенческого общества. Москва: Институт Ближнего Востока. 380 с.
- Федорченко А.В., Марьясис Д.А. 2006. Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия *Аналитические доклады*, выпуск № 7 (12), Центр ближневосточных исследований Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России.
- Якимова Е.А. 2019. Технологии в обмен на мир: 60-летие агентства по развитию международного сотрудничества (МАШАВ) Государство Израиль: путь длиною в 70 лет: монография / под ред. Т.А. Карабовой, А.В. Федорченко. Москва: МГИМО-Университет. С. 92-103.

The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia

S.M. Mirmohammad Sadeghi, R. Hajimineh

Islamic Azad University, Tehran, Iran

«Soft power» is a set of activities designed by a government or regional and international actors aimed to influence external public opinion, promote external image or attract support for a particular policy, which is implemented through all the available tools and new technologies. The non-governmental actors also play an effective and important role in this diplomacy. Considering the public diplomacy and soft power of the Islamic Republic of Iran as a deliberate and conscious approach can be of great importance in the country's grand strategies that will strengthen national interests in the domestic sphere and influence them at regional and global levels. The article analyzes the role of Iran's soft power in confronting Iranophobia. The study is aimed at presenting a theoretical definition of public diplomacy and soft power in foreign policy and international system, and then examines its role in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran with an emphasis on confronting Iranophobia.

The authors answer the research question: "What is the role of soft power in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in confronting Iranophobia?"

The research method is descriptive-analytical based on historical evidence, documents, and analytical issues of theorists, authors, and media being expressed in the theoretical framework of soft power. The paper is based on a synthesis of Stephen Walt's "balance of threat" theory with Alexander Wendt's social constructivism to explain the Iranian "threat" in American foreign policy.

The findings of this research show that without the use of force and disturbing the balance in the international relations, using a variety of tools and instruments the Iranian public diplomacy and soft power might be effective to reduce the global and regional atmosphere of Iranophobia and undermine anti-Iranian solidarity.

Key words: «soft power», public diplomacy, Islamic Republic of Iran, foreign policy, Iranophobia

Introduction

The «soft power» is understood as a new form of applying power in the international level that indicates the necessity of using more legitimate practices in order to achieve the foreign policy objectives with an emphasis on the intangible foundations of power.

УДК 327.8

Received: January 10, 2019

Accepted: August 15, 2019

Effective governance by public opinion in the field of foreign affairs nowadays is jeopardized by various specified characteristics of modern democratic civilization (Speier 1950). Smart power is defined as the capacity of an actor to combine elements of hard and soft power in the way that they are mutually reinforcing each other, so that the actor's purposes are advanced effectively and efficiently (Wilson 2008).

Iranophobia refers to the policies based on conspiracy theory to achieve specific interests against the country by labeling Iran as a threat to a specific state, the regions of Persian Gulf, the Middle East, or to international peace and security. Iranophobia refers to hostility against the policy, culture, society, economy or the international role of Iran. In addition, Iranophobia means distrust, hatred, jealousy, discrimination, bias, racism, fear or disgust towards the Iranians as an ethnic, racial, lingual, and religious group accepted around the world.

Given the significant and strategic shifts in Iran's international stance after the victory of the Islamic Revolution, the country has been considered as a significant regional power by other regional and international powers. However, the discourse on its disagreements with the West begets conflicts with the western states, especially the USA.

Since its establishment by a revolution in 1979, the Islamic Republic of Iran has grappled with challenges. The post-revolutionary foreign policy of Iran was based on a number of cherished ideals and objectives embedded in the country's constitution, to wit: Iran's independence, territorial integrity, national security, sustainable national development. Beyond its borders Iran seeks to enhance its regional and global stature, promote its ideals, including Islamic democracy, expand the network of its bilateral and multilateral relations, particularly with neighboring Muslim-majority countries and nonaligned states, reduce tensions and manage disagreements with other states, foster peace and security at both the regional and the international levels through positive engagement, promote international peace through dialogue and cultural interaction (Zarif 2014).

In this regard, Iran also has its own soft power resources considering the civilizational, historical, religious and cultural background, and can be one of the successful countries in the application of cultural diplomacy in the region and the world in case of rational employment of these potential resources. Iranian soft power policy could be perceived as a pattern in the Islamic world due to messages and values that it emphasizes.

For the incumbent Iranian administration (from 2013 till now) confronting Iranophobia remains one of its main objectives that is being achieved by means of public diplomacy such as media, virtual networks, official public addresses, negotiations, non-governmental and public exchanges, adopting regional policy (constructive interaction doctrine) and balanced rationality.

The article discusses the role, the extent and the effectiveness of public diplomacy and soft power of Iran in confronting Iranophobia. The study also presents a theoretical definition of public diplomacy and soft power and defines Iranophobia. Independent variable of the study is the public diplomacy of foreign policy of the Islamic Republic of Iran, depending variable is confrontation against Iranophobia. The research method is descriptive-analytical based on historical evidence, official documents, relevant research and theories, media sources.

Theoretical framework

Public diplomacy is a relatively new concept used in international relations during the last fifty years. This term was coined by Edmund Gullion, the head of Fletcher School of Law & Diplomacy at Tufts University in 1965 (Snow, Taylor 2009: 18). Although it has various connotations in the theories of international relations, in general it means the efforts made by governments, international organizations or other actors of world politics (including non-governmental organizations) to enforce mutual understanding affecting the foreign audience. The triangle of a politician, media, and a citizen is of great significance in soft power and public diplomacy.

Joseph Nye, one of the most prominent researchers in international relations, introduced the term "soft power" as the ability of promoting interests and priorities by using valuable but intangible assets such as attractiveness, culture, political values and institutions, as well as legitimate and moral policies. Nye's book entitled "The Paradox of America Power" presents two faces of the USA including hard power (military and security) and soft power (persuasion and attraction) (Nye 2002). Soft power of a country, therefore, depends on three sources: the culture of that country (when the culture is attractive to others), the beliefs, ideals and political values of that country (when the values are perceived positively inside and outside) and the foreign policy of that country (when these policies are considered legitimate and have moral credit). These components of soft power can manifest themselves inside the country (e.g. the democracy, or religious democracy in Iran), in international organizations (working with others or replication of power), and in foreign policy (justice, human rights, and peacemaking policy) and seriously affect the priorities of others. The media, Internet, social networks are significant tools of soft power and public diplomacy. Countries use media to advance their policies; media presents correct or incorrect information in the interests of states and actors and cause different pressures on the rivals by inspiring public opinion against a country or an issue.

Nye also describes the possible combination of soft and hard powers and calls it "smart power". The mere use of soft or hard power is likely to be ineffective, while smart combination of the both powers should be efficiently employed to achieve the desired goals. Nye defines the military and economic power ("carrot and stick" policy against governments and nations) as hard power but the cultural-value and legitimate foreign policy (creating attractiveness and achieving the hearts and minds of governments and nations) as soft power and elements of public diplomacy. In fact, he considers the smart balance between soft power and hard power according to the regional and international context as the smart power and believes that the secret of leaders' success is in mixing soft power and hard power in different contexts (see Table 1).

Analyzing the political, social, and cultural dimensions of public diplomacy, it is important to pay special attention to the social constructivist approach, according to which individual state interests and strategies are based on the historical, political and cultural contexts within which the state operates.

Table 1. Dimensions of Power according to Joseph Nye

Behavior type	Resources	Type of power
Economic force, threat or encouragement	Military and economic force	Hard power
Persuasion and attraction	Culture, education and communication technology	Soft power

Source: (Asghari 2011:16)

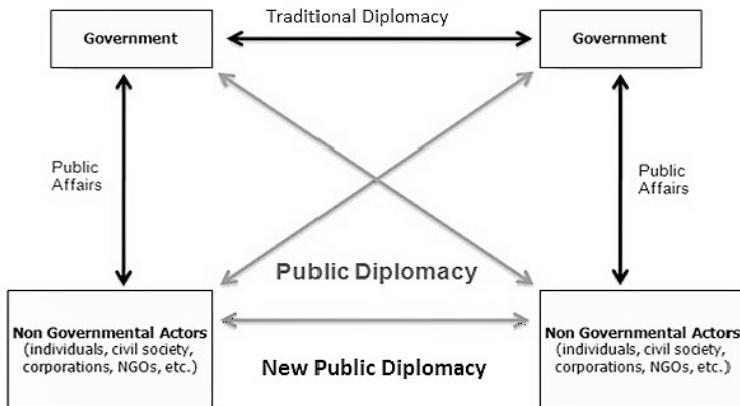
Andrei Tsygankov argues that both internal and situational factors of national identity – which ultimately shape the national interests – are significant. He stresses that local conditions such as “the state of the economy, relations among different social groups, or the type of the political regime” (Tsygankov 2016) should not be ignored, since they are just as important in shaping national perceptions as the “significant Other” who establishes the meaningful context for the actor’s existence and development.

New public diplomacy

Traditional public diplomacy uses international TV channels, promotes exchange of students, researchers, scholars, and artists, holds festivals and exhibitions, establishes cultural centers, provides language teaching and creates business associations which are still ubiquitous. However, new public diplomacy includes the relations of a society in a country with the societies of other countries to affect the governments of those societies. The distinction between the two types of public diplomacy became apparent in the early years of the XXI century. Some changes in the methods of diplomacy have been observed in recent years in the light of fundamental evolutions occurred in world politics. Deep evolutions in the field of information technologies and communications, wide access to the Internet, globalization and citizen diplomacy have changed the concept of power. Nowadays, not only the economic or military power (hard power), but the reputation of a nation or a leader, the country’s values, policies, performance and the ability to control the information influence an image of a country in international relations. Thus, new public diplomacy is applied not only by states but also by non-governmental institutions and individuals, in relations between societies of two or more countries. Such diplomacy relies on soft power and creates mutually strengthening relations (Table 2) (Melissen 2011: 2).

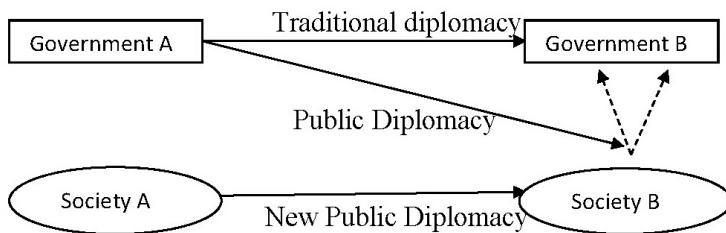
Diplomacy now exists in three forms: traditional diplomacy, public diplomacy and new public diplomacy. While traditional diplomacy, that has existed for centuries, includes the relations between governments. Public diplomacy implies the ties between a government and society of another country and affects the governments of this society (Nargesi 2014). Image cultivation and propaganda now labeled as public diplomacy are as old as diplomacy itself (Melissen 2005). The Diagram 1 shows the definition and relationships between three forms of diplomacy. From this perspective, public diplomacy has the best efficiency when all up-arrows are coordinated (Leonard, Stead, Smewing 2002).

Table 2. The comparative diagram of traditional diplomacy, public diplomacy, and new public diplomacy

Source: (Gurgu 2016: 128)

Diagram 1. Diplomacy typology

Source: <http://www.iirjournal.ir>

Tools of Iranian public diplomacy and soft power

Iran's soft power and public diplomacy have three pillars. The first and foremost is history and culture of a seven thousand year civilization that had an impact on neighboring regions. In the same context, tourism and cultural events are other important sources. The Farsi language can be seen as a major source of attraction since it has synthesized with many other languages including Turkish, Hindi, Urdu, Armenian, Georgian, Swahili and others. Five million Iranians in diasporas also play a significant role in spreading Iranian culture through Iranian restaurants, goods, songs and other aspects. The second pillar is political values. Iran introduced a unique political model that stems from Iran's hybrid political system which adopts the concept of a "religious democracy". As a unique model and source of Iranian soft power, this model constitutes a substitute for traditional systems and is considered as an appealing model for religious Muslims. The third pillar of Iran's soft power is its foreign policy. Iranian Constitution refers to the role of foreign policy based on Islamic values, fraternal commitment to all Muslims, and full protection of the oppressed around the world. These principles are considered the foundation of Iran's soft power (Tandemir 2017: 4).

Language, religion and ethnicity

Iranians have ancient and glorious state tradition, and they are proud of it since it is a foundation of their identity. For example, one of the sculptures of from Persepolis, the capital of ancient Iran, was chosen as the symbol of Iranian airlines. In addition, many avenues use ancient cultural symbols to design goods from jewelery to clothing.

Given Iran's historical role in the 'Greater Iran' region (encompassing the Caucasus, West Asia, Central Asia, and parts of South Asia), the country has the potential to exert soft power to a 'natural market' (as it was in the past) and advance its national interests. Therefore, the country can acquire greater influence regionally if, in addition to religious bonds, it skillfully invokes common historical, cultural, ethnic and linguistic ties with neighboring states.

Iran has been targeting Shiites in many countries around the world, through media campaigns, establishing cultural and religious centers, financially supporting Shiite minorities and recently politically and militarily assisting Shiite and Sunny communities in order to strengthen their role and influence in Lebanon, Iraq, Afghanistan, Syria and Yemen.

Since the founding of the Islamic Republic in 1979, Iran has relied on its unique Shiite character as the basis of its soft power to galvanize support from pockets of Shiite populations in a Sunni-dominated Middle East and Central Asia. This policy has been deliberate and strategic, with clear ideological underpinnings. While it has been successful – including Iran's manifest clout in Lebanon and Syria, or in Iraq after Saddam Hussein – its net effect is, by definition, limited in scope and geography, constraining Tehran's ability to generate long-term strategic dividends.

Indeed, relying on the Shiite character in soft power projection is arguably inconsistent with the Constitution of the Islamic Republic, which requires the government to formulate its foreign policy on the basis of "fraternal commitment to all Muslims," and its general policies "with the view to cultivating the friendship and unity of all Muslim peoples." Moreover, just as it limits the full reach of Iran's soft power beyond the Shiite world, this approach also contributes to sectarian divisions in the region, entrenching alliances further along sectarian lines. This is self-defeating, as it not only complicates Iran's enough already difficult security environment, but also further isolates the country from its geopolitical space. To be clear, the argument is not to abandon Iran's Shiite brethren, but to adopt policies and postures which could strengthen Iran's ability to more effectively project positive influence and advance the country's interests beyond the confines of the 'Shiite world', and to stabilize its immediate neighborhood. Iran tries to develop the image of a "defender state" for these social groups. Iran ought to defend Shiites and ethnic Iranians. Iran has developed close ties with religious movements that have embraced Shiism and have been active at certain levels in many Islamic countries (Tamdemir 2017). The US invasion of Afghanistan and then Iraq by the US after 9/11 resulted in increasing Iran's influence in these two countries. Then Iran, which realized that the political-social revolutions that started with the Arab Spring were moving towards it with the domino effect, adopted a stopping strategy in Syria and reassigned itself a new role.

In order to understand the rise of Iran as a regional power, it is necessary to examine the mechanism of acquiring allies and influencing others. The core of the Iranian strategy is the “revolutionary ideology”, which is also called “Islamic resistance”, in which a war for existence against the imperialist forces and extremist dynasties continues. By implementing foreign policy based on religious discourses, it is possible to stress that Iran applies a strategy to win more peoples in the Middle East than pro-western regimes.

In the first postrevolutionary years “revolution export” was declared as Iran’s official policy. There are two basic approaches to the issue of revolution exports in Iran. The first is an idea of exporting a cultural revolution that aims at revolutions in other countries, and the second is the idea of the cultural revolution, which is called the main continental theory, emphasizing the values of the revolution instead of physical revolution export. The effective use of soft power elements also makes sense at this point. What is meant by the export of the cultural revolution is the dissemination of revolutionary goals, ideals, teachings and discourses to the peoples of the world. They have begun to emphasize that the most prominent feature of the Islamic Revolution is its cultural dimension. So now the main component of Iranian soft power is its culture. This cultural axis can be mentioned as a cultural revolution in itself or as general diplomacy. The intention of exporting cultural revolution is to influence others by soft power without benefiting from physical violence and power. The aim is to influence others' thoughts and behavior and direct them to behaviors similar to those in the country where the revolution is taking place (Tamdemir 2017: 14).

Cultural, media and communication channels

The Iranian cultural diplomacy activities were undertaken by the Islamic Culture and Relations Organization (ICRO). The ICRO is affiliated to the Ministry of Culture and Islamic Guidance. Its functions include the following: to establish cultural relations among various people of the world in order to develop dialogue and common language arrangements, promote cultural exchange, explain Iranian-Islamic culture and civilization, develop cultural relations with other states and international organizations, work for the Islamic welfare developing the dialogue between religions and civilizations. The institution has the Iranian Cultural Representatives all over the world. The purpose of the ICRO is “promotion of cultural ties with other nations and communities; consolidation of cultural ties of the Islamic Republic of Iran with other nations; proper presentation of the Iranian culture and civilization; preparing the grounds for unity among Muslims; revival and promotion of Islamic culture and teachings in the world; information dissemination about the principles and realities of the Islamic Revolution”¹. The Islamic Culture and Relations Organization is Iran’s de facto public diplomacy organization.

The organization has opened offices around the world, even though it has anticipated its goal of establishing close relations with Muslim peoples. In addition to

¹ Official Website of the Ministry of Culture and Islamic Guidance of Iran. URL: <https://www.farhang.gov.ir/en/home> (accessed 12.07.2019)

spreading the Farsi language and culture in these offices, close relations with the Shiite communities in the countries are also being developed. Nonetheless, the Cultural and Islamic Relations Agency gives priority to Muslim countries, e.g. in Iraq, Pakistan and Lebanon.

Iran publishes six newspapers in English and Arabic for citizens of other countries. Iran News, Iranian Daily, Tehran Times, Keyhan International are published in Europe, North America, Asia and Africa. Al-Vefagh and Keyhan Arabic target Arab speakers in the Middle East and Africa (Nargesi 2014: 15). In addition, Iranian Radio and Television Corporation has ten television channels broadcasting abroad. These channels are Jam-i Jam 1, 2, 3; Al-Alem; Sahar TV 1, 2, 3; Al-Kowsar; Press TV; and Hispan TV. Moreover, Iran broadcasts programs in 20 languages, namely Arabic, Turkish, Urdu, Pashto, Hebrew, Kurdish, English, Japanese, Hindi, Bengali, Chinese, Indonesian, Armenian, Russian, Georgian, Bosnian, Italian, German, French, Spanish.

Friendship associations

The number of existing friendship and cooperation organizations between Iran and other countries is forty five. 5 of them are in the Middle East, 10 – in Asia-Pacific, 7 – in Central Eurasia, 12 – in Europe, 5 – in Africa, 2 – in North America and 4 – in Latin America. Likewise, Iran organizes Iranian Culture Week events in about 30 states (Tsygankov 2016: 14).

Universities

Iranian Ministry of Science, Research and Technology has opened university branches in Venezuela, Lebanon, UAE, Pakistan, Armenia and Tanzania. It has also made plans in Afghanistan, Tajikistan, Canada and Malaysia. It was decided to establish the Iran-Afghanistan University in order to realize joint research and engineering projects. Iran has established the branch of Azad University in Afghanistan as well as Hajj Abdullah Ensari University in Herat as the branch of the Iranian University of Science and Technology.

According to the official data, in 2018 some 55,000 foreign students are studying in Iran. 27000 foreign students study in Governmental universities, 17000 – as religious sciences students in Al-Mostafa International University, 10000 – in Islamic Azad university, 2500 – in universities of health sciences.

Iranian and Farsi Language Institutions

The Iranian state has established over 600 Iranian centers in 45 countries. There are 13 centers in 5 Middle East countries, 38 centers in 8 Asia-Pacific countries, 203 centers in 7 Central Eurasia countries, 281 centers in 21 European countries, 1 center in Ghana and 99 centers in North America. In the same way, there are around 100 Farsi language learning centers in different countries of the World.

Tourism

One of the oldest civilisations in the world, Iran is home to 19 UNESCO World Heritage sites with rich legacy of art, culture and architecture dating back three millennia. As for tourism, international travelers rave about Iran's natural beauty, as well as its ancient ruins, mosques and first-class museums. There are about 70 thousand

tombs (most of them belong to Shiite Imams and their families) and sacred places in Iran, with the most famous being Naghsh-e-Jahan Sure, one of the largest city squares in the world. The square is surrounded by important historical buildings from the Safavid era. The square was at the heart of the Safavid capital's culture, economy, religion, social power, government, and politics. Its vast sandy esplanade was used for celebrations, promenades, and public executions, for playing polo and assembling troops². As one of the first sites in Iran to be registered with UNESCO in 1979, this square was built by Shah Abbas in the 17th century³.

Persepolis is another famous place. Founded by Darius I in 518 B.C. it was the capital of the Achaemenid Empire. built on an immense half-artificial, half-natural terrace. The importance and quality of the monumental ruins make it a unique archaeological site. In 1979 the ruins were designated a UNESCO World Heritage site.

Shushtar Historical Hydraulic System is registered in 2009 and hailed as a “masterpiece of creative genius” by UNESCO. This ancient irrigation system dates back to Darius the Great in the 5th century B.C. Shushtar is unique hydraulic technique developed during ancient times to aid the occupation of semi-desert lands. It involved the creation of two main diversion canals on the river Karun one of which, Gargar canal, is still in use providing water to the city of Shushtar via a series of tunnels that supply water to mills.

Cinema

There is no doubt that Iranian feature films are successful. Today, Iranian cinema is recognized as one of the most innovative and exciting in the world and films from Iranian directors are screened to increasing acclaim at international festivals. The key to resolve the apparent contradiction between Iran's repressive image and the renaissance of Iranian cinema is to understand the relationship that developed between art, society and the state after the Islamic revolution (Mir Hosseini 2001). In its early years Iranian Fajr Film Festival (which has taken place since 1983) had a competition section for professional as well as amateur films. From its very onset it was intended to be as magnificent and spectacular as possible. It had a background as powerful as that of the Tehran International Film Festival and wanted to remain on the same track. Since 1990, there has been an international along with the national competition. The festival also features a competition for advertisement items like posters, stills and trailers. In 2005 the festival added competitions for Asian as well as spiritual films. The top prize is called Crystal Simorgh⁴. Although the Fajr Film Festival is not yet ranked among the top film festivals, it has been successful in making policies and setting patterns for the future of Iranian cinema⁵.

² UNESCO Official Website. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/115> (accessed 12.07.2019)

³ Culture Trip. URL: <https://theculturetrip.com/middle-east/iran/articles/top-10-unesco-world-heritage-sites-in-iran> (accessed 12.07.2019)

⁴ Islamic Republic News Agency. URL: <https://en.irna.ir/news/82828808/Fajr-Film-Festival-announces-winners> (accessed 12.07.2019)

⁵ Mehrabi M. F for Festival. Massoud Mehrabi. URL: <http://www.massoudmehrabi.com/articles.asp=1137857131> (accessed: 01.03.2019)

The objective examples of Iran soft power and public diplomacy

Edward Wastnidge (Wastnidge 2015) believes that Iran's public diplomacy is used to promote its soft power and improve its image on the world stage. Iran is both a theocratic and a republican state, so given this duality of Iranian leadership, Wastnidge takes a two-part approach to Iran's use of public diplomacy. Firstly, he assesses the country's presidential-led cultural initiatives to promote Iran's public image overseas, including President Hassan Rouhani's social media-based "Meet Iran" campaign. Secondly, he analyzes the Supreme Leader's use of international broadcasting to maintain a "soft war" between Iran and the West. Wastnidge concludes that since Iranian soft power is enacted through a range of different actors and channels, its use on the global stage can produce «differing strategic, and at times defensive, narratives» (Wastnidge 2015: 364).

Wastnidge mentioned that Iran's public diplomacy and the "soft war" attempts to extend its soft power reach through the following means.

The ICRO, as it was mentioned above, is responsible for coordinating Iran's bilateral cultural initiatives with other states and in some ways it can be seen as a similar enterprise to the British Council, or Confucius and Goethe Institutes. It carries out its activities under the guidance of the Supreme Leader who directly appoints members of the ICRO's council. Its primary aim is to promote the ideals of the Revolution, encourage Islamic unity and strengthen relations with Muslim countries. Its importance in terms of Iran's soft power is that it appoints the senior cultural representatives (known as cultural councilors) serving abroad.

These representatives work independently but sometimes in cooperation with Iran's embassies, and head up Iran's cultural centers abroad. The main initiatives it undertakes in terms of delivering Iranian soft power will often depend on the country in question, but primarily involve organizing Iranian cultural weeks/exhibitions, arranging cultural and religious events for Iranians living abroad, building links with cultural institutions in the host country and promoting Farsi language learning. The ICRO also runs the Al-Hoda international publishing house, which produces literature on the Islamic Republic and Iranian culture in 25 languages and supplies much of the resource for the libraries that are open to the public at the ICRO cultural centers.

The ICRO has offices around the world including several European capitals, but they are especially active in neighboring countries, with Pakistan and Turkey hosting eight and two ICRO centers accordingly. One of the most active ICRO offices is operating in Tajikistan, where the organization has provided funding for the promotion of Farsi language and literature resources and coordination for a number of conferences and cultural events related to shared cultural figures such as the great Iranian poet Rudaki. While the focus is on fellow Muslim states, the ICRO establishes cultural centers across the non-Muslim world; it should be noted that Iranian cultural diplomacy through the ICRO reflects local characteristics. Thus, this strategy emphasizes figures relevant to the Persianate world in the ICRO's activities in Afghanistan and Tajikistan,

on the one hand, and religious ties among fellow Shiite communities in Lebanon and Pakistan, on the other.

Iran's international media output is the second conduit through which it attempts to extend its soft power. The international broadcast media is under the control of the state broadcaster Islamic Republic of Iran Broadcasting (IRIB). The World Service arm of IRIB seeks to promote Iranian culture and civilization to international audience, expounding the Islamic Republic's worldview in the light of perceived biases in the international news media in particular.

There is also a strong defensive element within this thinking as the Islamic Republic has long been subject to broadcasts from Western media organizations which it sees as being hostile, such as Voice of America, numerous private stations run by the Iranian diaspora and, more recently, BBC Persia. IRIB currently runs five international news channels. Iran's first 24-hour foreign language international news channel, the Arabic-language "Al-Alam", began broadcasting in 2003. It is aimed primarily at Iraq, but also covers news on Lebanon, Palestine, Africa and Iran. Iran's second Arabic-language service, "Al-Kowthar", was launched in 2006 and focuses more on religious programming reaching out to fellow Shiite communities in the Arab world. IRIB also provides programming for the Hezbollah media outlet "Al-Mandar" in Lebanon, thus furthering Iran's media reach – albeit indirectly.

Perhaps the most well-known Iranian media enterprise in the West is its 24-hour English language international news channel "Press TV", launched in 2007. It claims to offer a different perspective to CNN, BBC World, Al-Jazeera English and others. In 2011 Iran also launched "Hispan TV", a Spanish-language station broadcasting to Spain and Latin America, which reflects the ties cultivated between Iran and the Latin American states, most notably Venezuela and Cuba, during the Ahmadinejad era. As with "Press TV", however, "Hispan TV" was also removed from the main satellites in 2013 as a result of the tightening sanctions against Iran.

In the same vein, Iran's multi-ethnic, linguistic and religious diversity should also be seen as an important part of the country's soft-power toolbox. Iran should fully embrace this diversity not just for its intrinsic virtues, but also to ensure internal stability, and to demonstrate to the world that the country has an open and tolerant society. With a number of militant organizations, conceived on ethnic lines (and often supported by external elements) operating in Iran and posing a threat to national security and unity, Tehran's countermeasures should include a targeted strategy of winning the hearts and minds of the country's ethnic minorities in order to strengthen their loyalty to the country. With ISIS and other external threats increasingly looking to infiltrate and recruit within Iran, the proposed policy is much more pressing (Ersig, Toyserkani 2009).

It is conceded that Iran does not benefit from the safety buffer of geographical isolation. As such, concessions with respect to the country's minorities can have a geopolitical dimension. Where it is legitimate, the government should properly address the grievances of these minorities. Intense and active consultation with minority groups – much more than seen to date – should form part of the state strategy. The socioeco-

nomic health of ethnic minorities in the aftermath of sanctions lifting obviously needs attention of Tehran. Demining internal discord in the country can only help Iran to gain more sustainable influence beyond its borders, and to parry disruptive forces and designs from outside the country. While there is no substitute for Iran's military capabilities, which clearly has its place in the country's national security strategy, the soft power dimension is for now underplayed and underappreciated in Tehran. The Middle East is in dire need of easing tensions and reversing the perpetual security dilemma which condemns it to recurring conflicts. Iran is well placed to play that constructive leadership role, and it has every interest to do so. A proper national soft power strategy might be "the energy" that the country and the region need to reckon with some of the vexing challenges of this century.

Iranophobia

The Iranophobia Project is considered in Iran to be a strategy of the United States of America that seeks to undermine the development and authority of the Iran by threatening to undermine the regime by creating a panic and changing the behavior of international actors. "The project", a split from the soft war against Iran, is aimed at weakening and isolating Iran. It should be noted, however, that Iran is not a new subject of phobia, and this has been repeatedly done by Western countries against Iran. In fact, repeating the aforementioned subject from the Western bloc is a soft threat strategy that has taken a wide range of media and diplomacy over time and is in the process of forming a large-scale psychological operation against the Islamic Republic of Iran. The extension of Iranophobia can vary from personal hatred to institutionalized pursuit and harassment. Furthermore, sometimes Iranophobia overlaps the anti-Iranian feelings (Nargesi 2014: 13).

Israeli lobby groups are one of the main sources of intensifying and expanding Iranophobia in the US, Europe, and some target countries which have always attempted to confuse the public opinion and thoughts of elites, politicians, and western decision makers with Iran and destroying the image of this country.

Haggai Ram, the board member of Ben-Gurion University in the first chapter of his book (Ram 2009) presented three reasons for the hostility of the Islamic Republic of Iran and Israel as follows: 1) religious oriental and Islamic reactionary dictatorship in conflict with western democracy and secular Jewish ally; 2) strategic competition on power and dominance in the Middle East; 3) the strategic concern on Iran demand to destroy Israel (Ram 2009: 31-60).

The author summarized the most significant reasons of hostility in a term "mental turmoil." He compared the processes in Iran and Israel and described an atmosphere leading to the conflict of tradition and modernity, and this is the base for the common conception in Israel (Ram 2009: 31-60).

Phobia literally means fear, dread or horror and this meaning is exactly the same scenario that is followed by the USA and its regional allies by creating "Iranophobia

project" as well as being sensitive to the authority and capabilities of the Islamic Republic of Iran. This approach is the product of a common policy between the USA and Israel and some Arabic countries.

Thus, Iranophobia is a strategic project aimed at introducing Iran as a big threat in the region and to the global peace and security in order to weaken the regime. In this regard, the domination system has put the isolation of Iran on its agenda to marginalize and isolate the Islamic Republic of Iran from relations with its neighbors and other countries in the world and minimize the influence of Iran because the West cannot tolerate the developed and powerful Iran and accepting Iran as a regional power means the failure and frustration of the West (Malek Mohammadi, Davoodi 2012).

Understanding Iranophobia

Understanding Iranophobia in American foreign policy requires understanding certain theoretical aspects of International Relations. Iran's tangible military capacity is not up to par with several regional actors in the Middle East and certainly nowhere close to the capacity of the US (Ersig, Toyserkani 2009). Despite this, Iran is seen as a major threat and destabilizing actor in the region. This paper is based on a synthesis of Stephen Walt's "balance of threat" theory with Alexander Wendt's social constructivism to explain the Iranian "threat" in American foreign policy. Walt's theory is based on the balance of power model which posits that states come together to balance and prevent the rise of a hegemony and maintain equilibrium. However, this theory has always been subject to criticism. Many analysts have pointed to how states failed to balance American hegemony after the fall of the Soviet Union or how states have often allied against relatively weaker powers, e.g. as Britain and France allying against Germany in the 1930's (Guha 2009: 5). Walt (Walt 1985) explains this inconsistency by asserting that states do not balance on the pretext of power differences but on their assessment of threats. Japan and China did not bandwagon to balance the US – a stronger power – in the 1990's because expected no threat from it. Britain, France and the US *did* ally against Germany, a relatively weaker power during the Second World War, due to their assessment that Germany posed a threat. Walt's argument holds true in many other cases. In South Asia Nepal, Sri Lanka and Bangladesh did not choose to ally with Pakistan to balance dominant India owing to a lack of perceived threat. However, in the Middle East divergent actors like Saudi Arabia and Israel have allied with the US to balance a perceived Iranian threat.

However, the question remains, how serious is the Iranian "threat" to the US and its allies in the region? Walt (Walt 1985: 9) asserts that four factors govern a state's assessment of threat and, therefore, its decision to ally or oppose: aggregate power, proximity, offensive capability and offensive intent. Walt (Walt 1985: 9) defines aggregate power as "a state's total resources" (i.e., population, industrial and military capability, technological progress). While Iran is a powerful state and has accumulated a degree of wealth from oil revenue, its aggregate power is by no means disproportionately

higher than other major actors in the Middle East and certainly not the US. In terms of offensive capability, in 2017 Iran spent 3.1% of its GDP on the military, compared to the 10.3% of Kingdom of Saudi Arabia (KSA) which is the third-largest military spender in the world. In military expenditure, Iran lags behind countries like KSA, Turkey, Israel, Jordan, Oman and Kuwait (Guha 2019: 5).

Furthermore, Iran maintains a primitive air force acquired from the US before the 1979 revolution. In terms of offensive intent, Iran has been accused of being a threat to its neighbors. While the aggressive rhetoric from Ahmadinejad has not destroyed this perception, it is fallacious to assume that Iran offers more offensive intent than KSA which makes no secret of its hostility towards neighbors like Yemen, Bahrain, Qatar and Syria.

Among Walt's criteria, proximity can be the only actual reason to consider Iran as a threat. Iran's geographical position gives it lucrative access to the Strait of Hormuz, through which a third of all the oil trade from the Middle East passes to major energy consuming states like India, Japan and China. Further, Iran not only has access to Iraq and the Arab monarchies of the Gulf, but also is a gateway into Central Asia. However, Iran's geographical proximity to Afghanistan has been used by the Americans in 2001 to act against Al Qaeda. This brings up the question of why Iran wasn't considered a threat then, but merely a year later, placed on an "axis of evil"? (Guha 2019: 6).

Thus, when placing Iran within Walt's model, it is very difficult to view Iran as the sort of threat conceptualized by Donald Trump. This is where constructivism may be insightful. As one of the leading scholars of social constructivism, Alexander Wendt (Wendt 1992) highlighted the role of a state's identity as an indicator of how other states would react to them in terms of security considerations. In Wendt's article (Wendt 1992), the manner of interactions between states go a long way in their assessment of threat and security. By this logic, Ayatollah Khomeini's anti-Western, "revolutionary" rhetoric would be a natural enticement of threat perception from Iran in American eyes. However, Iran has witnessed a full spectrum of leaders after Khomeini, from right-wingers like Ahmadinejad, to reformists like Khatami as well as centrists like Rafsanjani and Rouhani. Why then has Iranophobia remained constant? (Guha 2019: 8).

It is not inconceivable then, that Iran today is a "threat" because it is constructed as one. To clarify, this doesn't imply that Iran is an innocent player in the region. However, the notion of the Iranian threat being a construct holds true to the extent that Iran is not a fantastical malicious power with infinite resources and covert forces spread across the Middle East, ready to engage in dubious and conspiratorial activities against America and its allies. While this may seem exaggerated, it is precisely the picture Trump created in his speech to the United Nations in 2018, claiming that Iran is a major evil that creates "chaos, death, and destruction...and spread mayhem across the Middle East and far beyond" (Guha 2019: 8). But it is clear that, nowhere was the US image more negatively viewed than among publics in Muslim-majority countries (Zaharna 2009: 1).

It is inconceivable that the US and Israel, two states that possess the most sophisticated intelligence and espionage networks in the world, could be unaware of Iran's capacities. Since the removal of Ahmadinejad from office, anti-Western rhetoric has been replaced by demands for multilateral cooperation under Rouhani. If Wend's model is true, the reconciliatory signal from Iran should have sparked a cautious but marked détente from the US. However, instead, Iranophobia has skyrocketed since Trump assumed office.

What do the proponents of Iranophobia stand to gain from this? It posits that the US *requires* a fantastical evil to justify its actions in the Middle East, without which its actions would be seen as provocative and contrary to US's identity as the propagator of democracy and freedom. In the past, this "great evil" was the Soviet Union and the threat of Communism. Today, Iran as the "great evil" that should be subject to containment is an idea sold to the American people (and the global community) to justify America's interests in the region. These interests range from Israeli influence, geopolitical concerns, political and economic profiteering. This implies that regardless of capabilities or intent, assuming a lack of radical change in the Iranian or American elite, Iran is likely to remain a "great evil" in American foreign policy for the near future. This prospect is explored in greater detail subsequently (Ersig, Toyserkani 2009: 10).

The soft power of Iran to confront with Iranophobia

It can be stated that the soft power of the Islamic Republic of Iran to cope with Iranophobia in the USA and broader - the West, based on Joseph Nye's model, has several dimensions. Based on Joseph Nye, soft power has three important dimensions each one being related to each other and derived from three fundamental components, daily relationships with people and message transfer, the establishment of thematic strategic relations, and the expansion of long term relations with key people in target countries. These three components in the present era explain the main axes of new public diplomacy in powerful countries in the field of international relations. The Islamic Republic of Iran has used three components to cope with Iranophobia.

Communications and message transfer

Resorting to soft power message management can be defined as the main and central core of this power. In fact, message management refers to a process where the desired message of public diplomacy is processed based on the audience, subject, and time period and then transferred to the audience. Message can be designed for a short term process such as the media reaction to an important event and also get prepared for a long-term horizon for the audience (Nargesi 2014: 12). The source of this message should consider the characteristics and conditions of the audience. Using the media tools is one of the most effective ways to communicate with the audience. The media are the mediators among citizens and politicians. It can be stated that the structure of policies in the present era are formed by the media. In fact, power is scattered, splintered, and complicated in the present era but it can be said that power is based on the waves

of media and whoever governs the media can play in the media. On the other hand, the elements such as trust making and the updated requirements of the society and the world should be considered.

In order to communicate directly with the foreign audience and transfer the message, president Rouhani wrote a note for the Washington Post entitled «The Time for Constructive Interaction Has Arrived»⁶ on September 20, 2013 to announce the doctrine of constructive interaction as one of the principles of Iran foreign policy aimed at breaking the atmosphere of Iranophobia. Then he declared the principles of state's foreign policy in an interview with NBC News while travelling to New York for the United Nations General Assembly. Later this year returning from New York he re-announced the foundations of foreign policy in an interview with PBS. In addition, during five years of governance by the current government, president Rouhani has attempted to transfer his message to the audience through his interviews with foreign channels especially the American ones, which are the origin of producing Iranophobia.

Furthermore, the foreign minister of Iran has directly communicated with foreign audience to transfer the message through submitting multiple articles in popular media such as the Washington Post, New York Times, Der Spiegel, Le Monde, Times, Al-Safir, and Al-Sharq Al-Awsat as well as in different interviews with famous foreign and domestic channels.

The active presence in the media, Internet and social networks, and direct communication with foreign audience especially by the foreign minister of Iran became the other significant and effective tools for message transfer and communication. The minister of foreign affairs has declared the positions of Iran via his personal Tweeter, Facebook, YouTube, Instagram and other social networks. This way of communication has had large significance and effect among the users.

The establishment of thematic-strategic communication

After determining the process of message management, the mechanism of soft power should establish the strategic communication with the foreign audience to follow its goals. In other words, it stabilizes the desired message content in audience mind and completes the process of message transfer by creating an executive, propaganda, cultural and media agenda. The strategic communications look at specific applications of both the mass communication and network communication approaches. The USA has applied these approaches drawing on examples from the US's post-9/11 public diplomacy in the Arab world (Zaharna 2007: 222). For this purpose, the executive structure of soft power creates a content for the foreign audience and produces a series of strategic messages with different forms and content by using a series of activities related to public diplomacy. Moreover, it stabilizes the core message in the mind of the audience through exaggeration and repetition in the medium term.

⁶ President of Iran Hassan Rouhani: Time to Engage. *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-of-iran-hassan-rouhani-time-to-engage/2013/09/19/4d2da564-213e-11e3-966c-9c4293c47ebe_story.html?noredirect=on (accessed: 01.04.2019)

In relation to creating strategic relations, the main approach is the mutual co-ordination and cooperation among different groups that will create a context for the mutual trust and counteraction among the audience and activists of soft power. Such relations are made in form of certain arrangements such as student exchange or training courses. Creating a close ties with the audience has a higher effectiveness than using mass media to affect the public opinion. According to the experts on soft power, creating the strategic relations between public diplomacy and local media of the target country to transfer the message to the audience fosters effectiveness with higher reliability than the direct use of foreign media among the audience of the target country. Another advantage of creating strategic relations in the durability of these relations than the other methods of message transfer to foreign audience and this fact has highly considered the long term effects of this approach (Nye 2002: 90-91).

In recent years, clarification on the foreign policy of Iran and breaking the Iranophobia atmosphere created in opposition to the measures of the USA and the West in the region and the world against Iran have been highly considered as one of the most vital and strategic issues in the foreign policy of Iran. For this reason, the Islamic Republic of Iran attempted to establish strategic relations at individual, institutional, and active social networks levels with the purpose of clarification and declaration of its positions. In the first level, the relation with key actors affecting the public opinion was considered. In the second level - the strategic relation with the non-governmental groups and institutions, non-governmental organizations, research centres, parties, and local media. In the third level - the relation with virtual networks, Internet networks, and social networks. The politicians of the Islamic Republic of Iran attempted to inform the audience and elites in the target societies with the details of this "constructive interaction" doctrine based on justice, realistic peacemaking and win-win interaction with the other parties.

The Islamic Republic of Iranian Broadcasting (IRIB) has always played a significant role in this regard with other domestic and virtual media. Although the role of the media is different, the Islamic Republic of Iran has always attempted to use modern media tools such as social, virtual, and new communication technologies in its new public diplomacy and soft power. Developing the information exchange and communication in the current epistemic and knowledge-based society creates a new culture of soft power which is based on clarity and explanation of opinions in the public area attempting to fulfill creativity, persuasion, illustration and flexibility. Presenting a positive image of the Islamic revolution values and regime, especially religious democracy, moderate foreign policy and multi-centered international system for the audience, is considered as one of the pillars of Iran's public diplomacy. Since the Islamic Republic of Iran is based on religious and Islamic teachings, big efforts were made for presenting an optimal image of the regime abroad and introducing a pure Islam based on balanced rationality in the new media environment.

The development of long term relations with key actors

The relations with key actors, international media, political media, influencing groups, representatives of parliaments and research centers, influencing owners of business and economic positions, financial institutions and banks, owners of industries and big cartels can be the significant key to success of public diplomacy and soft power in transferring the message to the audience. Establishing the intercultural relations led and will lead to reliable results.

Another effective method in establishing sustainable relations with key individuals is the exchange diplomacy through which the authorities develop public-to-public relations (citizen diplomacy) as well as the cultural and academic exchanges and the sustainable relations with cultural and academic elites (track-two diplomacy). Reinforcing the Farsi language positions of universities, organizing Farsi language classes, sending the students, teachers, and those interested in studying the Farsi language to Iran are among the significant ways of culture-to-culture exchange, i.e. intercultural exchange (Dehsheiri 2014). Thus, the soft power of Iran relies on the measures such as sending students abroad, accepting academic scholarships in the sphere of educational diplomacy and internationalizing the system of higher education in the country, intercultural relations, art festivals, cultural seminars, and even creating Internet websites in the field of soft power to highlight developments in Iran with the balanced rationality of constructive interaction doctrine.

In fact, the most important target group of soft power is foreign elite, for it turns out to be a promoter of the goals of the relevant country if it is influenced. Thus, the soft power of Iran attempts to engage cultural audience with scientific, academic, cultural and artistic exchanges. In addition, cultural and educational exchanges and accepting the elites of other countries have been always considered as the profitable investments of foreign policy. Intercultural events to associate the culture of countries to each other have a significant effect on the institutionalization of cultural relations which is an effective propaganda for the Islamic Republic of Iran. Furthermore, the investment of government in tourism is considered by the policy making of public diplomacy and soft power of Iran to change the mentality of tourists about the Islamic Republic of Iran. As a result, the mass presence of tourists in Iran to see the facts of the Iranian society was observed.

The evaluation of Iran's soft power

As it was mentioned above, the soft power of the Islamic Republic of Iran includes structural and administrative factors which should work together to be effective. Iran possesses a number of instruments involving soft power and public diplomacy tools. Iran tries to make them interactive and coherent, but sometimes it is impossible. This is the key problem in Iranian public diplomacy. Sometimes employing them ended just in waste of capital.

The second challenge is that Iranian public diplomacy has not paid enough atten-

tion to the professional media as well as non-governmental actors. The media plays a central role in informing the public about what happens in the world, particularly in those areas in which audiences do not possess direct access (Happer, Philo 2013: 321). Non-governmental actors proved to be influential, especially in the western community, and these actors sometimes play even more effective role than the mass media. Iranian authorities should have full capacity to use these actors in line with public diplomacy as an effective soft power tool.

Therefore, in order to reach unity in the field of functional coordination of decision centers in the issue of soft power and public diplomacy, first of all the authorities should build a strong, powerful, and endowed structure of all current centers and re-organize all the centers and the actors, precisely define their structure, functions and activities, so that these components can provide effective feedback for the soft power and public diplomacy by doing centralized and coordinated activities with other actors. One of the key points in the issue of Iranophobia is the psychological war on Iran's nuclear threats. Signing and adopting the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) known commonly as the Iran nuclear deal, has disarmed the enemies of Iran. Tehran should also capitalize on the momentum of the Iran nuclear deal as a trust building measure, forge a network of states friendly to its interests and provide them with the necessary incentives to remain invested in such friendship through strategic partnerships, common projects and financial cooperation.

Conclusion

The main objective of the present study was to answer the question: "What is the place of soft power in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in confronting Iranophobia?". For this reason, the theoretical and conceptual framework of soft power was used based on the theory of Joseph Nye. Furthermore, the study explained that the tools of public diplomacy and soft power in Iran, rests on three main pillars: history and culture, political values and foreign policy which is the largest source of soft power. The authors also showed that the objective examples of soft power and public diplomacy in Iran are the Islamic Culture and Relations Organization and Iran's international media operations attempting to extend its soft power reach.

The Iran's public diplomacy and soft power, confronting Iranophobia and showing the reality of the Iranian society, is one of the main objectives of the government. To achieve this goal, it has used the tools and the objective example of public diplomacy and soft power. Thus, the adoption of "the doctrine of constructive interaction", balanced policy and rationality shown by the government could reduce the Iranophobia atmosphere internationally and regionally using the different tools of soft power such as media, virtual networks, articles, negotiations, official and unofficial visits and multiple debates with the other parties, cultural, academic and exchanges. Thus, the foreign policy of Iran has used this good opportunity and the tools of soft power such as public diplomacy to increase the influence of Iran in the region and global relations at

a less cost than spending military costs or traditional diplomatic methods. The foreign policy of Iran could use the new concepts of national power to promote the status of Iran in global and regional exchanges, break the Iranophobia atmosphere displaying a destroyed face of the Islamic Republic of Iran to the world, and show the peacemaking nature of the Iranian society to the public opinion in the world.

Iran's public diplomacy and soft power can be considered the new forms of power, which include cultural, ideological, political and intellectual components. Values such as religious democracy and humanitarian assistances to liberation movements, promotion of scientific and cultural capabilities can be considered as soft power. It should be noted that soft power based on ideas of the Islamic Revolution has been something more than encouraging or inciting nations, for it includes the concept of ability to attract people that generally leads to consent and satisfaction.

The government of the Islamic Republic of Iran in the international relations and foreign policy areas focused on the realistic idealism and balanced rationality and created a balance between its goals and principles to put the public dimension of such relations on its agenda and pay special attention to the relations with the public opinion of other countries along with the formal relations with other governments. This was aimed at building a desired discourse, explaining the goals and achievements, coping with the media advertisements, removing the accusations against Iran, presenting a correct image of Iran in the world, and promoting the national interests. The smart use of three components of soft power and social networks had an effect on the audience. For example, after the Joint Comprehensive Plan of Action was signed, the global attitude to Iran was significantly smoothed and the Iranophobia atmosphere was broken.

Another effective method that was mentioned in this study was establishing a sustainable relations with key actors and exchange diplomacy by which the authorities develop citizen diplomacy and track-two diplomacy. This helps to exert influence on decision-makers of foreign policy and affect the output through intercultural influence. The Islamic Republic of Iran has always attempted to use this tool of applying power to achieve its goals which is coping with Iranophobia and establish a direct relationship between soft power and foreign policy because, according to many scholars, «the only way to defend the beliefs and principles of a country is to introduce them» (Eltiaminia, Taqvayi 2016). Thus, the policy-makers, decision-makers, and authorities in Iran are convinced that they have a real chance of success for Iran which can change the public opinion of the world and accelerate the movement in line with the determined goals.

It is also important to bear in mind that in order to cope with Iranophobia the Islamic Republic of Iran has to employ an balanced and realistic strategy, build a strong, powerful, and endowed structure of all existing institutions, define their structure, functions and activities. In this way these components will be able to provide effective feedback for the soft power and public diplomacy by doing centralized and coordinated activities with other actors and help the government to reach its goals.

About the authors:

Seyyed Mehdi Mirmohammad Sadeghi – PhD Student in International Relations, North Tehran Branch, Islamic Azad University, Tehran, Iran. E-mail: smsadeghi@hotmail.com.

Rahmat Hajimineh – Assistant Professor of International Relations, Department of Communication and Social Science, East Tehran Branch, Islamic Azad University, Tehran, Iran. Email: r.hajimineh@gmail.com.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 10.01.2019 г.
Принята к публикации: 15.08.2019 г.

Роль «мягкой силы» Ирана в борьбе против иранофобии

Сейед Махди Мир Мохаммад Садеги, Рахмат Хаджи Мине
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-216-238

Открытый исламский университет, Тегеран, Иран

«Мягкая сила» – комплекс действий, проводимых государством, региональным или международным актором с целью оказания влияния на общественное мнение за рубежом для улучшения своего имиджа и/или привлечения зарубежной поддержки в целях продвижения собственных интересов с использованием всех имеющихся инструментов и современных технологий. Статья посвящена анализу мер, проводимых правительством Ирана, в целях противодействия иранофобии – явлению, подразумевающему отрицательное восприятие Ирана, выражющееся во враждебном отношении к его политике, культуре, обществу, экономике и его роли в международных отношениях. Используя такие инструменты, как студенческие и культурные обмены, открытие центров изучения персидского языка (фарси), кино, туризм, а также деятельность специализированной организации, такой как Организация по исламской культуре и связям, Иран наращивает потенциал своей «мягкой силы» и публичной дипломатии. Данный вид дипломатии имеет особое значение для страны, поскольку его использование во внешнеполитической стратегии способствует укреплению национальных интересов и усиливает влияние на региональном и глобальном уровнях. Цель исследования заключается в том, чтобы, сформировав определение публичной дипломатии и «мягкой силы» в международной системе, дать оценку их применению во внешней политике Ирана с акцентом на изучение противодействия иранофобии. Авторы статьи также оценивают эффективность «мягкой силы» во внешней политике Ирана в деле противодействия иранофобии. В ходе исследования были использованы описательно-аналитический метод с акцентом на исторические свидетельства, архивные документы и существующие теории. В частности, анализ основан на синтезе теории «баланса угроз» Стивена Уолта и теории социального конструктивизма Александра Вендта для объяснения иранской «угрозы» во внешней политике США.

Авторы статьи подчёркивают роль средств массовой информации и очерчивают теоретические и практические рамки «мягкой силы». Выводы, сделанные авторами в рамках настоящего исследования, свидетельствуют о том, что публичная дипломатия и «мягкая сила» Ирана позволила в определённой мере смягчить господствующую атмосферу иранофобии на региональном и международном уровнях, а также снизить влияние антииранской консолидации.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Исламская Республика Иран, внешняя политика, иранофобия, «мягкая сила»

Об авторах:

Сейед Махди Мир Мохаммад Садеги – аспирант, кафедра международных связей, отделение Северного Тегерана, Открытый исламский университет, Тегеран, Иран.
E-mail: smsadeghi@hotmail.com.

Рахмат Ҳаджи Мине – доцент, кафедра международных связей, отделение Восточного Тегерана, Открытый исламский университет, Тегеран, Иран. Email: r.hajimineh@gmail.com.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Asghari Rad J. 2011. *An Introduction to Public Diplomacy*. Tehran: Kosar Educational Research Center. 159 p. (in Farsi)
- Dehsheiri M. 2014. *Cultural Diplomacy of Islamic Republic of Iran*. Tehran, Cultural and Scientific Publishing. 590 p. (in Farsi)
- Eltaminia R., Taqvayi Nia A. 2016. Explaining the Role and Place of Soft Power in Realizing the Goals of Domestic Politics. – *Quarterly Journal of Political Research in Islamic World*. No. 3. P. 167-196. URL: http://priw.ir/browse.php?a_code=A-10-503-1&sid=1&slc_lang=fa (in Farsi)
- Ersig H., Toyserkani M. 2009. The Comparing the Power of Iran and USA in the Middle East. – *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 5. No. 2. P. 169-203. URL: <http://ensani.ir/fa/article/260696/> (in Farsi)
- Gurgo E. 2016. The Role of Public Diplomacy in International Relations in Full Process of Globalization. – *Annals of Spiru Haret University, Economic Series*. Vol. 7. No. 2. P. 125-141.
- Guha S. 2019. *Sanctions Are Coming: Fear and Iranophobia in American Foreign Policy*. E-International Relations, January. URL: <https://www.e-ir.info/2019/01/07/sanctions-are-coming-fear-and-iranophobia-in-american-foreign-policy/>
- Happer C., Philo G. 2013. The Role of the Media in the Construction of Public Belief and Social Change. – *Journal of Social and Political Psychology*. Vol. 1. No. 1. P. 321-336.
- Leonard M., Stead C., Smewing C. 2002. *Public Diplomacy*. London: Foreign Policy Centre. 183 p.
- Malek Mohammadi H., Davoodi M. 2012. The Effect of Iranophobia on Military Security Policies of the Persian Gulf Cooperation Council. – *Politics Quarterly: Journal of Faculty of Law and Political Science*. Vol. 42. No. 2. P. 227-246.
- Melissen J. 2005. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. In Melissen J. (ed.) *The New Public Diplomacy Studies in Diplomacy and International Relations*. London: Palgrave Macmillan. P. 3-27.
- Melissen J. 2011. *Beyond the New Public Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations. Clingendael Paper No. 3. 34 p. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20111014_cdsp_paper_jmelissen.pdf

- Mir Hosseini Z. 2001. Iranian Cinema. - *Middle East Report*. No. 219. URL: <https://merip.org/2001/06/iranian-cinema/>
- Nargesi A. 2014. *The Thought of Iranophobia and its Reproduction in USA Foreign Policy during Obama Government*. Master's Thesis. Islamic Azad University. 121 p. (in Farsi)
- Nye J.S. 2002. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York: Oxford University Press. 240 p.
- Ram H. 2009. *Iranophobia: The Logic of an Israeli Obsession*. Redwood City: Stanford University Press. 224 p.
- Snow N., Philip Taylor M. (eds). 2009. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London: Routledge, 2009. 404 p.
- Speier H. 1950. Historical Development of Public Opinion. - *American Journal of Sociology*. Vol. 55. No. 4. P. 376-388.
- Tamdemir E.O. 2017. *Islamic Republic of Iran Diplomacy and Soft Power*. Master Thesis. Ankara, Yidirim Beyazit University. 118 p.
- Tsygankov A.P. 2016. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 336 p.
- Walt S. 1985. Alliance Formation and the Balance of World Power. - *International Security*. Vol. 9. No. 4. P. 3-43.
- Wastnidge E. 2015. The Modalities of Iranian Soft Power: from Cultural Diplomacy to Soft War. - *Politics*. Vol. 35. No. 3-4. P. 364-377.
- Wendt A. 1992. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. - *International Organization*. Vol. 46. No. 2. P. 391-425.
- Wilson E.J. 2008. Public Diplomacy in a Changing World. - *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616. P. 110-124.
- Zaharna R.S. 2009. *Public Diplomacy through the Looking Glass: Obama, US Public Diplomacy and the Islamic World*. Symposium on Old and New Media, and the Changing Faces of Islam, sponsored by Religion, Media and International Studies Project. Syracuse University. 10 p. URL: <https://www.american.edu/soc/faculty/upload/public-diplomacy-through-the-looking-glass.pdf>
- Zaharna R.S. 2007. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy. - *The Hague Journal of Diplomacy*. Vol. 2. No. 3. P. 213-228.
- Zarif M.J. 2014. What Iran Really Wants: Iranian Foreign Policy in the Rouhani Era. - *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 49-59.

Ислам перед вызовами современности: мировая политика, государственный строй, общественная мысль

В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт востоковедения РАН

Рецензия на учебные пособия:

Ислам в мировой политике в начале XXI века: учеб. пособие / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой; [А.М. Ахунов, В.А. Ахмадуллин, Р.И. Беккин и др.]; Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. востоковедения. Москва: МГИМО-Университет, 2016. 345, [1] с.;

Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока: учеб. пособие / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой; [К.П. Боришполец, Р.Д. Дауров, Б.В. Долгов и др.]; Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. востоковедения. Москва: МГИМО-Университет, 2018. 350, [1] с.;

Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности: учеб. пособие / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой; [Б.В. Долгов, С.Б. Дружиловский, Л.М. Ефимова и др.]; Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. востоковедения. Москва: МГИМО-Университет, 2018. 192, [2] с.

Комплекс учебных пособий коллектива авторов кафедры востоковедения МГИМО – разностороннее и фундированное издание. Оно охватывает широкий спектр ключевых проблем современного ислама и удачно восполняет многие пробелы, существующие в отечественной исламоведческой литературе.

Первая книга серии посвящена изучению процессов глобализации и демократизации, происходящих в исламском мире. Авторы исследуют роль исламских государств в многовекторном развитии региональной и мировой политики, анализируют воздействие исламских структур и концепций на современную систему международных отношений.

Во второй книге авторский коллектив делает акцент на роли исламского фактора во внутриполитической жизни отдельных стран и регионов мусульманского мира. Здесь в фокусе внимания авторов находятся фундаментальные вопросы конституционного права, деятельности высших государственных органов, строительства партийно-политических систем.

Третья книга серии на объёмном фактологическом материале рассматривает взгляды современных мусульманских философов, общественных деятелей, публи-

УДК 322

Поступила в редакцию: 02.06.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

цистов – как консервативно-фундаменталистской, так и либерально-модернистской ориентации. Авторам серии удалось показать всё разнообразие решений, предлагаемых исламскими политиками и мыслителями для разрешения последствий модернизации, глобализации, миграционных кризисов, экологического неблагополучия, роста социального неравенства, разрушения и замещения традиционных ценностей ислама и других актуальных проблем.

Учебные пособия представляют интерес не только для преподавателей и студентов профильных вузов, но и для специалистов-регионоведов, востоковедов, политологов, а также широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: исламская государственность, форма правления, радикализация ислама, реформа в исламе, современная исламская философия

В серии учебных пособий, выпущенных издательством «МГИМО-Университет», перед читателем выстраивается панорамная картина развития мусульманского мира в XX – начале XXI столетия. Коллектив авторов этих трудов поставил перед собой двуединую и чрезвычайно сложную задачу: с одной стороны, определить главные тенденции современного развития исламской ойкумены в целом, а с другой стороны, показать, как отражаются глобальные вызовы и события на уровне регионов и отдельных мусульманских стран.

Какие концепции и модели развития предлагают современные мусульманские элиты своим согражданам? Что несёт сегодняшнему миру многовековое противостояние суннитов и шиитов? По каким сценариям и какими путями происходит радикализация мусульманских структур? Как исламские лозунги, партии, сообщества встраиваются в современные общественно-политические системы? Наконец, и это принципиально важный вопрос при изучении современных международных отношений, – каким будет интеллектуальный и политический облик исламского мира в ближайшие десятилетия? Ответы на эти и многие другие вопросы авторы всех трёх пособий стремятся дать комплексно. Они привлекают внушительный корпус источников и исследовательской литературы, анализируют множество методологических подходов и оценок, сложившихся как в западной историографии, так и в собственно арабо-мусульманской культурной среде. Большая часть материалов, текстов и дискурсов, изученных авторами, пока еще малоизвестны для отечественных исследователей международных отношений. Это обстоятельство делает рецензируемые книги тем более ценными для студентов-международников, которые ищут свой собственный путь в науке и ещё только начинают осваивать сферу востоковедения.

В разработке и написании книг серии участвовали ведущие учёные из академических институтов и университетских центров России. Костяк авторского коллектива составили специалисты-международники кафедры востоковедения МГИМО МИД России. Авторами идеи, инициаторами и координато-

рами работы над проектом выступили профессора кафедры востоковедения Л.М. Ефимова и М.А. Сапронова. Стоит особо подчеркнуть, что реализации столь масштабного проекта предшествовала большая подготовительная работа. У истоков рецензируемых пособий стояли исследования и учебные тексты по духовной эволюции, конфликтологии, политологии и социологии исламского мира, которые разрабатывались в МГИМО (Внешнеполитический процесс... 2017; Восток и политика... 2015), Институте востоковедения РАН (Ближний Восток... 2018; Конфликты и войны... 2015), Институте Африки РАН (Арабский кризис... 2016; Исламские радикальные движения... 2015), Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (Видясова, Мельянцев и др. 2011; Кириллина, Сафонова и др. 2018). Разделы и главы всех трёх рецензируемых учебных пособий логически продолжают и развиваются положения, выдвинутые участниками этого проекта в ряде их предыдущих публикаций (например, (Беккин 2009; Долгов 2018; Емельянов 2016; Ефимова 2014; Крылов, Морозов 2017; Сапронова 2017)).

Структура построения серии и книг, её составляющих, представляется серьёзно продуманной и выгодно организованной с точки зрения учебного процесса. Она вполне отражает ту логику исследований международного положения исламских стран, которая сложилась за последние десятилетия в российской и мировой востоковедной науке.

Первый том серии посвящён месту и роли ислама в мировых политических процессах. Здесь, в разделе I, авторская мысль сосредоточена в первую очередь на концептуальных понятиях, определяющих позиции исламских мыслителей и политиков по отношению к таким сферам общественной жизни, как демократия (Л.М. Ефимова), право (Е.А. Рыжкова), сущность и задачи государственной власти (М.А. Сапронова), проблемы эксплуатации и сохранения окружающей среды (Л.М. Ефимова). Отдельно стоит упомянуть теоретическую и методологическую ценность раздела, касающегося весьма спорной концепции исламской модели развития (Р.И. Беккин). Параллельно в разделе II авторы обращают внимание на факторы, тенденции и взаимосвязи, характеризующие положение ислама в международных отношениях и региональной политике. В своих главах они затрагивают такие существенные аспекты этой темы, как судьбы исламской религиозности в культурном контексте стран Западной Европы (Б.В. Долгов), векторы современного развития ислама в преимущественно негроидных обществах Африки (А.Л. Емельянов), итоги и сценарии эволюции мусульманской общины в России (А.М. Ахунов, В.А. Ахмадуллин). Несколько особняком в структуре этого тома стоят исследование современного этапа шиитско-суннитских противоречий на Ближнем Востоке и анализ исламского партийно-политического строительства в этом регионе (Н.Ю. Сурков). Вечная и всё ещё недостаточно изученная тема суннитско-шиитских коллизий также рассмотрена и в разделе о внешнеполитических приоритетах нынешних правительств Залива (Ю.К. Суворова), а также в актуальной главе, выявляющей факторы и сущность

радикализации исламских структур в атмосфере современных «арабских кризисов» (М.С. Ходынская-Голенищева).

Во втором томе, раскрывающем статус ислама как регулятора общественно-политической жизни афро-азиатских стран, авторы отказались от построения своего изложения по проблемам и перешли к рассмотрению государственного строя и общественных институтов в реальности отдельных стран. Это авторское и редакторское решение влечёт за собой как достоинства, так и недостатки подачи материала в тексте этого тома (о последних см. ниже). Здесь же стоит заметить, что многовековой опыт организации общества и его политической системы в разных исламских странах весьма вариативен. При внешнем сходстве сложной мозаики племенных, суфийских, квартальных, партийных институтов в соседних мусульманских странах они могут играть совершенно различную роль в самоидентификации тех или иных социальных групп, этнических или расовых меньшинств и, соответственно, вовлекаться в политическую жизнь своих стран на непохожих основаниях. Поэтому показ в каждой главе конкретных реалий страны или региона во многом оправдан. Полезным для подготовки студента-международника является и сопоставление положения ислама в конституционном поле разных стран. Эти разделы в главах учебного пособия окажут студенту помощь при изучении особенностей политических режимов, понимании соотношения традиционности и модерна, причин недавних революционных потрясений и возможностей устойчивого политического развития. Остается добавить, что страновые и региональные разделы в этом томе разработаны квалифицированными экспертами по политической культуре исламских стран и регионов: Магриба (Б.В. Долгов, М.А. Сапронова), Египта (Н.Ю. Суркова), Ливана и Палестины (А.В. Крылов, А.А. Кузнецов, В.М. Морозов), Аравии (Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян), Ирана и Афганистана (Р.Д. Дауров, С.Б. Дружиловский, Ю.П. Лалетин), Юго-Восточной Азии (Л.М. Ефимова), Пакистана (Н.В. Мелехина, А.Л. Филимонова), Центральной Азии (К.П. Боришпольец).

В центре внимания авторов третьего тома серии – анализ творчества современных исламских идеологов как консервативно-охранительного, так и либерально-реформаторского направлений. В этом издании затрагиваются столь важные вопросы, как воздействие глобализации и модернизации на мусульманские страны, мозаичный и пёстрый характер «ответов» исламских интеллектуалов на вызовы глобализирующегося мира, противоборство фундаменталистских и реформистских общественных течений, диалектика секуляризации государств и сохранения религиозной регуляции общественных процессов. В качестве примеров авторы избрали 15 исламских мыслителей и идеологов, зарекомендовавших себя в самых различных интеллектуальных и политических сферах – от руководства исламской революцией (Р. Хомейни) и разработки принципов экологии в исламе (Ф. Халид) до критики глобального капитализма (С. Амин) и реформирования мусульманского образования (Д.А. Гамиди). Для

учебных целей существенно то обстоятельство, что в пособии выдерживает-ся сходный принцип рассмотрения избранных фигур – жизненный путь, пути формирования общественно-политических взглядов, проблематика основных трудов, концепции и политические программы, влияние воззрений мыслителя на политическую жизнь страны или региона. Структура третьего тома успешно сочетает проблемный и региональный принципы построения. Состав авторского коллектива третьего тома, собранный исходя из региональной и страновой принадлежности изучаемых в пособии религиозных деятелей, оказался преемственным и остался почти без изменений.

Представляется оправданной и интересной композиция рецензируемой серии. Авторам и ответственным редакторам удалось найти тонкий и не всегда достижимый баланс между относительной самостоятельностью содержания каждой книги и общим сюжетно-тематическим посылом, а также выбором проблематики для освещения. В итоге возникает своеобразная перекличка между томами, тематика которых в большей или меньшей степени взаимосвязана. Например, вопросы экономической хрупкости и несовершенства структуры мусульманских государств, аспекты конструирования идентичности в мусульманском мире, последствия столкновения глобалистских концепций общества с традиционными ценностями, тактики преодоления внутриобщинных разногласий, отражения экологических проблем в исламской философии рассматриваются не только в специализированных главах и разделах, но и в смежных томах при анализе более общих проблем (факторов региональной нестабильности, путей радикализации структур политического ислама или методов урегулирования конфликтов). Кроме того, архитектура серии носит открытый характер. Это позволяет в дальнейшем создавать в её пределах и другие тематические пособия, сопряжённые с проблемами исламской современности, которые обогатят эрудицию студентов и расширят их эвристические способности.

Впрочем, ценность этой серии пособий состоит далеко не только в сохранении единства концепции и логики структуры составляющих её книг. Важной особенностью всех трёх рецензируемых изданий является внимание авторов не только к собственно страновым или личностным сюжетам, но и к постоянно-му сравнению характерных черт функционирования ислама в регионах, хотя и связанных основами мусульманской культуры, но различающихся в историко-культурном и этническом плане. Такой подход позволяет авторам предложить читателю сравнительно целостную картину механизмов и процессов, определяющих общественную и интеллектуальную атмосферу на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке, в Южной, Юго-Восточной и в Центральной Азии. Все три пособия показывают разновидности и измерения арабо-мусульманского видения современного миропорядка. Однако они предстают перед читателем не в виде калейдоскопического узора эпизодов и мнений, а в наглядном и систематизированном (как по проблемам, так и по регионам) виде. В этом и заключается методологическое преимущество данных учебных пособий. Так-

же хотелось бы отметить вдумчивое и последовательное отношение авторов к методическому сопровождению учебных текстов. Все разделы книг серии содержат качественно разработанные вопросы для самопроверки, а также библиографический список трудов по изучаемой тематике. Это серьёзно повышает научную и практическую значимость серии и во многом отличает её от ряда прежних учебников.

Разумеется, в столь крупном и разноплановом проекте, претендующем на широкий охват явлений и процессов, не может не встречаться отдельных недостатков. В частности, при выборе тем и сюжетов для исследования авторам не всегда удалось исключить произвольные решения. Например, во втором томе серии «Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока» в качестве объектов авторского интереса избраны только восемь арабских стран из 19. Если отсутствие в этом списке ряда малых стран Залива (ОАЭ, Омана, Бахрейна, Катара) ещё можно объяснить наличием в книге детального очерка об исламе в Кувейте, то пренебрежение опытом встраивания исламских структур в общественную жизнь Сирии, Ирака, Йемена, Ливии, Судана выглядит необоснованным. Конечно, в перечисленных арабских странах ситуация нестабильна и, более того, в некоторых из них идёт гражданская война, а прежняя политическая система частично выведена из строя или модифицирована. Однако необходимости рассмотреть роль ислама в их развитии это обстоятельство никак не отменяет, а скорее, наоборот, даже требует. Те же замечания можно отнести к Марокко – стабильному монархическому режиму с надежной легитимностью, обладающему современной конституцией и развитой схемой народного представительства, но не удостоенному упоминания в данном пособии.

В третьем томе было бы уместно не только показать мнения и жизненный путь мусульманских интеллектуалов, но и обратиться к ценностям арабских, иранских и других философов, живущих и работающих на Западе. Они своим образом жизни и творческими усилиями дают пример цивилизационного и культурного синтеза. Это, например, Мухаммад Аркун, Абдаллах ал-Джабри или Хишам аш-Шараби. Их идейные и этические установки, бесспорно, обогатили бы палитру приведённых в этом томе воззрений.

Возможно, имело бы смысл расширить те главы и разделы учебных пособий серии, в которых речь идёт о России. Мусульманское население Российской Федерации уже сейчас значительно, и будет быстрыми темпами расти в будущем. Читателю полезно представить себе, как специалисты-востоковеды видят место России в трансформирующейся расстановке сил в мусульманском мире. А для студента-международника и вовсе далеко не академическими являются вопросы: как сделать положение нашей страны в исламской среде наиболее выгодным, какими мерами задать верные векторы развития связей с мусульманскими элитами за рубежом, что нужно для успешного партнёрства?

Впрочем, эти и другие недочёты (неравномерное внимание к различным сюжетам, избыточная детализация биографических описаний и др.) совер-

шенно естественны для любой научной и педагогической работы. Без них она попросту невозможна. Гораздо важнее другое – авторам удалось создать, по сути, фундаментальное, почти энциклопедическое издание. Оно открыто для дальнейшего развития, появления новых томов и разделов. Важно и то, что оно раскрывает в сравнительно компактном объёме очень сложную и чрезвычайно востребованную в современном высшем образовании тематику.

Серия учебных пособий, подготовленная коллективом под редакцией Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой, – это результат длительного труда и кропотливого согласования разноречивых авторских интересов. Эти книги дают целостное, систематизированное обобщение изложенного в них большого фактического материала, содержат немало имеющих принципиальное значение выводов и оценок. Они написаны хорошим, ясным и привлекательным научным языком, приятны в прочтении и доступны для понимания студенческой аудиторией. При этом, что всегда важно для учебных текстов, они побуждают читателя к самостоятельному анализу фактов и дают для него богатую пищу.

Разумеется, рецензируемые издания не могут закрыть собой все новые тенденции исламской общественно-политической проблематики. На это не может надеяться ни один автор и даже группа авторов, пишущих о Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке, Южной и Юго-Восточной Азии. Бурное развитие мусульманского мира в начале XXI столетия, накатывающиеся волны противоречивых событий сбивают наблюдателей с толку. В этой поистине фронтовой обстановке исследователю очень важно время от времени сделать паузу – уточнить definizioni, сбалансировать подачу материала, продумать принципы анализа и прогнозирования тех факторов, которые формируют международные отношения. Данные учебные пособия выполняют такую задачу. Они позволяют ещё не полностью подготовленным молодым экспертам осознать на конкретных примерах методологию международно-политического анализа, быстро и без больших потерь сориентироваться в сложной социальной реальности региона, осознать сущность влияния на мусульман как глобальных, так и региональных процессов. Более того, знакомство с этой работой позволит читателю лучше понять логику мышления и действий политиков и идеологов, которые в последние десятилетия определяли общую динамику развития стран мусульманской ойкумены. В этом плане рецензируемые учебные пособия, с одной стороны, вносят свой вклад в структурирование научного дискурса. С другой стороны, они создают повестку дня в перспективных исламоведческих и политологических исследованиях.

Все три книги, выпущенные издательством «МГИМО-Университет», представляют научный и педагогический интерес. Их основное предназначение – служить учебным и справочным пособием. Поэтому их можно в первую очередь рекомендовать целевой аудитории – студентам МГИМО, углубленно изучающим специальности и направления «Зарубежное регионоведение», «Востоковедение», «Международные отношения», «Политология». Также они могут пред-

ставлять интерес для студентов смежных специальностей («Международное право», «Мировая экономика», «Международные экономические отношения»), которым они послужат как дополнение к их основным учебным пособиям. Однако эти книги, бесспорно, будут востребованы и более широким кругом читателей – географов, geopolитиков, историков, религиоведов, философов, теологов, журналистов, – которые не имеют специализированной востоковедной подготовки, но желают разобраться в современных тенденциях развития мусульманских обществ и исламского вероучения.

Об авторе:

Владимир Викторович Орлов – д.и.н., профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. 103917, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. 107031, Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: alsavor@yandex.ru.

Received: June 2, 2019
Accepted for publication: August 15, 2019

Islam in Front of the Challenges of Modernity: World Politics, State System, Public Opinion

V.V. Orlov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-239-249

M.V. Lomonosov Moscow State University.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Review of the textbooks:

Islam in World Politics in Early XXIth Century: A Textbook / L.M. Yefimova, M.A. Sapronova, eds.; [A.M. Ahunov, V.A. Ahmadullin, R.I. Bekkin a. o.]; Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Dept. of Oriental Studies. Moscow: MGIMO–University, 2016. 345, [1] p. (In Russ.);
Islam in the State and Socio-Political Systems of the Eastern Countries: A Textbook / L.M. Yefimova, M.A. Sapronova, eds.; [K.P. Borishpolets, R.D. Daurov, B.V. Dolgov a. o.]; Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Dept. of Oriental Studies. Moscow: MGIMO–University, 2018. 350, [1] p. (In Russ.);
Muslim Socio-Political Ideas in Front of the Challenges of Modernity: A Textbook / L.M. Yefimova, M.A. Sapronova, eds.; [B.V. Dolgov, S.B. Druzhilovsky, L.M. Yefimova a. o.]; Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Dept. of Oriental Studies. Moscow: MGIMO–University, 2018. 192, [2] p. (In Russ.).

Abstract: The set of textbooks, written by the lecturers of Department of Oriental Studies, MGIMO–University, is a very useful publication both in terms of research and education. It covers the wide field of key problems of contemporary Islam and fills out some gaps in Russian studies of Islam.

The first book of the series is focused on processes of globalization and democratization in Islamic world. The authors examine the role of Muslim states in multi-vector development of regional and global politics, analyze the impact of Islamic structures and concepts on present system of international relations. In the second book the authors emphasize the role of Islamic factor in domestic political life of specific countries and regions of the Muslim world. The authors focus on fundamental issues of constitutional law, functioning of supreme state bodies, building of parties and political systems. In the third book of the series the authors review the ideas of contemporary Muslim philosophers, public figures, political writers – both of conservative-fundamentalist and liberal-modernist orientation, basing on numerous facts. The authors managed to present the diversity of solutions, proposed by Muslim politicians and thinkers aimed at facing a number of challenges such as modernization and globalization, migration crises, poor ecological conditions, rise of social inequality, erosion and substitution of traditional values of Islam, etc.

The textbooks in review may be of special interest not only for teachers and students at universities and high schools, but also for specialists in Oriental studies, political studies, as well as for broad audience of readers.

Key words: Islamic statehood, government, radicalization of Islam, reform in Islam, contemporary Islamic philosophy

About the author:

Vladimir V. Orlov – Doctor of History, Professor at the Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University. 103917 Moscow, 11, Mokhovaya st., bldg. 1; Senior Researcher at the Centre of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 107031 Moscow, 12, Rozhdestvenka st. E-mail: alsavor@yandex.ru.

References:

- Arabskiy krizis: ugrozy bolshoy voyny [The Arab Crisis: Dangers of Large-Scale War]. 2016. Ed. by A.M. Vasiliev, A.D. Savateev, A.R. Shishkina. Moscow: Lenand. 344 p. (In Russ.).
- Bekkin R.I. 2009. *Islamskaya ekonomicheskaya model i sovremennost* [Islamic Economic Pattern and the Modernity]. Ed. by L.L. Fituni. Moscow: Marjani Publ. House. 337 p. (In Russian).
- Blizhnii Vostok v menyauschemsya globalnom kontekste* [The Middle East in Changing Global Context]. 2018. Ed. by V.G. Baranovskiy, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN. 556 p. (In Russ.).
- Vidyasova M.F., Melyantsev V.A., Orlov V.V., Bocharova L.S., Isaev V.A., Safronova A.L., Fridman L.A., Geveling L.V., Meyer M.S. 2011. Kruglyi stol: sotsialno-ekonomicheskiye aspekty sobytiy na Arabskom Vostoke [Round Table: The Social and Economic Aspects of Developments in the Middle East]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 3. P. 92-111. (In Russ.).
- Vneshnopoliticalcheskiy protsess na Vostoche: uchebnoye posobiye* [The Foreign Policy Process in the East: a Textbook]. 2017. Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: Aspect Press. 352 p. (In Russ.).
- Vostok i politika: politicheskiye sistemy, politicheskiye kultury, politicheskiye protsessy* [The East and the Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes]. 2015. Ed. by A.D. Voskresenskiy. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: MGIMO-Universitet. 624 p. (In Russ.).
- Dolgov B.V. 2018. *Islamistskoye dvizheniye v Alzhire i Tunise: 1970–2017 gg.* [The Islamist Movement in Algeria and Tunisia: 1970–2017]. Ed. by R.G. Landa. Moscow: Lenand. 300 p. (In Russ.).

- Yemelyanov A.L. 2016. Cherniy islam [The Black Islam]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 1. P. 44-55.
- Yefimova L.M. 2014. *Islam v Yugo-Vostochnoy Azii, XXI vek: uchebnoye posobiye* [Islam in the South-East Asia, 21st Century: a Textbook]. Moscow: MGIMO-Universitet. 204 p. (In Russ.)
- Islamskiye radikalniye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennoogo mira: strany Severnoy i Severo-Vostochnoy Afriki* [Islamic Radical Movements on the Contemporary World Political Map: Countries of the North and North-East Africa]. 2015. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriyev. Moscow: Lenand. 424 p. (In Russ.).
- Kirillina S.A., Safranova A.L., Orlov V.V. Ideya halifata v muslimanskem mire (konets XIX – nachalo XX v.): vyzovy i regionalniye otkliki [The Idea of Caliphate in the Muslim World (Late XIXth – Early XXth c.): Challenges and Regional Responses]. 2018. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty*. 14(3). P. 133-149 (In Russ.).
- Konflikty i voyny XXI veka: Blizhniiy Vostok i Severnaya Afrika* [Conflicts and Wars of the XXIst Century: The Middle East and North Africa]. 2015. Ed. by V.V. Naumkin, D.B. Malysheva. Moscow: IV RAN. 504 p. (In Russ.).
- Krylov A.V., Morozov V.M. 2017. Islamskiy faktor v politicheskem razvitiu Palestiny [The Islamic Factor in Political Development of Palestine]. *Mezhkonfessionalnaya missiya*. No. 21. P. 32-40 (In Russ.).
- Sapronova M.A. 2017. Politicheskiy protsess v arabskikh stranah: uchebnoye posobiye [The Political Process in the Arab Countries: a Textbook]. Ed. by L.M. Yefimova. Moscow: MGIMO-Universitet. 312 p. (In Russ.).

Литература на русском:

- Арабский кризис: угрозы большой войны*. 2016. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. Москва: Ленанд. 344 с.
- Беккин Р.И. 2009. *Исламская экономическая модель и современность*. Отв. ред. Л.Л. Фитуни. Москва: ИД Марджани. 337 с.
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте*. 2018. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. Москва: ИВ РАН. 556 с.
- Видясова М.Ф., Мельянцев В.А., Орлов В.В., Бочарова Л.С., Исаев В.А., Сафронова А.Л., Фридман Л.А., Гевелинг Л.В., Мейер М.С. 2011. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке. *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. № 3. С. 92-111.
- Внешнеполитический процесс на Востоке: учеб. пособие. 2017. Под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс. 352 с.
- Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы*. 2015. Под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет. 624 с.
- Долгов Б.В. 2018. *Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017 гг.* Отв. ред. Р.Г. Ланда. Москва: Ленанд. 300 с.
- Емельянов А.Л. 2016. Черный ислам. *Новая и новейшая история*. № 1. С. 44-55.
- Ефимова Л.М. 2014. *Ислам в Юго-Восточной Азии, XXI век: учебное пособие*. Москва: МГИМО-Университет. 204 с.
- Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки*. 2015. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. Москва: Ленанд. 424 с.
- Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. 2018. Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX – начало XX в.): вызовы и региональные отклики. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. Т. 14. № 3. С. 133-149.

Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка. 2015. Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. Москва: ИВ РАН. 504 с.

Крылов А.В., Морозов В.М. 2017. Исламский фактор в политическом развитии Палестины. *Межконфессиональная миссия.* № 21. С. 32-40.

Сапронова М.А. 2017. *Политический процесс в арабских странах: учебное пособие.* Под ред. Л.М. Ефимовой. Москва: МГИМО-Университет. 312 с.

Работа об истинной природе прав человека и гражданина

А.В. Крылов, А.В. Федорченко

Московский государственный институт международных отношений МИД России

Рецензия на книгу, состоящую из статьи, переведённой на 10 языков (иврит, арабский, китайский, японский, английский, французский, немецкий, испанский, португальский, итальянский): Воробьев В.П., Илиев Р.Л. 2018. *Права человека и гражданина в иудаизме и европейской правовой традиции*. Москва: Изд-во «Национальное обозрение». 248 с.

В.П. Воробьев и Р.Л. Илиев анализируют причины и факторы, связанные с возникновением концепции прав человека и ее пониманием, обращаясь к иудаизму, в котором в значительной мере обозначена современная дефиниция «права человека». Публикация будет полезной для всех, интересующихся проблематикой прав человека.

Ключевые слова: Иудаизм, права человека, Десять Заповедей, Талмуд, Ветхий Завет, Декларация прав человека и гражданина 1789 года, Церковь

На первый взгляд представляется, что вопрос о происхождении прав человека достаточно прост и не требует особых разъяснений. Открывая в Большом юридическом словаре соответствующий раздел и читаем следующее: «Права человека – понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Понятие П.ч. появилось еще в эпоху буржуазных революций... Декларация прав человека и гражданина 1789 г. – важнейший политико-правовой акт Великой французской революции 1789-1794 гг. Историческое значение Д.п.ч.и.г. заключается в том, что в ней **впервые** в истории человечества в систематизированном виде были провозглашены юридические принципы и права, которые легли в основу современного правового статуса личности, а также конституционализма в целом: равноправие людей,

УДК 327

Поступила в редакцию: 11.04.2019 г.

Принята к публикации: 08.08.2019 г.

естественный характер и неотъемлемость прав человека, народный суверенитет, верховенство закона, право человека на личную свободу и неприкосновенность, свобода совести и выражения мыслей и мнений, презумпция невиновности и др.».

Совершенно иное представление о генезисе понятия права человека излагается на десяти наиболее распространённых языках мира в опубликованной в 2018 г. в издательстве «Национальное обозрение» работе «Права человека и гражданина в иудаизме и еврейской правовой традиции». Ее авторы – Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор юридических наук профессор В.П. Воробьёв и президент Фонда по изучению гражданского общества и человеческого капитала «Синергетика» Р.Л. Илиев.

В.П. Воробьёв и Р.Л. Илиев ставят под сомнение глубоко укоренившийся тезис о том, что понятие «права и свободы» является продуктом европейских буржуазных революций XVIII в. В противовес этому устоявшемуся суждению российские исследователи, представляющие авторитетную школу правоведения Московского государственного института международных отношений МИД России, противопоставляют концепцию, согласно которой фундаментальные права и свободы человека зиждутся на принципах, которые ещё в глубокой древности были сформулированы в иудаизме. Их соблюдение предписывается основными источниками еврейской религии – Торой (Пятикнижием Моисеевым) и Талмудом. Такие важнейшие правовые положения, как право на жизнь и защиту достоинства; право на свободу и равноправие; право на справедливое судопроизводство и неприкосновенности частной собственности, были главными критериями национальной жизни и культуры евреев на протяжении почти четырёх тысячелетий. Нельзя не согласиться с утверждением авторов статьи о том, что «важная особенность иудаизма заключается в том, что с самого начала он не ограничивается лишь тем, что формулирует красивые принципы, но и применяет их на практике».

Ещё на ранней стадии своего становления иудаизм перешагнул рамки духовной сферы и активно вторгся в общественно-политическую практику. Уже тогда его структура приняла достаточно разветвлённый характер и включила в себя несколько исключительно важных элементов, принципиально отличавших еврейскую религию от всех остальных:

- учение о Боге и сущности человека;
- Священное Писание – повествование об истории семитских племен, в том числе еврейского народа, патриарахах и их потомках, которым было суждено познать Божественное откровение;
- свод религиозных законов, вторгающихся также в область светского права;
- систему религиозно-правовых институтов;
- кодекс морально-нравственных ценностей.

Проводя сопоставление между Торой и Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., авторы приходят к весьма неординарному выводу, что, несмотря на определённые несоответствия в формулировках, оба текста, которые разделяет временной интервал в более чем два тысячелетия, практически дублируют друг друга».

Идея самоценности человека вытекает из положения Ветхого Завета, согласно которому «И сформил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сформил его; (Быт. 1:27). Тот же источник дарует человечеству в качестве закона идею неприкосновенности человеческой жизни – «Не убий» (Исх. XX:13). Заповеди Торы требуют от каждого человека уважительно относиться к любому другому человеку, независимо от его недостатков и пороков, – «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18); «Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твоё, когда он споткнётся» (Притчи 24:17). В универсальных Десяти законах, дарованных Моисею на Синайской горе, впервые появляются требования правовой защиты имущества, принадлежащего человеку – «Не кради» (Исх. XX:15); «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. XX:17).

Идея высокой ценности человеческой личности проявляется в необходимости предоставления каждому выходного дня для отдыха – «а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в день оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни пришлец, который в жилищах твоих (Исх. XX: 10). Законоучители Талмуда придерживались принципов равноценности и достоинства всех людей: «Адам создан единым ради мира людского, дабы один не говорил другому: мой предок выше твоего предка... — а Царь Царей царствующих, Святой, да будет Он благословен, чеканит всех людей печатью Адама, но все они отличаются друг от друга. Так что каждый человек обязан сказать: ради меня создан мир» (Санх. 4:5). В еврейском судопроизводстве издревле подчёркивался примат сохранения жизни человека над вынесением ему смертного приговора. Когда суд рассматривал дело об убийстве, свидетелей строго предупреждали о последствиях лжесвидетельства следующими словами: «Почему Бог создал сначала одного человека – Адама? Чтобы научить вас, что кто отнимет одну жизнь, уничтожает целый мир, а кто спасёт одну жизнь, спасает целый мир» (Санх. 4:5).

Исследователи неотъемлемой сопричастности иудаизма и концептуальных основ прав человека, справедливо отмечают, что в этой связке ключевое значение имеет свобода и освобождение от оков рабства. Не случайно в еврейской традиции столь большое значение придаётся исходу из четырехсотлетнего пленения евреев в Египте, который символизирует долгожданное освобождение закабалённых колен Израиля, их трансформацию в единый, независимый и свободный народ. Самый большой еврейский праздник Песах (Пасха) посвящён тому, чтобы каждый, кто соотносит себя с еврейством, всегда помнил о тяжкой участи раба и выжимал этого раба из себя до последней капли, осознавая, что только свобода позволяет человеку жить полноценной жизнью. Только после исхода из египетского рабства Всевышний заключает завет (союз) со свободными людьми и дарует им Десять Заповедей – универсальный закон, соблюдение которого всем человечеством позволило бы ему избавиться от многих глобальных проблем и бедствий.

Примечательно, что Закон Божий изначально был обращён не только к тем, кто бежал из египетского плена, но и к будущим поколениям. Обращаясь к своим соплеменникам от имени Бога, Моисей произносит такие слова: «Не с вами одни заключаю Я сей Завет и сей клятвенный договор, но и с теми, которые сегодня здесь с нами стоят перед лицом Господа Бога, так и с теми, которых нет здесь с нами сегодня» (Втор. 29:13–14). Авторы не оставляют без внимания тот факт, что в иудейской традиции богоизбранность еврейского народа как сообщества, вступившего в союз с Богом, «объясняется не превосходством его над другими народами мира, а большой ответственностью перед ними... В мире будут продолжаться несчастья до тех пор, пока Израиль не выполнит наложенную на него Миссию. Данная Миссия заключается в привнесении в мир морального закона порядочности и честности, изложенного в Священных писаниях».

Памятью о египетском рабстве и Исходе мотивируются и социальные законы, вошедшие в еврейскую традицию в глубокой древности: справедливое отношение к пришельцу и рабу, помощь сироте и вдове, сострадание к немощному и больному – «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской» (Исх. XXII: 21).

Иудаизм всегда отрицательно относился к авторитарным государственным формам управления, считая, что все злодеяния в мире исходят от людей, наделённых безграничными властными полномочиями. Знаменитая притча о деревьях, которые выбирали для себя царя – тому красноречивое подтверждение (Суд. 9:8–15). Но вместе с тем иудаизм изначально был враждебен по отношению к охлократии – власти толпы или анархии (Суд. 9:57). В этой связи В.П. Воробьев и Р.Л. Илиев приходят к единственно верному определению подхода иудаизма к человеческой личности: «Идеологическое разделение на личные и коллективные права человека стало одной из основ политического противостояния. Одни государства отдавали приоритет индивидуальным свободам в ущерб социальной справедливости, другие – всеобщему равенству коллективистского типа в ущерб личным свободам. Хотя подобное разделение на личные и коллективные права глубоко чуждо иудаизму, он опирается на единство человека в том плане, что человек социальный и человек индивидуальный – две части одного целого, которые не могут быть разделены под страхом смерти».

Даже когда у евреев в древности была своя государственность, она в корне отличалась от всех известных форм управления, которые существовали по соседству – от Иудейского и Израильского царств в Египте, Вавилоне, Ассирии, Финикии и др. Функции европейских монархий сводились к обеспечению обороны и безопасности народа. Фактически любое своё действие monarch должен был согласовывать с всевластным сословием хранителей Торы и её законов. Как удивительно верно отмечают В.П. Воробьев и Р.Л. Илиев, постепенно «еврейское право охватывает все стороны общественной жизни», однако в отличие от правовых систем других народов, развивавших свои законы “под эгидой доминантной политической власти”, становление еврейского права в течение двух тысячелетий

происходило без поддержки аналогичной властной структуры». Отсюда следует главный вывод статьи: «Несомненно, именно эта политико-юридическая структура во многом обусловила выживание еврейской нации как обособленной общности». Именно эта структура, изначально отрицавшая авторитаризм, тоталитаризм и прочие элементы человеконенавистничества, поднимала статус отдельной личности и способствовала всестороннему развитию человека в рамках тех самых морально-этических ценностей и свобод, которые станут открытыми для других народов лишь в XVIII в. Может быть, именно проанализированная авторами тема, связанная с правами человека в иудаизме и еврейской правовой традиции даёт единственно правильный ответ на вопрос, которым задаются многие люди: почему вклад евреев (0,2% от всего населения мира) в величайшие достижения человеческой цивилизации явно непропорционален их численности? Исследование, проведённое В.П. Воробьёвым и Р.Л. Илиевым, неизбежно заставляет читателя задуматься над другим, не менее парадоксальным вопросом: почему евреи являются единственным древнейшим народом, сумевшим пережить все великие империи и народы, и при этом сохранить свою самобытность и самостоятельность?

Рецензируемая работа наводит на размышления не только относительно исторических аспектов формирования концепции прав человека в иудаизме и еврейской правовой традиции. Она даёт основу для оценки современной интерпретации и применения этой концепции в созданном в 1948 г. Государстве Израиль. Нельзя не заметить, что после образования этого государства некоторые поступаты иудаизма, имеющие отношение к провозглашению и защите прав человека, вошли в противоречие с израильской правовой системой и правоприменительной практикой. За короткую историю существования современного Израиля лишний раз подтвердилось, что государство, живущее во враждебном окружении, и вынужденное решать многочисленные сложнейшие социально-экономические, политические, военно-стратегические, этно-конфессиональные и др. вопросы, может декларировать, но не способно в полной мере гарантировать соблюдение прав и свобод для всех групп населения. Достаточно сказать, что правовую основу для возможных нарушений прав человека и дискриминации гражданского населения создаёт и официально закреплённое чрезвычайное положение, которое было введено в момент создания Государства Израиль и ни разу не отменялось.

Авторы статьи в её заключительной части обоснованно признают, что «в сегодняшнем Израиле религиозные круги – главные противники продвижения правозащитного законодательства». Например, здесь используются такие не свойственные современным либерально-демократическим государствам ограничения как невозможность заключения гражданских браков между евреями, ограничения на движение общественного транспорта по субботам и праздничным (с точки зрения еврейской традиции) дням, сложности с захоронением не евреев на общих кладбищах и др.

Однако, как представляется, основная часть ограничений прав человека сконцентрирована в области явной или скрытой дискриминации людей по этнокон-

фессиональному принципу. С одной стороны, как отмечал автор многочисленных работ по иудаизму раввин д-р И. Эпштейн, «царь и подданный, свободный и раб, туземец и пришелец – все равны перед законом и пользуются одинаковыми суверенными правами человека» (Эпштейн 1979: 36). Отношение Торы к не еврею (призыв любить его так же как исповедующего иудаизм) сохраняется и в Талмуде. «Особенно следует остерегаться нанести обиду прозелиту, т.к. прозелиты сугубо чувствительны к оскорблению. Чтобы не обидеть прозелита, запрещается при всех условиях даже напоминать ему о его нееврейском происхождении» (Эпштейн 1979: 142).

С другой стороны, права нееврейского (арабского) меньшинства, составляющего около 17% населения Израиля, подвергаются ряду существенных ограничений. В своей книге «Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности» В.П. Воробьёв подробно рассмотрел возможные ограничения прав и свобод гражданина в этой стране (Воробьёв 2001: 46-81). Начать с того, что принцип равенства нарушается Законом о возвращении 1950 г., в соответствии с которым право на иммиграцию в Израиль и автоматическое получение израильского гражданства гарантируется только проживающим в диаспоре евреям и их семьям. Кроме того, автор выделяет скрытую дискриминацию и так называемую «институциональную» дискриминацию по отношению к определённым группам граждан. Первый вид ограничений проявляется в фактическом запрете на призыв проживающих в Израиле арабов (исключение делается для друзской общины) на военную службу, что, помимо прочего, сокращает социальные выплаты не служившим гражданам.

К формам «институциональной» дискриминации относятся сокращённые бюджетные ассигнования на нужды арабской общины, ограничения доступа к использованию земельных ресурсов страны. В условиях доминирования государственной (или общественной, если учесть, что частью земли владеет «национальный институт – Еврейский национальный фонд – ЕНФ») собственности на землю принадлежащие ЕНФ площади не могут сдаваться в аренду неевреям, а принадлежащие государству, как правило, предлагались неевреям лишь в краткосрочную аренду.

До сих пор между двумя общинами в экономической области сохранились определённые барьеры, что, конечно, не отражено в законодательстве, но является частью хозяйственной жизни страны. Арабское население слабо представлено в высокотехнологичных отраслях промышленности, в финансовых и деловых услугах, значительная доля его экономически активной части занята в мелкой розничной торговле, небольших предприятиях кустарного типа.

Одним из влиятельных и мощных в экономическом отношении институтов в Израиле является профсоюзная федерация Гистадрут. Её отличие от профсоюзных объединений других стран состояла в том, что устремлённость к достижению социального мира и «мирным» формам разрешения конфликтов сочеталась с национализмом по отношению к арабскому населению Израиля и палестинцам с ок-

купированных территорий, занятых на израильских предприятиях. Хотя принцип национального разделения в профсоюзной деятельности никогда официально не признавался руководителями Гистадрута, многие исследователи подтверждают наличие этой особенности (Shalev 1992: 32-80; Zureik 1979: 28-31).

Ещё более сложная ситуация с правами арабского населения сложилась на оккупированных Израилем палестинских территориях. Сам оккупационный режим предполагает ограничение прав и свобод коренного населения. Создание здесь многочисленных еврейских поселений вело к ущемлению свобод проживающих на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа палестинцев, хотя свобода в соответствии с канонами иудаизма – неотъемлемое право человека.

Для палестинцев ограниченная свобода передвижения сильно затрудняет их экономическую активность, повседневную жизнь в целом. Прокладка израильянами шоссейных дорог, как правило, сопровождалась экспроприацией частных палестинских земель, ликвидацией посевных площадей, пастбищ и оливковых рощ, разрушением домов, которые мешали проведению дорожных работ. Эта транспортная система создавалась только для того, чтобы связать еврейские поселения друг с другом и с территорией Израиля.

Дополнительные препятствия для передвижения палестинцев создают разделительный забор, многочисленные блокпосты и КПП, а также так называемые физические препятствия: земляные насыпи, рвы, металлические заборы и шлагбаумы, бетонные кубы и т.п.

Длинные очереди на КПП и блокпостах, унизительные проверки приводят к тому, что для палестинцев обычные поездки на работу, учёбу, в медицинские учреждения, магазины или к родственникам становятся трудноразрешимой проблемой. Лица, находившиеся под арестом или задерживавшиеся хотя бы раз полицией или армейским патрулём, автоматически лишились возможности выезжать с оккупированной территории. По данным ООН, 650 тыс. палестинцев подвергались арестам¹. Следовательно, только на этом основании израильские власти ограничивают свободу передвижения для одной шестой части всего палестинского населения оккупированных территорий.

Сотни официальных распоряжений и правительственные предписаний жёстко регламентировали все стороны хозяйственной жизни палестинцев — от сортов овощей и фруктов, которые им следует выращивать на своих землях, до лицензий для предпринимателей на закупку сырья и сбыт продукции, на право обеспечения водой.

Продолжающаяся более сорока лет израильская политика и практика нарушения прав палестинцев на оккупированных территориях, включая право на труд, право на образование, право покидать свою страну и возвращаться в неё, право на свободу передвижения и выбора местожительства, право на воссоединение семей и т.п. стимулирует массовую эмиграцию палестинцев в другие страны.

¹ Report of the Special Reporter on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967. John Dugard. – Документ UNISPAL A/HRC/4/17 от 29 января 2007

В целом, очевидно, нельзя не согласиться с выводом американских исследователей Б. Циммермана, Р. Зайд и М. Вайза о том, что Израилю «необходимо перестроиться на новое и независимое мышление, которое обеспечит сохранение еврейского государства как реальности и после того, как он позаботится о правах и благосостоянии палестинцев и израильских арабов» (Еврейское государство... 2008: 396).

Таким образом, создать идеальное «еврейское государство», в котором абсолютно все граждане были бы равны перед законом, а именно о таком государстве мечтали отцы-основатели Израиля, подпишавшие в мае 1948 г. Декларацию Независимости, в итоге так и не получилось.

Публикация В.П. Воробьёва и Р.Л. Илиева поднимает принципиально важные и актуальные вопросы, затрагивающие и волнующие каждого человека на земле. Выход в свет этой работы вызвал интерес у широкой читательской аудитории. Её перевод на основные языки мирового значения будет только способствовать популяризации новаторских идей, выдвинутых российскими правоведами. Очевидно, что такой насыщенный по своей информативности труд мог родиться только в атмосфере полного взаимопонимания и тесного сотрудничества его авторов, объединённых общими научными интересами и глубоким знанием предмета исследования. Не сомневаемся, что рецензируемая работа обречена на успех.

Об авторах:

Александр Владимирович Крылов – д.и.н., профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Андрей Васильевич Федорченко – д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 11, 2019
Accepted: August 8, 2019

Human Rights in Judaism and the Jewish Legal Tradition

A.V. Krylov, A.V. Fedorchenko
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-250-258

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Book Review: V.P. Vorobev, R.L. Iliev. Human Rights in Judaism and the Jewish Legal Tradition. Moscow: "Natsionalnoe Obozrenie" Publ. House, 2018. 248 p. (In Russian).

V.P. Vorobev and R.L. Iliev analyse the causes associated with the emergence of the concept of human rights and its understanding, referring to Judaism, which largely identified the modern definition of «human rights». The publication will be useful for all those interested in human rights issues.

Key words: Judaism, Human Rights, the Ten Commandments, Talmud, the Old Testament, the Declaration of Human and Civil Rights of 1789, the Christian Church

About the authors:

Alexander V. Krylov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Leading Researcher, Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Andrey V. Fedorchenco – D. of Sc. (Economics), Professor, Director of Center for Middle Eastern Studies, Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Shalev M. 1992. *Labour and the Political Economy in Israel*. Oxford. 373 p.
Zureik E. 1979. *The Palestinians in Israel: A Study in Internal Colonialism*. London. 320 p.
Vorob'ev V.P. 2001. *Gosudarstvo Izrail': pravovye osnovy vozniknoveniya i status lichnosti* [The State of Israel: the Legal Basis for the Emergence and Status of the Individual]. Moscow: Natsional'noe obozrenie. 167 p. (In Russ.)
Evreiskoe gosudarstvo v nachale XXI veka: antologiya sovremennoi izrail'skoi obshchestvenno-politicheskoi mysli [Jewish State in the Early XXI Century: Anthology of Modern Israeli Social and Political Thought]. 2008. Sbornik statei pod red. Epshteina A.D. Moscow: Mosty kul'tury. 421 p. (In Russ.)
Epshteyn I. 1979. *Iudaizm* [Judaism]. New York: Penguin Books. 315 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Воробьёв В.П. 2001. *Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности*. Москва: Национальное обозрение. 167 с.
Еврейское государство в начале XXI века: антология современной израильской общественно-политической мысли. 2008. Сборник статей под ред. Эпштейна А.Д. Москва: Мосты культуры. 421 с.
Эпштейн И. 1979. *Иудаизм*. Нью-Йорк: Penguin Books. 315 с.

Этапы институционализации ближневосточного противостояния

Е.А. Стёпкин

Министерство иностранных дел России

Рецензия на книгу Gregory S. Mahler *The Arab-Israeli Conflict: An Introduction and Documentary Reader*, 2nd Edition. Routledge, 2018. 416 p.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, Ближний Восток, палестино-израильский конфликт, ближневосточное урегулирование

Арабо-израильский конфликт является одним из самых продолжительных и острых противостояний в современной истории. Несмотря на то, что после «арабской весны» его интенсивность несколько снизилась, и он сошёл с первых строк глобальной повестки дня, палестино-израильское противостояние остаётся системообразующим региональным конфликтом для всего пространства Ближнего Востока и Северной Африки.

Ближневосточное урегулирование – это многолетний международный политico-дипломатический процесс, цель которого заключается в прекращении арабо-израильского конфликта, возникшего после принятия в 1947 г. резолюции 181 ГА ООН о разделе исторической Палестины на два государства: арабское (так и не было создано) и еврейское (Израиль). Полноформатный многосторонний мирный процесс в регионе был запущен в 1991 г. в рамках Мадридской конференции.

Нынешняя администрация США, подталкиваемая израильским руководством, предпринимает настойчивые попытки пересмотреть сложившуюся за прошедшие десятилетия международно-правовую базу по ближневосточному урегулированию и отделить палестино-израильский конфликт от арабо-израильского противостояния. В этих условиях для специалистов-ближневосточников актуализируется значимость работ, подобных книге Г.С. Махлера «Арабо-израильский конфликт: введение и документы».

УДК 327

Поступила в редакцию: 11.05.2019 г.

Принята к публикации: 10.08.2019 г.

Грегори С. Махлер – профессор, декан Факультета политологии Эрлхемского колледжа (США), автор более 30 книг по сравнительной политологии, израильской и ближневосточной политики. В сфере его научных интересов политические институты и демократическое управление.

В своей работе Г.С. Махлер анализирует дипломатический и исторический контекст, в условиях которого формировался данный конфликт, а также даёт объёмную картину становления и институционализации процесса ближневосточного урегулирования. При этом автор стремится к объективности, старается занимать равноудалённую позицию, приводя по ходу повествования точки зрения обеих сторон конфликта.

Книга представляет собой второе, дополненное, издание (первое вышло в 2009 г.) и включает в себя весьма представительную и широкую подборку документов, имеющих отношение к палестино-израильской проблематике, с конца XIX в. вплоть начала президентства Д. Трампа (в общей сложности более 80 наиболее важных и широко цитируемых документов, карт и таблиц). Материалы представлены в отредактированном виде, что позволяет быстрее выделить их основное содержание. В итоге читатель с опорой на первоисточники может проследить зарождение палестино-израильского конфликта с самых его истоков.

Данная книга является полезным подспорьем для изучающих палестино-израильский конфликт и процесс ближневосточного урегулирования, а также для широкого круга читателей, интересующихся данными вопросами. Облегчению понимания материала способствует продуманная структура изложения.

Первая глава «Введение» написана в соавторстве с А.М. Левиным и посвящена краткому историческому экскурсу в палестино-израильский конфликт. Изложенный материал дополняется картами и наглядными ссылками на источники, которые приведены в главах II–V (затрагивают период с 1896 по 2018 гг.).

Начиная повествование с библейского эпиграфа и намекая таким образом на давность и запутанность двустороннего противостояния, автор проходит по основным вехам истории Палестины, акцентируя внимание на ситуации накануне распада Османской империи в 1918 г. и в подмандатный период.

С провозглашением независимого израильского государства в 1948 г. и после серии вспыхнувших следом арабо-израильских войн начинается процесс институционализации арабо-израильского противостояния.

Ближневосточное урегулирование опирается на международные решения: резолюции СБ ООН 242 и 338 (предусматривают освобождение оккупированных Израилем в 1967 г. арабских территорий), 1397 (подтверждает «видение региона, где два государства – Израиль и Палестина – живут бок о бок в пределах безопасных и признанных границ»¹), 1850 (подтверждает необходимость продолжения переговоров по палестино-израильскому урегулированию), 2334

¹ Резолюции Совета Безопасности ООН 1968 года. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1968> (дата обращения 21.08.2019)

(осуждает и признаёт незаконным строительство Израилем еврейских поселений на палестинских территориях), ряд резолюций ГА ООН. В качестве основы ближневосточного урегулирования, в том числе согласно резолюции СБ ООН 2334, закреплены также: выработанный на Мадридской конференции принцип «земля в обмен на мир», Арабская мирная инициатива, принятая на саммите ЛАГ в 2002 г. (предусматривает полную нормализацию отношений арабов с Израилем в обмен на его уход со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий), и дорожная карта подготовленная, квартетом международных посредников (поддержанная также резолюцией СБ ООН 1515).

К настоящему моменту из арабских стран только Египет (1979 г.) и Иордания (1994 г.) заключили мирный договор и установили дипломатические отношения с Израилем. Кроме того, в 1988 г. Израиль признан Организацией освобождения Палестины (ООП).

Подтолкнуть стороны к диалогу призван основной механизм внешнего сопровождения мирного процесса – ближневосточный квартет международных посредников в составе России, США, ЕС и ООН, созданный в 2002 г.

Задачи ближневосточного урегулирования сводятся к созданию полноценного палестинского государства, что подразумевает урегулирование т.н. «вопросов окончательного статуса» (границы, Иерусалим, безопасность, беженцы, водные ресурсы); обеспечению мирного и безопасного сосуществования Израиля с другими странами региона при прекращении израильской оккупации арабских территорий, захваченных с 1967 г.

Ближневосточное урегулирование осуществляется на трёх треках: палестинском, сирийском и ливанском. Сирийский и ливанский, предполагающие уход Израиля с сирийских Голанских высот и из южного Ливана (фермы Шебаа и деревня Гаджар), на данный момент «заморожены», в т.ч. вследствие сирийского кризиса.

Наибольших результатов удалось добиться на палестинском треке. После Мадридской конференции полноценный палестино-израильский диалог и отдельные контакты на высшем уровне с различной степенью интенсивности и эффективности продолжались до 2014 г. Наиболее существенным результатом стало заключение между Израилем и ООП соглашений в Осло (1993-1995 гг.). По ним в качестве временного и переходного шага была создана Палестинская национальная администрация (ПНА) с ограниченным суверенитетом, распространяющимся на часть палестинских территорий (41% Западного берега р. Иордан и весь сектор Газа²). Остальные палестинские земли, а также всё воздушное пространство, территориальные воды и сухопутные границы Западного берега р. Иордан и сектора Газа остаются под полным израильским контролем.

² Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению [«Договоренности Осло】]. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (дата обращения 21.08.2019)

Мирный процесс застопорился с 2009 г. после прихода к власти в Израиле правой коалиции во главе с Б. Нетаньяху, отказавшейся принять предшествующие переговорные наработки. В 2014 г. Б. Нетаньяху формально объявил о решении приостановить переговоры с палестинцами.

Автор справедливо перечисляет главные расхождения между сторонами, препятствующие перезапуску переговоров. Требования палестинцев – прекращение поселенческой активности Израиля на Западном берегу р. Иордан, включая Восточный Иерусалим, и начало предметного обсуждения прохождения границы на базе линий 1967 г. Израильян – предварительное признание палестинцами Израиля национальным государством еврейского народа, их отказ от границ 1967 г., Восточного Иерусалима в качестве палестинской столицы и права палестинских беженцев на возвращение.

Все последующие главы автор посвящает соответствующим документам, связанным с процессом становления арабо-израильского конфликта:

II глава «От Герцля до признания Государства Израиль» (с 1896 по 1949 гг.),

III глава «От признания до начала мирного процесса» (1949 – 1978 гг.),

IV глава «От израильско-египетского до израильско-иорданского мирных договоров» (1979 – 1994 гг.),

V глава «От временных соглашений до сегодняшнего дня» (1995 г.– н.в.).

Наибольший интерес представляет новейший период, начавшийся с приходом в Белый дом Д. Трампа. Мы стали свидетелями того, как США резко поменяли свою позицию, впервые открыто встав на сторону Израиля и, по сути, отказавшись от идеи создания полноценного палестинского государства. Американцы увеличили давление на палестинцев (закрыто представительство ООП в Вашингтоне³, прекращено финансирование Ближневосточного агентства по делам беженцев и организации работ (БАПОР)⁴), способствуют углублению межпалестинского раскола (в декабре 2018 г. США пытались добиться принятия Генассамблеей ООН резолюции с осуждением палестинского движения ХАМАС⁵). Одновременно проводят линию на ревизию наработанной годами международно-правовой базы урегулирования арабо-израильского конфликта (перенос в мае 2018 г. своего посольства в Иерусалим, обещание заключить «делку века», которая, судя по всему, предполагает отказ палестинцев от притязаний на подлинную государственность в обмен на экономическую помощь⁶). Американскому примеру поддаются некоторые другие страны (Австралия огра-

³ Госдепартамент объявил о закрытии представительства Палестины в Вашингтоне. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5546963> (дата обращения 21.08.2019)

⁴ Генсек БАПОР назвал ситуацию критической после прекращения помощи США. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5520597> (дата обращения 21.08.2019)

⁵ US resolution to condemn activities of Hamas voted down in General Assembly. [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/en/story/2018/12/1027881> (accessed 21.08.2019)

⁶ Kushner unveils economic part of 'deal of the century' Middle East peace plan. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jun/22/jared-kushner-middle-east-peace-white-house> (accessed 21.08.2019)

ничила финансирование БАПОР⁷, Парагвай и Гватемала перенесли свои посольства из Тель-Авива в Иерусалим⁸, то же самое грозят сделать Бразилия и Чехия⁹).

К сожалению, Г.С. Махлер не упоминает, что в качестве ответного шага ГА ООН в декабре 2017 г. приняла резолюцию «Статус Иерусалима» (против признания этого города столицей Израиля)¹⁰, а 6 декабря 2018 г. – резолюцию «Всеобъемлющий, справедливый и устойчивый мир на Ближнем Востоке» (за приверженность международно-признанной основе ближневосточного урегулирования, включая двухгосударственное решение и прекращение израильской оккупации, начатой в 1967 г.)¹¹.

Палестинцы, в свою очередь, также проводят кампанию по международному признанию Государства Палестины. По состоянию на декабрь 2018 г. Палестину признали 137 государств¹². Она член ЮНЕСКО (2011 г.), МУС (2015 г.), ЮНИДО (2018 г.), получила статус государства-наблюдателя не члена ООН (2012 г.) и «партнёра для демократии» ОБСЕ (2011 г.)¹³. В различной стадии проработки находятся заявки на присоединение Палестины к десяткам многосторонних международных договоров и конвенций¹⁴.

В октябре 2018 г. Центральный палестинский совет (высший коллегиальный орган палестинцев) объявил о приостановке признания ООП Израиля до признания Израилем Государства Палестины в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме¹⁵. В практическом плане это вылилось в сворачивание палестино-израильского сотрудничества во всех областях, кроме безопасности.

Чуть больше внимания в книге можно было бы заострить на том, что шансы на выход ближневосточного урегулирования из тупика существенно осложняет раскол между основными движениями палестинцев ФАТХ и ХАМАС. С 2007 г. сектором Газа управляет функционирующее де-факто автономно движение ХАМАС, пришедшее к власти в результате демократических выборов. Власть на ЗБРИ находится в руках ПНА, контролируемой функционерами ФАТХ во главе с международно признанным президентом М. Аббасом. Различными международными игроками (Египет, КСА, Катар и Россия) предпринимались попытки содействовать восстановлению единства палестинских рядов. Заключён ряд примиритель-

⁷ Statement on recently announced US funding cuts to UNRWA. [Электронный ресурс] URL: <https://ajiac.org.au/media-release/statement-on-recently-announced-us-funding-cuts-to-unrwa/> (accessed 30.07.2019)

⁸ Year after US embassy move, Jerusalem diplomatic influx fails to materialize. [Электронный ресурс] URL: <https://www.timesofisrael.com/year-after-us-embassy-move-jerusalem-diplomatic-influx-fails-to-materialize/> (accessed 21.08.2019)

⁹ Там же.

¹⁰ United Nations Information System on the Question of Palestine. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/unispal/data-collection/security-council/> (accessed 21.08.2019)

¹¹ Там же.

¹² PA's top diplomat: Another country will recognize Palestine by end of month. [Электронный ресурс] URL: <https://www.timesofisrael.com/pas-top-diplomat-another-country-will-recognize-palestine-by-end-of-month/> (accessed 21.08.2019)

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ООП больше не признает Израиль государством. [Электронный ресурс] URL: <https://www.infox.ru/news/220/world/incidents/191771-oop-bolse-ne-priznaet-izrail-gosudarstvom> (дата обращения 21.08.2019)

тельных соглашений (последнее – в октябре 2017 г. в Каире¹⁶), которые, однако, в полной мере не выполняются.

Автор совершенно игнорирует освещение российских усилий в ближневосточном урегулировании. На данном этапе они сосредоточены на преодолении межпалестинского раскола и обеспечении позитивной эволюции подходов всех палестинских фракций к переговорам с Израилем:

Россия поддерживает регулярные контакты со представителями палестинцев, организует межпалестинские встречи. Последние состоялись в Москве в 2017 и 2019 гг.¹⁷. В них приняли участие представители основных палестинских движений и фракций. В апреле 2017 г. МИД России сделал официальное заявление в поддержку двухгосударственного решения, вместе с тем впервые было указано, что Россия считает Западный Иерусалим столицей Израиля¹⁸.

В заключении хочется ещё раз подчеркнуть пользу данной монографии для всех исследователей Ближнего Востока и в особенности палестино-израильского конфликта.

Об авторе:

Егор Андреевич Стёпкин – 3-й секретарь МИД России, 119200, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/3. E-mail: egrs2006@rambler.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: May 11, 2019
Accepted: August 10, 2019

Stages of Institutionalization of the Middle East Confrontation

E.A. Stepkin
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-259-265

Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

¹⁶ Hamas and Fatah sign deal over control of Gaza Strip. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/12/hamas-claims-deal-agreed-fatah-control-gaza-strip> (accessed 21.08.2019)

¹⁷ Russia to host 10 Palestinian factions next month, diplomat says. [Электронный ресурс] URL: <https://www.timesofisrael.com/russia-to-host-10-palestinian-factions-next-month-diplomat-says/> (accessed 21.08.2019)

¹⁸ Заявление МИД России. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2717182 (дата обращения 30.07.2019)

Book review of Gregory S. Mahler *The Arab-Israeli Conflict: An Introduction and Documentary Reader*, 2nd Edition. Routledge, 2018. 416 p.

Key words: Palestine, Israel, Middle East, Palestinian-Israeli conflict, Middle East settlement.

About the author:

About the author

Egor A. Stepkin – Third Secretary of the Russian Foreign Ministry, 119200, Moscow, Smolenskaya-Sennaya sq., 32/3. E-mail: egrs2006@rambler.ru.

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World

V.V. Subochev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Review of a monograph: Guy Fiti Sinclair. To Reform the World: International Organizations and the Making of Modern States. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.

Abstract: The book by Guy Fiti Sinclair is a highly professional and richly contextualized scientific research which analyzes the processes of expansion of powers exercised by international organizations under international law. Particular attention is devoted to the reasons which made this expansion possible and legitimate.

Sinclair views international organizations as the creatures, instruments and even originators of international law which incarnated and epitomized its transformative potential for the purposes of their expansion and development. Heterogeneous interests and ambiguous functions of the International Labour Organization, the UN, and the World Bank are inspected through the prism of their abilities to intervene in the name of international law and, at the same time, to subject themselves to its improving and modernizing influence.

The reviewed work comprehensively explores the state-making activities of full-fledged democracies and the ambivalent consequences of such modernization which usually deploys under the guise of transformative liberal ideology.

Key words: International organization, international relations, international law, state-making, sovereignty, modernization, state, the International Labour Organization, the UN, the World Bank

The redefinition of the world order and international relations we are witnessing today, the rapid transformation of basic political and legal concepts, and even vocabularies which we once used to describe the international relations raise an array of crucial questions. Whether state sovereignty which is traditionally regarded as an undeniable pillar of the statehood still matters in international relations and still encompasses such characteristics as independence, supreme power over a controlled territory and ability to govern internal and external affairs? Does rigorous enforce-

УДК 327

Received: May 08, 2019.

Accepted: June 15, 2019.

ment of international law by the «full-fledged democracies» guarantee the justice and righteousness in international relations and spread around forces of modernization and prosperity without political, economic biases or preying on natural resources, and markets of each and every «equal partner» in the international dialogue? Do the international organizations which are created to promote peace, security, free trade, and core liberal values redefine and rewrite international law and its potential for the sake of international interventions, imperialist domination, and «legitimization» of one-sided representation of interests in the course of state-making activities?

There is every reason to believe that timely and thoughtful book by Guy Fiti Sinclair is one of the few richly contextualized and highly professional pieces of research which examines the expansion of powers exercised by international organizations under international law, including the ability to create this law and capabilities of military, financial, economic, political, social, and cultural interventions that effect directly and indirectly the lives of millions of people around the world (Alvarez 2005: 421).

The central research question which is addressed in Sinclair's book is how international organizations expansion «has come to be widely, if not universally, viewed as possible and legitimate in international law» (P.1). As the author aptly puts it at the very beginning of the book's introduction, «a major achievement of international law during the twentieth century was the creation and adaptation to changing world conditions of a vast number of international organizations» (P.1).

Developing this idea Sinclair emphasizes, that international organizations are important sites of struggle over the meaning of international law and its potential for creating a better world. Yet these same organizations have often ended up promoting forms of international intervention that resemble deep-rooted relationships of imperialist domination.

With the formal objective to reform and modernize the world for the better future, international organizations appropriate additional powers in strict accordance with international law and intervene into new arenas of activity. Moreover, «many international organizations have come to exercise legal powers that were neither specifically contemplated at the time of their creation nor explicitly mandated in their constituent instruments; and they have done so largely without formally amending those instruments» (P. 3).

The leitmotif of the book is revolving about three main themes:

1. International law with transformative or reformist potential directly entitles and authorizes international organizations to expand their powers and scope;
2. international organizations adapt and adjust their constituent instruments and activities to the requirements of international law in order to facilitate and legitimize their further growth and extension;
3. international organizations wield powers and authority that were not explicitly mandated by founding treaties without formal amendment of those treaties. By means of sophisticated interpretation of international law, different circumstances and conditions, under which international organizations have to perform their duties in order to

address urgent issues without undue delay, they manage to meet the norms and regulations of international law and demonstrate their adherence to the rule of law.

The main legal and political paradox here is that none of the points mentioned above poses a problem of *ultra vires* acts. Here are some of the quite objective and inevitable consequences:

- International organizations intervene in the name of international law and sometimes assume exclusive authority over particular institutes or even territories of the sovereign states (Stahn 2008: 46);
- International organizations expansion has come to be widely viewed as lawful and necessary for the progressive development of mechanisms of international cooperation (P. 3).

So, in this context, one of the main concerns of scientific research is to dissect the interdependent and mutually conditioned process of coexistence of international law, international organizations and powerful and omnipresent political actors. In this equation, international law shapes the activities and existence of international organizations; international organizations demonstrate a tangible effect on the international law and its main trends, and political beneficiaries orchestrate the whole process to derive their profits at the expense of any of the participants of these relations.

In his book, Sinclair undertakes a profound task of researching the extension and transformation of the activities of the International Labour Organization (ILO), the World Bank and the UN which were shaped mainly by the reformist agenda of the modern Western states and their ideology of liberal governance.

Outlining the methodology of his research Sinclair justly notes that inquiring into how international law has facilitated and legitimized international organizations expansion requires an exploration of its historical context, the interaction of legal and other kinds of expertise in that process, the forms of intervention that resulted, and the effects of those interventions (P. 6).

For this purpose, the author employs rich and diversified methodological instrumentarium. He uses sociological, historical and comparative analysis of conditions and circumstances that made the expansion of international organizations possible in particular cases; scrutinizes discursive and material practices of international organizations, the rationales and techniques of power they utilize in the context of the political and historical background of their operation.

Sinclair proficiently syncretizes conceptual and empirical research, social and political auditing of international law, and demonstrate high professional capabilities not only in collecting and analyzing various data but as well in interpretation of information revealed. This book may be also viewed as a good example of identificatory legal research which connects together trends of international law modification, circumstances which caused these processes and beneficiaries of a particular law or legal provisions.

Highlighting inbuilt gaps and ambiguities in the process of international organizations growth and expansion under the keen and tactful guidance of international law, Sinclair purposefully and reasonably narrows the scope of his research by studying the

three international organizations (the International Labour Organization, the World Bank and the UN) in the limited chronological framework.

Part I of the book covers the quarter century that followed the devastations of the First World War (1919-1945) and the interwar activities of the ILO. Precisely this period, according to the author's point of view, demonstrates in the best manner how ILO grew from the modest chapter on labour in the peace treaties concluded in Paris into an autonomous organization engaged in a wide range of activities directly and indirectly connected to labour.

Part II of the book covers the two decades immediately after the Second World War (1945-1964) and focuses on the problems of collective security scheme which «fell into desuetude as Cold War tensions led to frequent exercises of the permanent member veto power on the Security Council, while the sudden and unexpected dissolution of European colonial empires significantly reshaped the work of the UN and its specialized agencies in other ways» (P. 22). In this part of the book, the author places utmost importance to the emergence of UN peacekeeping operations which soon proved to be an instrument of both decolonization and state formation.

State formation over a period of 1944-2000 and the role of the World Bank in the process of «mediation» between the promotion of decolonization and self-determination, and harnessing political activism of Third World States are covered in Part III of the book.

As Sinclair states, together, the episodes detailed in his book offer a diachronic analysis of international organizations expansion during most of the twentieth century, a period of transition from a world of empires to one of the nation-states (P. 25).

The methodological approach identified by the author empowered him to stay impartial to different political issues, that bear mere emotional contour and do not impact the analysis itself.

Through the use of coherent argumentation, Sinclair demonstrates that reformist zeal of international law is often indistinguishable from its «civilizing mission», which has consistently supplied a pretext for imperialist actions in the encounter between different peoples and cultures (Anghie 2004: 112). Moreover, as author claims, «more critical commentators have suggested that international law is itself a «part of the problem»; that it has an in-built structure that inescapably reproduces an imperialist dynamic; and that it serves as an ideological mask for powerful states and capitalist interests» (P. 6).

One way or another, Janus-faced international law can operate as a tool of repression and coercion, as an autonomous apparatus for taming and restraining the repressive tendencies of governments or to be a responsive, adaptive, and purposive instrument of social welfare as Sinclair rightly argues developing analytics of law and power. It has been truly stated in the book that all these faces or ideal types of law may operate side-by-side or in various hybrid combinations at any one time (P. 9).

Law is not a mere blessing or boon to the society, it is in parallel a multifaceted instrument which inevitably shapes and directs different forms of power disregarding

their ideological platforms – whether it is liberalism or conservatism. The main concern here is in which interests the law operates (it is a matter of common knowledge that the law cannot be impartial or serve no interests at all) and, more importantly, who benefits from its application and enforcement. I strongly agree with Sinclair's statement that law is not a single, stable, and integrated ideology or «package» of ideas and beliefs; rather, its positive content is continually constructed and contested in an ongoing and disorderly process of social interaction. This conception of law recognizes that it can be, and often is, used as an instrument of domination. In the hands of powerful actors, it disguises, naturalizes, and legitimizes the interests of power through an array of authoritative symbols, metaphors, and narratives, and through multiple, repetitive, even daily practices that shape human consciousness and identity (P. 12).

We also must be aware, that application of the law to some extent makes legal meaning plural. Here is yet another pretext for international organizations' abilities to harness the potential of international law for their purposes without the need for amendments of constituent instruments and treaties.

It is no a secret that international organizations expansion is rationalized and «sponsored» by international law for the purpose of forming and reforming modern states. In this sense, the major research question is to what extent sovereignty as a feature of any state and as a concept allows for the external powers through technical assistance, social programs, and other instruments to shape the state structure, ideology, and even consciousness and demands of the population of such «sovereign» states? In other words, what are the limits for the flexibility of sovereignty? Or, maybe, it is quite conceivable that when the statehood itself is molded in the course of «democratic» process of decolonization (or in the course of any other process with liberal connotations) the notion of sovereignty is just «not relevant» and «inapplicable». In this case, we face an issue when international community by the agency of international organizations create the Western-type state in one's own image and then «permits» this novel state to exercise so badly desired sovereignty, but to the extent, it doesn't infringe the predefined rules or practices. Otherwise, peacekeeping operations or humanitarian interventions will «help» this state to become «truly sovereign» according to the international community's point of view.

In this context, Sinclair's conclusion that liberal reform continually redefines what it means for a state to be «modern» is especially noteworthy. It can be extrapolated in a manner that state-making efforts will be constantly evolving under close observation and control of full-fledged democracies and in accordance with the most advantageous currents of their ideology.

Numerous brilliant findings and developments of Sinclair's work prove the plausibility and trustworthiness of the abovementioned assumptions and greatly contribute to the scientific value of the book.

Thus, analyzing the mission and mandate of the International Labor Organization, the author stresses that its primary objective – to effect social reform through law – entitled ILO officials to legitimize expansion of the organization through a combina-

tion of ideas and practices that linked the progressive reform of international labor standards with reform of the ILO itself (P. 38). The further pace of development resulted in a situation when «social conscience» of mankind, in reality, intruded into the internal policies of sovereign states and laws were interpreted as a mere means of social engineering. «The introduction and implementation of social insurance schemes by the ILO promoted a radical reconfiguration of relationships between states and their citizens, introducing new expectations of governmental intervention for the common good» (P. 66). Establishing the schemes like that demanded among other matters a bunch of concerted efforts that necessitated the erection of new bureaucratic apparatuses and further growth of the ILO itself.

So, we have an obvious dialectical pattern: intervention for the common good inevitably demanded the new forms of administration and these forms of administration demanded new functions and areas of responsibility for the perennially growing international institutions. ILO produced its own expansion while struggling for the common good and social insurance schemes emerged among other effective instruments that were able not only to improve labour conditions, but as well to reconfigure relationships between states and their citizens and, in such a way, they definitely eroded the meaning of sovereignty as a concept.

It is quite difficult to argue, whether these socially-oriented activities of the ILO amounted to the necessary assistance in the formation of true constitutionalism in the developing countries or it was an ill-disguised administration which severed hybrid interests of the historical West. One way or another, Sinclair's logic of reasoning demonstrates new possibilities to colonize decolonizing countries by means of such tools and instruments that are far more sophisticated than mere oppression or coercion which was exercised before. «To colonize decolonizing countries» by means of social and humanitarian interventions, administrative and technical assistance, social programs and supervision over the working environment and labour practices is a kind of disguised motto which highly probably could underpin heterogeneous interests of international organizations in general, and the interests of the ILO in particular.

The paradoxical issue here is that the aforementioned ILO's activities cannot be characterized as either good or bad. There is no and cannot be an unequivocal answer to such a complex issue. Within this framework, one of Sinclair's research merits is that he doesn't force unequivocal answers or conclusions where they are irrelevant or incongruous – he undertakes objective scientific analyses of the situation and describes heterogeneous outcomes and consequences.

The same «ambiguity of outcomes» can be found in the process of analyzing of the activities of the UN.

Sinclair justifiably argues, that «peacekeeping has become intimately identified with the core mission of the United Nations (UN), and is now seen as an inseparable part of its activities. Yet among international lawyers, there is virtual unanimity that those who negotiated and drafted the UN charter did not envisage the activi-

ties that later emerged in its practice under the rubric of «peacekeeping»» (P. 113). As Boutros Boutros-Ghali – the sixth Secretary-General of the UN put it, «peacekeeping had to be «invented» by the UN – and the genius of the Charter could accommodate it»¹.

Peacekeeping operations are of vital importance in the modern world, as surely as the new concept of sovereignty which is known as the «responsibility to protect», recognized by more than 170 states, which participated in the sixtieth session of the General Assembly of the UN (Subochev 2016). But these new «inventions» maybe with full confidence conceived as double-edged weapons which can be pointed in a wrong direction in case of one-sided or biased interpretation of a particular political or economic situation. And ambivalence in interpretations is not such an incredible practice – it takes place almost on a daily basis and is yet another objective and inevitable consequence of dialectical patterns of international order and coexistence of heterogeneous interests and powers.

Even constitutions, as Sinclair notes, always have to be interpreted and applied, and in the process, they are overlaid with precedents and conventions which change them after a time into something very different from what anyone, with only the original text before him, could possibly have foreseen (P. 123). In a related vein, the General Assembly assumed the authority to take action directly where the Security Council – the main decision-making body of the UN – was prevented from doing so because of the prolific use of the veto. In this context Sinclair analyses the mechanisms and the reasons of «Acheson Plan», later known as «Uniting for Peace», according to which the Security Council was merely circumvented because it assertedly «was unable to exercise its primary responsibility for the maintenance of peace and security because of lack of unanimity of the permanent members» (P. 133). It would have been a valid excuse if «Acheson Plan» hadn't left out of the equation the point, that veto was used by the USSR and some other countries not just for fun, but to protect the vital interests of a number of countries, who didn't consider that peacekeeping operations in a particular moment would justify their name «peacekeeping» and would bring prosperity to those who really needed it.

The book reveals many interesting facts and patterns regarding illustrative peacekeeping operation in the Congo, where ONUC (The United Nations Operation in the Congo) became entangled in the multiple spheres of internal and international conflict afflicting the Congo, which has enabled Sinclair to generalize, that peacekeeping operations do not arise from a single cause or serve a single function.

The III part of Sinclair's book is a marvelous example of scientific analysis of the World Bank activities and contains a significant number of author's original conclusions regarding its projects, objectives, and substantiation of undertaken measures and procedures.

¹ Boutros-Ghali, B. Maintaining International Peace and Security: The United Nations as Forum and Focal Point - A Speech by Boutros Boutros-Ghali, Secretary-General of the United Nations, 16 Loy. L.A. Int'l & Comp. L. Rev. 1 (1993). P. 3. Available at: <https://digitalcommons.lmu.edu/ilr/vol16/iss1/1> (accessed: 08.08.2019)

Noteworthy the author's highlighting of the corrupt practices which undercut the benefits of Bank-sponsored programs in many developing countries and which grabbed due attention only in 1995.

Quite apart from that author persuasively illustrates the fact, that very quickly after the end of the Cold War, the range of concerns addressed by the Bank widened through a variety of initiatives to embrace every conceivable aspect of social and economic development, including the apparently «political» issues of transparency, accountability, participation, corruption, and good governance generally. This «turn to governance» marks a moment at which the Bank's interventions became at once more all-encompassing and more capillary, seeking to shape and regulate the actions of states, populations, and individuals in ways both direct and indirect (P. 202). The philosophy of «development diplomacy» was, according to the author, one of the main instruments, which legitimized the World Bank's expansion and accommodated infiltration of its practices into the state-making activities.

Sinclair inspects numerous and ambivalent trends and factors which resulted in a situation that in many newly independent states outside Europe and North America, economic development became a political ideal, which aroused millions of citizens against their traditional poverty. The World Bank was happy to back these aspirations and «development diplomacy» intruded into new, unforeseeable before areas of responsibility. In this regard author usefully highlights the point that much of the Bank's growth was motivated by very specific conjunction of political circumstances. Even the World Bank's crusade against poverty which was a part of its proud history and compelling moral justification for the Bank's work shouldn't be interpreted only in the light of the struggle for more equitable international economic order. This crusade also had numerous implications and as Sinclair demonstrates, poverty and other interconnected issues such as overpopulation «provided an opening through which the World Bank could address the manifold relations between the state and society more generally» and the Bank's increasingly varied portfolio of projects aimed to modernize states through more capillary forms of intervention, too (P. 244). Moreover, over the course of time, the notion of «intervention» was substituted with more subtle «modernization» which, in its turn, became a driver of cultural, ideational and «socio-psychological» transformation. And this is one of the numerous ways of transforming intervention into the internal forces of progress and liberalization.

Sinclair also explains and substantiates, that the desire to modernize everything and everywhere which now appears as the process of globalization has its dark sides too. He is completely right arguing, that many of these dark sides appeared in the form of new (or newly noticed) transnational threats: environmental degradation, pollution, and climate change; organized criminal groups and terrorist networks and even in a «clash of civilizations» between the Judeo-Christian West and the Islamic East (P. 270).

Sinclair holds the view that law is deeply implicated in the structures and processes of international ordering and among his best and most vivid state-

ments is the following one: «My argument is that what makes international law effective is precisely this flexible, Janus-faced quality which it has developed in and through the activities of international organizations over the past century» (P. 292).

Overwatching the realities of the modern international relations, political trends, and reasoning, forms of championing and advocating of the heterogeneous and controversial interests, this bright and bold statement doesn't seem to be even the slightest exaggeration of the obvious facts.

From this perspective, Sinclair's book is one of the few truly honest pieces of research which greatly contributes to political and legal sciences.

Along with that, this fundamental work, as each and every creative writing is not free from some shortages and imperfections, which, in their turn, are of polemical character.

1. It seems obvious that widening of the chronological framework of the research till the present time (at least for the inspection of some of the eye-watering recent events and procedures) could have greatly enriched this work. The state sovereignty today has become even more a fragile concept in comparison with the recent history, and Sinclair's point of view on the issue is of big interest.

2. It is quite understandable, that Janus-faced quality which international law has developed, hasn't emerged from nowhere, as if out of the blue, and hasn't engendered legal and political consequences in a vacuum. That is why the scientific research of Sinclair lacks parallels and correlations between the growth of international organizations and specific, identifiable actors, who either inspired or animated this process (outside of the inspected international organizations) or benefited from it in any particular way. The book of Sinclair is a scientific research and not a criminal investigation but, nevertheless, more comprehensive analysis of political and financial actors associated with the patterns of development of the international organizations described, could have presented a more rounded picture of the disproportions in this sphere.

3. This book contains profound and highly professional research of state-making activities of international organizations, their influence on the sovereignty and statehood of numerous states. Nevertheless, the author doesn't reveal his position regarding the following obvious dilemma: what is more profitable and beneficial for the states in the «zone of influence» of international organizations – relative independence and self-sufficient determination of the political configuration of their countries or sacrificing their sovereignty for the sake of modernization and the benefits it promises? This is a complex and ambiguous question, but the context of Sinclair's work sometimes demands response for it.

4. There is every reason to believe that Sinclair unsealed modus operandi of numerous global political actors and their true face. Nevertheless, he pays scarce attention to generalization and classification of ways and means of political and legal manipulation.

Sinclair's research is a real storehouse of methods and devices of legal and political manipulation, but this precious factual information definitely needs further systematization and extrapolation.

Regardless of the polemical issues mentioned above, the book of Sinclair is an independent, creative, profound and challenging scientific research.

About the author:

Vitaly V. Subochev – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.
E-mail: vvsubochev@mail.ru.

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Alvarez J.E. 2005. *International Organizations as Law-Makers*. Oxford: Oxford University Press.
- Anghie A. 2004. *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge University Press.
- Stahn C. 2008. *The Law and Practice of International Territorial Administration*. Cambridge University Press. Pp. 830. P. 46.
- Subochev V.V. 2016. The Concept «Responsibility to Protect» as a Form of Existence of Positive Legal Responsibility in International Law. *Legal Thought*. No. 3 (95). P. 139-144.